

Ministry of Science and Higher Education
of the Republic of Kazakhstan

Akhmet Yassawi
University

NATIONAL ACADEMY
OF SCIENCES
UNDER THE PRESIDENT OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

КАЗАХСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ

ҰЛТТЫҚ
КІТАПХАНАСЫ

ОРТАЛЫҚ АЗИЯНЫҢ ТАРИХИ ГЕОГРАФИЯСЫ: УАҚЫТ, КЕҢІСТІК, ЖАДЫ

II Халықаралық конференция материалдарының жинағы

HISTORICAL GEOGRAPHY OF CENTRAL ASIA: TIME, SPACE, AND MEMORY

II International Conference Proceedings Book

3 маусым
June 2025

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ ЖОҒАРЫ БІЛІМ МИНИСТРЛІГІ**

**ҚОЖА АХМЕТ ЯСАУИ АТЫНДАҒЫ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ
ҚАЗАҚ-ТҮРІК УНИВЕРСИТЕТІ**

ЕУРАЗИЯ ҒЫЛЫМИ-ЗЕРТТЕУ ИНСТИТУТЫ

**«ОРТАЛЫҚ АЗИЯНЫҢ ТАРИХИ ГЕОГРАФИЯСЫ:
УАҚЫТ, КЕҢІСТІК, ЖАДЫ»**

**II Халықаралық конференция
материалдарының жинағы**

Алматы, 3 маусым 2025

**«HISTORICAL GEOGRAPHY OF CENTRAL ASIA:
TIME, SPACE, AND MEMORY»**

**II International Conference
Proceedings Book**

Almaty, 3 June 2025

УДК 913(063)
ББК 63.218
072

Баспаға Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университетінің Ғылым комитетінің шешімімен (22.09.2025 ж. № 01 хаттамасы) ұсынылды.

Редакторлар:

Суат Бейлур,
Алмас Жүнісбаев,
Альбина Муратбекова,
Өмірбек Қанай

Компьютерде өңдеген және дизайнер:

Марат Мусабеков

ERI Books No: 45

ISBN: 978-601-339-451-0

© Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті
Еуразия ғылыми-зерттеу институты (ЕҒЗИ), 2025 (баспа және электронды)

© Khoja Akmet Yassawi International Kazakh-Turkish University,
Eurasian Research Institute (ERI), 2025 (print and electronic)

Алмалы ықшам ауданы, М. Мәметова 48, 050004, Алматы, Қазақстан
Тел: +7 (727) 308 06 05, Факс: +7 (727) 338 43 33
www.eurasian-research.org • info@eurasian-research.org

072 «Орталық Азияның тарихи географиясы» атты II Халықаралық конференция материалдарының жинағы. Алматы: Еуразия ғылыми-зерттеу институты, 2025. 350 с.

ҚР Ғылым және жоғары білім министрілігінің ЖТН BR21882416 «Орталық Азияның тарихи географиясы» мақсатты-бағдарламалық қаржыландыруы бойынша өткен (2025 ж. 3 маусым, Алматы) II Халықаралық конференция материалдарының жинағы.

Бұл кітаптың барлық баспа құқығы Еуразия ғылыми-зерттеу институтына тиесілі. Қысқаша кіріспе үзінділерді қоспағанда, кітапты толықтай немесе белгілі бір бөлігін Институттың жазбаша рұқсатынсыз кез келген жағдайда басып шығаруға немесе көбейтуге, сондай-ақ, электрондық, механикалық, фотокошірме, жазба немесе басқа қандайда бір нұсқамен басып жариялауға немесе басып шығаруға болмайды.

Жинақтағы пікірлер авторлардың жеке көзқарасы болып, Институттың ұстанымын білдірмейді.

МАЗМҰНЫ | CONTENT

АЛҒЫС СӨЗ / FOREWORD / PREFACE / INTRODUCTION	7
I. ҚАЗІРГІ ТАРИХИ ГЕОГРАФИЯ ЖӘНЕ ЖАҢА ПЕРСПЕКТИВАЛАР / I. CONTEMPORARY HISTORICAL GEOGRAPHY AND EMERGING PERSPECTIVES	
Куляш Каймулдинова, Думан Алиаскаров. «Орталық Азия» түсінігінің географиялық астарлары мен кеңістік шегаралары	15
Дулатбек Кыдырбекулы. Политическая география стран Центральной Азии: геополитические вызовы 2020 годов	29
Анора Тогаева. Из истории проектирования и строительства Ташкентско-Оренбургской железной дороги	41
Еркін Стамшалов. 1920-жылдардағы Батыс Қытай мен Кеңестік Ресейдегі шегаралық бекіністердің қызметі	51
II. ТАРИХИ ГЕОГРАФИЯНЫ ҚАЛПЫНА КЕЛТІРУ: ДЕРЕККӨЗ ТӘСІЛІ / II. RECONSTRUCTING HISTORICAL GEOGRAPHY: A SOURCE-BASED APPROACH	
Наргис Ходжаева. О границе между Ираном и Тураном по зороастрийским источникам и «Шахнаме»	61
Тахмина Бостанова. Историческая география Мавераннахр по сведениям «Шахнаме» Фирдоуси	71
Алмат Абсаликов. Место и время смерти Урус-хана в контексте тюрко- персидских источников, картографических и топонимических данных	79
Davronbek Olimjonov. Ethnic settlement geography in medieval Central Asia (based on the materials of «Baburname»)	89
Улугбек Олимов. Понятия Турана и Туркестана в историографии арабских государств и вопрос о его территории	97
III. ОРТАЛЫҚ АЗИЯНЫҢ КАРТОГРАФИЯСЫ ЖӘНЕ КАРТОГРАФИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР / III. CARTOGRAPHY AND MAPPING OF CENTRAL ASIA	
Азим Маликов. Хорезм в европейской картографии XVII–XIX вв.	111
Нигора Рахимджанова. Путь из Туркестана в Мекку: изменения на историческом маршруте (конец XIX – начало XX вв.)	125
Ернур Рахимов. Восточный Казахстан в контексте решения «Джунгарского вопроса» в 1750–1760 гг. (на примере Тарбагатая)	139

IV. ТАРИХИ ГЕОГРАФИЯ ЖӘНЕ ТАРИХИ-МӘДЕНИ МҰРАНЫ ҚАЙТА ПАЙЫМДАУ / IV. HISTORICAL GEOGRAPHY AND HERITAGE INTERPRETATION

Mahya Tooranpoor, Ahad Nejad Ebrahimi. Numerical and geometric systems in the Timurid period: a case study of the dome of the mausoleum of Khoja Ahmad Yasawi	159
Samineh Nikpour, Ahad Nejhad Ebrahimi. Comparative study of hypothetical designs of the Rab-e Rashidi and its bed morphology after geophysical studies and explorations until 2025	179
Ахрорбек Азизов. Историческая география традиционных игр на примере стрельбы из лука: историко-антропологический анализ исторических источников	195
Одил Зарипов. Торговые пути и география торговых отношений Бухарского ханства с Китаем в XVI–XIX вв.	205
Марат Каппасов. Караванный (извозный) промысел в Казахстане в конце XIX – начале XX вв.	219
Ayumi Shigenobu. The transmission and reception of Western Goddess iconography in East Asia	233

V. ОРТАЛЫҚ АЗИЯНЫҢ ЭТНИКАЛЫҚ ЖӘНЕ ЛИНГВИСТИКАЛЫҚ ГЕОГРАФИЯСЫ, ТАРИХИ ТОПОНИМИЯСЫ / V. ETHNIC AND LINGUISTIC GEOGRAPHIES, HISTORICAL TOPONYMY OF CENTRAL ASIA

Рахмонали Шарифов. Прародина языка дари Афганистана (на примере бактрийской надписи из «Сурх-Котала»)	245
Рахмоил Сафаров. Идентичность карлукской ономастики Центральной Азии (от Алтая до Хорасана и Мавераннахра)	251
Мурат Шолахов. Этническая география Улуса Джучи в европейской историографии	265

VI. ОРТАЛЫҚ АЗИЯНЫҢ ТАРИХИ ГЕОГРАФИЯСЫНДАҒЫ ЕСТЕ САҚТАУ, СӘЙКЕСТІЛІК ЖӘНЕ КЕҢІСТІК / VI. MEMORY, IDENTITY, AND SPACE IN CENTRAL ASIAN HISTORICAL GEOGRAPHY

Abdullah Yakşi. An evaluation on the religious, social and economic life of Artuç during the Karahanid period	279
Галина Каримова. Сакральные пространства Таджикистана – эволюция духовных координат (из древности к исламу)	289
Boroldoi Chuluunbat Mynkhubayar. On the issue of placing religious temples, cities and settlements on the maps of Renata A and B	303

VII. ЖАҢА ТЕХНОЛОГИЯЛАР: ДЕРЕККӨЗДЕРІ, ӘДІСТЕРІ ЖӘНЕ GIS ҚОЛДАНБАЛАРЫ / VII. EMERGING TECHNOLOGIES: SOURCES, METHODS AND GIS APPLICATIONS

Bekir Kapukaya, Nebiye Musaoğlu. An interactive map depicting the historical geography of Central Asia	317
Гузал Шарипова. Новые технологии: источники, методы и приложения ГИС на примере «Яшил макон» («Зеленое пространство»)	333
Жанар Өзгелдинова, Жандос Мұқаев. Алакөл алабының ландшафттық әртүрлілігін геоақпараттық компоненттік талдау және ArcGIS арқылы картографиялау нәтижелері	339

FOREWORD

Historical geography, situated at the intersection of history, geography, archaeology, and the digital humanities, offers the conceptual and methodological tools to understand how space, power, culture, and mobility have shaped societies across time. The II International Conference “Historical Geography of Central Asia”, held in Almaty on June 3, 2025, marked a meaningful advance in scholarly dialogue on a subject with enduring global relevance. By recovering spatial dynamics and reconstructing landscapes of memory, it helps us interpret both regional trajectories and broader Eurasian connections that continue to matter today.

In recent years, Kazakhstan’s academic community has demonstrated growing interest and capacity in this field, developing research programs that bring together archival sources, fieldwork, and geospatial technologies. We also share this commitment and value scholarship that links cultural heritage, historical space, and contemporary understanding, and we encourage approaches that are both rigorous and open to innovation.

Within this national and institutional landscape, works carried out by the Eurasian Research Institute’s state-funded project BR21882416, “Historical Geography of Central Asia” occupies a distinguished place. Its work exemplifies how historical geography can integrate textual traditions, material culture, cartographic records, and GIS-driven analysis to generate new knowledge, and build collaborative networks across the region and beyond. The present proceedings embody this vision, offering a selection of studies that highlight methodological diversity, international collaboration, and rigorous engagement with historical sources.

Looking ahead, we expect research in historical geography to expand its impact through responsible use of digital tools, deeper engagement with primary materials, and continued collaboration among universities, archives, and research centers. Such efforts will not only enrich academic debate but also contribute to public understanding of Central Asia’s past and its significance in the wider world.

I warmly congratulate our colleagues, editors, and contributors for their commitment and academic rigor, and I extend heartfelt gratitude to the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, whose support through the grant program BR21882416 made possible both the “Historical Geography of Central Asia” project and the successful realization of this conference.

Dr. Janar Temirbekova
Rector of Khoja Akhmet Yassawi
International Kazakh-Turkish University

Алғысөз

Тарих, география, археология және цифрлық гуманитарлық ғылымдардың тоғысында орналасқан тарихи география қоғамдардың кеңістік, күш, мәдениет және ұтқырлық арқылы уақыт бойынша қалай қалыптасқанын түсіну үшін концептуалдық және әдістемелік құралдар ұсынады. 2025 жылғы 3 маусымда Алматыда өткен «Орталық Азияның тарихи географиясы» II Халықаралық конференциясы жаһандық өзектілігі бар тақырып бойынша ғылыми диалогтың маңызды ілгерілеуін көрсетті. Кеңістік ырғағын қалпына келтіріп, жад пейзаждарын қайта құру арқылы конференция аймақтық траекторияларды түсінуге, сондай-ақ бүгінгі күнде үлкен маңызға ие болып отырған Еуразиялық байланыстарды кеңірек талдауға мүмкіндік берді.

Соңғы жылдары Қазақстанның академиялық қоғамдастығы архив деректері, далалық зерттеулерді және геокеңістіктік технологияларды біріктіретін зерттеу бағдарламаларын әзірлеу арқылы осы салаға қызығушылық пен әлеуеттің артып келе жатқанын көрсетті. Біз де мәдени мұра, тарихи кеңістік және заманауи түсініктерді байланыстыратын осы міндеттемелер мен құндылықтарды құп көріп, инновациялық әрі ашық тәсілдерді қолдаймыз.

Осы ұлттық және институционалдық аяда Еуразия ғылыми-зерттеу институтының мемлекеттік қаржылық қолдауымен жүзеге асырылып жатқан BR21882416 «Орталық Азияның тарихи географиясы» жобасы ерекше орын алады. Жоба тарихи географияның мәтіндік дәстүрлерін, материалдық мәдениетті, картографиялық жазба ескерткіштерін және ГАЖ негізіндегі талдауды біріктіру арқылы жаңа білімдер құруға және аймақтық және халықаралық деңгейде бірлескен зерттеу желілерін қалыптастыруға мүмкіндік беретінін көрсетеді. Қазіргі зерттеулер әдіснамалық әртүрлілікті, халықаралық ынтымақтастықты және тарихи деректермен терең жұмыс жүргізуді көрсететін зерттеулер таңдауларын ұсына отырып, осы көзқарасты толық қамтиды.

Болашаққа қарап, тарихи географиядағы зерттеулер цифрлық құралдарды жауапкершілікпен қолдану, бастапқы материалдармен тереңірек жұмыс жасау және университеттер, архивтер мен ғылыми орталықтар арасындағы үздіксіз ынтымақтастық арқылы өз әсерін кеңейтеді деп күтеміз. Мұндай күш-жігер тек академиялық пікірталастарды байытып қана қоймай, сонымен қатар қоғамға Орталық Азияның өткені мен оның әлемдік маңыздылығын тереңірек түсінуге жол ашады.

Әріптестерімізге, редакторларымызға және үлес қосқан барша белсенді тұлғаларға олардың адалдығы мен академиялық қажырлылығы үшін шын жүректен алғыс айтамын. Сонымен қатар, BR21882416 «Орталық Азияның тарихи географиясы» гранттық бағдарламасы арқылы жобаны жүзеге асыруға және конференцияның сәтті өтуіне қолғабыс көрсеткен Қазақстан Республикасының Ғылым және жоғары білім министрлігіне шынайы ризашылығымды білдіремін.

Жанар Темірбекова, PhD
Қожа Ахмет Ясауи Халықаралық қазақ-түрік университетінің
ректоры

PREFACE

The II International Conference “Historical Geography of Central Asia” is an important scholarly event devoted to understanding how space, society, and culture have interacted across centuries in one of Eurasia’s most consequential regions. Historical geography at the intersection of history, geography, archaeology, and the digital humanities helps clarify how borders were formed, routes evolved, and identities were shaped, and why these processes still matter for today’s scholarship and public understanding. Now held for the second time, this conference has become an important academic milestone, reaffirming the Institute’s dedication to strengthening Central Asian studies and situating them within broader regional and global scholarly conversations.

Lately, Kazakhstan’s academic community has expanded research in historical geography through archival work, field investigations, and geospatial analysis. Eurasian Research Institute of Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University advances this national effort with the state-funded initiative BR21882416 “Historical Geography of Central Asia.” The project’s emphasis on sources, cartography, heritage, identity, and GIS methods has given the conference program its breadth and coherence. The present volume draws on that framework and is organized into seven chapters, each highlighting a key research direction.

In the first chapter, *Contemporary Historical Geography and Emerging Perspectives*, contributors reassess the very contours of “Central Asia,” mapping its geographic underpinnings and spatial limits while situating the region within the geopolitical challenges of the 2020s. They also revisit the making of transcontinental connectivity most notably the Tashkent–Orenburg railway and examine border fortifications between Western China and Soviet Russia in the 1920s as indicators of shifting security regimes and spatial reordering.

The following chapter, *Reconstructing Historical Geography: A Source-Based Approach*, focuses on textual traditions in dialogue with cartographic and toponymic data. Here, classic questions are reopened with fresh evidence: the place and time of Urus Khan’s death; the conceptual frontier of Iran and Turan in Zoroastrian and epic sources; the historical geography of Mawara al Nahr through the *Shahnameh*; the ethnic settlement patterns documented in the *Baburname*; and the evolving meanings of Turan and Turkestan across Arab-Islamic historiography. Together, these papers show how rigorous source criticism sharpens and refines spatial history.

The third chapter, *Cartography and Mapping of Central Asia*, turns attention to how maps made the region legible to broader worlds. Case studies explore Khorezm in seventeenth–nineteenth-century European cartography, the Aral Sea as a shifting historical-geographical object in European and Russian mapping of the sixteenth–eighteenth centuries, and the changing pilgrimage route from Turkestan to Mecca at the turn of the nineteenth–twentieth centuries revealing how routes, coasts, and centers were imagined, surveyed, and reimaged.

The fourth chapter, *Historical Geography and Heritage Interpretation*, foregrounds tangible and intangible heritage. It includes a geometric and numerical analysis of the dome of the Khoja Akhmet Yassawi mausoleum, comparative work on Rab e Rashidi after recent geophysical explorations, a historical-anthropological view of archery as a traditional game, assessments of caravan trade and the Bukhara–China commercial sphere,

and the eastward transmission of Western goddess iconography. Together, these studies illuminate the diverse cultural ecosystems of Eurasia.

The fifth chapter, *Ethnic and Linguistic Geographies; Historical Toponymy of Central Asia*, reads space through language and names. Studies address the homeland of Dari through the Surkh-Kotal inscription, the identity markers embedded in Karluk onomastics from the Altai to Khorasan and Mawara al Nahr, and the interpretation of the ethnic geography of the Ulus of Jochi in European historiography. These contributions underscore how ethnolinguistic evidence anchors and clarifies spatial reconstructions.

The sixth chapter, *Memory, Identity, and Space in Central Asian Historical Geography*, explores the spatial organization of religious, social, and economic life from Artuç in the Karakhanid period to sacred spaces in Tajikistan, and to the placement of temples, cities, and settlements in Mongolian mapping traditions. These works show how landscapes became repositories of collective memory and identity, deeply entwined with spiritual and cultural life.

In the final chapter, *Emerging Technologies: Sources, Methods, and GIS Applications*, the focus shifts to methodological innovation. The studies presented here highlight an interactive map of Central Asia's historical geography, new GIS pipelines and data sources (such as Yashil makon / "Green Space"), and ArcGIS-based component analyses of the Alakol basin. This closing section exemplifies how digital tools expand evidence bases, enable reproducibility, and open new avenues for collaborative research and teaching.

Taken together, the proceedings book illustrates the guiding premise of this conference: that careful work with sources, maps, heritage, and language when complemented by modern geoinformatics yields a clearer and more integrated picture of Central Asia's past. At the same time, they remind us that historical geography is not only about reconstructing physical space but also about interpreting cultural encounters, economic linkages, and symbolic landscapes that have shaped the region for centuries. By bridging traditional scholarship with innovative technologies, the research presented here demonstrates how the study of Central Asia continues to evolve in ways that serve both national academic traditions and global research agendas. In this respect, the proceedings highlight the enduring relevance of historical geography and provide a foundation for future inquiry, collaboration, and dialogue. It is with this conviction that we present the current volume to our readers.

I would like to extend my sincere thanks to the authors, reviewers, and editors who made this publication possible. This collection was prepared under the state program BR21882416 "Historical Geography of Central Asia," supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan. I hope this book serves as a lasting academic resource and inspires further exploration of Central Asia's past and its future significance.

Assoc. Prof. Dr. Suat Beylur
Director, Eurasian Research Institute
Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University

Алғысөз

«Орталық Азияның тарихи географиясы» II Халықаралық конференциясы – Еуразияның ең маңызды аймақтарының бірінде кеңістік, қоғам және мәдениеттің ғасырлар бойы өзара әрекеттескенін түсінуге арналған айтулы ғылыми іс-шара. Тарих, география, археология және цифрлық гуманитарлық ғылымдардың қиылысындағы тарихи география шегаралардың, маршруттардың және бірегейліктердің қалай қалыптасқанын және бұл үдерістердің бүгінгі ғылым мен қоғамдық түсінік үшін неге маңызды екенін анықтауға көмектеседі. Екінші рет өткізіліп отырған бұл конференция маңызды академиялық белеске айналып, институттың Орталық Азияны зерттеуді нығайтуға деген ынта-талпынысын растап қана қоймай, конференция кеңірек аймақтық және ғаламдық ғылыми талқылаулар аясында орналастыруға өз үлесін қосты деп сенеміз.

Соңғы жылдары Қазақстанның академиялық қоғамдастығы тарихи география саласындағы зерттеулерді архивтік ізденістер, далалық зерттеулер және геокеңістіктік талдаулар арқылы кеңейтті. Қожа Ахмет Яссауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университетінің Еуразия ғылыми-зерттеу институты BR21882416 «Орталық Азияның тарихи географиясы» мемлекеттік қаржыландыруымен осы ұлттық бастаманы ілгерілетіп жатыр. Жоба дереккөздерге, картографияға, мұраға, бірегейлікке және ГАЗ әдістеріне ерекше назар аударуы конференция бағдарламасының кеңдігі мен үйлесімділігінен көрінеді. Назарға ұсынылып отырған жинақ осы негізге сүйене отырып дайындалған және әрбір тарауы негізгі зерттеу бағытын көрсететін жеті бөлімнен тұрады.

«Қазіргі тарихи география және жаңа көзқарастар» атты бірінші тарауда авторлар «Орталық Азия» ұғымының географиялық контурын қайта қарастырып, оның географиялық негіздері мен кеңістіктік шегараларын картаға түсіреді, аймақты 2020-жылдардағы геосаяси сын-қатерлер аясында орналастырады. Сонымен қатар, трансконтиненттік байланыстардың қалыптасуын қайта талдап, әсіресе Ташкент-Орынбор темір жолын және 1920 жылдардағы Батыс Қытай мен Кеңестік Ресей арасындағы шегаралық бекіністерді қауіпсіздік режимдерінің ауысуы мен кеңістікті қайта құрудың көрсеткіштері ретінде қарастырады.

Келесі тарау «Тарихи географияны қайта құру: дереккөзге негізделген тәсіл» картографиялық және топонимикалық деректермен диалогта мәтіндік дәстүрлерге назар аударады. Мұнда классикалық мәселелер жаңа дәлелдермен қайта ашылады: Ұрыс ханның қайтыс болған орны мен уақыты; зороастризм және эпостық деректердегі Иран мен Тұранның концептуалды шекарасы; Шахнама арқылы Мәуереннаһрдың тарихи географиясы; Бабырнамада жазылған этникалық қоныстану үлгілері; араб-ислам тарихнамасында Тұран мен Түркістанның дамып келе жатқан мағыналары. Бұл зерттеулер бірігіп, деректерді сыни талдау арқылы кеңістік тарихын қайта қалпына келтіруге атсалысады.

«Орталық Азияның картографиясы және картографиялық бейнеленуі» атты үшінші тарауда карталардың аймақты әлемдік қауымға қалай көрнекі еткенін талдау қарастырылады. Зерттеулерде XVII–XIX ғасырлардағы Еуропалық картографиядағы Хорезм, XVI–XVIII ғасырлардағы Еуропа мен Ресей карталарындағы Арал теңізінің тарихи-географиялық нысан ретінде өзгеруі, XIX–XX ғасырларда Түркістаннан Меккеге

хадж жолы маршруты қарастырылады. Бұл арқылы жолдар, жағалау және орталықтар қалай елестетілгені, зерттелгені және қайта ой елегінен өткізілгені айқындалады.

«Тарихи география және мұраны түсіндіру» атты төртінші тарауда материалдық және рухани мұра туралы сөз қозғалады. Онда Қожа Ахмет Яссауи кесенесі күмбезінің геометриялық және сандық талдауы, соңғы геофизикалық зерттеулерден кейін Раб-е-Рашидиге қатысты салыстырмалы жұмыс, садақ атудың дәстүрлі ойын ретіндегі тарихи-антропологиялық көзқарасы, керуен саудасы мен Бұқара-Қытай сауда саласына баға беру, Батыс діндеріндегі құдай ана бейнелерінің шығысқа таралуы қамтылған. Бұл зерттеулер Еуразияның мәдени экожүйелерін ашады.

«Этностық және тілдік географиясы» атты бесінші тарау Орталық Азияның тарихи топонимикасын, кеңістігін тіл мен атаулар арқылы тануға арналған. Зерттеулер Сурх-Кетал жазбасы, Алтайдан Хорасан мен Мәуереннаһрге дейінгі қарлұқ ономастикасына енген бірегейлікті және еуропалық тарихнамадағы Жошы Ұлысының этникалық географиясының түсіндірмесі арқылы Даридің атамекеніне жүгінеді. Бұл зерттеулер этнолингвистикалық деректердің кеңістіктікті қайта қалпына келтіру талпыныстарының қалай іске асқандығын көрсетеді.

«Орталық Азия тарихи географиясындағы жад, тұлға және кеңістік» атты алтыншы тарауда Қараханидтер дәуіріндегі Артучтан Тәжікстандағы киелі кеңістіктерге дейінгі діни, әлеуметтік және экономикалық өмірдің кеңістікте ұйымдасуы, моңғол карта жасау дәстүрлеріндегі ғибадатханалар, қалалар мен елді мекендердің орналасуы зерделенеді. Бұл еңбектер рухани және мәдени өмірмен терең тоғысқан ұжымдық жады мен бірегейліктің қорына айналғанын айғақтайды.

«Жаңа технологиялар: дереккөздер, әдістер және ГАЖ қолдану» атты қорытынды тарауда әдістемелік инновацияларға назар аударады. Мұнда ұсынылған зерттеулер Орталық Азияның тарихи географиясының интерактивті картасын, жаңа ГАЖ-тізбектер мен дереккөздерін (мысалы, Yashil makon / «Жасыл кеңістік») және ArcGIS негізіндегі Алакөл бассейнінің құрамдас талдауларын көрсетеді. Бұл қорытынды бөлім цифрлық құралдардың дәлелдемелік негіздерді қалай кеңейтетінін, қайталануға мүмкіндік беретінін және бірлескен зерттеулер мен оқытудың жаңа жолдарын ашатынын көрсетеді.

Жинақ конференцияның негізгі ұстанымдарын білдіреді: деректермен, карталармен, мәдени мұрамен және тілмен мұқият жұмыс жасау заманауи геоинформатикамен толықтырылғанда, Орталық Азияның өткенінің айқын және интеграцияланған бейнесін ашып көрсетеді. Сонымен қатар, тарихи география тек физикалық кеңістікті қайта құрумен шектелмей, аймақты ғасырлар бойы қалыптастырған мәдени тоғысуларды, экономикалық байланыстарды және символдық ландшафттарды түсінуге септігін тигізеді. Дәстүрлі ғылымды инновациялық технологиялармен біріктіру арқылы ұсынылған зерттеу Орталық Азияны танудың ұлттық академиялық дәстүрге және жаһандық ғылыми күн тәртібіне сәйкес дамып келе жатқанын көрсетеді. Бұл жинақ тарихи географияның өзектілігін көрсетеді және болашақ зерттеу, ынтымақтастық және диалог үшін негіз береді. Дәл осы сеніммен жинақты оқырмандар назарына ұсынып отырмыз.

Осы басылымның шығуына себепкер болған авторларға, рецензенттерге және редакторларға шынайы алғысымызды білдіргіміз келеді. Бұл жинақ Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің қолдауымен BR21882416 «Орталық Азияның тарихи географиясы» мемлекеттік бағдарламасы бойынша дайындалды. Конференция материалдарының жинағы академиялық ресурс ретінде Орталық Азияның өткені мен оның болашақтағы маңыздылығын одан әрі зерттеуге шабыттандырады деп үміттенеміз.

ассоц. проф., доктор Суат Бейлур
Еуразия ғылыми-зерттеу институтының директоры
Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті

**I. ҚАЗІРГІ ТАРИХИ ГЕОГРАФИЯ ЖӘНЕ
ЖАҢА ПЕРСПЕКТИВАЛАР**

**I. CONTEMPORARY HISTORICAL GEOGRAPHY AND
EMERGING PERSPECTIVES**

«ОРТАЛЫҚ АЗИЯ» ТҮСІНІГІНІҢ ГЕОГРАФИЯЛЫҚ АСТАРЛАРЫ МЕН КЕҢІСТІК ШЕГАРАЛАРЫ

Күләш КАЙМУЛДИНОВА ¹ (ORCID ID 0000-0001-7352-5586)

Думан АЛИАСКАРОВА ² (ORCID ID 0000-0002-7628-1246)

^{1,2}Абай атындағы ҚазҰПУ

Алматы, Қазақстан

¹k.kajmuldinova@abaiuniversity.edu.kz

²d.aliaskarov@abaiuniversity.edu.kz

Аңдатпа. Бұл мақалада Александр фон Гумбольдт, Ю. Клапрот, Ф. Рихтгофен, И. Мушкетов, П. Кован, П. Дуарте және Т. Б. Зерттеуші-ғалымдардың тарихи-географиялық, картографиялық еңбектеріне сүйене отырып, «Орталық Азия» түсінігінің қалыптасу үдерісі түрлі көзқарастар тұрғысынан талданады. Бұл ұғымның тұжырымдық-түсіндірмелік негізін жасауда, анықтамасын беруде аумақтың географиялық, тарихи, мәдени-өркениеттік, геосаяси ерекшеліктері басшылыққа алынады.

Жалпы, Орталық Азия аймағы – сан ғасырдан бері біртұтас геосаяси және рухани кеңістік ретінде қалыптасқан, табиғи ресурсы мен адам капиталы мол, мәдени-тарихи мұраға бай өңір. Орталық Азия кеңістігі сан алуан империяның құрылғанына, ыдырағанына, саяси және экономикалық модельдердің табиғи жолмен дамығанына куә болды, бірақ өзіне тән бірегейлігін сақтап қалды.

Бүгінгі «Орталық Азия» – Шығыс пен Батыс арасындағы бәсекелестік кеңістігі ғана емес, державалар арасындағы байланыстырушы буын ретіндегі стратегиялық позицияға ие, маңызды мүдделер тоғысындағы геосаяси аймақ. Орталық Азияға қатысты түсініктерді, тұжырымдарды зерделеу, еңбектерді талдау аймақты жаңа қырынан тануға, аймаққа қатысты зерттеулерді жүйелеуге, кеңістік тұрғысынан мәселелерді ұғынуға мүмкіндік береді.

Мерзімді баспасөз беттерінде және ғылыми әдебиетте «Орта Азия» (Middle Asia), «Ішкі Азия» (Inner Asia) және «Орталық Азия» (Central Asia) атауларына қатысты сұрақтар туындап тұрады. Тіпті, ғылыми ортада ғалымдардың да өзара пікір қайшылықтары кездесіп, түсіндірмелік тұжырымдар берілген. Бұл терминдердің пайда болу және қолдану тарихы шолу жасауға лайықты.

Мақалада, шолу барысындағы тұжырымдар, географиялық терминдерге берілген түсініктемелер, аймақтың географиялық сипаттамасы мен кеңістік шегараларына қатысты деректер жүйеленіп ұсынылады.

Түйін сөздер: Ішкі Азия, Орта Азия, Орталық Азия, тарихи-географиялық аймақ, кеңістік шегара.

GEOGRAPHICAL FOUNDATIONS AND SPATIAL BOUNDARIES OF THE CONCEPT OF «CENTRAL ASIA»

Kulyash KAIMULDINOVA¹, Duman ALIASKAROV²

^{1,2}*Abai Kazakh National Pedagogical University
Almaty, Kazakhstan*

¹*k.kajmuldinova@abaiuniversity.edu.kz*

²*d.aliaskarov@abaiuniversity.edu.kz*

Abstract. This article examines the formation of the concept of «Central Asia» from various scholarly perspectives, drawing on the historical-geographical and cartographic works of researchers such as Alexander von Humboldt, J. Klaproth, F. Richthofen, I. Mushketov, P. Cowan, P. Duarte, and others. In defining and clarifying the conceptual and terminological framework, the geographic, historical, cultural-civilizational, and geopolitical characteristics of the region are taken into account.

In general, the Central Asian region is a territory that has evolved over many centuries as a unified geopolitical and spiritual space, rich in cultural and historical heritage, endowed with abundant natural resources and human capital. The space of Central Asia has witnessed the rise and fall of numerous empires, the natural development of diverse political and economic models, yet has managed to preserve its unique identity.

Contemporary Central Asia is not only a field of rivalry between East and West but also a strategically significant region that serves as a bridge between global powers and a focal point of intersecting interests. Analyzing academic works, concepts, and approaches related to Central Asia makes it possible to view the region from a new angle, systematize existing research, identify spatial patterns, and deepen the understanding of territorial issues.

Questions regarding the use of the terms «Middle Asia», «Inner Asia» and «Central Asia» frequently arise in scholarly literature and the media. Even within the academic community, disagreements exist concerning the interpretation and application of these terms. The history of their emergence and usage warrants a thorough review.

This article presents a systematization of the findings obtained in the course of this review, offers explanations of geographical terminology, and examines the spatial characteristics and geographic boundaries of the region.

Keywords: Inner Asia, Middle Asia, Central Asia, historical and geographical region, spatial boundaries.

Кіріспе

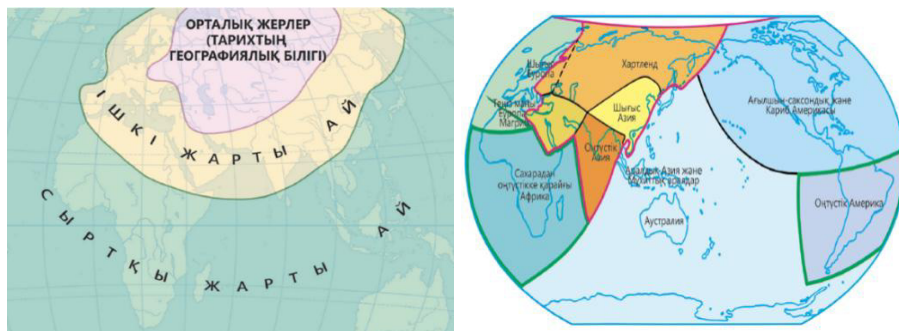
Мерзімді баспасөз беттерінде, академиялық ортада және ғылыми әдебиетте «Орта Азия» (Middle Asia) және «Орталық Азия» (Central Asia) ұғымдарына қатысты түрлі сұрақтар жиі туындап тұрады. Тіпті, ғылыми ортада ғалым-зерттеушілер арасында пікір қайшылықтары кездесіп, түрлі түсіндірмелік тұжырымдар беріліп жатады. Осы себептен, бұл терминдердің пайда болуы және қолдану тарихы қысқаша шолу жасау жөн.

Бүгінгі Орталық Азия – сан ғасырдан бері біртұтас геосаяси және рухани кеңістік ретінде қалыптасқан, табиғи ресурсы мен адам капиталы мол, мәдени-тарихи мұраға бай аймақ. Мұндағы көшпелі және отырықшы өмір салтының үндестігі шаруашылық жүйенің негізі болып қана қоймай, аймақтың өзіндік саяси-құқықтық мәдениетін және кез келген өзгеріске бейімдігімен, төзімділігімен ерекшеленетін құндылықтар жиынтығын қалыптастыруға ықпал етті. Орталық Азия кеңістігі сан алуан империяның құрылғанына, ыдырағанына, саяси және экономикалық модельдердің табиғи жолмен дамығанына куә бола тұрып, өзіне тән бірегейлігін сақтап қала алды. Халықтарымыз ежелден түрлі өркениетпен тіл табысып, қарым-қатынас орната білді. Соның арқасында бұл аймақ өзінің этномәдени және рухани ерекшелігін сақтай отырып, Ұлы Жібек жолының және тұтастай алғанда үлкен Еуразияның тарихында шешуші рөл атқарды (Тоқаев, 2024).

Орталық Азияның географиялық орны – оның геосаяси жағдайын ерекшелейді. Бұған тарих беттері куә. Бұл – Шығыс пен Батыс арасындағы бәсекелестік кеңістігі ғана емес, державалар арасындағы байланыстырушы буын ретіндегі стратегиялық позицияға ие, маңызды мүдделер тоғысындағы геосаяси аймақ. Еуразиялық континенттің өзегінде орналасуы және Қытай, Еуропа Одағы, Үндістан, Жапония және Ресей сияқты бірнеше сенімді және серпінді экономикаларды байланыстырушы маңызды буын (OECD, 2011). Орталық Азияның экономикалық әлеуеті мен геостратегиялық орналасуы, біртіндеп әлемдік экономикадағы маңызын арттыруда (Khwaja, 2003: 7).

Орталық Азия тек Еуразияның ғана емес әлемдік экономикалық, дипломатиялық және саяси байланыстарды жүзеге асыруда маңызы бар аймақ. Оның халықаралық аренадағы рөлін бірнеше факторлармен сипаттауға болады: 1) географиялық орны (Еуразиядағы батыс пен шығысты, солтүстік пен оңтүстікті байланыстырушы кеңістік); 2) табиғи ресурстары мен қазба байлықтары (мұнай мен газдың, түсті және сирек кездесетін металдардың мол қоры); 3) көпвекторлы геосаяси ұстанымдары (державалар арасындағы байланыстырушы буын ретіндегі стратегиялық позицияға ие, маңызды мүдделер тоғысындағы геосаяси аймақ); 4) тарихы, мәдениеті (сан алуан империяның құрылуы, гүлденуі, ыдырауы т.т. көшпелі және отырықшы өмір салтының үндестігі).

Әлемдік дәрежедегі саяси қайраткерлер мен ғалымдар да Орталық Азияның маңызына өз еңбектерінде ерекше мән береді. Британдық географ, саясаткер, әрі геосаясат ғылымының негізін қалаушылардың бірі – Х. Маккиндер «Тарихтың географиялық кіндігі» (The Geographical Pivot of History, 1904) еңбегінде «Heartland» теориясын негіздейді (Mackinder, 1904). Бұл теориялық еңбекте қазіргі Орталық Азия, Шығыс Еуропа және Сібір аймақтарын әлемдік мүдделер тоғысының орталық жерлері ретінде сипаттап, олар арқылы өзге аймақтарға ықпал етуге болатынына назар аударады (1А-сурет). Әлемдік геосаясаттың тағы бір белгілі өкілі америкалық географ С. Коэн «Бөлінген әлемдегі география және саясат» (Geography and Politics in a Divided World, 1963) атты танымал еңбегінде әлемді теңіздік және құрлықтық геостратегиялық салаларға бөліп, геосаяси аймақтарды анықтайды (Cohen, 1963) (1Б-сурет). Бұл аймақтар дамудың әртүрлі кезеңдерінде энергия ағындарымен, қозғалыстармен, тауарлармен, капиталдармен, адамдармен және идеялармен байланысты өзгеріске ұшырауы мүмкін. Коэннің геосаяси аудандастыруында Орталық Азия орналасқан аумақ Heartland (орталық жер) ретінде сипатталып, құрлық-мұхиттық байланыстар дихотомиясында ерекше рөлге ие екенін көруге болады.

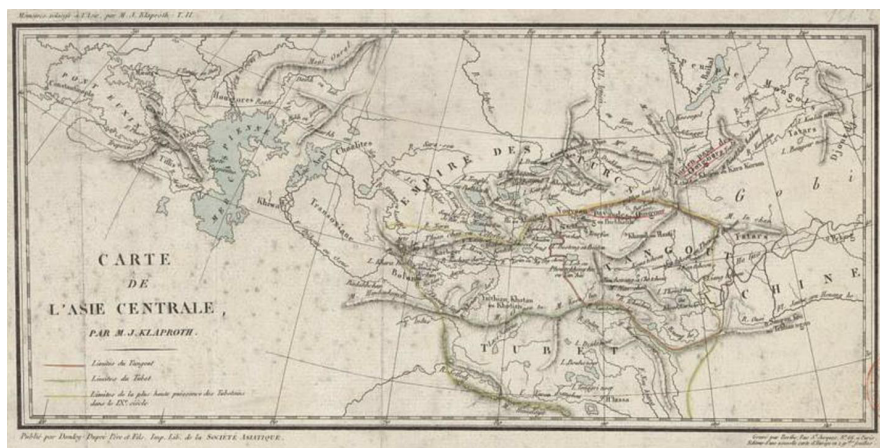

1-сурет. Әлемдік геосаяси аудандастырудағы Орталық Азияның маңызы.

А) Х.Маккиндердің геосаяси аудандастыруы Б) С.Коэннің геосаяси аудандастыруы

Жалпы, «Орталық Азия» түсінігін әртүрлі көзқарастар тұрғысынан қарастыруға болады. Әдетте, бұл ұғымды анықтауда аумақтың географиялық, тарихи, мәдени-өркениеттік ерекшеліктері басшылыққа алынады. Дегенмен, қай қырынан қарағанына байланысты Орталық Азияның шегаралары да әртүрлі анықталады. Қазіргі ұжымдық санаға, сондай-ақ саяси және ғылыми лексикаға XIX ғасырдың басынан бері еніп келе жатқан Орталық Азия атауы Ұлы Жібек жолы мен таңғажайып ортағасырлық қалалардан бастап қазіргі заманғы бес тәуелсіз мемлекет пен Арал теңізінің экологиялық апатына дейінгі көптеген қарама-қайшы ассоциацияларды тудырады.

Географиялық тұрғыдан Орталық Азияны әлемдегі жеке аймақ ретінде 1834 жылы Александр фон Гумбольдт анықтаған деп есептеледі. Орыс геологы И.В. Мушкетов Гумбольдтің оған дейін де айтылып жүрген осы аймақтың атауына қатысты сіңірген еңбегін «ол өзіне дейінгілермен салыстырғанда бұл атауға неғұрлым айқын мағына берді» деп бағалады (Мушкетов, 1915: 3). Дегенмен, Гумбольдтің өзі бұл ұғымның айқындалуына Ю. Клапроттың «Asia rotundior» (Көптілді Азия) және «Tableaux historiques de l'Asie» (Азияның тарихи суреттері) еңбектері ерекше үлес қосқанын атап көрсеткен, сонымен қатар соңғы еңбектегі шағын картаға Asie centrale деген атпен бұрын жіктелмеген жаңа аймақтың түсірілгені туралы жазады (Гумбольдт, 1837) (2-сурет).

2-сурет. Ю. Клапрот (Julius Klaproth, 1783-1835) еңбектеріндегі Орталық Азияның картасы (Carte de l'Asie centrale, 1828).

Ю. Клапрот картасында Орталық Азияның батыс шегарасын Каспий теңізімен қоса алғанда, оған құятын бірнеше ірі өзендер (Еділ, Жайық, Ембі, Аракс) мен тау жоталары (Кавказ, Орал) қамтылып, шығыс шегарасы Гоби шөліне дейін созылады. Солтүстік шегарасы ретінде Ертіс, Енисей, Ангара өзендері аралығындағы далалық жазықтар мен Байкал көлі бейнеленген. Ал, оңтүстік шегарасын ішкі Азияның биік таулы аймағы Гималай жоталарына дейінгі аумақты көрсетеді. Картада ерекше түстермен тибеттіктер мен таңғұттардың және XIX ғасырдағы тибеттіктердің шегараларын ерекшелеп көрсетеді. Картада географиялық нысандар жеткілікті, әрі нақты бейнеленген. Мысалы, Тянь-Шань, Гиндукуш, Кунь-Лунь, Алтай мен Тарбағатайдың тау жоталары, Әмудария, Сырдария, Іле, Сарысу, Талас, Нарын, Ақсу, Хотандария, Қашқадария, Селеңгі, Онан т.б. өзендер, Арал, Балқаш, Алакөл, Жайсан, Ыстықкөл, Лобнор және т.б. көлдер, Алмалық, Хиуа, Қара-қорым, Бадахшан, Ақсу, Қашқар, Хотан, Тұрпан сияқты қалалар көрініс тапқан. Картадан Орталық Азия аумағының негізін түркі халықтарының мекен еткен ортасы – Түркі империясы (Empire Des Turcs) алып жатқанын аңғаруға болады.

Шындығында да, XIX ғасырдың басында жарияланған құнды еңбектері арқылы Ю. Клапрот Орталық Азияның түсінігі мен номенклатурасына елеулі үлес қосты. Оның еңбегі, әсіресе 1823 жылы «Asia potyglotta» кітабы география және этнографияны байланыстырған керемет тәжірибеге айналып, халықтар мен олар мекен еткен аймақтың байланыстары ашылды, осының арқасында ғалым Орталық Азияның өзіндік бір аймақ ретіндегі концептуалды негізін құрады (Klaproth, 1823). Клапроттың атластары Адриано Балбидің атластарымен бірге тілдер мен мәдениеттерді жіктеуге жаңа көзқарасты көрсетті. Бұл өз кезегінде Орталық Азияның географиялық түсінігіне әсер етіп, оны кеңірек тарихи және мәдени деректермен байланыстырды (Solleveld et al., 2020).

Клапроттың зерттеулері мен ғылыми еңбектері өз заманындағы академиялық ортамен, әсіресе шығыстану мәнмәтінімен тығыз байланысты (Klaproth, 1823; Klaproth, 1826). Оның Шығыс және Орталық Азияның географиясы мен тарихын зерттеумен айналысқан Шиллинг фон Канштадт сияқты замандастарымен хат алмасуы осы кезеңдегі зерттеулердің бірлескен сипатын көрсетеді (Walravens, 2019). Бұл зияткерлік орта басқа зерттеушілердің Орталық Азияны неғұрлым тереңірек түсінуіне ықпал етті, ол бұрын көбінесе оның көршілес аймақтарымен, соның ішінде Монғолиямен және Қытайдың кейбір бөліктерімен байланысы арқылы қарастырылған (Cowan, 2007; Lioubimtseva et al., 2009).

Ішкі Азияның рельефі мен географиялық орны туралы толыққанды сипаттама неміс географы К. Риттердің «Жертану» (Erdkunde) еңбегінде көрініс тапқан. Бұл еңбек 6 бөлімнен тұрады: 1. Африка (1822 ж.); 2. Шығыс Азия (1818–1836); 3. Батыс Азия (1837–1844); 4. Арабия (1846–1847); 5. Синай түбегі (1847–1848); 6. Кіші Азия (1850–1852). Оның жетекшілігімен жарияланған Азия Атласының (Atlas von Asien: zu C. Ritter's allgemeiner Erdkunde) карталары сериясында «Биік Азия» картасы (Берлин, 1833 ж.) бейнеленіп, онда Ішкі Азия (Inner Asia) ауқымды географиялық аумақ ретінде көрсетілген (Риттер, 1833) (3-сурет).

3-сурет. К. Риттер «Азия Атласы» еңбегіндегі «Биік Азия» картасы, Берлин, 1833 ж.

К. Риттер Ішкі Азияны (немесе Орта Азияны) Орталық Азия, Иран, Түркістан және Арал-Каспий облысының бір бөлігін қамтитын аймақ деп санады. Ол географияны өзара байланысты жүйе ретінде қарастырып, мұнда әр аймақ денедегі орган сияқты басқалармен өзара әрекет жасайтынын негіздейді. Оның түсінігінде, Ішкі Азия түбектер мен ойпаттардан бөлек, Тибеттің бір бөлігін қоса алғандағы таулы және үстіртті аумақтарды да қамтитынын алға тартады.

«Орталық Азия» терминінің түсінігі уақыт өткен сайын өзгеріп отырды. Түрлі ғалымдар оның географиялық шегаралары мен мәдени мәні төңірегінде пікірталасқа түсті. Мысалы, ресейлік және батыс әдебиетіндегі «Орта Азия» мен «Орталық Азия» арасындағы айырмашылық аймақтың өзіндік ерекшелігіне және оның тарихи контексттердегі рөліне қатысты әртүрлі көзқарастарды көрсетеді (Lioubimtseva et al., 2009). Клапроттың қосқан үлесі бұл дискурста маңызды рөл атқарды, өйткені ол аймақтың тілдік және мәдени әртүрлілігіне баса назар аударатын, осылайша Орталық Азиядағы академиялық диалогты байытатын негізді қамтамасыз етті (Solleveld et al., 2020; Cowan, 2007).

XIX ғасырдың басында Ферғана мен Қоқанға барған сапары жайлы орыс саяхатшысы Ф. Назаров 1821 ж. Санкт-Петербургте «Записки о некоторых народах и землях средней части Азии Филиппа Назарова, Отдельного Сибирского Корпуса переводчика, посланного в Кокант в 1813 и 1814 годах» кітабын жариялаған болатын (Назаров, 1968). Бұл кітаптың атауы мен мазмұнында Азияның орта бөлігі туралы айтылған. Кейінгі зерттеушілер Назаровтың бұл атауды өз ойынан алуы мүмкін деп топшылады, өйткені ол латын, неміс немесе француз тілдерінде жариялаған еуропалықтар мен ресейлік ғалымдардың еңбектерімен таныс болмаған деген пікірге саяды (Горшенина, 2019: 10). Назаров айналымға енгізген «Азияның орта бөлігі» деген сөз

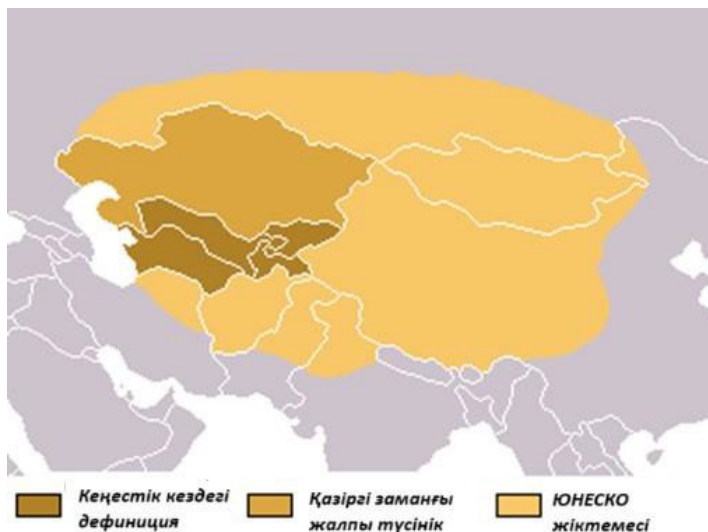
тіркесі тез арада орыс ғылыми ортада Орта Азия ұғымына айналып, осы кезеңде жарық көрген еңбектерде бұл ұғым кеңінен тарала бастады.

1820 жылы Бұқарада А. Негри жетекшілік еткен дипломатиялық экспедицияда болған Е.К. Мейендорф әртүрлі карталар мен ғылыми еңбектерде Татария (басқа ғалымдарда – Тартария) аталып келген аумақтың жергілікті халықтары әртүрлі болғандықтан оның атауы сәйкес келмейтініне назар аударды. Оның пікірінше, Татария деп аталуының да себебі мұндағы халықтардың барлығын жалпылап, «татарлар» деп атаудың өзі жаңсақ түсінік. Мейендорф Азияның орталық бөлігін алып жатқан бұл аумақты Орта Азия деген атаумен алмастыру географиялық тұрғыдан неғұрлым дәл және дұрыс болатынын атап көрсетті. Ғалым Орта Азия деп Ертіс, Алтай, Тарбағатай, Мұзтау, Белур, Гиндикуш пен Гаур таулары және Каспий теңізінің шығыс жағалауы, Орал мен қазақ даласының солтүстік шегаралары аралығында орналасқан аймақты атаған (Мейендорф, 1975: 60).

«Орталық Азия» ұғымын географиялық тұрғыда сипаттаған ғалымдардың бірі – неміс географы Ф. Рихтгофен, ол бұл аймақтың басты ерекшелігі «тұйық су алаптарының ауданы» екендігі деп атап көрсетті (Шань-дунь & Цзя-чжоу, 1899). Бұл туралы кейіннен орыс зерттеушісі В. Сиверс өзінің 1908 жылы жарық көрген «Азия» еңбегінде былай деп жазды: «Тек Фердинанд фон Рихтгофен ғана Азия құрлығының гидрографиялық деректеріне сүйене отырып, дүниенің бұл бөлігін (Орталық Азия – авторлар) дұрысырақ бөлген және айтпақшы, Орталық Азия ұғымына дәлірек анықтама берген. Қытай туралы эссесінде ол Орталық Азияны материктің ішкі бөлігінің тұйық кеңістіктері, «ежелгі ағынсыз су алаптарының қосылған континенттік аймағы» деп атайды және бұл кеңістіктің шегарасын оңтүстіктегі Тибеттің оңтүстік шеті деп санайды» (Сиверс, 1908: 450).

Дегенмен, Рихтгофеннің анықтамасымен онша келіспеген орыс геологы И.В. Мушкетов орасан зор кеңістікті алып жатқан осы аймақты Орта Азия деп атады. Ғалым оның өзіне тән ерекшеліктерге ие екендігін, яғни «өзіне ұқсамайтын кең-байтақ құрлықтың ортасында жатқан жеке материк тәрізді» деп сипаттап, бұл аймақты сол кездің өзінде ерекше географиялық терминдермен (Биік Татария, Ішкі Азия, Орта Азия, Орталық Азия, Биік Азия, Таулы-қыратты Азия) атайтыны туралы жазған (Мушкетов, 1915: 2). И.В. Мушкетов болашақта Азияны неғұрлым тереңірек зерттелген кезде егжей-тегжейлі бөлуге болатынын, бірақ дәл сол кез үшін оны географиялық тұрғыдан Шеткі (перифериялық) Азия және Ішкі (немесе Орта) Азия деп тек екі негізгі бөлікке ғана бөлуге болатынын, ал «Орталық Азия» термині Рихтгофен берген мағынасында қала беретінін атап көрсеткен (Гумбольдт, 1837: 10).

Орталық Азияның әлемдік деңгейдегі қазіргі заманғы рөлі оның Азиядағы басқа тарихи-географиялық аймақтармен тең дәрежеде идентификациялануымен және екіншіден өркениет тарихындағы айрықша орнымен сипатталады. Тіпті кейбір зерттеушілер Орталық Азияның ежелден келе жатқан бай тарихының құпиялары шын мәнінде әлі ашылып болмағандығын ескере отырып, оны еуразиялық және дүниежүзілік тарихтағы жетіспейтін буын деп таниды (Frank, 1992). Осы күнге дейінгі аймақтың кеңістік қамтылуын қазіргі кезде 3 топқа бөлуге болады (4-сурет).

4-сурет. Орталық Азияның шегаралары (Центральная Азия, 2024).

Мысалы, ЮНЕСКО-ның анықтамасында бұл кеңірек қарастырылып: Қазақстан, Өзбекстан, Қырғызстан, Тәжікстан, Түрікменстан, Шыңжаң-Ұйғыр автономиялық ауданы және Ішкі Моңғолия (ҚХР), Моңғолия, Тибет, Бурятия, Тыва, Таулы Алтай, Байкал маңы ауданы, Кашмир, Ауғанстан, Иранның солтүстік-шығысы – Хорасан провинциясын қамтиды.

«Брокгауз және Эфрон энциклопедиялық сөздігінде» (1900 ж.) «Орта Азия» туралы географиялық термин ретінде түсініктеме берілген. Авторлар, немістің атақты ғалымы А. Гумбольдт бұл аймақты Азия құрлығының ішкі бөлігі ретінде қарастырғанын алға тартады. (Энциклопедический словарь, 1900: 351). Оның солтүстік пен оңтүстік аралығындағы географиялық орны ретінде 49 ½° с.е. – 39 ½° с.е. аралығындағы аумақ, ал батысы Каспийден басталып шығыстағы Гиндукуш пен Памир тауларына дейінгі ұлан-ғайыр аумақ Орта Азияға негіз болатыны айтылады.

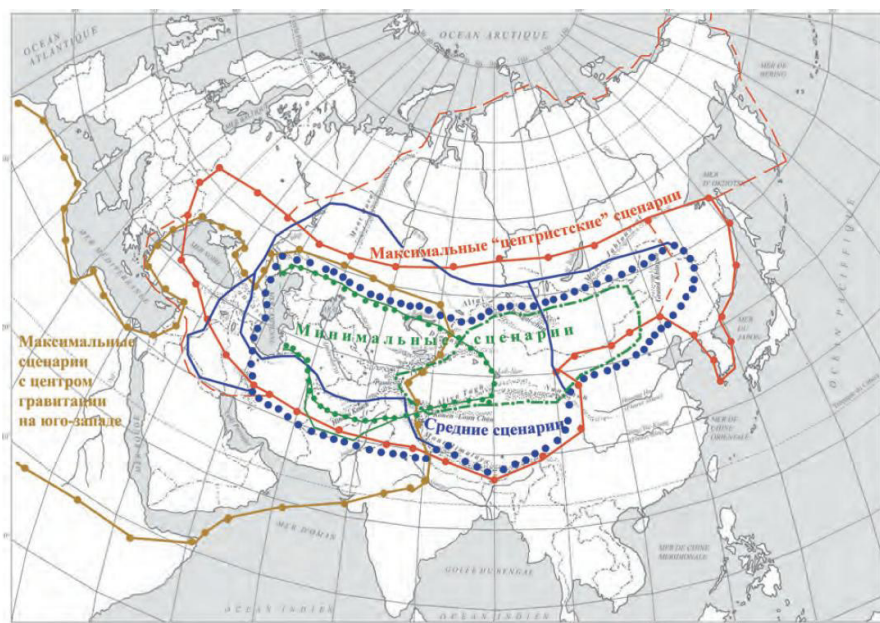
«Орталық Азия» терминінің қазіргі кезде, әсіресе XX ғасырдың 90-жылдарынан бері жақын және алыс шетелдерде посткеңестік бес республикаға қатысты қолданыла бастағанымен, ресейлік (кеңестік) шығыстану дәстүріне сәйкес Қазақстан, Монғолия, Қытай (Шыңжаң-Ұйғыр автономиялық ауданы, Ішкі Монғолия), Ресей (Алтай, Тыва, Хакасия, Бурятия Республикалары, ішінара Иркутск және Чита облыстары) аумақтарына қатысты атауды жөн көреді (Ламажаа, 2013: 100). Аталған дәстүрде Қазақстан мен Орта Азия табиғаты жөнінен бөлек географиялық аумақтар ретінде жіктелетін. Өйткені бірнеше ғасыр бойы қалыптасқан географиялық көзқарас шеңберінде Орталық Азия (Түркістан) және сәйкесінше Қазақстан ірі табиғи-географиялық аймақ – Орталық Азияның құрамдас бөлігі болып саналды (Гарбузарова, 2020: 552).

Қазіргі қолданысында «Орталық Азия» концепті кеңестік дәуірдің әдебиеттерінде бөлек географиялық аумақтар ретінде қарастырылған Қазақстан мен Орта Азияны біріктіреді. Өйткені «Орталық» сөзі «Орта» сөзімен салыстырғанда аймақты ажырату және сонымен бірге оның Азияның басқа аймақтары арасындағы географиялық орнын көрсету үшін дұрысырақ деп есептеледі (Алексеева и др., 2024). Орталық Азияның қазіргі бес мемлекет енетін аумақтың шегарасындағы саяси аймақ ретінде анықталуы тарихи заңдылық ретінде қабылданады (Таджиев, 2023: 143).

«Орта Азия» және «Орталық Азия» ұғымының қолданыс аясына қатысты академиялық ортада әлі де келіспеушіліктер бар. Ю.С. Бискэ мен Д.В. Севастьянов «Куда исчезает Средняя Азия?» (2003: 62-65) деген еңбегінде «Орта Азия» ұғымының қолданыстан шығып бара жатқанына алаңдаушылықтарын білдіреді. Кеңес Одағының ыдырауына байланысты саяси картада жаңа мемлекеттердің пайда болуы, «Орталық Азия» (Центральная Азия) ұғымын ғылыми және ақпараттық кеңістікте танымал еткенін алға тартады. Олардың пікірінше: «Орта Азия (Средняя Азия) географиялық карталарда, географиялық сипаттамалар тілінде, университеттің ғылыми мектебінің тілінде, осылар арқылы халықтың, оның ішінде жаңа диаспораның тілінде қалуы керек», – деген ой айтады.

Жалпы, Орта және Орталық Азия тұжырымдамасына қатысты көлемді зерттеу жүргізген ғалымдардың бірі ретінде С. Горшенинаның еңбегін (Горшенина, 2019) ерекше атап өткен жөн. Ол өз еңбегінің кіріспе бөлімін «Империялардың тоғысуындағы: құрлықтың орталығын қалай атауға болады?» деген сұрақтан бастайды. Зерттеудің 1-бөлімінде Орталық Азияның пайда болуы (XVIII ғасырдың аяғы – 1810-1820 жж.) мәселелерін қарастырады. Ресейде Орталық Азия және Түркістан терминдерінің енуіне қатысты мәселелерді түсіндіреді. Сонымен қатар, Ю. Клапроттың орыс тіліндегі Орта Азия терминін француз тілінде сөйлейтін әлемге енгізудегі рөлі туралы баяндайды. 2-бөлімде Орта / Орталық Азия тұжырымдамаларын енгізу және географиялық детерминизм (1840-1880) мәселесіне көңіл аударады. Бұл бөлімді талқылауда Орталық Азияның белгілі натуралист ғалымы Александр фон Гумбольдттің көзқарасын, оның Ресейге, құрлықтың ішкі бөлігіне саяхаты барысындағы тұжырымдарын, көп деңгейлі терминология мен шегараларды белгілеу мәселелерін, оның теориялық ой-тұжырымдарының әсерін талдайды. Неміс географиялық мектебінің көрнекті өкілі Ф. фон Рихтгофеннің «Орталық-Периферия» тұжырымы, энциклопедиялардағы Орталық Азия түсінігінің кеңістіктік шегарасы, К. Риттердің жертану бағытындағы еңбектерінен саяси география мен геосаясатқа дейінгі талқылаулар, Э. Реклю мен Дж. Маккиндердің Жердің орталық аймағы ретіндегі тұжырымдары талданады.

С. Горшенина жалпы осы мәселеге қатысты тұжырымдарды пәнаралық байланыс негізінде талдай отырып, Орта және Орталық Азия ұғымының кеңістіктік шегараларын анықтауға тырысады және оны бірнеше сценарий түріндегі схемалық көрінісін ұсынады (5-сурет). Автор 4 негізгі сценарийді карта бетіне түсіреді: 1) минималды (жасыл түспен берілген); 2) орташа (қою көк түспен берілген); 3) максималды «орталықтандырылған» (қызыл түспен берілген); 4) оңтүстік-батыстан орталыққа тартылатын максималды. Минималды сценарий – батысы Каспий теңізінен басталып, шығысы Батыс Қытайға дейін, солтүстігі Бетпақдала, Балқаш көлінен, оңтүстіктегі Гималай, Тибет сияқты ірі тау жоталарының аралығын қамтитын кеңістік. Орташа сценарий – батысы Каспий теңізінен басталып, шығысы Гоби шөлі мен Үлкен Хинган тауларына дейін, солтүстігі Сарыарқадан, оңтүстіктегі Иран таулы қыраты арқылы, Гиндукуш, Гималай тау жүйесіне дейінгі аралықты қамтыған. Максималды «орталықтандырылған» сценарий – батысы Қара теңіз бен оның солтүстігіндегі Шығыс Еуропа жазығынан басталып, құрлықтың шығысындағы Сары теңіз, Шығыс Қытай теңізі, Оңтүстік Қытай теңізіне дейінгі шектес аумақтарын қамтитын, солтүстігі Батыс Сібір жазығының оңтүстік бөлігі, Алтай тау жүйесі мен Байкал көлдерінен, оңтүстіктегі Иран таулы қыраты арқылы, Гиндукуш, Гималай тау жүйесіне дейінгі ұлан-ғайыр кеңістік. Оңтүстік-батыстан орталыққа тартылатын максималды сценарий – Еуразияның оңтүстік-батысы мен оның шектес аумағындағы Солтүстік Африка елдері, солтүстік-батысы Жерорта теңізімен шектесетін, оңтүстігі Ливия шөлі арқылы Араб түбегін толық қамтитын, оңтүстік-шығысы Иран таулы қыраты арқылы, шығыстағы Памир, Тянь-Шань, Тарбағатай тауларына келіп тірелетін кеңістік.

5-сурет. Қазіргі Орта / Орталық Азия тұжырымдамаларының схемалық көрінісі.

(С.М. Горшенина бойынша) (Горшенина, 2019: 100).

Автор келтірген ұстаным Орта / Орталық Азияның маңыздылығын мойындаудан бас тартуды білдірмейді. Бұл аймақтың немесе оның жеке құрамдас бөліктерінің түркі, иран, үнді, тибет, моңғол, қытай және ресейлік әлемдерімен дәстүрлі байланысын көрсетеді. Әсіресе, Орталық Азия болып аталуы – жер аумағының Еуразия құрлығының ортасында орналасуына және бұл елдердің тарихы, діні мен тілі, салт-дәстүрлері мен әдет-ғұрпы, мәдениеті мен шаруашылығындағы жақындықтар, ұқсастықтардың көп болуына байланысты.

Қорытындылай келе, қазіргі кезде Орталық Азия ұғымы өзінің географиялық ерекшеліктерімен, тарихи маңызымен және өзгермелі саяси ландшафтымен айқындалатын аймаққа қатысты қолданылады. Орталық Азияның кеңістік шегаралары геосаяси тұрғыда посткеңестік 5 республиканы (Қазақстан, Өзбекстан, Қырғыз Республикасы, Тәжікстан мен Түрікменстан) қамтыса, тарихи-географиялық аймақ ретінде, аймақтың бай мәдени мұрасы экономикалық және стратегиялық ресурстармен біріктіріліп, аймақтық және жаһандық контексттерде оның рөлін қалыптастыруды жалғастыруда.

Деректер:

Cohen, Saul B. (1963) «Geography and Politics in a World Divided», Naval War College Review. Vol. 16: 1, Article 6. <https://digital-commons.usnwc.edu/nwc-review/vol16/iss1/6>

Cowan, P. (2007). Geographic usage of the terms Middle Asia and Central Asia. Journal of Arid Environments. 69(2): 359–363. <https://doi.org/10.1016/j.jaridenv.2006.09.013>

Frank Andre Gunder (1992). The Centrality of Central Asia. Bulletin of Concerned Asian Scholars. 24:2: 50–74. <https://doi.org/10.1080/14672715.1992.10412984>

Klaproth J. (1823). Asia polyglotta. Paris, A. Schubart.

Klaproth J. (1826). Mémoires Relatifs a L'asie. Paris: Dondey-Dupré.

Lioubimtseva, E., Henebry G.M. (2009). Climate and environmental change in arid Central Asia: Impacts, vulnerability, and adaptations. Journal of Arid Environments. Volume 73, Issue 11: 963–977. <https://doi.org/10.1016/j.jaridenv.2009.04.022>.

Mackinder H.J. (1904). «The geographical pivot of history», Geographical Journal. 23: 421–437.

Solleveld, F. Klaproth, Balbi and the Language Atlas. (2020). History of Linguistics 2017: Selected papers from the 14th International Conference on the History of the Language Sciences, (ICHoLS 14). Paris, 28 August – 1 September. Edited by Émilie Aussant and Jean-Michel Fortis. Studies in the History of the Language Sciences, 127: 81-100. <https://doi.org/10.1075/sihols.127.06sol>

Walravens, H. (2019). Schilling von Canstadt and his correspondence with Julius Klaproth in the Iom. Written Monuments of the Orient. 5(2): 105–143. <https://doi.org/10.17816/wmo25895->

Алексеева Н.Н., Иванова И.С. Средняя или Центральная Азия? <https://geo.1sept.ru/article.php?ID=200302804>. (қаралу күні: 15.05.2024)

Бискэ Ю.С., Севастьянов Д.В. (2003) Куда исчезает Средняя Азия? Вестник СПбГУ. Сер. 7, Вып. 3 (№23): 62–65.

Гарбузарова Е.Г. (2020). Геополитические подходы к исследованию понятия «Центральная Азия». Проблемы постсоветского пространства. 7(4): 550-558. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-550-558>

Горшенина С.М. (2019). Изобретение концепта Средней / Центральной Азии: между наукой и геополитикой. Перевод с французского М.Р. Майзульса. Вашингтон: Программа изучения Центральной Азии, Университет Джорджа Вашингтона.

Гумбольдт А. (1837). Путешествие барона Александра Гумбольдта, Эренберга и Розе, в 1829 году по Сибири и к Каспийскому морю. Санкт-Петербург: Типография Леонтья Снегирева и К.

Ламажаа Ч.К. (2013). К вопросу о национальном характере народов Центральной Азии. Культура и общество. №3: 99–108.

Мейендорф Е.К. (1975). Путешествие из Оренбурга в Бухару. Москва. 181 с.

Мушкетов И.В. (1915). Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным собранным во время путешествия с 1874 по 1880 гг. Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича. Т. 1, Ч. 1.

Назаров Ф. (1968). Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. Москва: Наука. Риттер К. (1833). Северо-восток и юг Высокой Азии. Азия География в отношении природы и истории человечества, или общая сравнительная география, как надежная основа изучения и преподавания физических и исторических наук. Т. 3, Б. 2. <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/234890>

Сиверс В. (1908). Азия / Пер. со 2-го перераб. нем. изд. Г.Г. Генкеля, под ред. проф. Харьк. ун-та А.Н. Краснова. Санкт-Петербург: типография книжного товарищества «Просвещение».

Таджиев Ш.Ш. (2023). Центральная Азия в условиях трансформации мирового порядка: методологические и концептуальные подходы. Ташкент: «Complex Print».

Тоқаев Қ.К. (2024). Орталық Азия ренессансы: орнықты даму және өркендеу жолы. 8 тамыз. <https://www.akorda.kz/kz/ortalyk-aziya-renessansy-ornykty-damu-zhane-orkendeu-zholy-1272146>

Шань-дунъ и Цзя-чжоу. (1899). Извлечения изъ сочиненія Рихтгофена. Сборникъ географических, топографическихъ и статистическихъ матеріаловъ по Азіи. Выпускъ LXXIV. Санкт-Петербург, Экономическая типо-литография.

Центральная Азия. Три варианта границ региона. https://ru.wikipedia.org/wiki/Central_Asia_borders.png (қаралған күні 17 тамыз, 2024) Энциклопедический словарь (1900). Т. XXXI: София – Статика / Издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Санкт-Петербург: Типография АО «Издательское дело», Брокгауз–Ефрон.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПОДТЕКСТЫ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ГРАНИЦЫ ПОНЯТИЯ «ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ»

Куляш КАЙМУЛДИНОВА¹, Думан АЛИАСКАРОВ²

^{1,2}КазНПУ имени Абая

Алматы, Казахстан

¹k.kajmuldinova@abaiuniversity.edu.kz

²d.aliaskarov@abaiuniversity.edu.kz

Аннотация. В данной статье на основе историко-географических и картографических трудов таких исследователей, как А. фон Гумбольдт, Ю. Клапрот, Ф. Рихтгофен, И. Мушкетов, П. Кован, П. Дуарте и др., рассматривается формирование понятия «Центральная Азия» с различных научных позиций. При разработке понятийно-терминологического аппарата, а также при определении и уточнении значений термина учитываются географические, исторические, культурно-цивилизационные и геополитические особенности региона.

В целом, регион Центральной Азии – это территория, которая на протяжении многих столетий формировалась как единое геополитическое и духовное пространство, обладающее богатым культурно-историческим наследием, значительными природными ресурсами и человеческим потенциалом. Центральная Азия стала свидетельницей создания и распада множества империй, естественного развития различных политических и экономических моделей, но при этом сумела сохранить собственную идентичность.

Современная Центральная Азия – это не только арена соперничества между Востоком и Западом, но и стратегически важный регион, играющий роль связующего звена между мировыми державами и являющийся точкой пересечения различных интересов. Изучение научных трудов, понятий и подходов, связанных с Центральной Азией, позволяет взглянуть на регион с новой стороны, систематизировать исследования, выявить пространственные закономерности и углубить понимание территориальных проблем.

В научной литературе и периодических изданиях периодически возникают вопросы относительно наименований «Средняя Азия» (Middle Asia), «Внутренняя Азия» (Inner Asia) и «Центральная Азия» (Central Asia). Даже в академической среде существует разногласие между учеными относительно их трактовки и применения. История возникновения и использования этих терминов заслуживает отдельного анализа.

В статье систематизируются выводы, сделанные в рамках проведенного обзора, приводятся пояснения к географическим терминам, а также рассматриваются географические характеристики региона и данные, касающиеся его пространственных границ.

Ключевые слова: Внутренняя Азия, Средняя Азия, Центральная Азия, историко-географический регион, пространственные границы.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ 2020-Х ГОДОВ

Дулатбек КЫДЫРБЕКУЛЫ¹

*¹Кафедра медиакоммуникаций и истории Казахстана
Международный университет информационных технологий
Алматы, Казахстан
doulatbek3@hotmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются исторические аспекты изменения границ в Центральной Азии. С распадом СССР в 1991 году образовались новые государства в этом регионе. В советский период внешние границы региона были установлены в ходе демаркации. Границы между странами региона сохранились по периметру, установленные советским руководством. Территориальная целостность и нерушимость границ являются первыми факторами национальной и региональной безопасности. Политическое и экономическое давление со стороны мировых геополитических игроков требует как объединение усилий стран региона, так и решение межгосударственных проблем между ними. В обстановке общей глобальной нестабильности, вызванной российско-украинской войной регион испытывает внешние угрозы. Территориальная целостность и безопасность региона Центральной Азии зависит как от наличия вооруженных сил, так и эффективности дипломатических ресурсов.

Ключевые слова: геополитика, геоэкономика, геоэкология, граница, торговля, миграция, безопасность.

POLITICAL GEOGRAPHY OF CENTRAL ASIAN COUNTRIES: GEOPOLITICAL CHALLENGES IN 2020S

Dulatbek KYDYRBEKULY¹

*¹Department of Media Communications and History of Kazakhstan
International University of Information Technologies
Almaty, Kazakhstan
doulatbek3@hotmail.com*

Abstract. In this article there are considered the historical aspects of border changes in the Central Asian region. The collapse of USSR in 1991 caused the appearance of new states in this region. During the Soviet period the external borders of the region were established through demarcation. The borders between countries of the region have been preserved along the perimeter established by the Soviet leadership. Territorial integrity and inviolability of the borders are primary factors of national and regional security. The political and economic pressure by global geopolitical players demands both the unification of efforts by countries of the region and the resolution of interstate problems between them. In situation of general global instability caused by the Russian-Ukrainian war the region experiences external threats. The territorial integrity and security of the Central Asian region depends on both the presence of armed forces and the effectiveness of diplomatic resources.

Keywords: geopolitics, geo-economy, geo-ecology, boundary, trade, migration, security

С распадом СССР в 1991 году образовались новые государства. Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан – эти бывшие советские республики после распада громадной империи в мировой географии были объединены в регион под названием Центральная Азия из республик Средней Азии и Казахстана. Прежняя советская формулировка Средняя Азия и Казахстан официально была заменена на Центральная Азия. Прежде Центральной Азией называлась Монголия и прилегающие к ней территории, но после 1991 года они стали частью Восточной Азии. С официальным признанием независимости со стороны стран мирового сообщества, каждая страна самостоятельно стала проводить внешнюю политику и только спустя 30 лет независимого развития страны Центральной Азии приняли решения на региональную интеграцию.

В советский период внешние границы с Ираном, Афганистаном и Китаем были установлены в ходе демаркации в соответствии с межгосударственными договорами СССР с этими странами. Границы между странами региона сохранились по периметру, установленные советским руководством. Они прежде были внутренними административными границами между республиками. После провозглашения независимости эти бывшие внутренние границы были демаркированы в ходе двусторонних межгосударственных соглашений. Прежде демаркированные внешние границы сохранились в том же периметре, определенные в советский период, но подтвержденные в ходе новых двусторонних соглашений со стороны новых независимых стран (Рис. 1).

Рис. 1. Постсоветская Центральная Азия.

Изменение границ между странами Центральной Азии имеет свою историю. В средние века были постоянные войны между ханствами за пределы территорий. И продолжались они вплоть до прихода Российской империи в регион. Здесь располагались Казахское, Хивинское, Бухарское и Кокандское ханства. В начале XVIII века Казахское ханство распалось на три жуза. После смерти Абылай-хана в 1781 году Российская империя окончательно берет курс на аннексию казахских земель, а ханская власть становится вассальной от царской. В 1820-х годах автономная ханская власть на территории Казахстана была упразднена. А в 1850-х годах начинается экспансия царской России на остальные ханства (Рис. 2).

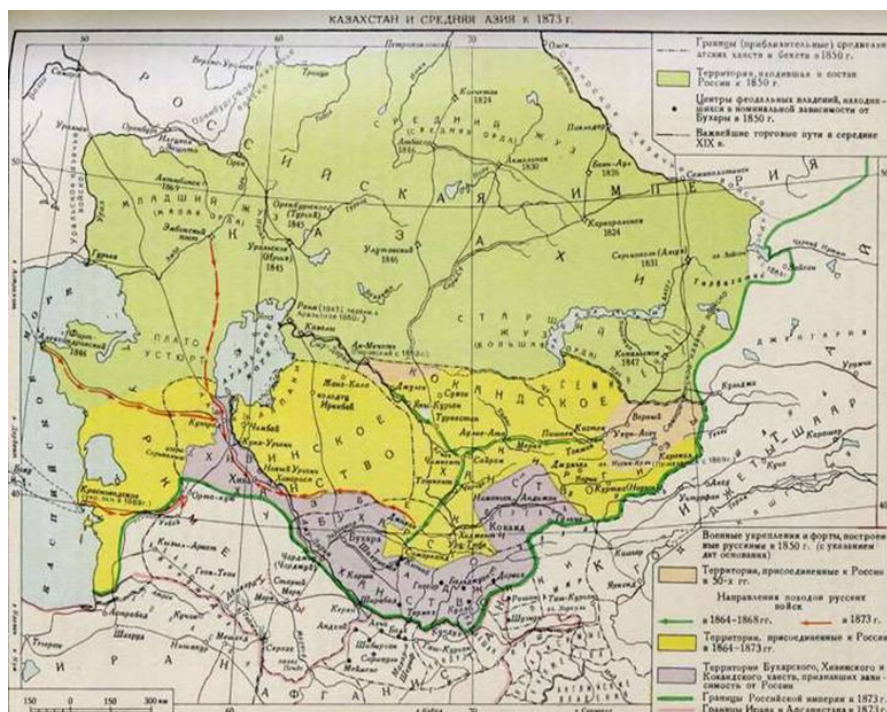

Рис. 2. Центральная Азия в XIX веке.

Исторически регион Центральная Азия назывался Туркестан. Регион был населен преимущественно тюркскими народами, поэтому и получил соответствующее наименование. Условно Туркестан подразделялся на три части – Западный Туркестан (нынешние страны Центральной Азии), Восточный Туркестан (Синьцзян-Уйгурский автономный район Китайской Народной Республики), Южный Туркестан (Северный Афганистан и часть иранского Хорасана). На территории Туркестана располагались ряд ханств и эмиратов, которые постепенно стали объектом захвата со стороны более сильных государств, которыми являлись Российская и Цинская империи.

В 1860-х годах Западный Туркестан был завоеван и присоединен к Российской империи. Непосредственно в состав Туркестанского края (генерал-губернаторства) вошли территории южного и юго-западного Казахстана, большая часть Туркменистана, Кыргызстан, а также Ферганский, Ташкентский и Самаркандский регионы Узбекистана. В пределах Русского Туркестана (но вне генерал-губернаторства) также находились Бухарское и Хивинское ханства, которые были самостоятельными, и царское правительство не вмешивалось в их дела. Административным центром Туркестанского края был город Ташкент. Поскольку западный и северный Казахстан вошли в состав Российской империи еще в конце XVIII – начале XIX веков, то они не были включены в состав Туркестанского края в отличие от южного Казахстана (Рис. 3).

Рис. 3. Туркестанский край.

Царская Россия сделала новый передел границ. Политика царизма «Разделяй и властвуй» проявляла заинтересованность в разделе этносов не только друг от друга, но и в их внутреннем разделении и разобщении. Так, туркмены проживали не только в Закаспийской области, где они составляли большинство, но и в пределах Хивинского и Бухарского ханств. Большинство киргизов проживало в Семиреченской области, а меньшая часть в Ферганской области. Узбеки делились на кочевых и оседлых, и они также были разбросаны по всем областям и ханствам. Казахи преимущественно жили в Семиреченской, Сырдарьинской и северной части Закаспийской области. Таджики проживали в Бухарском ханстве и Самаркандской области.

Северная половина Казахстана была разделена на четыре области – Уральскую, Тургайскую (под контролем оренбургского генерал-губернатора с центром в городе Оренбурге), Акмолинскую и Семипалатинскую (в подчинении Сибирскому генерал-губернатору в городе Омске, а затем Степного генерал-губернаторства). В составе Астраханской губернии была включена Букеевская Орда (Рис. 4).

Рис. 4. Области Центральной Азии в составе Российской империи.

В 1917 году на месте Туркестанского генерал-губернаторства образовалась сначала Туркестанская Автономия в пределах Ферганы и Семиречья (т.н. Кокандская Автономия). В Закаспийской и Сырдарьинской областях власть принадлежала комиссарам из числа местных национальных лидеров. Параллельно на территории Северного и Западного Казахстана существовала Алашская автономия с центром в городе Семипалатинск (Рис. 5).

Рис. 5. Туркестан в 1917-1920-х годах (карта условная).

Затем в 1918 году была провозглашена Туркестанская Автономная Советская Социалистическая республика в пределах бывшего Туркестанского Края. В 1920 году пали монархии в Хиве и Бухаре, и были провозглашены соответственно Хорезмская Народная Советская Республика (ХНСР) и Бухарская Народная Советская Республика (БНСР). Также в 1920 году на месте Алашской автономии была создана Киргизская (позже в 1925 году переименованная в Казахскую) АССР с центром в городе Оренбург (Рис. 6).

Рис. 6. Советский Туркестан.

Впервые границы между республиками региона были определены в ходе национально-территориального размежевания советских республик Средней Азии в 1924-1925 годах. Население бывшего Русского Туркестана проживало смежно и смешанно в разных областях. По проценту большинства каждого этноса тот или иной район отходил к конкретной республике в процессе размежевания. Так, территория бывшего Бухарского эмирата отошла к Узбекистану, поскольку большинство населения было узбекским, и лишь восточная часть к Таджикистану, т.к. большинство в этой части составляли таджики. И так было со всеми районами.

Национально-государственное размежевание касалось не только Туркестанской АССР, но и Хорезмской НСР и Бухарской НСР. Противником размежевания был казахский государственный деятель Турар Рыскулов (1894-1938), занимавший пост Председателя Совнаркома Туркестанской АССР (фактически глава республики). Советское руководство провело размежевание, предварительно послав его Полномочным представителем Коминтерна в Монгольской Народной Республике (1924-1925).

Проект, предложенный Т. Рыскуловым, гласил следующим образом: «Туркестан, состоящий из пяти областей, считать страной тюркских народностей – киргизов (казахов – Прим. Д.К.), сартов, узбеков, туркмен, каракалпаков, кипчаков, включая сюда таджиков нетюркского происхождения, и остальное население – русских, евреев, армян и других, представляющих из себя пришлый элемент. Туркестанскую республику считать национальной советской республикой, где самоопределяющимся народом коренным считается тюркский народ» (Устинов, 1996: 161). И советское руководство не приняло его план по построению Туркестанской Республики из-за страха и опасения объединения в последующем народов региона в единую нацию. Кроме того, главы советского государства В. Ленин, а затем И. Сталин не только отвергли идею Т. Рыскулова об единой Тюркской Республике (в составе Туркестанской, Киргизской (Казахской), Хорезмской и Бухарской республик), но и объявили ее как буржуазно-националистический проект.

Большевистское руководство во главе со И. Сталиным проводило новую имперскую политику в отношении бывших окраин царской империи (Украины, Кавказа и Туркестана), а поэтому оно реально опасалось усиления единства тюркских и мусульманских народов в туркестанском (центральноазиатском) регионе. Таким образом, политика «Разделяй и властвуй» как при царизме, продолжилось и при большевизме.

За весь советский период внутренние границы между республиками неоднократно менялись. В 1925 году от Казахстана были выделены Оренбург (первая столица Казахской АССР в составе РСФСР) с прилежащими территориями с преобразованием в Оренбургскую область в составе непосредственно РСФСР. Также и Каракалпакстан из автономной области был преобразован в автономную республику (Каракалпакская АССР) и введен сначала в непосредственный состав РСФСР в 1930 году, а затем в 1936 году передан в состав Узбекской ССР. В 1950-х годах был выведен из Казахской ССР и передан Узбекской ССР Бостандыкский район. Позже в начале 1960-х годов были отданы еще три района Южно-Казахстанской области, но спустя некоторое время возвращены Казахстану. В 1960-х годах планировалась передача северных областей Казахской ССР под названием Целинный край в состав РСФСР, а также Мангышлакскую область Туркменской ССР. Лишь противодействие главы правительства республики Ж. Ташенева предотвратило такой исход. К началу 1970-х годов границы между Казахской ССР и Узбекской ССР почти вернулись в прежнее расположение.

Раздел туркестанского края в 1920-х годах впоследствии создал немало проблем во взаимоотношениях как между народами региона, так и между республиками. В ходе политики «разделяй и властвуй» советское руководство сочетало шаблонность и дифференцированность в русле, выгодной для общего Союза со всей выстроенной

идеологией строительства социализма. Шаблонность заключалась в вертикальном контроле над республиками, оставляя их на периферийном уровне. Горизонтальные связи между республиками были под полным контролем московского Центра. Дифференцированность заключалась в субъективном отношении к той или иной республике, в частности придании особого внимания. Эти шаблонность и дифференцированность были действующими факторами в изменениях границ между союзными республиками.

Казахстан в общей советской политике рассматривался отдельно от республик Средней Азии, что вызывало противоречие в политических подходах. И даже в планах экономики разделили – был Среднеазиатский экономический район, куда Казахстан не входил. И это несмотря на то, что южная половина Казахстана географически и исторически всегда была частью Средней Азии.

Северо-запад Казахстана географически относится к уральской зоне, а северная и северо-восточная части – к Сибири. Центральная полоса Казахстана занимает промежуточное положение между суровой резко континентальной климатической зоной (Урал и Сибирь) и зоной более умеренного климата (Средняя Азия). Флора и фауна в этой зоне имеет смешанный характер вследствие адаптированности южных видов к северным, а также северных видов к южным.

В географической и геологической науках Казахский мелкосопочник, расположенной в северной половине Казахстана, также относили к среднеазиатской платформе. Также не соответствующий географическим наименованиям было разделение военного округа на Туркестанский (в пределах Туркменистана и Узбекистана) и Среднеазиатский (в пределах Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана). Поэтому, исходя из весьма парадоксального подхода, в политическом контексте их вынуждены были их объединить, но при этом называли «Средняя Азия и Казахстан» (Рис. 7).

Следует отметить, что картография Центральной Азии постоянно менялась и корректировку вносили русские и советские географы. «Отдельные арабские карты были использованы европейцами уже в средневековье; отдельные труды арабских географов появились уже в XVII веке в латинском переводе; все же подробные и точные сообщения арабов о Каспийском и Аральском морях, об Оксе и Яксарте не оказали никакого влияния на европейскую науку. То, что Западная Европа могла бы узнать от арабов еще 800 лет назад, она узнала лишь в XVIII веке от русских» (Бартольд, 1965: 16).

Рис. 7. Советская Средняя Азия.

Почему Казахстан отделяли от Средней Азии? В XIX веке сначала отделили северную половину, а в XX веке и весь Казахстан. Прежде всего, это было связано с политикой более активной колонизации и заселения казахских земель русскими переселенцами. Интенсивное освоение Северного Казахстана русскими переселенцами (как в царский, так и в советский периоды) связано прежде всего с климатическими и почвенными особенностями, близкими к сибирскому региону. В Западном Казахстане русские поселялись в основном в северной части, примыкающие к реке Урал (Жайык) и лесостепной зоне Оренбуржья. В Южном Казахстане русские переселенцы в основном оседали в Семиречье, также связанное с огромным наличием плодородных земель. Казахи исконно проживали также за пределами современного Казахстана – в Астраханской, Саратовской, Волгоградской, Оренбургской, Челябинской, Курганской, Омской, Тюменской, Новосибирской областей и Алтайского края Российской Федерации, а также в Или-Казахском, Муре-Казахской Барколь-Казахском автономных округах Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. Часть казахов до сих пор проживает в северных частях Узбекистана и Туркменистана, а также отчасти Кыргызстана.

В Северном Казахстане уже к концу XIX века процент коренного населения сократился едва до половины, а в середине XX века и вовсе до четверти. Сокращению казахского населения активно способствовал также и голодомор начала 1930-х годов. Освоение целины в 1950-х годах и индустриализация 1960-х привели к тому, что в целом казахи в своей республике составляли треть населения, и лишь с 1980-х годов начался более интенсивный рост коренного населения. Перманентный и динамичный рост казахского населения как в целом, так и в северной половине страны возвращает Казахстан в центральноазиатское лоно.

Русификация в Казахстане, проживание значительного количества русского населения и его доминирование в индустриальной сфере привели к тому, что Казахская ССР больше стала ориентироваться на РСФСР, чем на соседние республики. Это несколько отделило Казахстан от Средней Азии. Поэтому, некоторые московские эксперты называли Казахстан «Желтой Русью» вследствие относительно высокого уровня индустриализированного состояния экономики республики. В 1990 году русский диссидент А. Солженицын опубликовал свою работу «Как обустроить Россию?», где он призвал привязать Казахстан к России посредством проживания на севере республики русского населения. И также он отмечал, что казахское население в основном сконцентрировано на южной дуге, а поэтому только южная часть республики может не ориентироваться на Россию, что стало негласным призывом к разделу Казахстана. Ему последовали ряд неоимперских идеологов (В. Жириновский, Г. Зюганов, А. Дугин). В частности, А. Дугин предлагает полностью Казахстан и другие тюркские страны подчинить России, практически растворив в ней. «Следует признать, что геополитические директивы Дугина носят слишком радикальный характер. Так, он рекомендует следующее: начиная с севера, речь идет о связи всего Казахстана с русскими Южным Уралом и Западной Сибирью. Эта связь должна служить несущей конструкцией всего среднеазиатского ареала. В последовательной и продуманной интеграции Казахстана в общий континентальный блок с Россией лежит основа всей континентальной политики» (Лаумулин, 2009: 54).

После начала российско-украинской войны в 2022 году последовали новые возгласы со стороны таких российских деятелей как депутаты Государственной Думы В. Никонов, Е. Федоров, заместитель Председателя Совета Безопасности Д. Медведев и вице-спикер Госдумы П. Толстой, которые открыто угрожали Казахстану отнятием северной части и присоединением их к России. Все это воспринимается не только как вмешательство во внутренние дела и нарушение суверенитета страны, но и как

пересмотр существующих границ между Казахстаном и Россией, закрепленные на двустороннем и международном уровне, что есть угроза территориальной целостности всего региона Центральной Азии.

С провозглашением суверенитета и независимости эти государства подтвердили территориальную целостность друг друга, которая сохраняется и при региональной интеграции. Следует отметить, что за время независимого развития между некоторыми странами были пограничные стычки и конфликты, которые затем были урегулированы. Со сменой руководств в странах Центральной Азии начались реальные продвижения в сторону региональной интеграции.

Территориальная целостность и нерушимость границ являются главенствующими факторами национальной и региональной безопасностей. Внутренняя и внешняя безопасности являются гарантами свободной торговли как между странами региона, так и странами вне региона. Также границы являются регуляторами миграционных процессов. В то же время, границы не могут делить флору и фауну в отличие от полезных ископаемых. Более сложными являются вопросы трансграничных водных ресурсов. Поэтому, треугольник вода, торговля и безопасность является главным фактором интеграционных процессов в регионе Центральной Азии.

Инвестиции в экономику стран региона требуют обеспечения социальной и политической безопасности. При региональном интеграционном процессе становится все более актуальной совместная политика государств региона в обеспечении как внутренней национальной, так и общей региональной безопасности перед лицом общей глобальной нестабильности, вызванной российско-украинской войной и в некоторой мере нестабильностью межгосударственных отношений на Ближнем Востоке и Южной Азии. Политическое и экономическое давление со стороны мировых геополитических игроков требует как объединение усилий стран региона, так и решение межгосударственных проблем между ними. Таким образом, территориальная целостность и безопасность региона Центральной Азии зависит как от наличия вооруженных сил, так и эффективности дипломатических ресурсов.

Источники:

Бартольд, В.В. (1965). Работы по исторической географии. Сочинения. Москва: Наука. Т. 3.

Кушкумбаев, С.К. (2002). Центральная Азия на путях интеграции: геополитика, этничность, безопасность. Алматы.

Лаумулин, М.Т. (2009). Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Том III: Геополитика и международные отношения (вторая половина XX – начало XXI века). Алматы.

Садыкова, Б.И. (2009). Мустафа Чокай в эмиграции. Алматы.

Устинов, В.М. (1996). Турар Рыскулов. Алматы.

ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ЕЛДЕРДІҢ САЯСИ ГЕОГРАФИЯСЫ: 2020-ЖЫЛДАРДЫҢ ГЕОСАЯСИ СЫНАҚТАРЫ

Дулатбек ҚЫДЫРБЕКҰЛЫ¹

*¹БАҚ-пен байланыс және Қазақстан тарихы кафедрасы
Халықаралық ақпараттық технологиялар университеті
Алматы, Қазақстан
doulatbek3@hotmail.com*

Аңдатпа. Мақалада Орталық Азия аймағындағы шегаралық өзгерістердің тарихи аспектілері қарастырылады. 1991 жылы КСРО-ның ыдырауымен аймақта жаңа мемлекеттер бой көтерді. Кеңестік кезеңде бұл аймақтың сыртқы шегарасы демаркация арқылы бекітілді. Аймақ елдері арасындағы шегара кеңестік басшылығымен белгілеген периметр бойынша сақталды. Аумақтық тұтастық пен шегаралардың мызғымастығы ұлттық және аймақтық қауіпсіздіктің негізгі факторларына жатады. Жаһандық геосаяси акторлардың саяси және экономикалық қысымы аймақтағы елдердің күш-жігерін біріктіруді және олардың арасындағы мемлекетаралық мәселелер шешуді талап етеді. Ресей-украин соғысынан туындаған жалпы жаһандық тұрақсыздық жағдайында аймақ сыртқы қауіптерді бастан кешіріп отыр. Орталық Азия аймағының аумақтық тұтастығы мен қауіпсіздігі қарулы күштердің болуына да, дипломатиялық ресурстардың тиімділігіне де байланысты.

Түйін сөздер: геосаясат, геоэкономика, геоэкология, шегара, сауда, миграция.

ИЗ ИСТОРИИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ И СТРОИТЕЛЬСТВА ТАШКЕНТСКО-ОРЕНБУРГСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

Анора ТОГАЕВА¹

¹Институт Истории АН Республики Узбекистан

Ташкент, Узбекистан

anora.togaeva@mail.ru

Аннотация. Первые железнодорожные линии в Туркестане (в частности, железная дорога Ташкент–Оренбург), функционировавшие в колониальный период, были использованы не только в экономических, но и стратегических целях. Связывая метрополию с колонией, железная дорога служила укреплению политического и военно-стратегического присутствия Российской империи в Туркестанском крае, использованию его богатых природно-сырьевых ресурсов в экономических интересах центра.

Посредством проектирования и строительства железной дороги Ташкент–Оренбург правящие круги империи, администрация края, а также другие заинтересованные круги решали далеко идущие стратегические задачи. Масштабные инвестиции вкладывались в строительство в расчете на их скорейшее возвращение.

Ключевые слова: Ташкентско–Оренбургская железная дорога, строительство железных дорог, империя, колония, политика, проект.

ON THE HISTORY OF THE DESIGN AND CONSTRUCTION OF THE TASHKENT–ORENBURG RAILWAY

Anora TOGAEVA¹

¹Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan

Tashkent, Uzbekistan

anoratogaeva@mail.ru

Abstract. Abstract: The initial railway lines established in Turkestan. most notably the Tashkent–Orenburg Railway during the colonial period served not only economic purposes but also strategic ones. As a critical infrastructural link between the imperial center and its colonial periphery, the railway played a key role in consolidating the political and military-strategic presence of the Russian Empire in the region. Moreover, it facilitated the extraction and exploitation of Turkestan's abundant natural and raw material resources for the benefit of the metropole.

The design and construction of the Tashkent–Orenburg Railway were thus not merely technical or economic undertakings but part of a broader imperial strategy. The imperial administration, along with local authorities and other vested interests, pursued long-term strategic objectives through this infrastructure project. Significant investments were allocated to the railway's construction, with the expectation of their return.

Keywords: Tashkent–Orenburg Railway, railway, railway construction, empire, colony, politics, project.

Проекты и обсуждения

После завоевания Туркестана правящими кругами Российской империи была актуализирована задача использования материальных богатств края для удовлетворения потребности развивающейся промышленности метрополии и превращение региона в сырьевой придаток. Основная проблема в реализации данной задачи заключалась в отсутствии необходимой транспортной инфраструктуры для обеспечения активных военных, политико-административных, торгово-экономических связей между Туркестаном и Россией. В этом отношении важное значение уделялось строительству железнодорожного сообщения. В целом же, проведение железной дороги в Туркестане было продиктовано необходимостью усиления позиций и присутствия Российской империи в крае (Национальный архив Узбекистана (далее – НА Уз), Ф. И-1. Оп.16. Д. 652. Л. 171).

Идея проведения в Туркестане железных дорог зародилась задолго до завоевания региона, а именно в 50-х годах XIX в. (Зиеев, 2006). 28 июля 1856 г. В. Перовскому по поручению императора Александра II была прислана записка с предложениями об устройстве железной дороги между Каспийским и Аральским морями, чтобы он подобрал местные материалы и сведения. Предполагалось, что В. Перовский, уехав из Оренбурга, вскоре приедет в Москву, где пройдет обсуждение предлагаемого проекта. Железную дорогу предполагалось построить от залива Мертвый Култук на Каспийском море, по возвышенности Усть-Урт до залива Чернышевского на Аральском море (Письмо о Ташкенте).

В 60-70-е годы XIX в. строительство железных дорог через Среднюю Азию превратилось в одну из приоритетных задач, стоящих перед правящими кругами империи в освоении среднеазиатского региона. С 1854 по 1880 годы правительству было подано свыше 40 проектов постройки железных дорог к Средней Азии в разных направлениях, большей частью в направлении Оренбург-Ташкент (Ахмеджанова, 1984: 14). Из общего числа проектов большую часть составляли предложения, отражавшие идею строительства железной дороги от Ташкента до Оренбурга. Целесообразность такого строительства была обусловлена, во-первых, наличием функционирующей железной дороги между центром империи Москвой и Оренбургом (Материалы, 1913: 3), таким образом новая линия становилась логическим продолжением действующей; во-вторых, связывание политического, административного, культурного центра Туркестана Ташкента с центральными районами империи имело важное военное, политическое и экономическое значение; в-третьих, военное проникновение Российской империи в Среднюю Азию осуществлялось именно посредством данного маршрута, следовательно данное направление было наиболее удачным с точки зрения ландшафта местности и иных географических аспектов (НА Уз. Ф. И-1. Оп. 11. Д. 1308. Л. 5-5 об.).

Начиная с 70-х годов XIX в., в официальных кругах Российской империи и Туркестанского генерал-губернаторства вопрос о строительстве железной дороги Ташкент-Оренбург стал объектом серьезного обсуждения и исследования. Уже в 1873 г., инженер К.С. Безносовых, исследовавший по указанию Туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана маршрут железной дороги, связывавшей Туркестан с Россией, пришел к выводу о целесообразности строительства таковой (НА Уз. Ф. И-1. Оп. 16. Д. 652. Л. 134).

В целях дальнейшего изучения перспектив строительства железной дороги в Средней Азии в 1874 г. при Оренбургском отделении русского географического общества была создана специальная железнодорожная комиссия. Члены комиссии,

поддержав проект строительства железной дороги Оренбург–Ташкент, охарактеризовали его преимущества.

К. Кауфман в своем письме на имя министра путей сообщения России К.Н. Посьета от 15 марта 1874 г. подчеркнул острую необходимость соединения края с Россией посредством сети железных дорог в целях усиления политического и военного присутствия Российской империи в Туркестане (НА Уз. Ф. И-1. Оп. 16. Д. 652. Л. 172).

В 1876 г. министр путей сообщения К. Посьет поручил ведущим инженерам страны провести исследование по линии Челябинск–Троицк–Ташкент. Научные экспедиции, организованные в 1877, 1878, 1879 гг. приказом правительства Российской империи для определения лучших направлений железных дорог по Средней Азии, пришли к выводу о необходимости строительства железной дороги по направлению Ташкент–Оренбург (НА Уз. Ф. И-1. Оп. 11. Д. 1308. Л. 5-5 об.).

Военный министр Российской империи Д. Милютин в своем письме на имя министра финансов С.А. Грейга от 13 апреля 1880 г., отмечая важность строительства железной дороги в Среднюю Азию, особо отметил ее политическую и военную ценность: «Англичане стремятся к захвату всех рынков Афганистана, не исключая Герат и Амударью. Для того они ведут войну и строят железные дороги, и если мы не проложим в Средней Азии рельсового пути, то легко можем лишиться и тех рынков, которыми владеем в настоящее время» (Аксенов, 1955: 13).

Данные рассуждения представителей правительства отражали реальные настроения позиции в правящих кругах империи рассматриваемого периода как в отношении дальнейшей стратегии в регионе в целом, так и в вопросах строительства железной дороги в Туркестане, в частности. В целом, необходимость соединения края с метрополией обуславливалась военно-стратегическими, политическими и экономическими интересами империи.

Начальным этапом реализации данной задачи стало строительство в 1874-1876 гг. железной дороги протяженностью 512 верст от станции Батраки до Оренбурга, которая значительно облегчила доступ к рынкам Туркестана.

Однако существовавшая военно-политическая конъюнктура вынудила начать постройку железной дороги не по выбранному направлению Ташкент–Оренбург, а с восточного побережья Каспийского моря в глубь Средней Азии. Кроме того, царское правительство планировало осуществить ряд мер в целях окончательного покорения туркменских племен и укрепления своего положения в Закаспии.

Дальнейшее обострение англо-русских отношений ускорила необходимость строительства железной дороги для укрепления восточных границ империи. 26 августа 1880 г. было начато строительство первой железной дороги в крае, а уже 1 сентября 1881 г. была проложена первая линия от залива Михайловск Каспийского моря до Кизил Арвата. В 1884 г. после непродолжительного перерыва строительство дороги было продолжено через Ашхабад, Амударью, Чарджуй, а 26 февраля 1888 г. линия была доведена до Бухары. 11 мая того же года в Самарканде прошла церемония открытия железной дороги. Железная дорога протяженностью 1335 верст от залива Михайловск до Самарканда стала результатом не цельного проекта Закаспийской железной дороги, а скорее обобщением более мелких проектов.

21 сентября 1895 г. началось строительство железной дороги по направлению Самарканд–Андижан с веткой на Ташкент. В 1897 г. было завершено строительство линии в г. Коканде, а в 1899 г. дорога была доведена до г. Ташкента. В 1897–1898 гг. была завершена постройка железной дороги от Мерва до Кушки.

Первые годы Закаспийская и Самарканд-Андижанская железные дороги функционировали в качестве самостоятельных направлений. Однако, уже с 1899 г. Закаспийская военная железная дорога была объединена с Самарканд-Андижанской дорогой и стала именоваться Среднеазиатской железной дорогой.

Среднеазиатская железная дорога имела важное военно-стратегическое значение. Она укрепила военно-политическое положение империи на восточных берегах Каспийского моря. Открытие военного гарнизона на территории, отделявшей Среднюю Азию от Афганистана и Ирана, дало возможность стабилизировать отношения России с Англией.

Однако, Среднеазиатская железная дорога не была связана с общероссийской железнодорожной сетью с центральными промышленными районами России, что актуализировало важность расширения действующих железнодорожных линий. Именно этот фактор обусловил необходимость строительства железной дороги Ташкент–Оренбург.

Таким образом, первый этап построения железной дороги в Туркестане, осуществленный в 80-90-х годах XIX в., стал результатом долгих и бурных дискуссий на различных уровнях и тщательных исследований, направленных, прежде всего, на решение важных стратегических задач данного периода. Эти задачи, прежде всего, были связаны с решением проблемы англо-русского соперничества на южных границах и укреплением военно-политического господства Российской империи на восточных берегах Каспийского моря. С решением данной проблемы перед правительством империи появилась новая задача, максимальное приближение к рынкам и сырьевым ресурсам региона посредством кратчайшей железнодорожной линии. Реализация данного проекта являлась составной частью более глобальной задачи укрепления позиции метрополии в регионе во всех направлениях.

Начало новых дискуссий

В конце XIX в. в Туркестане в официальных кругах проходили многочисленные дискуссии относительно маршрута строительства новой железной дороги, связывающей Российскую империю с Туркестаном.

22 февраля 1896 г. на заседании Оренбургской городской думы обсуждалась «Записка о Среднеазиатской железной дороге и преимуществах направления ее от г. Оренбурга на г. Ташкент» журналиста М.Л. Юдина, в которой автор, сравнивая направления Омск–Ташкент, Петропавловск–Ташкент, Челябинск–Ташкент, Уральск–Ташкент и Оренбург–Ташкент, на основе конкретных аргументов, акцентирует внимание на экономических, технических и географических преимуществах железной дороги по направлению Оренбург–Ташкент (НА Уз. Ф. И-1. Оп. 11. Д. 1308. Л. 2-5). В проекте М. Юдина выдвигалась также идея развития хлопководства в крае за счет сокращения зерновых площадей, а посредством железной дороги Оренбург–Ташкент предусматривалось обеспечение края зерном из Самары и Оренбурга.

«Оренбургское направление, – написал М. Юдин, – по своему протяжению в отношении транзита грузов в Среднюю Азию и обратно имеет громадное преимущество пред всеми другими... Предвиденные сравнения достаточно полно обрисовывают преимущества и выгоды Оренбургско–Ташкентского направления Среднеазиатской дороги. Независимо того Оренбург непосредственно, ближайшим путем, связан с источниками военных сил и средств Империи; что весьма важно в отношении своевременной посылки в Среднюю Азию военной силы. Такого преимущества не имеет ни одно из остальных направлений... Оренбург заслуживает предпочтение и как

торговый или административный, и военный центр. Торговля с Средней Азией исторически была его предназначением; ему исторически определено быть посредником между Россией и Туркестаном, и это роль должна остаться за ним и теперь...» (НА Уз. Ф. И-1. Оп. 11. Д. 1308. Л. 2-9 об.).

Письмо М. Юдина получило единогласное одобрение на заседании Оренбургской городской думы и было разослано в различные ведомства и крупные города России и Средней Азии. 10 июня 1896 г. данное письмо было рассмотрено на заседании Ташкентской городской думы. Представители думы Саид Азимбаев, Хамидхон Турсунходжаев поддержали идею скорейшего строительства железной дороги Ташкент–Оренбург, некоторые члены высказались за проект строительства железной дороги Ташкент–Сибирь (Аксенов, 1958: 20). 4 августа 1896 г. на заседании Нижегородского комитета под председательством С. Морозова единогласно был поддержан проект железной дороги Ташкент–Оренбург (Ахмеджанова, 1984: 30). Городская дума г. Верный (Алматы) выдвинула идею строительства железной дороги от города Верный до Семипалатинска. Саратовская городская дума поддержала проект Александров Гай–Чарджуй. Однако значительная часть выступила за идею железной дороги Ташкент–Оренбург.

В апреле 1896 г. генерал-губернатор Туркестана А. Вревский договорился с Оренбургским генерал-губернатором о сотрудничестве в строительстве железной дороги Ташкент–Оренбург. В течение 1896–1897 гг. он неоднократно обращался к министру финансов С.Ю. Витте и министру путей сообщения М.И. Хилкову, аргументируя важность строительства железной дороги Ташкент–Оренбург для интересов Российской империи. Одновременно с этим, начальник города Ташкента, военные губернаторы Сырдарьинской и Самаркандской областей, председатель Сырдарьинского областного статистического комитета, политический агент Российского императора в Бухаре непрерывно обращались к правительству империи с предложениями о строительстве железной дороги в Туркестане (НА Уз. Ф. И-1. Оп. 11. Д. 1308. Л. 22–86).

Однако все предложения в силу ограниченности экономических возможностей были отклонены. 1 июля 1897 г. А. Вревский направил письмо на имя министра путей сообщения М.И. Хилкова с просьбой о ходатайстве перед императором о создании акционерного общества частных инвесторов для строительства железной дороги. Однако и это предложение также было отклонено, так как правительство Российской империи было против привлечения финансов частных инвесторов в строительство железных дорог, имевших стратегическое значение.

Новый военный министр России А. Куропаткин 13 апреля 1899 г. изложил свое мнение императору Николаю II об укреплении стратегического статуса России в Средней Азии. 3 мая того же года в своем письме, направленном министру финансов С. Витте, он отмечал, что действующая в Средней Азии железнодорожная сеть не отвечает стратегическим целям империи, и дальнейшее укрепление присутствия России в регионе непосредственно связано со строительством железной дороги Ташкент–Оренбург (Дмитриев-Мамонов, 1912: 325; Антипин В.Н., Левашов Н.Н., 1903: 400).

В ходе заседаний правительства 16 июня 1899 г. и 4 апреля 1900 г. был рассмотрен вопрос «О лучшем направлении магистральной железной дороги в Среднюю Азию» и обсуждены проекты железной дороги по трем направлениям Сибирь–Ташкент, Оренбург–Ташкент, Саратов–Чарджуй. Первое направление было отклонено, так как, по мнению членов собрания, оно не имело военно-стратегического значения.

На заседаниях также было отмечено несоответствие Среднеазиатской железной дороги военным интересам империи и необходимость строительства новой железнодорожной линии. После рассмотрения ряда проектов император Николай II 4 апреля 1900 года нанес резолюцию: «Предпочитаю в настоящую минуту направление Оренбург–Ташкент» (НА Уз. Ф. И-1. Оп. 13. Д. 1237. Л. 5).

После одобрения императором Николаем II направления Ташкент–Оренбург летом и осенью 1900 г. были проведены последние исследовательские работы. 21 апреля 1901 г. окончательно был одобрен проект железной дороги Ташкент–Оренбург. Специальный комитет, созданный для управления строительством железной дороги Ташкент–Оренбург принял решение начать строительство одновременно с двух сторон от Оренбурга и из Ташкента. Часть пути, строительство которой проходило со стороны Оренбурга, получила название северный участок, со стороны Ташкента – южный участок. Весной 1901 г. начались строительные работы на северном участке, а спустя шесть месяцев на южном.

Отчуждение земель

Некоторые современные российские исследователи утверждают, что земли, отчужденные под строительство железных дорог, были оплачены полностью. Например, В. Волков в своей статье (Волков, 2020), посвященной к вопросу об отчуждении земель под железнодорожное строительство в Русском Туркестане, сообщает, что собственникам заплатили по установленным правительством порядкам. По мнению автора, в «буржуазной историографии» бытовало мнение, что царское правительство захватило территории без разрешения, через которые проходили железные дороги и этим нанес удар по основам традиционного развития народов Средней Азии. И подчеркивает, что в настоящее время националистически настроенные историки ряда стран региона поддерживают этот подход. Он пишет, что законодательные документы доказательно свидетельствуют, что отчуждение земель осуществлялось на основании именных царских указов и материального возмещения, изъятого из казны.

Действительно, в целях строительства железной дороги Ташкент–Оренбург из частных и государственных земель Оренбургской губернии, Тургая, Урала и Сырдарьинской области было отчуждено 20 800 десятин (1 десятина равна 1,09 га) земли. При этом была установлена компенсация за отчужденные земли и сооружения. В правительственном решении, изданном в 1900 г., особое внимание было уделено вознаграждению собственников земли (НА Уз. Ф. И-1. Оп. 13. Д. 1237. Л. 74–76). Однако, в большинстве случаев установленные порядки нарушались. Например, в заявлении М. Мухаммадбоева на имя начальника южного участка железной дороги Ташкент–Оренбург, отмечалось, что взамен отчужденных у него земель, он не получил никакой компенсации. С заявлением аналогичного содержания обращался к Туркестанскому генерал-губернатору также некий Н. Женгеров (НА Уз. Ф. И-1. Оп. 13. Д. 1237. Л. 1–2). Отчуждение земель местного населения без соответствующей компенсации способствовало кризису значительного числа земледельческих семейств. По далеко не полным данным, в пользу одной только южной части железной дороги Ташкент–Оренбург было отчуждено 13 тысяч десятин земли (Асылбеков, 1965: 15).

Кроме этого, во многих случаях жители жаловались на низкую плату, которую получали за землю. Такие документы часто встречаются среди архивных материалов.

Историческая география железной дороги

На протяжении своем от Кинеля (40 верст от Самары) до Ташкента она проходила 249 верст по Самарской губернии, 205 по Оренбургской, 122 верст Уральской области, 531 по Тургайской области, и 983 по Сырдарьинской области.

По Сырдарьинской области дорога длилась 600 верст вдоль реки Сырдарьи, то удаляясь от нее на расстоянии 20 верст, то приближаясь до 50 сажень.

Между Перовским и Шиели на расстоянии 120 верст простирались громадные площади зарослей камыша (Верховский, 1910: 1-4).

Заключение

Активизация во второй половине XIX в. военно-политического и экономического присутствия Российской империи в Средней Азии обусловила стратегическую важность создания железнодорожного сообщения, связывающего метрополию с ее среднеазиатскими владениями. Во многом, именно данными факторами определялось строительство в конце XIX в. Среднеазиатской железной дороги от берегов Каспийского моря.

Актуализировавшаяся необходимость к началу XX в. установления непрерывной связи Туркестанского края с центральными промышленными районами империи вызвало строительство новой ветви железнодорожного сообщения дороги Ташкент–Оренбург. Новая железная дорога стала важной коммуникационной сетью и транспортным средством, послужившими укреплению военно-политического положения Российской империи в Туркестане, имевшими приоритетное значение в дальнейшей колонизации региона.

Ташкентская железная дорога сыграла существенную роль в интенсификации торговых связей, товарообмена между метрополией и ее среднеазиатскими колониями. Одновременно с этим, она способствовала активизации процесса трансформации во всех сферах жизни среднеазиатского общества.

Как показывают источники, железная дорога Ташкент–Оренбург была использована не только в экономических, но и в стратегических целях. Связывая метрополию с ее колонией, железная дорога служила укреплению политического и военно-стратегического присутствия Российской империи в крае, использованию его богатых природно-сырьевых ресурсов в экономических интересах центра. С другой стороны, строительство железной дороги, как одного из передовых видов транспорта послужило толчком в развитии внутренней и внешней торговли и промышленного производства в регионе.

Источники:

Зиеев Ҳ.З. (2006). Ўзбекистон мустамлака ва зулм исканжасида (XIX аср иккинчи ярми – XX. аср бошлари). Тошкент: Шарқ.

Оренбургская железная дорога. Письма о Ташкенте (mytashkent.uz). (Дата обращения: 29.05.2025).

Ахмаджанова З.К. (1984). Железнодорожное строительство в Средней Азии и Казахстане (конец XIX – начало XX вв.) Ташкент: Фан.

Материалы по обследованию железных дорог (1913). Ташкентская железная дорога. Санкт-Петербург: Электро-типография Н.Я. Стойковой.

Аксенов А.В. (1955). Оренбургско-Ташкентская железная дорога и ее роль в развитии капитализма в Средней Азии. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Москва.

Аксенов А.В. (1958). Строительства Оренбургско-Ташкентской железной дороги (1901–1905 гг.). Ученые записки Оренбургского Гос. пединститута. Вып. 13.

Дмитриев-Мамонов А.И. (1912). Путеводитель по Туркестану и железным дорогам Среднеазиатской и Ташкентской. Санкт-Петербург: Типография им. Шурухта.

Антипин В.Н., Левашов Н.Н. (1903). Путеводитель по Туркестану и Среднеазиатской железной дороги: с историческим очерком сооружения и эксплуатации Закаспийской железной дороги и очерком сооружения Оренбург-Ташкентской железной дороги. Санкт-Петербург: В. Березовский.

Волков В. (2020). Об отчуждении земель под железнодорожное строительство в русском Туркестане. Власть. №3.

Асылбеков М.Х. (1965). Железнодорожники Казахстана в первой русской революции (1905–1907 гг.). Алма-Ата.

Верховской Н.П. (1910). Туркестан в районе Ташкентской железной дороги и грузы этой дороги. СПб.

ТАШКЕНТ – ОРЫНБОР ТЕМІРЖОЛЫН ЖОБАЛАУ МЕН САЛУ ТАРИХЫНАН

Анора ТОҒАЕВА¹

*¹Өзбекстан Республикасы Ғылым академиясы, Тарих институты
Ташкент, Өзбекстан
anora.togaeva@mail.ru*

Аннотация. Первые железнодорожные линии в Туркестане (в частности, железная дорога Ташкент–Оренбург), функционировавшие в колониальный период, были использованы не только в экономических, но и стратегических целях. Связывая метрополию с колонией, железная дорога служила укреплению политического и военно-стратегического присутствия Российской империи в Туркестанском крае, использованию его богатых природно-сырьевых ресурсов в экономических интересах центра.

Посредством проектирования и строительства железной дороги Ташкент–Оренбург правящие круги империи, администрация края, а также другие заинтересованные круги решали далеко идущие стратегические задачи. Масштабные инвестиции вкладывались в строительство в расчете на их скорейшее возвращение.

Ключевые слова: Ташкентско–Оренбургская железная дорога, строительство железных дорог, империя, колония, политика, проект.

1920-ЖЫЛДАРДАҒЫ БАТЫС ҚЫТАЙ МЕН КЕҢЕСТІК РЕСЕЙДЕГІ ШЕГАРАЛЫҚ БЕКІНІСТЕРДІҢ ҚЫЗМЕТІ

Еркін СТАМШАЛОВ ¹ (ORCID: 0000-0003-4663-6349)

¹*әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті*

Алматы, Қазақстан

kun2013@mail.ru

Аңдатпа. Түркістан Республикасының құрамына кірген оңтүстік-шығыс Қазақстан мұсылман босқындарын елге қайтару және атамекеніне орналастыру бағытында билік органдары тарапынан кешенді шаралар қолға алынғанына қарамастан, Батыс Қытаймен шегара қатаң режимді жұмыс істеді. Шыңжаңдағы ауыр әлеуметтік-экономикалық ахуалдан Жетісуға өтіп, табыс тауып қайтуды көздеген жекелеген босқындар және олардың топтасқан лектері екі мемлекеттің шегара қызметі тарапынан тосқауылға ұшырады.

Түркістан төтенше комиссиясы әскерінің 6 батальоны мен 6 эскадроны Қытаймен шегараға шоғырландырылды. Шегара әскері негізінен тегі еуропалық жауынгерлерден құралды. Кеңестік шегара әскері мен жергілікті халық арасындағы өзара сенімсіз ахуал қалыптасты. Қытай тарапынан шегара күзетіне қойылған әскери күштер Іле округі әскери губернаторына бағынышты тұрақты әскери бөлімдер мен қалмақ әскери топтары тартылды.

Түйін сөздер: қазақ-қырғыз босқындар, шегара қызметі, шегаралық әскери бөлімдер, босқындар реэвакуациясы, Шыңжаң шегара әскері, босқындарды орналастыру.

THE ACTIVITIES OF BORDER FORTS IN WESTERN CHINA AND SOVIET RUSSIA IN THE 1920s

Yerkin STAMSHALOV¹

¹*Al-Farabi Kazakh National University*

Almaty, Kazakhstan

kun2013@mail.ru

Abstract. Notwithstanding the comprehensive measures undertaken by the authorities to repatriate and resettle Muslim refugees from southeastern Kazakhstan—then part of the Turkestan Republic – in their ancestral homeland, the border with western China operated under a strict regime. Owing to the severe socio-economic situation in Xinjiang, individual refugees and organized groups seeking to cross into Semirechye and to resume wage-earning livelihoods were intercepted by the border services of both states.

Six battalions and six squadrons of the Turkestan Cheka's army were concentrated along the Chinese frontier. The border forces consisted predominantly of soldiers of European origin, and a climate of mutual mistrust developed between the Soviet border guards and the local population. On the Chinese side, the forces assigned to guard the border included regular army units and Kalmyk military formations subordinated to the military governor of the Ili district.

Keywords. Kazakh-Kyrgyz refugees, border service, border military units, re-evacuation of refugees, border troops of Xinjiang, accommodation of refugees.

Кіріспе

Шыңжаңдағы ауыр әлеуметтік-экономикалық ахуал кесірінен Жетісуға өтіп, табыс тауып қайтуды көздеген жекелеген өтушілер және олардың топтасқан легі екі мемлекеттің шегара қызметі тарапынан тосқауылға ұшырады. Қазақстанның оңтүстік-шығысындағы шегаралық аудандар Түркістан майданы шебі саналғандықтан, мұнда сауда-саттықтың барлық түріне тыйым салынды. Түркістан АКСР-і Орталық Атқару Комитеті сияқты азаматтық билік органдарының шешімдері Жетісу майданы, шегара әскері тарапынан мойындалмады. Сауда-саттық үшін өнеркәсіп тауарларын, шаруашылық өнімдерін тасымалдау заңсыз саналды. Әскери құрылымдардың шегара сызығы бойындағы кез келген қимыл-қозғалыс үшін жергілікті халыққа оқ атуы, тонаушылық әрекеттері қалыпты жағдайға айналды. Түркістан төтенше комиссиясы әскерінің 6 батальоны мен 6 эскадроны Қытаймен шегараға шоғырландырылды. Шегара әскері негізінен тегі еуропалық жауынгерлерден құралды. Кеңестік шегара әскері мен жергілікті халық арасындағы өзара сенімсіз ахуал қалыптасты. Қытай тарапынан шегара күзетіне қойылған әскери күштер Іле округі әскери губернаторына бағынышты тұрақты әскери бөлімдер мен қалмақ әскери топтары тартылды. Мақалада Қытай және Кеңестік Россия әскери құрылымдарының мұсылман босқындардың шегарадағы қимыл-қозғалысына қатысты қатал әрекеттері архив деректерімен жан-жақты сараланған.

1930 жылы кеңестік саяси насихат Қашқардағы Британ бас консулы А. Скриннің «Қытай Түркістаны» атты еңбегін жариялады. 1921 жылы желтоқсанда Солтүстік Үндістанда жүрген жерінен Қашқардағы бас Британ консулы қызметіне тағайындалған А. Скрин Орта Азия теміржолымен Әндіжанға барып, ары қарай атпен Тянь-Шань таулары арқылы өтетін жол кеңестік Түркістандағы «революциялық жағдайларға байланысты» жабық болғандықтан, қардың еруін күтіп 1922 жылдың 3 маусымында Кашмир арқылы келген (Скрин, 1930).

Скриннің кітабы көрнекті шығыстанушы И.Н. Бороздиннің алғысөзімен жарық көрген. Скриннің кітабына түсініктеме бере келіп, Бороздин оның Шыңжаңдағы қытайландыру формалары туралы айтқанын көрсете келіп, «Шығыс Түркістанды қытайландыру оңай іс мес, шын мәнінде мүмкін емес іс», – деп атап өтеді (Скрин, 1930:10).

Әкімшілік бөлініс жағынан Шыңжаң 8 округке бөлінеді: Үрімжі, Құлжа, Шәуешек, Шара-Сүмэ, Қарашара, Ақсу Қашқар және Хотан. Округтердің басшылығында Даоинь тұрды. Округтер өз кезегінде 41 уездерге бөлініп, оларды амбандар басқарады. Көшпелі халықтар ауданына қарай бөлек тәртіппен басқарылды (Скрин, 1930: 12).

А. Скриннің кітабына кіріспе жазған Б. Владимиров Шыңжаңның қоғамдық-саяси жағдайынан жақсы хабардар екенін көрсеткен. Б. Владимиров: «1912 жылдан провинцияны басқарған дубань (генерал-губернатор) Ян-Цзэн-синь Пекин үкіметі формалды бағынышты болып, шын мәнінде одан мүлде тәуелсіз еді. 1928 жылы Ян-Цзэн-синь Синьцзянь провинциясының сыртқы істер комиссары Фань Яо-Нан ұйымдастырған бүліктің нәтижесінде өлтіріліп, Шыңжаңда да Нанкиндегі ұлттық үкіметтің билігін мойындаған басқа провинциялардағыдай жергілікті ұлттық үкімет құрылып, оның төрағасы (чжуси) Цзинь Шужень болады», – деп көрсеткен (Скрин, 1930: 12). Ағылшын консулы А. Скрин өз естеліктерінде Қашқар, Үш Тұрфан, Ақсу қалаларын суреттейді. Ташқорған бекінісін суреттегенде амбань – жергілікті әскербасының тұрған жері болғанын, Сарыкөл округіне қарайтын бұрын Памир орыстарының бекінісі тұрғанын, қазір тәжіктер, қарақырғыздар тұратынын, Ташқорған теңіз деңгейінен 3000 метр биіктікте екенін жазған.

Шыңжаң үкіметінің ұстанымы тәжік тарихшысы К. Абдуллаевтың еңбегінде жан-жақты талданған. Еңбекте Шыңжаңның РКФСР-мен шеғарадағы қарулы күштерінің мөлшері мен қорғаныс қуаты сарапталған (Абдуллаев, 2009). Алайда, К. Абдуллаев зерттеуінде орыс ақ әскерінің жай-күйі көбірек талданған (Абдуллаев, 2009). Америкалық тарихшы О. Латтимор «Қытайдың Ішкі Азиялық шеғаралары» атты еңбегінде XX ғасырдың ортасында жазған еңбегінде Қытаймен шеғараның арлы-берлі бұзылуы шеғара маңында тұратын халықтардың әлеуметтік тұрмыс жағдайының өлшемі болғанын көрсеткен. Бір елде жағдай шиеленіссе, нашарласа, халық шеғараның арғы бетіндегі қандастарын паналайды. Мұны О. Латтимор Ішкі Қытай мен Монғолияға қатысты келтірген. Батыс Қытайдағы мен Ресей Түркістаны аумағындағы елдердің хал-жағдайы да осы өлшемге қатысты қып айтуға болады (Lattimore, 1951).

Америкалық тарихшы Ричард Янг Республика кезеңіндегі Қытайдың тарихына арналған «Шыңжаң Губернатор Ян Цэн-Синнің басқаруында (1911-1928)» атты еңбегінде шеғара маңындағы халықтар туралы деректерге орын берген. Губернатор Ян Цэн-Синнің Қытайдың орталық үкіметіне, Пекинге жолдаған жеделхаттарының бірінде: «Қазақтар орыс-Шыңжаң шеғарасы бойында орналасқан. Бұл халықтың келтіретін мазасыздығы шеғара сызығы мен жергілікті әкімшілікті мойындай бермеуінде. Біздің Ресеймен шеғарамыз анық белгіленгеніне қарамастан, біз көбіне қазақ отбасының шеғараның екі жағында да өмір сүретінін байқаймыз», – деп көрсеткен (Richard Yang. Op. cit. 278).

Ұсынылып отырған мақаланың зерттеу нысанына қатысты соңғы жылдары жарық көрген жүйелі зерттеудің бірі ретінде Шыңжаң мен Ресейдің экономикалық және саяси қарым-қатынастарын саралаған ресейлік тарихшы Т.А. Шаметованың монографиясын атауға болады. Бұл еңбекте Батыс Қытай мен Ресей арасындағы шеғаралық байланыстар негізінен сауда тұрғысында талданған. Дегенмен, Т.А. Шаметованың зерттеуі бірде жанданып, бірде тоқыраған екі ел аралық қарым-қатынастардағы экономикалық, саяси мүдделерді жіті талдауымен қызықты (Шаметова, 2024).

Зерттеуімізді жазу барысында Ресей мемлекеттік әскери архиві (РФ, Мәскеу қ.) (РМЭА) №18233 – Бүкілресейлік төтенше комиссия Қытаймен шеғараны қорғау әскерлері қорының (1921-1922), №8443 – Бүкілресейлік төтенше комиссия әскері Жетісу облысы Жаркент қаласындағы Түрікмен шеғара атты әскер полкі қорының (1919-1922), Алматы облыстық мемлекеттік архивінің №483 – Жетісу губаткомы жанындағы әкімшілік бөлім қоры құжаттары пайдаланылды.

Кеңестік шеғара әскери құрылымдардың іс-әрекетінің маңызын, жергілікті мұсылман халықтарға қатысты ұстанымы, шеғара қызметі басшылыққа алған әскери доктрина мен саяси басымдықтың мәнін ескеріп, осы арада Кеңестік Ресейдің Қытаймен шеғарасын күзетуге тартылған әскери күштерді таратып айта кеткен орынды санаймыз.

Қытаймен шеғараны күзеткен Түркістан республикасы Төтенше комиссия әскерінің 37-шеғара бригадасы басқару орталығы Алматы қаласында орнығып, құрамына 216, 217, 218, 219, 220 және 221 шеғара батальондары, бұған қоса 35, 36, 37, 38, 39 және 40-атты әскер эскадроны, жалпы саны 6 батальон мен 6 эскадрон кірді. Күзет бригадасына Дарауыт-Қорған асуынан Хабар Асу өткеліне дейінгі аралықты қарады.

Қытаймен бүкіл шеғара 6 ауданға бөлінді:

1-аудан: Сүйік асуынан Ыштық асуын қоса алғанға дейінгі аралықты бұрынғы атауы 18-Түркполкі әңгіме болып отырған кезеңде 217-шеғара батальоны аталған құрама мен Жаркент уезінің Подгорное селосында құрылған 36-атты әскер эскадроны күзетті. Бұл ауданның штабы – Нарын бекінісі.

2-аудан: Ыштық асуынан Қалжат бекетін қоса алғанда бұрынғы 15-атқыштар полкі, кейіннен 218-шегара батальоны және 37-атты әскер эскадроны қарауында болды. Штабы Қарақолда орналасты.

3-аудан: Қалжат бекетінен Көк Атой асуын қоса алғанда бұрынғы Ферғанадан әкелінген 5-шегара батальоны, кейіннен 219-шегара батальоны аталған бөлім және Түркімен шегара полкі, 38 бен 39-атты әскер эскадрондары қарауында болып, штабы Жаркент қаласына орнықты.

4-аудан: Көк Атой асуынан Алакөл көлін қосқандағы аралықты күзетуге бұрынғы 16-атқыштар полкі кейіннен 220-шегара батальоны тартылып, шегара бөлім штабы Лепсіде орналасты.

5-аудан: Алакөл көлінен Хабар Асу асуына дейінгі аумақты бұрынғы 17-полкі, кейіннен 221-әскери батальон аталған бөлім мен Лепсіде құрылған 40-атты әскер эскадроны күзетті. Штабы Бақтыда орналасты.

6-аудан: Дауіт-Қорған асуынан Сүйік асуын қоса алғандағы аудан 216-әскери батальон мен 35-атты әскер эскадроны қарауында болып, бөлім штабы Иркештан мекенінде орнықты.

1921 жылдың тамызында Төтенше комиссияның 37-шегара бригадасының командирі қызметін Семенов, ерекше бөлім бастығы қызметін Павлович атқарды (РМӘА. 18233-қ. 1-т. 17-іс. 9-п.).

Ресей мемлекеттік әскери архивінде сақталған полк құжаттарының қорында 1921 жылдың 6 наурызында Түркістан дивизиясы құрамындағы 55-атты әскер полкі ретінде Сосновка мекенінде орналасқаны туралы дерек бар. 1921 жылдың 7 маусымынан Бүкілресейлік төтенше комиссия әскеріне бағынышты болған Түрікмен шегара полкі осы жылдың 4 тамыз – 9 қыркүйек аралығында Сосновка селосынан Жаркент қаласына келтірілген. Түркімен полкінің командирі қызметін Марсаков атқарған. Түрікмен полкі 1922 жылдың 22 наурызында полк құрамындағы ұлты түрікмен қатардағы жауынгерлер мен әскери құрамды бөліп, Түрікменстанға аттандыруға дайындалады да, әскери бөлімге 39-дербес шегара эскадроны атауы беріледі. 22 наурыздағы бұйрық бойынша Түрікмен шегара атты әскер полкі таратылды деп саналады (РМӘА. 8443-қ. 1-т. 12-іс. 14(а)-15(а)-пп.).

Шегара әскери құрылымдардың ішкі құжаттарында да атап өтілген, негізінен жатжерліктерден құралған әскери құрамалардың ротациясының өзіндік логикаға ие болған. Былай істеуге жергілікті тұрғындарға сенімсіздіктің жоғары деңгейде болғанын себеп деп топшылауға негіз бар. Мұнда басшылыққа алынған негізгі ұстаным – саяси себептер болғанымен, ұлттық мәселе маңызды рол атқарған. Шегара әскері жергілікті халық тарапынан бөтен, күш көрсетуші, жаулаушы күш ретінде танылып, оның бұйрық-тапсырмалары біржақты жазалау тұрғысында қабылданды. Шегара әскерлерінің рапорттарында жергілікті тұрғындар патшалық Ресей кезіндегідей «қырғыз» деп жалпылама сипатталса, босқындар «қашып өтушілер» деп саналды. Ұсталғандардың жан, қару, мал саны саналғанымен, адамдардың жеке тұлғасын анықтауға бағытталған жұмыс жүргізілмеді. Шегара бөлімдері кезекшілігінің есептерінің тым жұтаң екенін Бүкілресейлік төтенше комиссияның Қытай шегарасы әскері бастығы Тарапов, ерекше бөлім бастығы Леонов, штаб бастығы Романовскийлер қол қойған бұйрықта көрсеткен. Тараповтың 1921 жылдың 3 қазандағы бұйрығында: «ВЧК әскеріне және бригада штабының жаппай таратылған бұйрығына қарамастан, ешбір батальон командирі жедел орта туралы сол бұйрықтың жедел мәлімет табелінің 9, 10, 11, 12, 13, 19 және 20 бабтарында көрсетілгендей толыққанды ақпарат жіберген жоқ. Көп жағдайда берілетін мәліметтер тым жұтаң, әрі республика ВЧК сұранысына жауап бермейді

және мағлұматы жоқ ресми жауаптар болып тұр» – делінген. Бұйрықтың 4-тармағында ендігі жерде бұл бұйрықты орындамаған командирлер мен адъютанттар орнынан алынып, ревтрибунал сотына берілуіне дейін жауапкершілік тартатыны ескертілген (РМӘА. 18233-қ. 1-т. 17-іс. 46-п.).

Батыс Қытайдағы Қытай әскери күштерінің орналасуы туралы сандық мәліметтер қытай бөлімдерінің шашыраңқы орналасқанымен, қомақты көлемдегі қарулы топтар болғанын көрсетеді.

1922 жылдың 1 тамызына қараған шақтағы мәліметтер бойынша Іле округіне қарасты Күре қаласында орныққан округтің әскери губернаторы Чжен-шоу-ши Нью, оның штаб бастығы полковник Ли қарасты айдауыл (конвой) 1 эскадронында 60 сарбаз, 4 пулемет болған. Бұған қоса 50 қылыш, 3 пулемет айдауылдар басшысы Янға бағынған. Іле құрама бригадасы аталған әскери бөлімге 300 жаяу әскер, 8 эскадронға бөлінген 675-атты әскер полкі, бұлардан бөлек полковник Ли-тун-линнің қарамағындағы 4 эскадронды құрайтын 346 қылыш сапта тіркелген. Құлжада Тун даронның жеке айдауылдары 150 қылыш, Чжан Хэ-Фу 200 қылыш атты әскер, Ши-хо қолбасшыға қарасты 100 айдауыл, 400 қылыш атты әскер топтасты. Нарынқолға таяу сан мөлшері көрсетілмеген қалмақтар қолы, Боротолада Дын-тун-линге қарайтын 125 қылыш отряд орныққан. Барлау мәліметтеріне сәйкес Іле округінде жалпы саны 4966 қылыш, 13 пулемет, 12 зеңбірек болған. Қашқар округінде 5340 қылыш, 6 пулемет, 6 зеңбірек есепте болса, Тарбағатай ауданының орталығы Шәуешекте 1 батальон, 3 эскадронды құрайтын 400 қылыш, 4 пулемет, 2 зеңбірек, ал Үрімжі ауданында 3500 қылыш, пулемет саны белгісіз, 18 зеңбірек топталған (РМӘА. 110-қ. 7-т. 45-іс. 4-п.).

Кеңестік шеғара қызметінің барлауы 1647 қылыш ақгвардияшылар әскери күштері бар екенін де анықтаған. Іле округы шеғара күзетіне жалпы саны 2160 қылыш әскери күш жұмылдырылса, азаматтық өкімет отрядтарында шеғара күзетінде 1410 адам қызмет еткен (РМӘА. 110-қ. 7-т. 45-іс. 4(а)-п.).

Кеңестік әскери барлау мәліметтеріне негізделген Батыс Қытай әскери қимыл театрының шолу материалына сәйкес, Шыңжаң әскерінде мылтықтың 10 түрі болған. Аумақта кең таралған қару түрлеріне герман маузері, жапон мураты, 3 тізбекті орыс мылтығы, карабиндер кірді. Шыңжаң әскері Максим және Гочкис пулеметтерін қолданған. Артиллерия ескі үлгідегі Крупп зеңбіректерімен қаруланған. Шыңжаң әскери құрамалары аз мөлшерде болса да жаңа қару түрлеріне ие болды (РМӘА. 110-қ. 7-т. 45-іс, 34-35-пп.).

Зерттеуші Т. Абдуллаев өз еңбегінде губернатор Ян Цзен-синьнің қол астындағы манжурлар мен қытай ханьдарынан тұратын шеғара отрядын қоса есептегендегі Шыңжаңдағы армияның жинақы саны 10 000 жауынгерді құрағанын көрсеткен (Абдуллаев, 2009: 278).

1924 жылдың 6 қазандағы Үрімжі қаласында 31 мамыр 1924 жылғы Пекин келісімінің негізінде КСРО Сыртқы істер халық комиссариаты өкілетті уәкілі Озарнин мен Шыңжаң сыртқы істер комиссары Фань-Яо-Нан арасында екі жақта консулдықтар ашу мәселесі талқыланды. Келісімге сәйкес КСРО Үрімжі, Қашқар, Құлда, Шәуешек және Шарасумәде (Алтайда) консулдықтар ашса, тиісінше КСРО аумағының Семей, Зайсан, Алматы, Әндіжан және Ташкентте Қытай Республикасының консулдықтарын ашу келісілді. Кеңестік консулдықтардан алғашқысы 1924 жылдың қарашасында Шәуешекте ашылып, 1925 жылдың мамырынан жұмыс істей бастады. Қытай консулдықтарының алғашқысы Семейде ашылып, оған бұрынғы Ақсу даоны Лю-Чан Пин консул болып тағайындалды. Сыртқы істер халкоматының Қазақ АКСР ішкі істер халкомы С. Есқараевқа 1925 жылдың 16 қыркүйектегі №622 хатында осы жылдың

қазанының басында жаңа консул жанұясы мен қызметкерлерімен, жалпы 18 адамнан тұратын топ Қашқардан Алматыға шығып, одан әрі Семейге баратыны хабарланды. «Лю-Чан-Пиннің жүретін жолы негізінен Қазақ автономиялық республикасының аумағы арқылы болмақ. Осыған орай Сыртқы істер халкомы Кеңес одағына дос елдің өкілі ретінде Қытай бас консулына жол бойы тиісті көмек көрсетілуі туралы тапсырма беру» сұралды (АОМА. 483-қ. 1-т. 2-іс, 86 (а)-п.). Өз кезегінде С. Есқараев 1925 жылдың 11 қазанында Жетісу губерниялық әкімшілік бөліміне осы мағынада тапсырма берді (АОМА. 483-қ. 1-т. 2-іс. 91-п.).

Зерттеуші К. Абдуллаев дәл көрсеткендей, XIX ғасырдың ортасынан бастап, бір кезде Түркістанның біртұтас мәдени-экономикалық кеңістігіне біріккен Жетісу мен Шыңжаң Қытай мен Ресей арасында бөліске түсті. Екі империяны да олардың ортаазиялық аумақта отырықшы егіншілер мен көшпелі мал шаруашылығымен айналысатын, негізінен ислам дінін ұстанылатын өркениеттермен шектесуі «туыс етті». Екі елдің де билеуші режимі Ішкі Азиядағы әртүрлі тайпалар мен халықтардың ынтымақтасуы мен позицияларының нығаюына жол бермеуге тырысты. Ресей мен Қытайды доминиондарын орыс және қытай (хань) отарларын орнықтырумен өз позицияларын нығайту мақсаты да жақындастырды. Ресей және Цинь империяларын діни-ұлтшыл, сепаратистік қозғалыстарға қарсы күресу бойынша ортақ мақсаттары да жақындастырып, мемлекетаралық қарым-қатынастарына өз қолтаңбасын салды (Абдуллаев, 2009: 88).

Жаңа тарихи кезеңде екі империяның мұрагерлері – Қытайдағы республика билігі, Ресейдегі кеңес басшылығының шегара саясатынан кейбір оқыс «бастамаларды» есепке алмағанда, осы ұзақ мерзімді стратегиялық мақсаттың сақталуы белгілерін көруге болады.

Қорытынды

1920 жылдан бастап Түркістан АССР өкімет орындарының босқындарды қайтаруға бағытталған шараларды қабылдауы олардың атамекенге оралуына жол ашты. Босқындар репатриациясы Шыңжаң және Кеңестік Ресей шегара қызметтерінің кедергісіне ұшырады. Түркістандағы азамат соғысының жалғасуы шегара қызметіндегі әскерилердің босқындарға қарсы қатаң саясат ұстауына мүмкіндік берді. Саяси, азаматтық үкімет орындары мен әскери-шегара қызметінің босқындар проблемасына қатысты позициялары кереғар сипатқа ие еді. Шегара бойында босқындардың мал-мүлкін тәркілеу, оларға оқ ату қалыпты жағдайға айналды. Осылайша, мұсылман босқындарының Жетісуға оралу талабы Қытай билігінің Шыңжаң аймағындағы шегара күзетіне ұстаған 10 мыңға жуық әскерінің, Кеңестік Ресейдің шегара шебі бойына топтастырған 6 батальон мен 6 эскадрон қарулы күштерінің тарапынан болған қысым әсерінен баяу жүзеге асты. Батыс Қытайға арнайы жіберілген босқындар жөніндегі ерекше комиссия уәкілдері мен кеңестік дипломаттар босқындарды Ресей азаматтарының еліне оралуына барынша кедергі жасап баққан Қытай билігінің көзін ала беріп, «бейресми» түрде шегара асуын да ұйымдастырды.

Деректер:

Скрин А. (1930). Китайский Туркестан с предисловием И. Бороздина. Москва–Ленинград: Молодая гвардия. 170 с.

Абдуллаев К. Н. (2009). От Синьцзяня до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. Душанбе: Ирфон. 571 с.

Lattimore O. (1951). Inner Asian Frontiers of China. 2nd edition. New-York: Capitol Publishing Co. 585 p.

Richard Yang. Op. (1961). Richard Yang «Sinkiang Under the Administration of Governor Yang Tseng-hsin». Central Asiatic Journal. Vol. 6, no.4, December: 270–316.

Шаметова Т.А. (2024). Российско-Синьцзянские торгово-экономические и политические отношения в 1914–1922 гг. Барнаул: ФГБОУ ВО «АлтГПУ». 2024. 306 с.

РМӘА. 18233-қ. 1-т. 17-іс.

РМӘА. 8443-қ. 1-т. 12-іс.

РМӘА. 110-қ. 7-т. 45-іс.

АОМА. 483-қ. 1-т. 2-іс.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОГРАНИЧНЫХ КРЕПОСТЕЙ В ЗАПАДНОМ КИТАЕ И СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1920-Е ГОДЫ

Еркин СТАМШАЛОВ¹

¹*Казахский национальный университет им. аль-Фараби*

Алматы, Казахстан

kun2013@mail.ru

Аннотация. Несмотря на реализацию властными структурами комплекса мер, направленных на возвращение и устройство мусульманских беженцев юго-восточного Казахстана входящей в состав Туркестанской Автономной Республики, граница с западным Китаем функционировала в строгом режиме. Из-за тяжелой социально-экономической ситуации в Синьцзяне отдельные беженцы и их группы, желавшие переправиться в Семиречье и вернуться на заработки на жизнь, были задержаны пограничными службами двух стран.

На границе с Китаем были сгруппированы 6 батальонов и 6 эскадронов армии Туркестанского ВЧК. Пограничные войска, в основном состояли из солдат-европейцев. Между советскими пограничниками и местным населением сложилась положение взаимного недоверия. В состав вооруженных сил, поставленных Китаем на охрану границы, входили регулярные воинские части и калмыцкие воинские формирования, подчинявшиеся военному губернатору Илийского округа.

Ключевые слова: беженцы казах-киргизы, пограничная служба, пограничные воинские части, реэвакуация беженцев, пограничные войска Синьцзяна, устройство беженцев.

**II. ТАРИХИ ГЕОГРАФИЯНЫ ҚАЛПЫНА КЕЛТІРУ:
ДЕРЕККӨЗ ТӘСІЛІ**

**II. RECONSTRUCTING HISTORICAL GEOGRAPHY:
A SOURCE-BASED APPROACH**

О ГРАНИЦЕ МЕЖДУ ИРАНОМ И ТУРАНОМ ПО ЗОРОАСТРИЙСКИМ ИСТОЧНИКАМ И ШАХНАМЕ

Наргис ХОДЖАЕВА ¹ (ORCID ID: 0009-0005-6540-0915)

*¹Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша
Национальная академия наук Таджикистана
Душанбе, Таджикистан
rangha@mail.ru*

Аннотация. «Авеста», пехлевийские источники, а также известный литературный памятник «Шахнаме» А. Фирдауси являются важными источниками не только по истории, культуре, религии древних иранских народов, но и исторической географии Центральной Азии в доисламский период. Автор статьи отмечает, что «Шахнаме» восполняет сведения из утерянных частей «Авесты». Сравнительный анализ упомянутых источников показал, что в основном все исторические события, описываемые в зороастрийских источниках и «Шахнаме», связаны с одной рекой. В «Авесте» – это Вахви-Датия, а в «Шахнаме» – Джейхун. Основной цикл исторических событий в обоих источниках касается борьбы Ирана и Турана. «Шахнаме» является единственным достоверным источником, который констатирует, что границей между этими двумя историко-культурными областями является река Амударья.

Ключевые слова: «Авеста», «Шахнаме», историческая география, Центральная Азия, Иран, Туран, арийцы, туры, Вахви-Датия, Джейхун, Амударья.

ON THE BORDER BETWEEN IRAN AND TURAN ACCORDING TO ZOROASTRIAN SOURCES AND THE SHAHNAMEH

Nargis KHOJAEVA¹

*¹A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography
National Academy of Sciences of Tajikistan
Dushanbe, Tajikistan
rangha@mail.ru*

Abstract. The «Avesta», Pahlavi sources, as well as the famous literary monument «Shahnameh» by A. Ferdowsi are an important source not only on the history, culture, and religion of the ancient Iranian peoples, but also on the historical geography of Central Asia in the pre-Islamic period. The author of the article notes that the «Shahnameh» replenishes information from the lost parts of the «Avesta». A comparative analysis of the «Avesta», Pahlavi sources and the «Shahnameh» has shown that basically all the historical events described in the Zoroastrian sources and the «Shahnameh» are connected with one river. In the «Avesta» it is Vahvi–Daitya, and in the «Shahnameh» it is Jeyhun. The main cycle of historical events in both sources concerns the struggle between Iran and Turan. The «Shahnameh» is the only reliable source that states that the border between these two historical and cultural regions is the Amu Darya River.

Keywords: «Avesta», «Shahnameh» historical geography, Central Asia, Iran, Turan, Aryans, Tura, Vahvi–Daitya, Jayhun, Amu Darya.

«Авеста» – священная книга зороастризма, религии древних иранских народов, является одним из важнейших источников по изучению древней истории Центральной Азии. Некоторые части этого письменного памятника восходят ко второй половине II тыс. до н.э. Несмотря на то, что многие исследователи сводят на нет его научную ценность, следует все-таки учесть, что за легендами и преданиями, описывающиеся в источнике, скрывается множество весьма интересных для исследования деталей и сведений. Эти сведения особенно ценны для тех, кто занимается вопросами истории, культуры и религии древних иранцев, а также исторической географией Центральной Азии в доисламский период. Особо следует подчеркнуть, что «Авеста» складывалась в течение многих столетий на территории Центральной Азии. Авторы этого многослойного памятника жили в Центральной Азии и отразили не только ее географический фон, но указали все племена и народности, проживающие на ее территории, а также историко-культурные области центральноазиатского региона.

В Авесте центральное место занимает мифический цикл, состоящий из рассказов о вечной борьбе арийцев (иранцев) и туров. Этнонимы ариец, иранец; арийский, иранский (авест. *airiia-*, др. -инд. *ārya-* др.перс. *ariya-*, ср.-перс. *ēr*) (Bartholomae, 1904: 198; Расторгуева, Эдельман, 2000: 222) в значении «благородный», «свободный», «господин» (Palmer, 1974: 17–18; Расторгуева, Эдельман, 2000: 222) и тур (авест. *tūra-*, *tūriia-*, др. -инд. *turiya-*, *turya-*, ср.-перс. *tūr*) (Bartholomae, 1904: 656) в значении «храбрый» «отважный», «богатырь» (Lugatnoma-i, 1377/1998: 7116; Amit, 1363/1984: 750) впервые упоминаются в «Авесте». Оба этнонима легли в основу топонимов Иран и Туран. Топоним Иран (авест. *airiianəm.vaējah*), упоминается в «Авесте» в значении «арийский простор» в (Vd. 1.1–2; 2. 20–21), (Ys. 9.14), (Yt. 1.21; 5.17, 104; 15.2; 17.45) (Benveniste, 1933–1935: 267) и «область/страна, занимаемая арийцами» – *airiianəm. dahyunəm* (Yt. 13–143–144) (Titus Text Collection) (Лелеков, 1982: 151–153). В пехлевийских источниках топоним принимает форму *Ērān-vēž* (Bd. 12. 43; 14. 49; 20. 11, 13; 22. 7; 29. 4–5, 12) (The Bundahis, 1880), (Dd. 21.2–3; 34.2 (*Dâdistân-î Dînîk*, 1882), (Dk. VII.7. 62–63, VII. 9.23; IX.16.13; IX.20.3) (*Dînkard*, 1897; Denkard), (MX. 62. 12–15, 3) (*Maînôg-î Khirad*, 1885), PR. 46.13, 15; 65.13) (*Pahlavi Rivöyat*, 1990).

Топоним Туран (авест. *tūriiānəm dahyunəm*, ср.-перс. *Tūrān* – «область/страна, занимаемая турами») (Лелеков, 1982: 151–153) впервые упоминается в датируемой 260–262 гг. надписи Шапура I (240–272) на «Каабе Зороастра» (ŠKZ 1.2) (*Šāpūr I's inscription*; Трехязычная надпись) в Накше-Рустам недалеко от Персеполя (Иран). (Аликберов, Мудрак, 2020: 190). Топоним также встречается на сасанидских печатях (Gyselen, 2002: 174–175, B377, Fig. 51) периода правления Кавада I (484, 488–497, 499–531) и Хосрова I (531–579) (Gyselen, 2002: 23) и в пехлевийских источниках (Dk. VII. 2. 62–66; ZSp. 12. 8–9) (*Zâd-Sparam*, 1880; 1887). Самыми многочисленными упоминаниями топонима Туран отмечен литературный памятник «Шахнаме» А. Фирдауси (Фирдауси, 1957–1989).

Рис. 1 Авестийский мир.

Борьба арийцев с турами отражает этническую ситуацию в Центральной Азии второй половины II – начала I тыс. до н.э., то есть в эпоху средней и поздней бронзы. В этот период территория Центральной Азии была ареной постоянных межплеменных контактов и миграций. В это время появляются этнические образования, из которых сформировался таджикский этнос. В многочисленных фрагментах «Авесты» межплеменные контакты и миграции зафиксированы в борьбе между арийцами и турами («Яшт» 5. 21–22, 25–26, 33–34, 41–42, 49–50, 53–56, 57–58, 72–73, 81, 108–118; «Яшт» 17. 24–34, 38, 41–43, 49–51, 55–56; «Яшт» 19. 55–64 и т.д.).

Следует отметить, что начиная с эпохи средней и поздней бронзы на территории Центральной Азии более отчетливо проявляется неравномерность исторического развития двух ее историко-культурных областей. В пояс южных земледельческих цивилизаций входит территория современных Южного Туркменистана, Южного Узбекистана, Южного Таджикистана и Северного Афганистана. Северная степная периферия, где производящая экономика в целом развивалась преимущественно по скотоводческому пути, включает в себя Приаралье, Ферганскую долину, в которые входят просторы пустынь Каракумов и Кызылкумов, прорезанные речными долинами с дельтовыми равнинами больших и малых рек, в числе которых Амударья, Сырдарья и Зарафшан. В степную зону также входили территории современного Северного Таджикистана и горные районы Центральной Азии (Пьянкова, 1998: 130). Таким образом, Центральная Азия являлась ареной постоянных межплеменных контактов и миграций, сопровождавшихся взаимными культурными влияниями и ассимиляцией различных культурных традиций.

Действительно, в «Авесте» отражается этническая картина Центральной Азии второй половины II – начала I тыс. до н.э., то есть противостояние между двумя этническими группами одного этноса, которые различаются только по типу их хозяйственной деятельности. Основным видом хозяйственной деятельности арийцев-иранцев было земледелие, а у туров и родственных им племен, обитавших в степях – скотоводство.

Возникает вопрос: «Где проходила граница владений арийцев и туров? В своих исследованиях по исторической географии Центральной Азии по зороастрийским источникам мы отмечали, что в древности и средневековые границы между различными историко-культурными областями в основном определялись по рекам, горам, морям и озерам. Некоторые элементы ландшафта становились ориентирами для обозначения прохождения естественной границы на местности на многие столетия (Ходжаева, 2017: 22). Об этом свидетельствуют письменные источники. Так, в «Авесте» упоминаются оронимы и гидронимы, а также топонимы, с которыми связаны исторические события, в том числе и цикл сказаний о борьбе иранцев с турами и родственными им племенами. К сожалению, до нашего времени не дошли те фрагменты «Авесты», которые отражают полную картину окружающего мира авестийских племен, в том числе и сведения о границе между владениями иранцев и туров. Недостающие сведения мы можем получить из более поздних зороастрийских источников (пехлевийская литература) и всемирно известного эпического произведения «Шахнаме» («Книга царей») А. Фирдауси. Предания о легендарных царях, а также о борьбе между иранцами и туранцами, отраженные в «Авесте», получают художественное развитие и достигают финала в этом всемирно известном литературном памятнике. Ценность поэмы заключается в том, что она повторяет сюжет «Авесты» о борьбе иранцев с турами, восполняя важную информацию об исторических событиях, которые описываются в утерянных фрагментах «Авесты». Поэтому «Шахнаме», как и зороастрийские источники, является важным источником по истории, культуре и религии древних иранских народов, а также исторической географии Центральной Азии в доисламский период (Ходжаева, 2017: 44-45).

Следует особо подчеркнуть, что благодаря именно «Шахнаме» удалось локализовать границу владений иранцев и туров и родственников им племен.

Итак, перечислим историко-культурные области, упоминаемые в «Фравардин-яште» «Авесты». Это владения арьев-airiia-, туров – tūra-, tūriia, сайрима-sairima-, саэна-sāinu-, sāini- и дахов – dāhī-, dāṇha- («Яшт» 13. 143-144). Вероятнее всего, три из упомянутых областей названы в честь сыновей Траэтона – θraētaona (ср.-перс. Фретон, фарси Феридун): области арья, турья, сайрима. Рассказ о разделе царских владений Траэтона между сыновьями повествуется в утраченном «Чихрдад-наске» «Авесты», восполненном в кратком изложении в пехлевийском источнике «Денкарде» и «Шахнаме». Так, согласно зороастрийской традиции, уничтожив злодея Ажи-Дахака – aži-dahāka (ср.-перс. Аждахак, фарси Заххак, тадж. Аждахор) – («Яшт» 14.40; 19.37; «Ясна» 9.8), Феридун сохранил Хванирату – xvaniratha, центральный Каршвар для трех своих сыновей (Dk. VII. 1.26). Из пехлевийских источников мы узнаем также, что старших детей Феридуна звали Сайрима и Тур, а младшего – Арья («Bd» 31.9; Dk. VII. 1.126). Об этом также говорится и в «Шахнаме» (Фирдауси, 1957: 85, 93, 98–100).

Важно отметить, что сведения о том, что Траэтона-Феридун разделил свое царство между тремя сыновьями засвидетельствовано только в «Шахнаме». Так, согласно поэме, Запад достался Сельму (авест. Сайрима), Чин (Китай) и Туран – Туру, и Иран – Иреджу (авест. Арья) (Фирдауси, 1957: 99–110). Из «Шахнаме» мы узнаем, что старшие братья затаили злобу на младшего, так как ему достались самые лучшие земли, а им – далекие окраины. Сельм и Тур решили пойти с войной на Иреджа. Узнав о намерении братьев, Иредж сам пришел в воинский стан братьев с готовностью отдать им свой трон. Тур, терзаемый ненавистью и злобой к Иреджу, обезглавил его. Это убийство и стало причиной многовекой вражды Ирана и Турана (Фирдауси, 1957: 99–115), что в принципе и объясняет причину «битв войск вражьих двух враждебных стран», о чем свидетельствуют «Авеста» («Яшт» 10.8,47–48; 14.48,53)

и «Шахнаме», где говорится: «Сказали царю, покорителю стран: Туранцы походом идут на Иран...» (Фирдауси, 1965: 197).

Заметим, что «Шахнаме» так же, как и зороастрийские источники свидетельствует о том, что иранцы и туранцы имеют общих предков. Так, в своем послании к Кай-Кубаду (авест. Kauii Kauiāta – Кави Кавата) Пешенг из рода Тура отмечает, что царь Феридун основал наш древний род (Фирдауси, 1957: 344), что свидетельствуют о том, что и Кай-Кубад и Пешенг¹ – прямые потомки Феридуна.

О том, что когда-то Иран и Туран были едины, отмечает также Афрасиаб в своем наставлении Герсивезу, который собирается к Сиявшу (Фирдауси, 1960: 148).

Обратим внимание на то, что Ф. Джунайди (Джунайди, 1958: 178–185) доказывает одинаковое значение слов «азадаги» и «иранец», отмечая, что слово азадаги в значении «свободный», «благородный» является самоназванием иранцев и встречается в «Шахнаме» не один раз (Фирдауси, 1957: 399, 444; Он же, 1984: 206, 207; Он же, 1989: 60, 84, 220, 229). Ученый приводит отрывок из «Шахнаме», в котором говорится, что жена Тура носила имя Азада (Фирдауси, 1957: 99), что также тождественно слову «ариец», то есть иранец (Джунайди, 1958: 178). Это еще одно свидетельство о том, что в «Шахнаме», как и в «Авесте» туры и иранцы имеют общее происхождение.

Заметим, что в «Шахнаме» топоним Туран стал часто упоминаться Фирдауси с эпохи царствования Феридуна. В.В. Бартольд, на наш взгляд, кратко и понятно дал объяснение происхождению слова Туран, и почему оно стало относиться к туркам. Ученый пишет: «Что касается Турана, то это название встречается в Авесте, и предполагают, что это другая ветвь арийского народа, менее культурная. Между этими двумя народами, ариями и турами, была вражда и затем, когда Туркестан подпал к VI в. под владычество Турок, то эти два слова сблизились, и название Туран стало относиться к туркам, к которым оно не относилось первоначально» (Бартольд, 1965: 661).

Нельзя не обратить внимание на тот факт, что и арийцы, и туры говорили на диалектах авестийского языка и поклонялись одним и тем же богам, о чем свидетельствуют многочисленные отрывки «Авесты» (Yt. 5.33–34, 37–38, 41–42, 45–46, 49–50, 53–54, 57–58, 68–69, 72–73, 81–82, 108–109, 112–113, 116–117; 17.38, 41–42, 61–62).

Что касается границы Ирана и Турана, то об определении пограничной линии между владениями арийцев и туров говорится в сказании о легендарном стрелке Эрехше – Эгəхša-, (среднеперс. и фарси Арахш). Согласно «Авесте» и пехлевийским источникам, после 12-летнего царствования Франхрасьяна – frañrasiian-, (ср.-перс. Фрасияк, перс. и тадж. Афрасиеб) в Иране Мануш-читра – manuš.čīθtra- (ср.-перс. Манушчихр, перс. и тадж. Манучехр) освобождает страну от врагов-туров и вступает в переговоры относительно границы между Ираном и Тураном. Куда долетит стрела, выпущенная из лука с горы Арьяхшута – aīriiō-xšūθa- – в восточную сторону, там и должна пройти граница. С горы Арьяхшута стрелу пустил лучший юный стрелок Эрехш-əgəxša-. Стрела долетела до горы Хванавант – xvanuuant- («Яшт» 8. 6–7; Dk. VII. 1.29). Арьяхшута локализуется с горой Демавенд в 70-ти км от Тегерана (см.: Ходжаева, 2017: 156–157). Что касается горы Хванавант, то на наш взгляд, более убедительно ее отождествление с хребтом Кугитанг, простирающийся от Амударьи до Железных ворот (см.: Ходжаева, 2017: 258–259). «Шахнаме» продолжает авестийскую традицию о стрелке Эрехше, и, более того, согласно поэме, граница между Ираном и Тураном проходит по Амударье, о чем свидетельствует не один отрывок из «Шахнаме».

¹ В некоторых рукописях имя пишется Хушанг (авест. Haošīanǰha – Хаошянха).

Так, в послании Кай-Кубаду Пешенг отмечает, что владенья туров должны оставаться прежними «с Хергаха, где льется Джейхун, до Мавараннахра весь край», а «долей Эреджа считался Иран, что был при разделе отцом ему дан»... Как встарь Феридун совершить повелел. Меж Туром, Иреджем и Сельмом раздел – на том порешим, так поделим мы свет» (Фирдауси, 1957: 344).

В поэме имеется еще один отрывок, где Пешенг называет Джейхун границей Ирана и Турана (Фирдауси, 1957: 345–346).

Наконец, Бахрам, устанавливая пограничные столбы между Ираном и Тураном, отмечает Джейхун их границей (Фирдауси, 1989: 297)

Таким образом, сравнительный анализ «Авесты», пехлевийских источников и «Шахнаме» показал, что в основном исторические события, описываемые в этих источниках, связаны с одной рекой. В «Авесте» – это Вахви-Даития, а в Шахнаме – Джейхун. Основной цикл исторических событий в обоих источниках касается борьбы Ирана и Турана. «Шахнаме» является единственным достоверным источником, который констатирует, что границей между этими двумя историко-культурными областями является река Амударья.

Источники:

Аликберов, А.К., Мудрак, О.А. (2020). Арран и сопредельные страны в Парфянском тексте трехязычной надписи III в. на скале Ка'ба-йи Зардушт (ŠKZ). Вопросы ономастики. Т. 17. №1: 190–202.

Бартольд, В.В. (1965). Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Работы по истории Кавказа и Восточной Европе. Сочинения. Москва: Наука, Т. II (1): 651–765.

Джунайди, Ф. (1958) Зэндэги ва мухаджират-и нэжад-и айра-ий бар асас-и рэвайат-и ирани. Техран.

Лелеков, Л.А. (1982). Термин «арья» в древнеиндийской и древнеиранской традициях. Древняя индия. Историко-культурные связи. Москва: Наука: 148–163.

Пьянкова, Л.Т. (1998). Энеолит и бронзовый век. История таджикского народа. Древнейшая и древняя история. Душанбе: Суруш. Т. I: 124–200.

Расторгуева, В.С., Эдельман, Д.И. (2000). Этимологический словарь иранских языков. Москва: Издательская фирма «Восточная литература». Том. 1.

Amit, A. (1363/1984/). Farhang-i Amit. Tehron, Amir Kabir.

Трехязычная надпись Шапура I. <http://pahlavi.ru/library/shapuhr> (Дата обращения: 12.05.2025).

Фирдауси, А. (1957–1989). Шахнаме. В 6-ти т. Пер с фарси Ц.Б. Бану-Лахути. Москва: Издательство АН СССР.

Фирдауси, А. (1957). Шахнаме. Том I: От начала поэмы до сказания о Сохрабе. Изд. подг. Ц.Б. Бану, А. Лахути. Москва: Издательство АН СССР.

Фирдауси, А. (1960). Шахнаме. Т. II: От сказания о Ростеме и Сохрабе до сказания о Ростеме и хакане Чина. Пер. с фарси Ц.Б. Бану-Лахути; под ред. А. Азера; коммент. А.А. Старикова; отв. ред. А. А. Стариков. Москва: Издательство АН СССР, Наука.

Фирдауси, А. (1965). Шахнаме. Т.III: От сказания о битве Ростема с Хаканом Чина до царствования Лохраспа. А. Фирдауси; пер. с фарси Ц.Б. Бану-Лахути; под ред. А. Азера; коммент. А.А. Старикова; отв. ред. А.А. Стариков. Москва: Издательство АН СССР.

Фирдауси, А. (1984). Шахнаме. Т. V: От начала царствования Искендера до начала царствования Йездигерда, сына Бехрама Гура. Пер. Ц.Б. Бану-Лахути, В.Г. Берзнева; отв. ред. А.Н. Болдырев. Москва: Наука.

Фирдавси, А. (1989). Шахнаме. Т. VI: От начала царствования Йездигерда, сына Бахрама Гура, до конца книги. Пер. Ц.Б. Бану-Лахути, В.Г. Берзнева; отв. ред. А.Н. Болдырев. Москва: Наука.

Ходжаева, Н.Дж. (2017). Историческая география Центральной Азии в доисламский период. Душанбе: Дониш.

Bartholomae, Chr. (1904). Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, Verlag Von Karl J. Trübner.

Benveniste, E. (1933–1935). L'Eran-vez et l'origine legendaire des Iraniens, in BSO(A)S VII: 265–274.

Dâdistân-î Dînik (1882). *Dâdistân-î Dînik and the epistles of Mânûskîhar. Part II: Dâdistân-î Dînik*. Transl. by E.W. West. Oxford: Oxford University Press: 1–276. (SBE, vol. 18).

Dînkard (1897). *Pahlavi texts. Pt. V: Marvels of Zoroastrianism. Dînkard. Books V, VII; Selections of Zâd-Sparam*. Transl. by E.W. West. Oxford: Clarendon Press: 3–130 (SBE, vol. XLVII).

Denkard. Book 9. <https://www.avesta.org/denkard/dk9sbe> (Дата обращения: 12.05.2025).

Gyselen, R. (2002). *Gyselen R. Nouveaux matériaux pour la géographie historique de l'empire Sassanide. Sceaux administratifs de la Collection Ahmad Saeedi*. Paris: Association pour l'avancement des études iranniennes. (SI, Cahier 24).

Lugatnoma-i Dekhudo (1377/1998/). Jildi 5. Nashri 2. Bo tahriri M. Mu'in. Tehron: Donishgoh-i Tehron.

Maînôg-î Khirad (1885). *Dînâ-î Maînôg-î Khirad, Sikand-gûmânîk Vigâr, and the Sad Dar. Part III: Dînâ-î Maînôg-î Khirad*. Transl. by E.W. West. Oxford: Oxford University Press: 1–133. (SBE, vol. 24).

Pahlavi Rivôyat (1990). *Pahlavi Rivôyat accomponyng the Dâdestân ī Dēnīg. Part I: Transliteration, Transcription and Glossary by A.V. Williams. Part II: Translation. Commentary and Pahlavi Text by A.V. Williams*. Copenhagen: Munksgaard.

Palmer, L.R. (1974) *Arya-. A Homological Sketch*, in *Antiquitates Ind,ogermanicae: Studien zur indogerman. Altertumskunde u. zur Sprach- u. Kulturgeschichte d. indogerman. Völker. Gedenkschrift f. Hermann Güntert zur 25. Wiederkehr seines Todestages am 23. April 1973 / Hrsg. von M. Mayerhofer*. Innsbruck, Inst. für Sprachwiss. der Univ. Innsbruck.

The Bundahis (1880). *The Bundahis, Bahman-Yasht [Pahlavi], and Shâyast [and Appendix to the Bundahis: Selections of Zâdspram, brother of dastûrPârs and Kirmân, A.D. 881. Part I. Chapters I-IX (Paraphrase of Bundahis, I-XVII)]*. Transl. by E.W. West. Oxford: Oxford University Press: 1–151 (SBE, vol. 5).

Titus Text Collection. <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etsc/iran/airan/avesta> (Дата обращения: 12.05.2025).

Zâd-Sparam (1880;1887). *Pahlavi Texts. Pt. I: Selections of Zâd-Sparam. Chapters I-XI*. Transl. by E.W. West. Oxford, Oxford University Press: 153–187. (SBE, vol. V.); *Pt. V: Marvels of Zoroastrianism. Selections of Zâd-Sparam. Chapters XII-XXIV*. Transl. by E.W. West. Oxford: Clarendon Press: 133–171. (SBE, vol. XLVII).

Šāpūr I's inscription, Ka'ba-ye Zartošt (ŠKZ), in *Sasanika Late Antique Near Est Project*. <https://sites.uci.edu/sasanika/sapur-is-inscription-kaba-ye-zartost-skz/> (Дата обращения: 12.05.2025).

ЗОРОАСТРИЗМ ДЕРЕККӨЗДЕРІ МЕН «ШАҢНАМЕ» ЭПОСЫНДАҒЫ ИРАН МЕН ТҰРАН АРАСЫНДАҒЫ ШЕГАРА

Наргис ХОДЖАЕВА¹

*¹А. Дониш атындағы Тарих, археология және этнография институты,
Тәжікстан Ұлттық ғылым академиясы,
Душанбе, Тәжікстан Республикасы
rangha@mail.ru*

Аңдатпа. «Авеста», пехлеви тіліндегі дереккөздер, сондай-ақ А. Фирдоусидің әйгілі әдеби туындысы – «Шаһнаме» – ежелгі иран халықтарының тарихы, мәдениеті мен дініне ғана емес, исламға дейінгі кезеңдегі Орталық Азияның тарихи географиясына қатысты да маңызды мәліметтер береді. Мақала авторы «Шаһнаме» «Авестаның» жоғалған бөліктерін ішінара толықтыратынын атап көрсетеді. Аталған деректердің мәтіндеріне жүргізілген салыстырмалы талдау бұл дереккөздерде сипатталған тарихи оқиғалардың көпшілігі бір өзенмен байланысты екенін көрсетеді. «Авестада» бұл өзен – Вахви-Датия, ал «Шаһнаме» эпосында – Джейхун. Екі дереккөзде де Иран мен Тұран арасындағы күрес негізгі тарихи оқиғалар желісін құрайды. «Шаһнаме» – Иран мен Тұран арасындағы шегара Амудария өзені екендігін нақты көрсететін жалғыз сенімді дереккөз.

Түйінді сөздер: «Авеста», «Шаһнаме», тарихи география, Орталық Азия, Иран, Тұран, арийлер, турлар, Вахви-Датия, Джейхун, Амудария.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ МАВЕРАННАХРА И ХОРАСАНА ПО СВЕДЕНИЯМ «ШАХНАМЕ» ФИРДОУСИ

Тахмина БОСТАНОВА ¹ (ORCID ID 0000-0003-1662-7740)

¹Кафедра истории философии и социальной философии,

Таджикский национальный университет

Душанбе, Таджикистан

tahminaboss@mail.ru

Аннотация: «Шахнаме» Фирдоуси не только выдающийся памятник персидско-таджикской литературы, но и важный исторический источник по древней и раннесредневековой истории Ирана и сопредельных стран. Всего приведено около 325 топонимов – названий стран, городов, различных крепостей, рек, озер и т.д., которые в основном находятся на территории Хорасана и Мавераннахра, и их локализация не составляет большого труда. Многие из приведенных топонимов до сих пор фигурируют под своим историческим названием – Балх, Забул, Согд, Бухара, Систан и т.д. другие же больше не используются и приходится прибегать к анализу исторических и археологических источников для их локализации.

Ключевые слова: «Шахнаме», Фирдоуси, Хорасан, Мавераннахр, Иран, Согд, Тохаристан.

HISTORICAL GEOGRAPHY OF MAVERANNAHR AND KHORASAN ACCORDING TO FERDOWSI'S SHAHNAMEH

Tahmina BOSTANOVA¹

¹Department of History of Philosophy and Social Philosophy,

Tajik National University Dushanbe, Tajikistan

tahminaboss@mail.ru

Abstract: Ferdowsi's Shahnameh is not only an outstanding monument of Persian-Tajik literature, but also an important historical monument of ancient and early medieval history of Iran and neighboring countries. In total, there are about 325 toponyms – names of countries, cities, various fortresses, rivers, lakes, etc., which are mainly located on the territory of Khorasan and Transoxiana. and their localization is not difficult. Many of these toponyms still appear under their historical names – Balkh, Zabul, Sogd, Bukhara, Siistan, etc. others are no longer used and it is necessary to resort to the analysis of historical and archaeological sources for their localization.

Keywords: Shahnameh, Ferdowsi, Khorasan, Maverannahr, Iran, Sogd, and Tokharistan.

Более тысячи лет как бессмертному произведению Фирдоуси. Исследователи отмечают его историческую значимость и правдивость множества географических сообщений. Впервые на важность использования «Шахнаме» Фирдоуси в исторической географии указали советские ученые, которые отметили, что в произведении верно локализируют города и реки Хорасана и Мавераннахра, а также и другие сопредельные страны (Птицын, 1947: 301–303).

Многие топонимы до сих пор используются, другие же удалось идентифицировать благодаря историческим источникам и археологическим данным. Можно отметить на поразительную точность описания географических названий со стороны Фирдоуси, если отметить все географические названия, приведенные в «Шахнаме», то это будет почти современная карта, на которой будут указана почти вся Евразия, например, на севере – реки Сырдарья, Урал, озеро Балхаш, река Волга, в южном направлении Египет и западные берега Красного моря, Судан, Берберия, Эфиопия и Йемен, Индийский океан с островами Индонезии, Камбоджа и Бирма; на восточное направление указывают Индия, Гималайские горы, Тянь-шаньские горы в Китае; на западе же можно отметить Малую Азию, Турцию, Сирию, Средиземное море, и даже Испанию (Андалузия) и юг Италии (Надушан, 1365: 45–47). В данной статье в основном уделяется внимание некоторым аспектам исторической географии «Шахнаме», в основном историческим областям Мавераннахр и Хорасана.

Исторические области Среднего Востока в «Шахнаме» локализируются следующим образом: Мавераннахр – от арабского Мавераннахр, Заречье, современная Средняя Азия за исключением Туркменистана. До прихода арабов земли, расположенные за рекой Амударья назывались Вароруд или Героруд (Заречье). После завоевания арабами в VII в. земли за рекой Амударья стали называться Мавераннахром (Бартольд, 1963: 477). Согласно сведениям автора «Худуд ал-алам» в X веке границы Мавераннахра на востоке простирались до Таббата, на юге граничил с Хорасаном, на западе – с Гузом, а на севере – с Халлухом (Худуд ал-алам, 1983: 68).

*Так звали обширный тот край искони,
Но Мавераннахром зовут в наши дни* (Фирдоуси, 1964–1966: 105).

Хорасан. До середины VIII века Хорасан был провинцией с центром в городе Мерв. В период арабских завоеваний под Хорасаном подразумевались не только территория собственно Хорасана, т.е. области, расположенные до Амударьи, но и области, расположенные за Амударьей вплоть до Ферганы и Исфиджаба. До монгольского нашествия Хорасан занимал земли до Амударьи и имел 4 центральных города: Балх, Герат, Мерв, Нишапур.

*Тебе во владенье даю Хорасан,
Покою и радостью будь осиян* (Фирдоуси, 1964–1966: 527).

Хорезм – страна, которая охватывала нынешние области Каракалпакии, Хиву, Хорезм и часть земель левобережья Амударьи в Узбекистане. По сведениям Ал-Мукаддаси: «Хорезм – область, расположенная по обоим берегам Джайхуна. Его крупная столица расположена в Хейтальской (Мавераннахрской) стороне. Его другая столица находится в Хорасанской стороне. Язык, характер и обычаи жителей обеих берегов различаются. Область Хорезм обширна со множеством городов, с многочисленными возделываемыми землями и садам. Сами хорезмийцы тянутся к науке. Самый последний имам по богословию (фикх), литературе и по Корану имеет хорезмийского ученика. В Хайтальской стороне Хорезма расположены города:

Гардман, Вайхан, Ардахева, Нукфаг, Курдар, Маздахкан, Джушира, Садур, Зардух, село Баратегин, Мадкаминия и столица Хорезма – Кат. А Хорасанская столица Хорезма – город Джурджанийа. Его другие хорасанские города: Навзувар, Замахшар, Узарманд, Вазарманд, Даскаханхас, Хутмисан, Мадамисан, Хева, Кардаранхас, Хазарасп, Джигарбанд, Джаз, Дарган, Джит, Садфар, Масасан, Кардор, Андаристан» (Якут, 1866–1869: 350–354).

Сражался, как лев, и отвага дала

Плоды – Хорезмийская степь расцвела (Фирдоуси, 1964–1966: 515).

Хатлан (Хутталан) – область в Мавераннахре, сегодня занимает территории нынешней Хатлонской области Таджикистана. Область располагалась в бассейне трех рек: Пяндж, Вахш и Харноб. В Хуттале было много городов: столица Хульбук (или Хульбак), Мунк, Тамлият, Нучара, Куляб, Искендара, Маранд, Барсариг, Рустакбек и др. города (Гоибов, 2007: 23). По сведениям Байхаки с XI в. Хутталан вошел в состав империи Газневидов, где еще при султан Махмуде сидел амил Бу-л-Хайр Балхи, а главным казием области был имам Бу Садик Таббани. В области Хутталан находились двадцать с лишним медресе с вакфами при них (Байхаки, 1962: 290).

Прислали Хатлан, Висегирд и Термез

Войска, поднимающие пыль до небес (Фирдоуси, 1964–1966: 119).

В этом отрывке упоминается Висегирд (Вашгирд) – город в Мавераннахре. Ныне остатки Вашгирда находятся в километре к югу от центра Файзабадского района Таджикистана, на месте развалин Калъа-и Сангин (Каменная крепость) или, по-другому Тал-и-Возджур (Холм Возджур) и занимает около 80 га (Беленицкий, 1950: 135–136). По сведениям автора «Худуд ал-алам» город Вашгирд находился среди гор и равнин и был расположен между Чаганианом и Хутталюном (Худуд ал-алам, 1983: 70).

Термез – город на берегу Амударьи, напротив Балха. «Термез приятный, чистый город, расположен на берегу Аму. В нем много воды и много жителей. В городе имеется кухандиз и рабат. В своих пашнях жители пользуются водой реки, которая течет из Чаганиана» – писал Истахри (Ал-Истахри, 1939: 220). Во время арабского завоевания в Термезе господствовал буддизм. Там было 12 монастырей и до 1000 монахов. (Бартольд, 1964: 504). Автор «Худуд ал-алам» пишет, что Термез являлся царским дворцом Хутталюна и Чаганиана и его кухандиз был расположен на берегу реки Джайхун (Амударья) (Худуд ал-алам, 1983: 70).

Туран – В «Шахнаме» Ирану противопоставляется мифический Туран, который включает в себе Мавераннахр, Туркестан, Восточный Туркестан, Афганистан, Китай. Термин «Туран» не имеет никакой связи с тюрками. По сведениям «Шахнаме» область названа по имени старшего сына царя Фаридуна Тура, свое имя который получил от быка «тура» и которому по завещанию достались эти земли. Иран и Туран являются двумя огромными регионами, где проживали народы иранского происхождения (Башири, 2009: 166).

Тур получил Турана землю с Чином

Туранцев стал вождем и властелином (Фирдоуси, 1964–1966: 101).

В «Сказании о Бахраме Гуре» есть сообщение о том, что Бахрам Гур идет на Амуй, переправляется через Джейхун, проходит Фараб и доходит до Маймурга, которое известно как название одного из согдийских княжеств (Птицин, 1947: 301–303). Также Фирдоуси дважды упоминает старое название Сыр-дарьи – то есть «Гулзарриун» (Птицин, 1947: 301–303) (средневековое название Сайхун).

*До Гулзариюна, пылая враждой,
Домчались, кровавый им грезится бой* (Фирдоуси, 1964–1966: 118).

Джейхун – другое название реки Амударьи, одной из главных рек Средней Азии.

*Без грамоты царской никто не ходил;
К тому же Джейхун рубежом послужил* (Фирдоуси, 1964–1966: 297).

Среди известных городов Мавераннахра Фирдоуси приводит такие известные города Средней Азии как Бухару, Чач (Шаш) – город в бассейне реки Парак или Тарак (ныне – Чирчик), сегодняшний Ташкент, Согд – столицу Согда, Сапиджаб (Исфиджаб) – находился на месте нынешнего города Сайрам близ города Шымкент в Казахстане (Иванов, 1927: 162).

*Чач, Согд, Самарканд, Бухару, Сапеджаб
И земли, и трон – бросил все Афрасияб* (Фирдоуси, 1964–1966: 153).

Байканд (Пайкенд) – город в Бухаре, расположенный в пустыне. В нем было построено до тысячи рабатов (Худуд ал-алам, 1983: 68–69). По Наршахи, арабский военачальник Кутайба ибн Муслим при завоевании этого города испытывал большие затруднения (Наршахи, 1979: 19–20).

*По-новому ныне Бейкентом зовем.
Мы в смутное, тяжкое время живем* (Фирдоуси, 1964–1966: 359).

Один из старейших городов, название, которого упоминается еще в священной книге зороастрийцев «Авесте» в качестве столицы древней Бактрии – Бактры. В средние века Балх – один из центральных городов Хорасанской области. В «Худуд ал-алам» относительно Балха сообщается, что он является крупным городом и все правители избирают его своим местопребыванием. Там имеется место, где наблюдаются остатки великолепных зданий, которое называют Навбахаром. Оно является местом благоволий. Там выращивается цитрон, померанец, сахарный тростник, лотос и др. В Балхе имеется много рынков-базаров (Худуд ал-алам, 1983: 65).

*Казну и оружие, рати ему
Балх выслал и Зем, и Шугнан, и Аму* (Фирдоуси, 1964–1966: 118).

Здесь же упоминается Навбахар – буддийский храм в Балхе. Буддизм, возникший на территории Древней Индии в VI в. до н.э., получил широкое распространение в период правления царя династии Маурия Ашоки с 273 г. до н.э. В конце I тыс. до н.э. буддизм получает широкое распространение на территории Средней Азии и в восточной части Хорасана. Его расцвет в этом регионе отмечается в I–IV вв. н.э. О широком распространении буддизма свидетельствуют остатки многочисленных буддийских храмов, мемориальных сооружений – ступ и монастырей (сангарам и вихар), построенных в кушанское время на территории Средней Азии и

Афганистана. Китайские источники свидетельствуют о буддийских храмах как центрах просвещения в Навбахаре и Балхе. В период правления Сасанидов в IV–V вв. монастырь Навбахар стал зороастрийским храмом, но в VI–VII вв. вновь превратился в буддийский монастырь (Птицин, 1947: 57–59).

*Он двинулся в Балх, к Навбехару, что был
Для тех, кто Йездана бессмертного чтит* (Фирдоуси, 1964–1966: 65).

Здесь же упомянут другой зороастрийский храм как Азарборзин – или Азармехр Борзин в городе Балхе, которого построил Гаршосб (Виштасп) после того принял зороастризм. В Авесте назван этот храм «Озари Бурзинмехр».

*Светилище-диво возвел властелин,
Назвав его именем славным – Борзин* (Фирдоуси, 1964–1966: 9).

*Построив блистательный Мехри-Борзин
Прославил себя на века властелин* (Фирдоуси, 1964–1966: 68).

Известнейший памятник буддизма на территории Центральной Азии, где до недавнего времени находилось печально известное изваяние Будды Бамиан. По сведениям, арабских источников, это название района и города в горах Хорасана, входившие в округ Балха (Ал-Мукаддаси, 1361: 335, 339). По сведениям автора «Худуд ал-алам» Бамиан расположен между Гузганом и Хорасаном. Рядом с этим городом протекает большая река. Там находятся два крупных идола, вырезанных в каменных горах. Одного называют Сурхбут, а другого – Хингбут (Худуд ал-алам, 1983: 65). В Бамиане, в пещерном комплексе, функционировала огромная библиотека и находилось более тысячи буддийских жрецов. Уроженец Балха, автор историко-географического сочинения «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» Махмуд ибн Вали (XVII в.) пишет, что Бамиан в давние времена был большим городом и столицей. Чингиз-хан сравнивал город с крепостью с землей, а людей уничтожил со страшными пытками. С того времени Бамиан остается в развалинах. Согласно известиям древних авторов Бамиан – имя дочери Заххака-дракона, который был убит Фаридунум и что владения Кабул, Забул, Балх и Тохаристан являлись ее владениями, и она заложила там город и назвала его своим именем (Махмуд ибн-Вали, 1977: 21).

*И дальше пять градов, средь них Бамиан,
Которым когда-то гордился Иран* (Фирдоуси, 1964–1966: 261).

Заключение

В «Шахнаме» приводит около 325 топонимов – название стран, городов, различных крепостей, рек, озер, гор. Большинство топонимов, приведенных в «Шахнаме», находятся на территории Хорасана и Мавераннахра, и их локализация не составляет большого труда. Некоторые географические названия до сих пор используются, например такие как Бухара, Самарканд, Бамиан, Балх и т.д. Судя по точной локализации данных географических названий они были широко известны в средневековье, автор знал точное их месторасположение. Некоторые топонимы до сих пор вызывают вопросы и нуждаются в точной локализации. Таким образом, «Шахнаме» Фирдоуси является источником по исторической географии раннего средневековья не только Центральной Азии, но и сопредельных стран.

Источники:

Ал-Истахри, Абу Исхак (1939). Китаб Мамалик ва масалик Пер. С. Волина. МИТТ. Том. I. Москва–Ленинград.

Ал-Мукаддаси (1361). Ахсан-ут-такасим фи ма'рифат ал-акалим. Пер. Аликлии Мунзави. Тегеран: Ширкати муаллифон ва мутарджимони.

Байхаки, Абулфазл Мухаммад ибн Хусейн (1962). История Мас'уда. 1030–1041. Пер. А.К. Арендса. Ташкент.

Башири, Эрадж (2009). Турк ва тур дар «Шахнаме»-и Фирдавси (на таджикском, английском и персидском языках). Душанбе, Эджод.

Бартольд, В.В. (1963). Сочинения. Том. III. Москва: Наука.

Беленицкий, А.М. (1950). Отчет о работе Вахшского отряда в 1946 г. Материалы и исследования по археологии СССР. №15. Москва–Ленинград.

Гоибов, Г. (2007). К вопросу о локализации средневековых городов Хутталя. Душанбе: Ирфон.

Иванов, П.П. (1927). К вопросу об исторической топографии Старого Сайрама. В.В. Бартольду, туркестанские друзья, ученики и почитатели: Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. Ташкент.

Махмуд ибн Вали (1977). Море тайн относительно доблестей благородных (география) / Введение, перевод с персидского, примечания и указатели Б.А. Ахмедова. Ташкент.

Надушан, Мухаммад Али. (1365). Достони ростонхо. (Легенды и сказания. на фарси). Тегеран.

Наршахи, Абубакр. (1979). Та'рихи Бухоро (история Бухары). Подготовил к печати Н. Косимов. Душанбе: Дониш.

Птицын, Г.В. (1947). К вопросу о географии «Шахнаме». Труды Отдела истории культуры и искусства Востока. Государственный Эрмитаж. Ленинград.

Фирдоуси, А. (1964–1966). Шахнаме. Перевод Ц.Б. Бану-Лахути и В.Г. Берзнева. Т. III. Душанбе.

Худуд ал-алам (1983). Подготовил к изданию Н. Касимов. Душанбе: Дониш.

Якут ал-Хамави (1866–1869). Му'дjam ал-булдан. Т. II. Лейпциг.

**ФИРДОУСИ «ШАХНАМЕСІНІҢ» МӘЛІМЕТТЕРІНДЕГІ
МӘУЕРАННАҺР МЕН ХОРАСАННЫҢ ТАРИХИ ГЕОГРАФИЯСЫ**

Тахмина БОСТАНОВА¹

*¹Философия және әлеуметтік философия тарихы кафедрасы,
Тәжік ұлттық университеті
Душанбе, Тәжікстан
tahminaboss@mail.ru*

Аннотация. Фирдоусидің «Шахнамесі» парсы-тәжік әдебиетінің әйгілі әдеби ескерткіші ғана емес, сонымен қатар Иран мен көршілес елдердің көне және ерте ортағасырлық тарихына қатысты маңызды тарихи дереккөз болып табылады. Шығармада шамамен 325 топоним – елдер, қалалар, түрлі қамалдар, өзендер, көлдер және т.б. атаулары келтірілген, олардың басым бөлігі Хорасан мен Мәуераннаһр аумағында орналасқан және олардың локализациясын анықтау айтарлықтай қиындық тудырмайды. Келтірілген топонимдердің көпшілігі бүгінде де өз тарихи атауымен белгілі – Балх, Забул, Соғд, Бұқара, Систан және т.б. Ал кейбіреулері қазір қолданылмайды, сондықтан оларды анықтау үшін тарихи және археологиялық дереккөздерді талдауға жүгінуге тура келеді.

Түйін сөздер: Шахнаме, Фирдавси, Хорасан, Мәуераннаһр, Иран, Соғд, Тохари-стан.

МЕСТО И ВРЕМЯ СМЕРТИ УРУС-ХАНА ПО ТЮРКО-ПЕРСИДСКИМ ИСТОЧНИКАМ, КАРТОГРАФИЧЕСКИМ И ТОПОНИМИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Алмат АБСАЛИКОВ ¹ (ORCID ID 0009-0001-4270-3113)

¹*Центр рукописей и редких книг,
Астана, Казахстан
aalmat@mail.ru*

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию времени смерти и места захоронения Урус-хана, одного из наиболее влиятельных ханов Золотой Орды, на основе тюрко-персидских исторических источников. В работе анализируются различные летописи и хроники, в которых упоминаются события, связанные с его смертью и местом захоронения. Особое внимание уделяется сравнению данных, представленных в различных источниках с картографическими и топонимическими материалами. Автор рассматривает различные исторические версии и пытается установить место и время его смерти.

Ключевые слова: Урус хан, Кыштым, Тамерлан, Токтамыш, Низам ад Дин Шами, Абд ар Раззак Самарканди, «Матлаи ас Саидайн», «Урускуль», «Урусъ-карасу».

PLACE AND TIME OF URUS KHAN'S DEATH IN THE CONTEXT OF TURKO-PERSIAN SOURCES, CARTOGRAPHIC AND TOPONYMIC DATA

Almat ABSALIKOV¹

¹*The National Center for Manuscripts and Rare Books,
Astana, Kazakhstan
aalmat@mail.ru*

Abstract. This article is devoted to the study of the time of death and burial place of Urus Khan, one of the most influential khans of the Golden Horde, based on Turko-Persian historical sources. The work analyzes various chronicles and annals that mention events related to his death and place of burial. Special attention is given to comparing the data presented in different sources with cartographic and toponymic materials. The author examines various historical versions and attempts to determine the place and time of his death.

Keywords: Urus Khan, Kyshtym, Tamerlane, Tokhtamysh, Nizam ad-Din Shami, Abd ar-Razzaq Samarqandi, Matla' as-Sa'idayn, Uruskul, Urus-karasu.

Введение

Урус-хан был одним из наиболее известных и влиятельных правителей Улуса Джучи и играл важную роль в политической жизни своего времени. Однако вопросы, связанные с его смертью и местом захоронения, остаются недостаточно изученными. Для решения этой проблемы необходимо обратиться к разнообразным тюрко-персидским историческим хроникам, которые могут помочь в разъяснении этих вопросов. Цель данной статьи – исследовать место и время смерти Урус-хана, опираясь на тюрко-персидские источники в комплексе с картографическими и топонимическими данными, а также попытаться установить наиболее вероятную дату его смерти и место захоронения.

Для анализа места и времени смерти Урус-хана применялись сравнительный и нарративный методы исследования исторических источников в комплексе с картографическими и топонимическими данными.

Урус-хан, прямой предок казахских ханов, был одним из ярких и влиятельных правителей Золотой Орды и сыграл значительную роль в политической жизни региона. Несмотря на важность личности Урус-хана и тех событий, которые с ним связаны, вопросы о времени и месте его смерти остаются открытыми и продолжают вызывать интерес среди историков. Урус-хан является предком казахских ханов, генеалогия которых восходит к нему, поэтому актуальность данного исследования для казахстанской исторической науки представляется ценной и важной.

Низам ад-Дин Шами в своем произведении «Зафар-наме», в разделе «Упоминание (ذکر) о походе армии (لشکر کشیدن) Сахиб Кирана против Урус-хана», пишет: «Когда он (Сахиб Киран – Тимур) отправил (روانہ فرمود) послов (ایلچیانرا), занялся упорядочиванием своих воинов, он остановился в Отраре. С другой стороны армия Урус-хана прибыла к Сыгнаку и остановились там (اوروس خان بسغناغ رسیدہ فرود آمدند).

В ту же ночь облака затмили небеса, затем пошел дождь и снег, и сильный мороз ударил так, что с обеих сторон, от сильного холода, никто не хотел продвигаться вперед для сражения. Приблизительно три месяца обе армии стояли друг против друга... Амир Сахиб Киран отправил амир заде Йарык Теймура, Мухаммад Султан шаха и Хатай бахадур в атаку на врага. Они с пятьюстами конниками атаковали врага. Со стороны врага вышли три тысячи воинов. В ту ночь произошло столкновение между ними. В конечном счете, пришла победа и враги отступили. В этом сражении Амир Йарык Теймур и Хатай бахадур стали мучениками. Ильчи Бука ранил стрелой в ногу Теймур Малик оглана. Амир Сахиб Киран отправил Мухаммад Султан шаха и Мубашира для выяснения ситуации (о результатах этого столкновения). Они разузнали вести и взяли из врагов в плен (двоих) и вернулись. Они эти двое (пленные) сообщили одно и то же, что двое бахадуров по имени Санкин (Саткин старший и младший) для выяснения ситуации в составе ста человек (люди Урус хана) прибыли к этой местности. Амир Аладад и Ак Теймур Бахадур, прибыли к Отрару для получения провизии для своих солдат. В окрестностях Отрара произошла их встреча, в то время как число солдат не превышала более 15 человек. Они (т.е. Амир Аладад и Ак Теймур) положившись на Аллаха, атаковали врага. Таким образом, им удалось убить двух влиятельных человек из противников. Оставшиеся, бросились в овраг и бежали. Ак Теймур бахадур убил Саткина младшего, в то время как Саткина старшего взял в плен Хиндушах и привел его к Сахиб Кирану. Враги, когда увидели эту ситуацию испугались и отступили ...Сахиб Киран также вернулся. Оставаясь семь дней в своей ставке, из Кеша взяв с собой Токтамыш оглана в виде проводника прибыл в Джарян Камыш. В это время Ил вилаята врага был в неведении. Армия Тимура (неожиданно

напав на них) захватила безграничное количество имущества и богатства... В это время Урус-хан покинул этот мир» (۱۳۶۳, 76: شامی).

Низам ад-Дин Шахи указал, что события, предшествующие войне Урус-хана с Тимуром, относятся к третьему походу Тимура в Хорезм, который был, по мнению автора в августе 778 года хиджры (1376 г.). Следовательно, вероятно смерть Урус-хана, могла произойти в конце того же года или в январе следующего, т.е. 1377 года. Учитывая, что Низам ад-Дин Шахи писал свою историю по личному указанию Тимура и завершил ее в 1404 году, его версия представляется наиболее достоверной.

Шараф ад-Дин Али Йазди в «Зафар-наме Теймури» приводит подобную Шахи информацию (Yazdi, 1887).

Абд ар-Раззак Самарканди в «Матлаи ас-Саидайн» также пишет, что третий поход Тимура в Хорезм произошел в 778 году хиджры, т.е. 1376 году, события, связанные с противостоянием между Тимуром и Урус-ханом, он относит к периоду 779 года (1377 г.) (al-Samarqandi).

Мы знаем, что Абд ар-Раззак Самарканди использовал историю Низам ад-Дина Шахи при написании своей работы, и другие ценные источники. Как мы указали ранее, Низам ад-Дин Шахи не указал точную дату сражения между Тимуром и Урус-ханом. Абд ар-Раззак Самарканди таким образом дополнил эту отсутствующую информацию у Шахи, тем, что указал дату как 779 год хиджры (1377 г.). Соответственно, столкновение происходило в зимнее время т.е. скорее в декабре или январе. Как писал Шахи: «Приблизительно три месяца обе армии стояли друг против друга...», следовательно, на основании «Матлаи ас Саидайн» смерть Урус-хана могла произойти в декабре 1376, или январе 1377 года.

Хондимир в «Хабиб ас-Сияр» в частности писал: «Урус-хан со всей своей армией Улуса Джучи прибыл к Сыгнаку (для сражения с Тимуром). Но так было угодно предопределению, что погода была настолько холодной, что буря не утихла несколько дней. Тучи подняли столько снега и дождя, что в течение двух месяцев хребты обеих сторон не имели возможности для сражения» (۱۳۸۰, 336: خواندمیر).

Далее он пишет: «После этого Урус-хан вернулся, не ступив на поле битвы. Сахиб Киран (Тимур) также вернулся счастливый и довольный. Он оставался у себя семь дней, затем снова повернул обратно на равнины Дешт-и Кыпчака его путь продолжался пятнадцать дней и в понедельник утром, он достиг местности Хайран-Камыш центр Ила и Улуса Урус-хана. Затем он разграбил эту местность. В это же самое время Урус-хан умер. Его сын Тукия стал заместителем своего отца. Но скоро он также поменял престол власти на престол погребальных носилок (тоже покинул этот мир) (۱۳۸۰, 337: خواندمیر).

Далее он пишет: «Когда эмир Тимур Гуракан увидел Тохтамыш хана, таким образом, он снова бросил луч благосклонности к нему. Он послал Туман Тимура Узбека и его сына Нахти Хаджу Узбек Тимура и Гийас ад-Дина Тархана и Янки Куджи в город Сыгнак, так что в конце 778 года (т.е. 1377 г) они посадили его Токтамыша в год змеи (Илан Ил 6 год двенадцати годичного тюркского календаря) на трон хана и соблюдая могульские церемонии и традиции, воздали ему почести и хвалу» (۱۳۸۰, 337: خواندمیر).

Также нужно отметить, что Хондемир дополняет мнение Самарканди, указывая год восхождения Токтамыша на трон как конец 778 года (т.е. 1377 год). Таким образом, из приведенного отрывка видно, что уже в конце 778 года Токтамыш был у власти в Дешт-и Кыпчаке.

На этом основании смерть Урус-хана, скорее всего, произошла в начале 1377 года, поскольку уже в конце того же года Тимур возводит на престол в Дешт-и Кыпчаке своего ставленника Токтамыша.

Что касается места захоронения Урус-хана, то Низам ад-Дин Шами и Хондемир указывают, что ставка Урус-хана располагалась в пятнадцати днях пути от примерного места их сражения (то есть в районе между Сыгнаком и Оттаром). Так, в частности, Хондемир пишет: «Он (Тимур) достиг местности Хайран-Камыш, центра Ила и Улуса Урус-хана. Затем он разграбил эту местность. В это же время Урус-хан умер» (۱۳۸۰, 337: خواندمیر). Из извлечений Шами, Шараф ад-Дина Али Йазди и Хондемира видно, что поход Тимура до центра ставки Урус-хана продолжался 15 дней. Шараф ад-Дин Али Йазди в «Зафар-наме Теймури», подобно Шами, указывает название этой местности как «Джиран-Камыш» (Yazdī, 1887: 344). Таким образом, можно предположить, что Урус-хан покинул свою ставку, направившись подальше от преследований воинов Тимура. В противном случае о его убийстве непременно сообщили бы тимуридские историки. Следовательно, Урус-хан не мог быть похоронен в Джиран-Камыше и, тем более, в Сыгнаке.

Натанзи в своем труде указывает два места смерти Урус хана. В рукописном парижском списке Натанзи в джадвале (таблице) место захоронения Урус-хана указан город Сыгнак (Naṭanzī), но в тексте своего труда Натанзи указывает на место смерти Урус хана как Камыш, что в 13 дней пути от Сыгнака. В своем труде «Мунтахаб ат-Таварих» Муин ад-Дин Натанзи пишет: «(Тимур) снова пошел в поход взяв с собой Токтамыша (как проводника) и в течении 13 дней достиг границ Камыша, головной части Улуса Урус хана, захватив столько добычи, считать которого считающие не в силах. По воле судьбы Урус хан умер в это время» (۱۳۸۳, 1383 : نطنزی). Далее он пишет: «После смерти Урус-хана его сын Так Такийя правил всего два месяца, после чего также скончался» (۱۳۸۳, 310 : نطنزی). Эта информация находит подтверждение у Хондемира в его произведении «Хабиб ас-Сияр», где он также отмечает: «Его сын Тукия (Так Такийя) стал заместителем отца, но вскоре престол был заменен погребальными носилками» (۱۳۸۰, 337: خواندمیر).

Мустафа Кафалы в своей книге «История Улуса Джучи» (Otemiş Hact' Cuci Ulusu'nun Tarihi), ссылаясь на Абд аль-Гаффара Крыми и его произведение «Умдат ат-Таварих», сообщает, что Урус-хан направлялся на плато (Устюрт?), когда его настиг Токтамыш. В ходе сражения Токтамыш был вынужден отступить и направиться к Тимуру. Затем он начал совершать набеги на стада Урус-хана, уведя с собой племена ширинов, баринов, аргынов и кыпчаков. В ответ Урус-хан с небольшим числом воинов отправился в погоню и вскоре догнал противника. В битве Токтамыш оказался в затруднительном положении, однако на помощь ему пришел его сын Джалал ад-Дин. В результате армия Урус-хана была разбита, а сам хан погиб» (Kafalı, 2009).

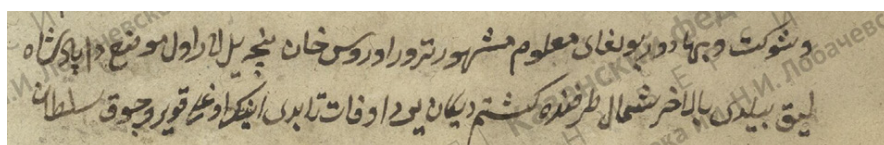
Утемиш хаджи указывает, что смерть Урус-хана произошла после сражения с Токтамышем, когда на помощь Токтамышу пришел его сын Джалал ад-Дин. Поскольку Токтамыш не знал о смерти Урус-хана, после сражения он только взял пленных и ушел. Позже люди Урус-хана вернулись, нашли тело хана и забрали его с собой (Kafalı, 2009: 94).

Сопоставив данные Утемиша хаджи с данными Низам ад-Дина Шами и Шараф ад-Дина Али Йазди, можно сказать, что работа Утемиша хаджи в целом основывается на устной традиции, что, в свою очередь, имеет свои недостатки и ошибки. Но в целом она отчасти дополняет работы тимуридских летописцев.

Буркутбай Аяган в «Истории Улуг Улуса – Золотой Орды» (Курс лекций) пишет: «Вызывает сомнение информация турецкого историка Мустафы Кафалы о том, что Урус-хан погиб в сражении с Амиром Тимуром в районе Устюрта. О таком сражении обязательно сообщил бы Йазди... Еще труднее поверить в его гибель у Кыштыма, если это сибирский Кыштым» (Аяган, 2020).

Указание Кадырали бека Джалаири на Кыштым, «что на севере», может указывать на район в Челябинской области. Вероятность смерти Урус-хана в этой области вполне допустима, тем более что косвенные данные указывают именно на это. С другой стороны, Джалаири не уточняет местоположение Кыштыма, что делает поиски этой местности весьма затруднительными.

Кадырали бек Джалаири в «Джамиу ат-Таварих» пишет, что Урус-хан умер в местности Кыштым (Куштум – کشتم), которая находится где-то на севере (Джалаири). Однако Джалаири не уточняет, что это за местность и где она находится. Тем не менее, сведения Джалаири имеют большую историческую ценность и значение.

معلوم و مشهور ترور اوروس خان نچه يل لار اول موضع دا پادشاه ليق بيلدی با لآخر شمال طرفتده کشتم دیگان
یردا وفات تاپدی

«Малум машхур турур, Урус-хан нача илар ол мавзуда падшалык билды, билахера шимал тарафинда Кыштым деген ерда вафат тапты».

«Известно и распространено, что Урус-хан, некоторое время правил в том краю, (т.е. Улусе Джучи) затем он умер в северной стороне, в местности Кыштым» (Джалаири: 61).

Местность Кыштым есть в Челябинской области, где протекает одноименная река, именно там был основан город Кыштым, получивший название по названию местности и реки. В 20 км от города находится озеро Урускуль где находится Восточно-уральский государственный природный заповедник РФ. Мы можем предположить, что это место могло быть связано с Урус-ханом.

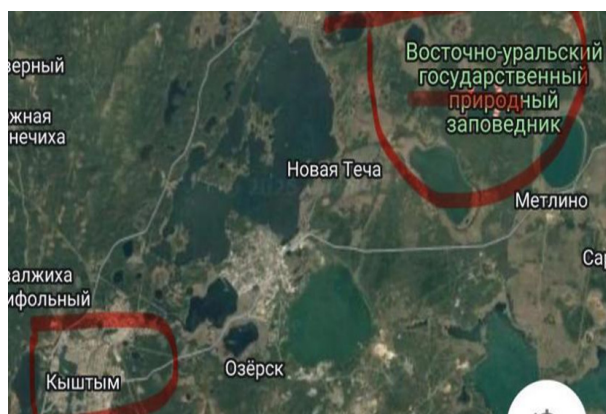

Рис. 1 Восточно-уральский государственный природный заповедник.

Название Кыштым в Челябинской области, является старинным топонимом, который, имеет несомненно тюркские корни. Могильники с захоронениями, относящиеся к XIV веку, находящиеся в этой местности, могут подтверждать гипотезу о том, что Кыштым мог быть местом упокоения для кочевой узбек-татарской знати XIV века. Также можно отметить, что Кыштым находится в важном месте, соединяющий Южный Урал с южной Сибирью. Кроме того, некоторые более поздние карты с топонимами «Урус», «Урускуль», «Урус-карасу» и т.д., могут помочь в выявлении точного места захоронения Урус-хана.

Резюмируя изложенное, можно выделить два ключевых момента:

1) Центр ставки Урус-хана, «Джиран Камыш», вероятно, располагался на Устюртском плато. Мустафа Кафалы в своей книге «Отемис хаджи: История Улуса Джучи» (Otemiş Hacı' Cuci Ulusu'nun Tarihi), ссылаясь на Абд аль-Гаффара Крыми и его труд «Умдат ат-Таварих», сообщает, что Урус-хан направлялся на плато (возможно, на Устюрт), когда его настиг Токтамыш.

2) Урус-хан, вероятно, покинул свою ставку во время ее разорения Тимуром, а затем умер в Кыштыме.

На картах, любезно предоставленных казахстанским исследователем Г.Ж. Табулдиным, который обнаружил интересные топонимические данные, содержатся ценные сведения, которые могут способствовать поискам места захоронения Урус-хана. Так, на карте Пресногорьковской волости Петропавловского уезда отмечена река, ныне пересохшая, под названием «Урус-карасу». На другой карте, изданной Военным топографическим отделом Генерального штаба в 1919 году («Специальная карта европейской России»), отображено озеро под названием «Урус-куль», расположенное севернее Костаная. Интересно, что расстояние между озерами «Урус-куль» в Костанайской области и Кыштымом составляет приблизительно 250–300 км. Это значительное расстояние не позволяет делать однозначные выводы, но поднимает вопросы, требующие дальнейшего исследования.

Рис. 2 Урусь-куль.

Для более глубокого исследования необходимо провести этимологический анализ, который включает следующие аспекты:

а) Изучение происхождения и значения слов «Кара Су» и «Урусь-куль». Важно проследить их связь с местами в Казахстане, а также с Кыштымом и Урусь-кулем в Челябинской области.

б) Исторические источники: для того, чтобы подтвердить, что Урус-хан действительно был связан с данным местом, следует обратиться к историческим хроникам. Эти источники могут прямо или косвенно подтвердить вероятность того, что Урус-хан был похоронен именно в этих регионах.

в) Археологические данные: Раскопки в районе озера и реки, а также археологические исследования в Челябинской области могут подтвердить связь этого места с Урус-ханом. Например, наличие могильников, памятников или надписей, эпитафий, относящихся к Золотой Орде, может свидетельствовать о захоронении Урус-хана. Если название «Урусь-куль» встречается на старых картах или в летописях, это также может быть связано с личностью Урус-хана. Для более убедительных доказательств необходимо провести комплексное исследование, объединяя все эти методы.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что смерть Урус-хана произошла в начале 1377 г. Это также соответствует историческим событиям, поскольку уже в конце того же года Тимур возводит на престол в Дешт-и-Кыпчаке своего ставленника Токтамыша. Местом смерти Урус-хана можно, вероятно, обозначить территорию, известную как Кыштым, расположенную в Челябинской области. Важным является тот факт, что город был основан на месте одноименной реки. В 20 километрах от города находится озеро Урускүль, которое является частью Восточно-уральского государственного заповедника. Это географическое расположение вызывает предположение, что оно может быть связано с именем Урус-хана. Дальнейшее исследование этих данных и сопоставление с другими историческими и картографическими источниками могут дать более точные результаты и углубить наше понимание событий того времени.

Источники:

شامي، نظام الدين. ظفرنامه؛ تاريخ فتوحات امير تيمور گوركان، به كوشش احمد پناهى سمنانى. تهران: بامداد، ۱۳۶۳، ۳۶۸ ص.
Низам ад-Дин Шами. «Зафар Нама». Тегеран: «Бомдод», 1363. 368 с. (текст на фарси непосредственный).

Yazdī (1887), *Ẓafarnāmah / Sharaf al-Dīn 'Alī Yazdī*; ed. by Muḥammad Ilaḥdād; Asiatic Society of Bengal. – Calcutta: Printed by J. W. Thomas, Baptist Mission Press, 1887–1888. Шараф ад-Дин Али Йазди. «Зафар-нама Теймури». В 2-х т. Калькутта: «Printed B.V. W. Thomas, Baptist Mission Press». Т. 1. 813 с. (текст на фарси непосредственный).

al-Samarqandī, 'Abd al-Razzāq Kamāl al-Dīn ibn Ishāq al-Samarqandī. *Maṭla' al-sa'dayn wa-majma' al-baḥrayn*. Manuscript (Persian). 331 l. (Копия рукописи была приобретена Центром Рукописей и редких книг РК в 2023 г.).

خواندمير، غياث الدين بن همام الدين محمد. تاريخ حبيب السير فى اخبار افراد بشر، به كوشش/ تصحيح محمد دبیرسياقى. تهران: خيام، چاپ چهارم، ۱۳۸۰. جلد سوم، ۷۶۷ ص.
(Текст на фарси непосредственный).

Naṭanzī, Mu'īn al-Dīn Naṭanzī. *Montaqab al-tavāriḡ* ("Anonymous of Iskandar"). Persian manuscript. Paris: Bibliothèque nationale de France, Département des manuscrits, [Persian / Suppl. persian, call no. tbc]. 331 l.

(Текст на фарси непосредственный). نطنزى، معين الدين. منتخب التواريخ معينى، به اهتمام پروين استخرى. تهران: اساطير، ۱۳۸۳. ۴۸۰ ص.

Kafalı (2009). Mustafa Kafalı. *Ötemiş Hacı'ya Göre Cuci Ulusu'nun Tarihi*. Ankara. 160 с.

Аяган Б. (2020). История Улуг Улуса – Золотой Орды» (курс лекций). Алматы: ТОО «Литер-М». 224 с.

Джалаири. Кадыр Алибек Джалаири «Джами' ат-Тауарих». Рукопись на тюрки. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета. (Копия факсимиле была приобретена Центром рукописей и редких книг РК в 2022 г.).

Специальная карта европейской России. Издательство Военно-топографического отдела Генерального штаба Российской империи. 1919 г.

ҰРЫС ХАННЫҢ ҚАЗА БОЛҒАН УАҚЫТЫ МЕН ОРНЫ: ТҮРКІ-ПАРСЫ ДЕРЕККӨЗДЕРІ, КАРТОГРАФИЯЛЫҚ ЖӘНЕ ТОПОНИМИКАЛЫҚ ДЕРЕКТЕР КОНТЕКСТІНДЕ

Алмат АБСАЛИКОВ¹

*¹Қолжазбалар және сирек кітаптар ұлттық орталығы,
Астана, Қазақстан
aalmat@mail.ru*

Аңдатпа. Бұл мақала Алтын Орданың ең белді хандарының бірі – Ұрыс ханның қаза тапқан уақыты мен жерленген орнын түркі-парсы тарихи дереккөздері негізінде зерттеуге арналған. Мақалада оның қазасына және жерленген жеріне байланысты оқиғалар сипатталған түрлі жылнамалар мен шежірелерге талдау жасалады. Әртүрлі дереккөздерде келтірілген мәліметтер картографиялық және топонимиялық материалдармен салыстырмалы түрде қарастырылған. Автор тарихи нұсқалардың әртүрлілігін ескере отырып, Ұрыс ханның нақты қай жерде және қашан қаза тапқанын анықтауға тырысады.

Түйін сөздер: Ұрыс хан, Қыштым, Әмір Темір, Тоқтамыс, Низам әд-Дин Шами, Абд ар-Раззақ Самарқанди, Матла ас-Саидейн, Ұрускүл, Ұрыс-қарасу.

ETHNIC SETTLEMENT GEOGRAPHY IN MEDIEVAL CENTRAL ASIA (BASED ON THE MATERIALS OF «BABURNAME»)

Davronbek OLIMJONOV ¹ (ORCID ID 0009-0005-1699-8965)

¹*Doctoral (PhD) student, Institute of History, Academy of Sciences of Uzbekistan
Tashkent, Uzbekistan
davronbek040291@gmail.com*

Annotation: This article presents significant historical information on ethnic clan names, their geographical distribution, and cultural characteristics as recorded in Zahiriddin Muhammad Babur's work «Baburname». The text mentions various ethnic groups such as Turkic-Mongol, Afghan, Iranian, and Indian clans. However, the article focuses solely on the Turkic-Mongol ethnic names.

Keywords: «Baburname», turkic, mongol, sart, bekchiq, utarchi, chakrak, barlas, arghun, qavchin, jalair, kipchak, dughlat.

ОРТАҒАСЫРЛЫҚ ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ ЭТНОСТАРДЫҢ ҚОНЫСТАНУ ГЕОГРАФИЯСЫ («БАБЫРНАМЕ» МАТЕРИАЛДАРЫ НЕГІЗІНДЕ)

Давронбек ОЛИМЖОНОВ¹

¹*PhD докторант, Өзбекстан Ғылым академиясы Тарих институты
Ташкент, Өзбекстан
davronbek040291@gmail.com*

Аңдатпа. Мақалада Захириддин Мұхаммед Бабырдың «Бабырنامه» еңбегінде кездесетін этникалық ру атаулары, олардың географиялық таралуы мен мәдени ерекшеліктері туралы маңызды тарихи мәліметтер берілген. Мәтінде түркі-монғол, ауған, иран және үнді ру-тайпалары сияқты әртүрлі этникалық топтар атаулар кездеседі. Алайда мақалада тек түркі-монғол этнонимдеріне ерекше назар аударылған.

Түйін сөздер: «Бабырنامه», түркі, моңғол, сарт, бекшік, отаршы, шакрак, барлас, арғын, қаушын, жалайыр, қыпшақ, дулат.

The statesman and commander Zahiriddin Muhammad Babur's *Baburnama* is considered an important historical source. The work consists of three parts: Fergana, Kabul, and India. While the parts about Afghanistan and India provide detailed descriptions of the tribes living there, the Fergana section is not as comprehensive in this regard. The reason for this is that when Babur conquered lands beyond his homeland, he primarily focused on the peoples inhabiting those regions. In the parts where Babur writes about the Fergana Valley, he gives only a few direct accounts of the local tribes.

Zahiriddin Muhammad Babur identifies the main ethnic groups in Fergana as the Turks and the Sarts. According to his description, the Turks were Turkic-speaking people who mainly inhabited the eastern part of the Fergana Valley. The Sarts, on the other hand, lived in the western Fergana Valley and spoke Persian. The Turks mentioned in the *Baburnama* were descendants of Turkic and partially Turkicized Mongol tribes who had arrived in Turkestan between the 6th and 13th centuries and preserved their tribal structure and customs for a long time. Other native Turkic groups were settled communities who had traditionally lived a sedentary lifestyle (Karmysheva, 2022: 22). Their primary occupation was agriculture, and in mountainous areas, they were engaged in animal husbandry.

Modern ethnographic literature describes the Sarts as a population who, since ancient times, lived in cities and large settlements with no tribal structure and led a sedentary lifestyle (Vakhobov, 1969: 19). Various interpretations have been proposed regarding the meaning of the word Sart. In the 11th century, Yusuf Khas Hajib used the term in his work *Qutadghu Bilig* not as an ethnonym but as a social concept (Valitova, 1964: 9). However, by the 15th–16th centuries, during Babur's era, the term had evolved into an ethnonym referring to the Persian-speaking population of Fergana. For example, it is stated: «The inhabitants of Isfara are Sarts and they speak Persian» (Zahiriddin, 2002: 37). In the 19th century, according to V. Nalivkin, who lived in Turkestan, the term Sart was used in Fergana to refer to the settled population in general, including Tajiks and Uzbeks (Nalivkin, 1886: 93).

Babur also mentions the Mongols separately. This tribe played a significant role in the ethnic history of Turkestan, particularly in Fergana. The Mongols were the inhabitants of the Moghulistan state and were composed of Turkic tribes (Yudin, 1965: 55). This state emerged in the 1340s as a result of the division of the Chagatai ulus into two parts. In the 15th century, its territory included Zhetysu, Eastern Turkestan, and Shash (Bartold, 1963: 80). Fergana was not part of Moghulistan, but it bordered it. Mirza Muhammad Haidar Dughlat writes in his *Tarikh-i Rashidi*: «Moghulistan is bordered on the south by the province of Fergana» (Muhammad, 2010: 509). The Mongols carried out several military campaigns in Central Asia, during which Fergana and other regions were repeatedly devastated (Azimjanova, 1949: 7). However, during the reign of Babur Mirza's father, Umar Shaykh Mirza, the Mongols became allies of the people of Fergana. Still, this alliance was not always stable (Materials on the history of the Kazakh khanates XV–XVIII aa, 202). Babur's maternal grandfather, Yunus Khan, was a Mongol who frequently visited Fergana with his troops. Umar Shaykh Mirza temporarily entrusted him with the administration of certain parts of Fergana. According to the author, around 1500–2000 Mongols gathered around his mother, and many Mongols also served in Babur's personal army.

From this information, it can be understood that a part of the Mongols permanently settled in Turkestan, particularly in the Fergana region. Moreover, a toponymic investigation shows that place names bearing the name «Mongol» are widely spread across various parts of Central Asia.

In addition to general ethnonyms, various tribal and clan names are also found in the work *Baburnama*. At that time, the Kipchak Uzbeks had just started migrating to Turkestan.

Although these Uzbeks were divided into different tribes and clans, many of them shared common roots with the Turks of Turan and the Mongols of Moghulistan.

Thus, all tribal and clan names recorded in *Baburnama* are related to the Turkic clans that existed in Central Asia before the conquest of the Shaybanids. This is because the majority of the Uzbek tribes that came to Turkestan in the 16th century were ethnically close to the Turks and Mongols who had previously lived in this region.

Baburnama notes the following: «Among the nomadic tribes of the Andijan region is the Chakrak tribe, consisting of five to six thousand households. They dwell in the mountains between Fergana and Kashgar, have many horses and abundant sheep». (Zahiriddin, 2002: 51). In another passage, Babur writes: «A few days after entering Margilan, more than a hundred people were sent to the southern mountainous regions of Andijan—places like Ashporiyon, Toruqshoron, Chakrak, and surrounding areas—from Pashogari, new retainers of Qosimbek, and retainers of Ali Dost Bek». (Zahiriddin, 2002: 68).

Unfortunately, the names Ashpar and Toruqshar are not currently recorded either in the ethnonymy or toponymy of the Fergana Valley (Vyatkin, 1928: 77). However, the name Chakrak has been preserved in toponymy; one of the neighborhoods in the city of Andijan is called «Chograk». Additionally, ethnographic information about this tribe is available. According to S. Abramzon, the «Chog'arak» tribe mentioned by Babur later became part of the «Ichkilik» group of the Kyrgyz under the name «Chogorok» (Abramzon, 1971: 36).

There are numerous references in *Baburnama* to the Argun (Argin) people. For example: Shaykh Jamol Argun, Ne'mat Argun, Sultan Argun, Mazidbek Argun, Zunnun Argun, Muhammad Argun, Abu Yusuf Argun, Pir Ahmad Argun, Qosim Khatika Argun, Sherak Argun, Muqim Argun, Farrukh Argun, Shohbek Argun, Urus Argun, Tofon Argun, and other tribal representatives are recorded in the text. Currently, there are ethnonyms and toponyms bearing the name Argun in Uzbekistan: in Shahrikhan district, Narpay district, Qibray and Urta Chirchiq districts, and in Zangiota district, there is a village called Arginchi. Villages named Argun also exist in Karmana district of Navoi province (O'zbekiston joy nomlarining izohli lug'ati: 28). A hydronym related to the name Argun River has also been identified (Azimova, 2024: 4). The «Argu» tribe noted in Mahmud al-Kashgari's *Dīwān Lughāt al-Turk* may be the same as Argun. In historical sources, such as Mulla Sayfiddin Aksikandi's *Majmuat at-Tavorikh* (16th century), this tribal name is recorded in the form of Argun. This ethnonym is derived from the Mongolic word *argin*, meaning «hybrid» (O'zbekiston joy nomlarining izohli lug'ati: 24). In the Kyrgyz language, the word Argun still carries this meaning today (Arifbayev and Qorayev, 2004: 62).

Often in *Baburnama*, rather than discussing the direct presence of tribes, Babur provides information about their representatives. He mentions individuals such as: «Ali Mazidbek, from the Qavchin tribe»; «Vays Loghari – from Samarkand, of the Tutchi tribe»; «Ibrahim Soru – of the Ming tribe». Moreover, tribal names were added to personal names, such as: Shaykh Abdulloh Barlos, Ayyub Bekchiq, Hojikazi Manghit, Qosim Eshikaga Jaloyir, and others (Zahiriddin, 2002).

This indicates that Turkic peoples placed great importance on tribal lineage. Tribal or clan names were attached not only to prominent officials and nobles but also to the names of ordinary people. Such a tradition continued in the khanates of Turkestan until the early 20th century.

One of the Turkic tribes was the Karluks, considered among the most ancient tribes of Central Asia. Most Karluks abandoned nomadism and settled permanently, eventually losing their tribal structure. Nevertheless, during Babur's time, Karluks still lived in Fergana. According to Babur: «Shahboz Karluk lived in the city of Koson» (Zahiriddin,

2002). Because Shahboz Karluk was an enemy of Babur, he was not among Babur's close associates. However, it is possible that other members of this tribe also lived in Fergana.

Babur also mentions the Qavchin as one of the ancient clans living in Andijan. He writes: «*Qosimbek was from the Qavchin tribe and belonged to an ancient noble clan among the military aristocracy of Andijan*». Among Babur's close associates, there were several more from the Qavchin tribe—for example, Mironshoh Qavchin and Ali Mazid Qavchin. It is known that the Qavchins were one of the four main tribes of the Mongols and had their own territories in Turkestan. Their main homeland was located in the upper reaches of the Amu Darya (Bartold, 1963: 53). Like other Mongol tribes, the Qavchins gradually Turkified and began to identify themselves as Turks. The word *Qavchin* also means «host» or «guest». The name Qavchin appears in place names as well. For instance, the former name of the city of Yangiyol in Tashkent province was «Qovunchi», which may have originated from Qavchin. There is also a village named Qavchinon (Qavchinlar) in Samarkand district (Arifbaev and Koraev, 2004: 64).

The Jaloyirs were also one of the main tribes of the Chagatai Khanate's army. In the second half of the 13th century, they migrated from the region of Semirechye (Yettisuv) to Turkestan (Grekov and Yakubovsky, 1950: 297]. By the 14th century, the main homeland of the Jaloyirs was the Syr Darya basin, with Khujand as their center (Bartold, 1963: 153). However, due to their refusal to submit to the rulers of Turkestan, their ulus was disbanded in 1376, and members of the tribe were distributed among various amirs (Bartold, 1964: 49). In Mirkhwand's work *Rawzat as-Safa*, it is noted that there were a thousand horsemen from the Jaloyir tribe in the army of Amir Temur and Sultan Husayn (Ismoilov and Saidov, 2020: 1088]. The question of whether the Jaloyirs were of Turkic or Mongol origin has been the subject of many academic studies (Grumm-Grzhimailo, 1926: 532]. Y. Zuev, by analyzing Rashid al-Din's *Jami' al-Tawarikh*, confirmed their Turkic origins (Zuev, 1972: 179). Nevertheless, individuals belonging to the Jaloyir tribe are found among Babur's close associates. For instance, Sayyid Qasim Eshik-Agha was a Jaloyir. This fact indicates that the Jaloyirs were still present in Turkestan and the Fergana region in the late 14th and 15th centuries. The toponym «Jaloyir» was widespread throughout the Fergana Valley and Turkestan, indicating a significant population of the tribe in these areas.

The Barlases, like the Qauchins and Jaloyirs, were once part of the Chagatai army. Like other Mongol tribes, the Barlases gradually became Turkicized and began to identify themselves as Turks. Ethnographic research has recorded the Barlases as one of the major Turkic tribes (Karmysheva, 1960). It is clearly stated in historical sources that Babur Mirza belonged to the Barlas tribe on his father's side. Among the high-ranking officials closest to Babur, there were also individuals from the Barlas tribe.

The *Baburnama* also mentions the Bahrin (Barin) tribe, which inhabited the Fergana Valley and the Zarafshan oasis. The names of several individuals in the work reflect this tribal affiliation: Tulun Khoja Barin (whom Babur in one instance refers to as a Mongol), and Jahon Hasan Barin. In addition, the toponym «Bahrin» is widespread in the Fergana Valley. For example: Bahrin-Bolo, Bahrin-Poyon, Qayraghochbahrin (located north of Kokand city), Bahrincha channel, Bargibahrin (near Margilan city), and a neighborhood named Bahrin in Margilan. These examples confirm the wide presence of the Bahrin tribe in the Fergana Valley (Karmysheva, 1960).

The Taghoi may also possibly have been one of the Mongol tribes. This is suggested by a passage in the *Baburnama*: «Mir Ghiyas Taghoi was the brother of Ali Dost (Taghoi). None of the Mongol amirs at Sultan Abu Mirza's court outranked him». V. Yudin does not mention this ethnonym in his research. In the annotations to page 37 of the *Baburnama*, the word «taghoi» is interpreted as «maternal uncle». However, the use of the name

«Taghoi» in individuals such as Ali Dost Taghoi, Mir Ghiyas Taghoi, Shirim Taghoi, Yaraq Taghoi, and Ibrohim Chapuq Taghoi points to an ethnic origin rather than a familial title (Zahiriddin, 2002: 37). Ali Dost Taghoi was related to Babur on his mother's side, but it is difficult to make the same assumption for other individuals with the nickname «Taghoi». Place names associated with the name Taghoi are found both in the Fergana Valley and throughout Turkestan.

The Dughlat (Doghlat) tribe was one of the most powerful tribes of Moghulistan. V. Yudin wrote the following about them: «The Dughlat tribe's amirs were entrusted with the governance of Kashgar» (Yudin, 1965: 54) Babur wrote the following about the Dughlat tribe: «Abu Bakr Dughlat of Kashgar governed Kashgar and Khotan for many years without bowing to anyone. He aimed to conquer new territories, approached Uzen, built fortifications, and soon began to plunder the entire province» (Zahiriddin, 2002). Some members of the Dughlat tribe settled in other regions as well. For example, one of the Dughlat amirs, Mir Karim-Birdi, settled in Ola-Buqa (currently a district in Jalal-Abad Region, Kyrgyzstan) (Yudin, 1965: 53). In addition, members of the Dughlat tribe were among the Mongols who came from Hisor to serve Babur. Thus, the Dughlats were widely spread across Fergana, Hisor, and other regions of Turan during the 15th and 16th centuries.

Another Mongol tribe that lived in Fergana during Babur's time was the utarchi (itarchi) tribe. Among Babur's close associates were members of this tribe: Sultan Ahmad Tambal, who was the governor of Osh, initially loyal to Babur but later rebelled against him, belonged to the Otarchi tribe. Ahmad Bek, Tambal's maternal uncle, and Sariqbosh Mirzo Itarchi, who served under Babur, were also from the Utarchi tribe. According to Mulla Sayfiddin Aksikandi's *Majmu'at-tavorikh*, the word «Utarchi» in ancient Turkic meant «temporary dweller» (nomad). It is also noted that the word carried meanings such as «oracle» and «horse healer» (Arifbayev and Qorayev, 2004: 64).

In conclusion, Zahiriddin Muhammad Babur's *Baburnama* is not only an invaluable source shedding light on the cultural and historical events of its time, but also an important work reflecting the ethnic characteristics of the Uzbek people and other Turkic nations. The sections related to ethnic history in the work serve as a vital means to portray the sociopolitical processes, territorial divisions, and interethnic relations of Babur's era.

Through ethnonyms, the author not only accurately presents the ethnic composition of his time, but also illustrates the system of international relations and the cultural interactions among various peoples. The frequent mention of ethnonyms in *Baburnama* provides a primary source for understanding the lives, cultures, and military-political importance of these nations in that period. In particular, issues of cultural and historical integration among Turkic peoples are well represented in *Baburnama*.

Moreover, Babur's direct and precise depiction of information regarding ethnonyms enhances the historical authenticity of the work. These ethnonyms allow for a deeper understanding of processes such as territorial migrations, tribal transformations, and the formation of social structures.

Overall, the ethnonyms in *Baburnama* hold great significance not only for historical and ethnographic research, but also as a rare source for intercultural dialogue, linguistic studies, and anthropological investigations. Through these ethnonyms, Babur's work becomes a «living» history of its time, uniquely illuminating the relationships between different peoples and cultures.

References:

Karmysheva B.Kh. (2022). Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков, Советская этнография. 1960, №1: 3–22.

Vakhobov M.G. (1969). Формирование узбекской социалистической нации. Ташкент: 21–24; Этнографические очерки узбекского сельского населения (1969). Под ред. Г.П. Васильевой и Б.Х. Кармышевой. Москва: 18–19.

Valitova L.A. (1964). Этнонимы в тюркоязычном памятнике XI века «Кутадгу билиг». Москва: 8–9.

Zahiriddin M. B. (2002). Бобурнома. Тошкент: Шарқ.

Nalivkin V.P. (1886). История Кокандского ханства. Казань: 93.

Yudin V.P. (1965). О родо-племенном составе могулов Могулистана и Могулни и их этнических связях с казахским и другими соседними народами. Известия АН КазССР. Серия общественных наук. Вып. 3. Алма-Ата: 52–65.

Bartold V.V. (1963). Очерк истории Семиречья. Сочинения. Москва. Т. 2. Ч. 1: 80.

Muhammad H.M. (2010). Тарихи Рашидий. Тошкент: Шарқ. 509 б.

Azimjanova S.A. (1949). Ферганский удел Омаршейха и Бабур. Автореф. канд. дисс. Москва: 7.

Materials on the history of the Kazakh khanates XV–XVIII aa. (извлечения из персидских и тюркских рукописей). Алма-Ата, 1969: 201–202.

Vyatkin V.L. (1928). Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215-1217 (1800-1803) гг. Известия Среднеазиатского отдела Русского географического общества. Ташкент. Вып. 18: 77.

Abramzon S. M. (1971). Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Ленинград: 36.

O'zbekiston joy nomlarining izohli lug'ati: tuzuvchilar R.Y.Xudoyberganov [va boshq.]. Toshkent: Donishmand ziyosi, 2022: 28.

Azimova F. (2024). Dashti qipchoqdagi siyosiy-etnik jarayonlarning Zarafshon vohasi toponimikasida aks etishining o'rganilishi. Ta'lim va innovatsion tadqiqotlar. №5: 4.

Arifbayev A., Qorayev S. (2004). O'zbek xalqi etnogenezini o'rganishda etnonimlarning roli. O'zbek xalqining kelib chiqishi: ilmiy-metodologik yondashuvlar, etnogenetik va etnik tarix. Seminar materiallari. Toshkent: 62.

Bartold V.V. (1963). История Туркестана. Сочинения. Москва. Т. 2. Ч. 1: 53.

Arifbaev A., Koraev S. (2004). Ўзбек халқи этногенезини ўрганишда этнонимларнинг роли. Ўзбек халқининг келиб чиқиши: илмий-методологик ёндашувлар, этногенетик ва этник тарих. Семинар материаллари. Тошкент: 64.

Grekov B.D., Yakubovsky A.Yu. (1950). Золотая орда и ее падение. Москва–Ленинград: 297.

Bartold V.V. (1963). История Туркестана. Сочинения. Москва. Т. 2. Ч. 1: 153.

Bartold V.V. (1964). Улугбек и его время. Сочинения. Москва. Т. 2. Ч. 2: 49.

Ismoilov U., Saidov F. (2020). Markaziy Osiyo xalqlarining qardoshligi jaloyirlar qabilasi etnogenezi va etnik tarixi misolida. Academic research in educational sciences. №3: 1088.

Grumm-Grzhimailo G. (1926). Западная Монголия и Уранхайский край. Ленинград. Т. 2: 532.

Zuev Yu. A. (1972). «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина как источник по истории джаланров. «Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования». Москва: 179–185.

Karmysheva B.Kh. (1960). Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков. «Советская этнография». №1; Народы Средней Азии и Казахстана. Москва, 1963. Т. 1.

Yudin V.P. (1965). О родо-племенном составе могулов Могулистана и Могулни и их этнических связях с казахским и другими соседними народами. Известия АН КазССР. Серия общественных наук. Вып. 3: 54.

Arifbayev A., Qorayev S. (2004). O'zbek xalqi etnogenezini o'rganishda etnonimlarning roli. O'zbek xalqining kelib chiqishi: ilmiy-metodologik yondashuvlar, etnogenetik va etnik tarix. Seminar materiallari. Toshkent: 64.

ЭТНИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ РАССЕЛЕНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ «БАБУР-НАМЕ»)

Давронбек ОЛИМЖОНОВ¹

*¹PhD докторант, Институт истории Академии наук Узбекистана
Ташкент, Узбекистан
davronbek040291@gmail.com*

Аннотация: В данной статье представлена важная историческая информация об этнических родовых названиях, их географическом распространении и культурных особенностях, зафиксированных в труде Захириддина Мухаммада Бабура «Бабур-наме». В тексте упоминаются различные этнические группы, такие как тюрко-монгольские, афганские, иранские и индийские роды. Однако основное внимание в статье уделено исключительно тюрко-монгольским этнонимам.

Ключевые слова: «Бабур-наме», турки, монголы, сарт, бекчик, утарчик, чакрак, барлас, аргун, кавчин, джалаир, кипчак, дуглат.

ПОНЯТИЯ ТУРАНА И ТУРКЕСТАНА В ИСТОРИОГРАФИИ АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ И ВОПРОС О ЕГО ТЕРРИТОРИИ

Улугбек ОЛИМОВ ¹ (ORCID ID 0009-0002-5989-8954)

*¹Академия наук Республики Узбекистан, Институт истории
Ташкент, Узбекистан
largov1900@gmail.com*

Аннотация. В данной статье проводится анализ научных исследований, посвященных истории Турана (Туркестана), проведенных в арабских странах во второй половине XX – начале XXI вв. Основное внимание уделяется рассмотрению географических и политических границ региона, называемого Тураном или Туркестаном, с точки зрения арабской историографии. Изучаются различные подходы и мнения арабских исследователей, а также формирование общего представления о данном регионе в арабской научной традиции. Результаты анализа показывают, что понимание топонима и территории Турана (Туркестана) в арабских государствах в ряде аспектов отличается от историографического подхода, принятого в Узбекистане. Это, в свою очередь, подчеркивает важность сравнительного анализа и необходимость глубокого изучения арабских источников при исследовании данной темы.

Ключевые слова: Туран, Туркестан, Западный Туркестан, Центральная Азия.

CONCEPTS OF TURAN AND TURKESTAN IN THE HISTORIOGRAPHY OF ARAB STATES AND THE QUESTION OF THEIR TERRITORY

Ulugbek OLIMOV¹

*¹Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Institute of History
Tashkent, Uzbekistan
largov1900@gmail.com*

Abstract. This article analyzes scholarly research on the history of Turan (Turkestan) conducted in Arab countries during the second half of the 20th and the early 21st centuries. The main focus is on the examination of the geographical and political boundaries of the region referred to as Turan or Turkestan from the perspective of Arab historiography. The study explores various approaches and opinions of Arab scholars, as well as how the general concept of the region has been shaped within the Arab academic tradition. The findings demonstrate that the understanding of the toponym and territorial scope of Turan (Turkestan) in Arab states differs in several respects from the historiographical approach accepted in Uzbekistan. This highlights the importance of comparative analysis and the necessity of in-depth examination of Arab sources when studying this topic.

Keywords: Turan, Turkestan, Western Turkestan, Central Asia.

В арабских государствах научные исследования, посвященные истории Турана, формируются с акцентом на определенный исторический период – этап, когда Туран оказался под влиянием арабов. В частности, ведущей темой в изысканиях арабских исследователей выступает распространение ислама в регионе, его возникновение, а также последующие социальные, политические и культурные трансформации.

В этом контексте арабские историки и исследователи особое внимание уделяют процессу исламизации, развитию народов Турана в рамках арабо-исламской культуры, их политическим отношениям и вкладу в исламскую цивилизацию. Одновременно с этим в центре их внимания находятся идеологические, административные и культурные изменения, произошедшие в регионе в результате прихода ислама.

Именно поэтому в исследованиях по истории Турана, проводимых в арабских странах, особое внимание уделяется именно этому периоду – эпохе исламизации и вытекающим из него процессам. С одной стороны, это объясняется богатством источников и достаточным объемом информации, относящихся к данному периоду, доступных для арабского научного сообщества. С другой стороны, это свидетельствует о живом интересе арабских исследователей к собственному научному наследию, а также о естественной потребности в изучении аспектов, связанных с исламской историей Турана (Икромов, 2022: 15).

В последние годы значительно возросло количество научных работ, посвященных истории и цивилизации государств Центральной Азии. Эта тенденция наблюдается не только на региональном, но и на международном уровне, в том числе в арабских странах. Научную активизацию в этом направлении стимулировал целый ряд факторов. В частности, обретение независимости странами Центральной Азии, коренное изменение отношения к национальной истории, культуре и научному наследию, а также начало нового этапа в социально-политической жизни вызвали рост интереса к этому региону со стороны арабского мира.

Научное сообщество арабских государств, в том числе историки и востоковеды, внимательно наблюдая за происходящими изменениями, активизировали свои стремления к изучению истории и культуры народов Центральной Азии. В этом процессе важную роль сыграло усиление внимания к национальной археологии и историческому наследию, особенно на фоне создания в арабских странах новых научных центров, университетов и исследовательских институтов. Эти учреждения занимаются широким изучением истории Турана и Туркестана, а также выявлением и анализом новых материалов, касающихся арабо-туранских связей.

Обретение независимости республиками Центральной Азии вызвало в арабском мире значительный интерес не только с исторической, но и с геополитической и культурной точек зрения. Этот интерес, прежде всего, объясняется тем, что данный регион на протяжении многих лет находился в составе Советского Союза и был в значительной степени изолирован от внешних научных контактов. В условиях идеологического контроля и закрытости советского периода возможности арабских ученых для объективного и независимого изучения истории Центральной Азии были весьма ограничены.

После обретения независимости между арабскими государствами и республиками Центральной Азии начали активно развиваться тесные связи в социально-политической, экономической и культурной сферах. Особенно важную роль в этом сыграли активизация дипломатических отношений, совместные научные и

образовательные проекты, научные мероприятия и программы студенческого обмена, придавшие новый импульс взаимодействию между двумя регионами.

В результате исследования, посвященные истории Центральной Азии и цивилизации Турана, в арабском научном сообществе вышли на новый уровень, и работа в этом направлении продолжается до настоящего времени в устойчивой и целенаправленной форме.

В последние годы в научно-исследовательских центрах и университетах арабских стран были созданы специальные направления, направленные на глубокое изучение истории Центральной Азии, особенно вопросов, связанных с регионом Туран. Научная деятельность в этой области была организована на системной и целенаправленной основе, не только в рамках отдельных научно-практических групп, но и в форме специализированных программ на факультетах истории, востоковедения и политологии университетов. Именно в этом процессе особое значение приобрели исследования, посвященные истории Турана, в частности прошлому Узбекистана, его культурному наследию, государственности и роли в исламской цивилизации.

В арабском мире научные исследования в данном направлении проводились специалистами в широком масштабе, с использованием мультидисциплинарных подходов. История Турана изучалась не только в контексте исторических памятников или политических процессов, но также с точки зрения культуры, лингвистики, этнологии, источниковедения и философии. Исследования, посвященные Узбекистану, в особенности были сосредоточены вокруг таких тем, как роль исторических центров – Самарканда и Бухары – в развитии исламской цивилизации, вклад тюркских народов в исламский мир, деятельность выдающихся ученых и анализ исторических источников.

В целом, исследования по истории Центральной Азии в арабском мире развивались неравномерно. Объем и качество научных работ в этой области различаются в зависимости от страны. Повышенный интерес к данной тематике наблюдается в таких странах, как Египет, Саудовская Аравия, Алжир, Ливан, Сирия и Ирак. Научные учреждения, университеты и исследовательские центры этих государств вели более активную и систематическую работу по сравнению с другими арабскими странами. Особенно следует отметить научные академии в Каире, Бейруте и Дамаске, а также архивные центры в Тунисе и Алжире, которые играли важную роль в обеспечении источников и методологической базы для этих исследований.

Поэтому в настоящее время в арабском мире формируется все более обширная теоретическая и научная среда, посвященная истории Центральной Азии, концепции Турана и его роли в исламской цивилизации, что превращает ее в эффективную платформу для международного академического диалога.

В научных исследованиях, проводимых в ряде арабских стран, в отношении региона Центральной Азии используются различные географические и исторические термины. В трудах арабских историков, географов и востоковедов этот регион обозначается как Туран (توران), Туркестан (ترکستان), Мавераннахр (بلاد ما وراء النهر), Западный Туркестан (ترکستان الغربية) и Центральная Азия (آسيا الوسطى). Каждый из этих терминов имеет свой временной, политический или культурный контекст и интерпретируется в зависимости от исторического взгляда автора, его научной школы и отношения к источникам.

Термин «Туран» чаще используется в литературном и историко-цивилизационном смысле как общее название территорий, населенных тюркскими народами. Понятие «Туркестан» же получило широкое распространение начиная с исламского периода и служило для обозначения общей истории и культуры регионов, где проживали тюрки.

Термин «Мавераннахр» в особенности применялся арабскими географами VIII–X веков по отношению к территориям восточнее Амударьи, означая «страны за рекой».

Понятие «Западный Туркестан» использовалось в более поздние периоды в геополитическом контексте и охватывало территории современных государств – Узбекистана, Туркменистана, Казахстана и Таджикистана.

Термин «Центральная Азия» сформировался в основном в XIX–XX веках под влиянием европейских и российских географических школ и вошел в арабскую историографию, начиная использоваться более активно в научной среде арабских государств, особенно с второй половины XX века.

Каждое из этих наименований несет определенную духовную, культурную и геополитическую нагрузку и применяется арабскими учеными в зависимости от научных целей и исследовательского контекста. Поэтому при изучении истории региона крайне важно учитывать смысловое содержание этих терминов, а также анализировать, в каком источнике, в какой эпохе и в каком контексте они использовались.

Саудовский исследователь Саид Абдулмумин Саид Акрам в своем труде под названием «Важнейшие события истории Турана (Туркестана)» подробно останавливается на термине «Туран», предлагая к нему комплексный подход (Саййид Акрам, 220). Он раскрывает этнические, религиозные и географические аспекты этого понятия. По мнению автора, регион, называемый Туркестаном или Тураном, в этническом плане в основном был населен тюркскими народами, принадлежащими к тюркской языковой семье. Также он подчеркивает ислам как важный объединяющий фактор, обеспечивающий духовное единство и культурную гармонию между этими народами.

Автор описывает Туран не только в этническом и культурном отношении, но и на основе четких географических критериев. По его определению, Туран простирается от Каспийского моря и Уральских гор на западе до Великой китайской стены на востоке; от Сибири и монгольских степей на севере до территорий Ирана, Афганистана, северной части Индийского субконтинента и Тибета на юге. По расчетам автора, эта обширная территория занимает площадь 5 607 013 км². Сопоставительный анализ позволяет ему отметить, что общая площадь Турана превышает совокупную площадь таких крупных государств, как Афганистан, Иран, Турция и Саудовская Аравия. Тем самым Туран предстает не только историческим, но и стратегическим геополитическим пространством (Саййид Акрам: 9–10).

Саид Абдулмумин Саид Акрам стремится обосновать свое определение ссылками на исторические источники. По его мнению, древние арабские и греческие географы в своих трудах описывали территорию Турана (Туркестана) как совокупность исторических областей. В качестве примеров он приводит Хорезм, Мавераннахр, Согд, Маргиану и подчеркивает, что политические, экономические и культурные взаимосвязи между этими областями способствовали формированию цивилизационного пространства, получившего название Туран.

Такой подход автора позволяет трактовать Туран не как простую географическую или административную категорию, а как широкую региональную концепцию, основанную на этническом единстве, религиозной общности, культурной гармонии и историческом содружестве. Благодаря этому взгляду в современной арабской историографии тема Турана и Туркестана связывается не только с прошлым, но и с актуальными геокультурными процессами.

По мнению автора, топоним «Туркестан» как историко-географический термин сформировался прежде всего в результате экспансионистской политики Российской империи в отношении региона. Он подчеркивает, что данное название вошло в употребление именно в период российской экспансии XIX века и возникло как реакция на конкретную политико-географическую реальность. Впервые официальное административное использование термина «Туркестан» было связано с завоеванием Россией территорий Средней Азии и превращением их в единое административное образование.

Автор подчеркивает, что распространение и широкое употребление данного топонима связано не только с политикой России, но и с региональной стратегией Китайской империи. Если в результате российской экспансии сформировалось понятие «Западный Туркестан», то направленная на Синьцзян и прилегающие территории экспансия Китая способствовала появлению термина «Восточный Туркестан». Таким образом, концепты «Восточный» и «Западный Туркестан» возникли на основе конкретной историко-геополитической реальности и стали отражением соперничества сфер влияния двух крупных империй – России и Китая.

Современные исследования в арабских странах показывают, что при анализе процесса формирования нынешних политических границ государств Центральной Азии термин «Западный Туркестан» играет ключевую роль. В разных источниках и научных работах он применяется для обозначения территорий нынешних Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана и Таджикистана. Автор объясняет это тем, что географические названия формируются не только под влиянием природных или этнических факторов, но прежде всего в результате межимперского соперничества, политико-территориального разграничения и принципов административного управления.

Против утверждения автора о том, что термин «Туркестан» получил широкое распространение лишь в период завоевания региона Российской империей, можно привести ряд контраргументов. В исследованиях, проведенных в арабских странах, особо подчеркивается, что топоним «Туркестан» не ограничивается XIX веком – он существовал задолго до этого, еще в средние века, и активно использовался в исторических источниках.

Юридикто-исторический анализ свидетельствует о том, что археологические находки и письменные памятники VII века подтверждают употребление наименования «Туркестан» именно в такой форме для обозначения региона уже в ту эпоху.

Бохтарские тексты VI–VII вв. и заключенный в 639 г. на согдийском языке договор о рабстве, найденный в Восточном Туркестане, наглядно подтверждают, что топоним «Туркестан» уже в раннем средневековье был широко признанным географическим идентификатором для Средней Азии. Согласно исследованиям академика Э.В. Ртвеладзе, обрывок указанного бохтарского договора, обнаруженный на территории Бактрии и перечисляющий транзитные пошлины, упоминает выражение «дорога Туркестана»; в данном контексте термин обозначает не торговый тракт, а

самостоятельный оазис-регион как торгово-историческую и административную единицу. Следовательно, к концу VI в. название «Туркестан» уже устоялось не только в местном, но и в трансрегиональном деловом обращении.

В согдийском документе 639 г., найденном в Таримской долине, говорится о «служанке Упачах, принадлежащей роду чавьяк и рожденной в Туркестане»; здесь топоним употреблен как официальный термин, определяющий правовой статус лица и место его рождения, что свидетельствует о вхождении названия в административно-правовую практику.

Опираясь на эти данные, согдолог М. Исхаков отмечает, что название «Туркестан» имеет как минимум 1400-летнюю историю, является этнически нейтральным, выступая собирательным обозначением многонациональной земли Турана, и благодаря употреблению в социально-правовых документах закрепилось как реальное географо-юридическое понятие, а не как литературная метафора. Однако малочисленность источников и их фрагментарность затрудняют определение того, обозначал ли «Туркестан» в каждом отдельном случае именно территориальную общность; кроме того, частичное смешение этнонима «тюрк» (törük) с названием страны в V–VII вв. создало почву для различного толкования семантики термина. Хронологический разрыв между 639 г. и IX в. также указывает на неоднородные этапы закрепления топонима по всему региону (Бобояров).

Тем не менее, бохтарские и согдийские документы свидетельствуют о том, что термин «Туркестан» получил широкое распространение уже в эпоху политического расцвета Тюркских каганатов – благодаря торговой сети согдийских и бактрийских купцов. Это значительно ослабляет теоретические подходы, трактующие данный топоним исключительно как колониальную конструкцию XIX века, и создает научную основу для переосмысления Средней Азии как геополитического центра на перекрестке иранской, тюркской и китайской цивилизаций.

Ожидается, что будущие эпиграфические, палеографические и радиоуглеродные исследования позволят выявить дополнительные материалы того периода, раскрывая более глубокие слои истории данного топонима. Эти факты указывают на то, что происхождение названия «Туркестан» восходит к значительно более раннему периоду, чем эпоха российской экспансии.

Следует особо подчеркнуть, что употребление названия «Туркестан» в средневековые свидетельствует о его глубоких и прочных исторических корнях. Такая долговечность термина указывает на то, что он существовал задолго до XIX века и не ограничивается рамками колониальной эпохи. Таким образом, хотя повторное использование названия «Туркестан» в качестве централизованного административного образования со стороны Российской империи открыло новую страницу в его истории, сам топоним уже был устоявшимся и сформировавшимся понятием.

История термина «Туркестан» не начинается в XIX веке – он использовался для обозначения данного географического и культурного пространства задолго до этого. Это наглядно показывает, что у данного наименования имеются глубокие историко-этнические и культурные корни, и связывать его исключительно с российским имперским периодом –неправильно.

Научные исследования, проведенные в арабских странах, свидетельствуют о том, что в отношении территории, называемой Тураном или Туркестаном, до сих пор не выработано единого и окончательного историко-географического определения.

Существуют различные академические взгляды на четкие границы региона, его составные части и даже на его общий статус. Эти взгляды не обязательно противоречат друг другу, но во многом различаются. В связи с этим при изучении данного региона неизбежно возникают определенные методологические расхождения между различными научными школами и авторами.

Кроме того, термины, применявшиеся по отношению к данному региону – Туран, Туркестан, Мавераннахр, Западный или Восточный Туркестан и другие – в зависимости от исторического контекста приобретали различную смысловую нагрузку. Значение этих наименований постепенно трансформировалось со временем, в зависимости от изменения политической обстановки и социально-культурных условий. Поэтому территория, обозначенная как Туристан или Туркестан в одном источнике, может трактоваться совершенно иначе по своему географическому охвату в другом.

Называние региона также изменялось в зависимости от особенностей каждой исторической эпохи и научной традиции. Например, в один период территориальные границы определялись в соответствии с политической ситуацией, а в другой – на основе культурного единства или этнического состава предлагались совершенно иные трактовки. Эти различия напрямую связаны с разнообразием методологических подходов, используемых в исследованиях: одни ученые отдают приоритет картографическому и географическому методу, другие – этнологическому или цивилизационному подходу.

В научных работах, опубликованных в последние годы, по отношению к региону также употребляются самые разные названия. В качестве примеров можно привести труды Мухаммада Али Раджаба Саййида «История государств Средней Азии» (Мухаммад Али Раджаб Ас-Сайид, 2010: 350), Мухаммада Носира Абудия «Среднеазиатские дневники» (Мухаммада Носир, 1995), Ахмада Адила Камалая «Исламские республики Средней Азии: от исламской эпохи до наших дней» (Ахмад Адил, 2006: 98), Нодира Васира «Мавераннахр: от исламского завоевания до российского наступления» (Нодир Васир, 2024), Мухаммада Мусы Шарифа «Ученые Туркестана: прошлое и настоящее» (Муса Шариф, 2009), Саида Абдулмумина Саида Акрома «Важнейшие события истории Турана (Туркестана)» (Саид Акрот) и ряд других.

В большинстве трудов, посвященных истории Турана и написанных в арабских странах, отчетливо прослеживается единый стиль, основанный на определенном стандартизированном шаблоне. Эти работы содержат краткие, общие и прямолинейные описания различных городов Турана, их географического положения, климатических условий и населения. Информация о каждом городе подается по одной и той же схеме: меняются лишь названия и географические координаты. Подобный подход, несомненно, указывает на существование традиционной манеры или шаблона в исследовательской письменной практике.

Еще одной заметной особенностью указанных трудов является недостаточное соблюдение требований источниковедческого анализа. В частности, нередко упускаются такие важные научные критерии, как критическая оценка источников, их сопоставление, степень достоверности и исторический контекст. Источники, как правило, просто перечисляются, а извлеченные из них сведения представляются без глубокого осмысления и самостоятельного анализа. Это приводит к тому, что выводы, приведенные в работах, порой оказываются односторонними, поверхностными и недостаточно обоснованными.

Именно такие аспекты, наряду с достижениями арабской историографии по теме истории Турана, указывают на существование и ряда проблемных моментов. В частности, в этих работах наблюдается дисбаланс в хронологическом подходе: основное внимание уделяется средневековому периоду, тогда как древнейшие эпохи региона освещены поверхностно. Недостаточное внимание уделяется начальным этапам цивилизации Турана, формированию первых государственных структур и этническим процессам. Кроме того, в исследованиях редко встречается авторская индивидуальная интерпретация: подавляющее большинство работ придерживается стандартных схем, новые теоретические подходы и оригинальные взгляды встречаются крайне редко.

Таким образом, научный интерес к истории Турана (Туркестана) в арабских странах объясняется рядом факторов. Прежде всего, после обретения независимости странами Центральной Азии возросла потребность в более широком и глубоком понимании региона, который ранее был ограничен для внешнего научного изучения из-за закрытости советской эпохи. Установление новых политических и экономических связей между арабскими государствами и Центральной Азией стимулировало серьезный интерес к изучению истории, культуры и населения региона.

Кроме того, важную роль сыграли исторические факторы, связывающие арабский и туранский миры – прежде всего, ислам и общая цивилизационная принадлежность, что побудило арабских ученых обратить внимание на прошлое этого региона. Арабские исследователи особенно активно изучают период включения Турана в состав Арабского халифата, то есть время распространения ислама и последующих исторических процессов.

Наряду с этим, завоевание Туркестана Российской империей в XIX веке также оценивается в арабской историографии как пример негативного колониального вмешательства, что послужило основой для проведения отдельных исследований на эту тему. Таким образом, геополитические изменения (колониальный период и независимость), историко-религиозная общность и современные связи – все это стало важными причинами пробуждения интереса к истории Турана в арабском мире.

Исследования арабских ученых, посвященные истории Турана, отличаются рядом сильных сторон.

Во-первых, они охватывают широкий спектр тем: от древнейших эпох до исламского периода и колониального времени. Так, египетские исследователи изучают связи Средней Азии в исламский период в контексте Шелкового пути, тогда как ученые Саудовской Аравии проводят исследования, затрагивающие как доисламскую, так и исламскую историю Турана. Бейрутская школа востоковедения в Ливане сосредоточена главным образом на средневековой истории региона, тогда как сирийские ученые углубленно исследуют взаимоотношения между Центральной Азией и Арабским халифатом.

Во-вторых, в этих работах тщательно отработаны научный стиль и методология: широко применяются критический анализ исторических источников, сравнительный подход и опора на археологические данные. В арабских странах археология и история развиваются во взаимной связке: ежегодные конференции «Союза арабских археологов», основанного в 1998 году, дают исследователям возможность обсуждать новейшие результаты по истории Турана и совершенствовать междисциплинарные методы.

В результате при ведущих университетах и научных центрах Египта, Саудовской Аравии, Ливана, Сирии и других государств созданы специализированные программы и центры по изучению истории Центральной Азии, что обеспечило системный характер исследований.

В целом сильная сторона арабской историографии по теме Турана заключается в стремлении к объективному освещению: глубоко анализируется широкий круг сюжетов с использованием современных научных подходов, гармонично объединяющих восточный и западный исследовательский опыт.

Тем не менее, с критической точки зрения следует отметить наличие ряда методологических и содержательных проблем в указанных исследованиях. Прежде всего, в некоторых работах наблюдается недостаточная глубина источниковедческого анализа: в отдельных случаях исследователи опираются преимущественно на вторичные источники или ограниченные документальные материалы. Это может снижать надежность научных выводов.

Кроме того, в ряде исследований не достигнута историческая сбалансированность: внимание сосредотачивается главным образом на отдельных периодах или событиях, в результате чего воссоздание целостной и связной картины истории Турана оказывается затрудненным. Например, поскольку многие арабские научные центры специализируются на изучении современности и новейшей истории, пока еще не сформированы полноценно специализированные институты, целенаправленно исследующие древнейшие этапы истории Турана. Это приводит к хронологическому дисбалансу.

Что касается методологических подходов, то здесь также прослеживаются определенные ограничения: часть исследований по-прежнему не выходит за рамки традиционных методов или ограничена узким аналитическим подходом. Различия между научными школами сохраняются, и на сегодняшний день не сложилась единая концепция трактовки Турана как историко-географического понятия.

Иными словами, в арабской историографии по теме истории Турана существует множество различных взглядов и методологических подходов, что иногда затрудняет обобщение и интеграцию результатов научных исследований.

В то же время именно это многообразие подходов и активное развитие исследований приводит к ряду положительных научных и практических результатов. В последние годы арабским ученым удалось осветить ранее малоизученные страницы истории Турана на основе новых источников и археологических находок. В частности, была пересмотрена точка зрения, согласно которой термин «Туркестан» якобы возник исключительно в колониальный период XIX века, и на научной основе доказано, что этот топоним встречается уже в средневековых арабских источниках.

Подобные исследования позволяют точнее определить место туранского региона в мировой истории и раскрыть его вклад в развитие цивилизаций. Благодаря трудам, создаваемым на арабском языке, историческое наследие Центральной Азии стало значительно более доступным для арабской общественности, что способствует углублению представлений о регионе и преодолению прежних стереотипов.

С практической точки зрения также наблюдается усиление сотрудничества между учеными арабских стран и государств Центральной Азии – проводятся совместные конференции, научные обмены и проекты, создаются новые научные мосты.

В заключение следует отметить, что научные исследования, посвященные истории Турана в арабских странах, внесли значительный вклад в более глубокое осмысление этой темы и в формирование новых научных интерпретаций. Несмотря на то, что в процессе работы все еще встречаются отдельные методологические недостатки, общая тенденция свидетельствует о позитивной динамике и росте профессионального уровня исследований.

В перспективе ожидается, что за счет расширения источниковой базы, достижения хронологического баланса в историческом анализе и более широкого применения современных научных методов, изучение истории Турана (Туркестана) в арабской историографии выйдет на новый этап. Это сулит большие перспективы не только в научно-теоретическом плане, но и в деле укрепления культурных и научных связей между двумя регионами.

Источники:

Икромов Ш. Трансформационные процессы в независимом Узбекистане в освещении арабских государств: дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 2022. 146 с.

Ас-Саййид Абдульмуъмин Ас-Саййид Акрам. Адвоъ 'ала тарих Туран (Туркистан). Макка аль-Мукаррама: Рабитат аль-Алям аль-Ислами, б.г. 220 с.

Бобояров Г. Топоним «Туркестан» в источниках раннего средневековья. <https://shosh.uz>

Мухаммад Али Раджаб Ас-Саййид. Тарих дуаль Асия аль-Вуста (История государств Центральной Азии). Каир: Каирский университет, 2010. 350 с.

Мухаммад бин Насир аль-Абуди. Йаумият Асия аль-Вуста (Дневники Средней Азии). 1995. 313 с.

Ахмад Адиль Камаль. Аль-Джумхурийят аль-исламия би-Асия аль-Вуста мунзу аль-фатх аль-ислами хатта аль-Яум (Исламские республики Центральной Азии: от исламского завоевания до наших дней). 2006. 98 с.

Надир Аль-Васир. Билад мавара'а ан-Нахр мин аль-фатх аль-ислами ила аль-ихтиладь ар-русий (Мавераннахр: от исламского завоевания до российского завоевания). Первое издание: 1445 г. х. / 2024. 676 с.

Мухаммад бин Муса аш-Шариф. Улама Асия аль-Вуста (ат-Туркестан) байна аль-мади ва аль-хадир (Ученые Средней Азии (Туркестана): прошлое и настоящее). Джидда: Дар аль-Андалус аль-Хадра ли-ннашр ва ат-таузи', 2009. 79 с.

Ас-Саййид Абдульмуъмин Ас-Саййид Акрам. Адвоъ 'ала тарих Туран (Туркистан). Макка аль-Мукаррама: Рабитат аль-Алям аль-Ислами, б. г. 220 с.

АРАБ ЕЛДЕРІНІҢ ТАРИХНАМАСЫНДАҒЫ ТҰРАН ЖӘНЕ ТҮРКІСТАН ҰҒЫМДАРЫ МЕН ОНЫҢ АУМАҒЫ МӘСЕЛЕСІ

Улугбек ОЛИМОВ¹

*¹Өзбекстан Республикасының Ғылым академиясы, Тарих институты
Ташкент, Өзбекстан
largov1900@gmail.com*

Аңдатпа. Бұл мақалада XX ғасырдың екінші жартысы – XXI ғасырдың басында араб елдерінде жүргізілген Тұран (Түркістан) тарихына арналған ғылыми зерттеулерге талдау жасалған. Негізгі назар араб тарихнамасы тұрғысынан Тұран немесе Түркістан деп аталатын аймақтың географиялық және саяси шегараларын қарастыруға аударылған. Араб зерттеушілерінің түрлі көзқарастары мен тәсілдері зерттеліп, араб ғылыми дәстүрінде бұл өңір туралы ортақ түсініктің қалыптасу үдерісі талданған. Талдау нәтижелері көрсеткендей, Тұран (Түркістан) топонимі мен аумағын араб елдерінде түсіну кейбір қырларынан Өзбекстанда қалыптасқан тарихнамалық тәсілден өзгешелігі бар. Бұл өз кезегінде салыстырмалы талдаудың маңыздылығын және осы тақырыпты зерттеуде араб дереккөздерін терең зерделеу қажеттілігін көрсетеді.

Түйін сөздер: Тұран, Түркістан, Батыс Түркістан, Орталық Азия.

**III. ОРТАЛЫҚ АЗИЯНЫҢ КАРТОГРАФИЯСЫ
ЖӘНЕ КАРТОГРАФИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР**

III.CARTOGRAPHY AND MAPPING OF CENTRAL ASIA

ХОРЕЗМ И ЕГО ТОПОНИМИКА НА ЕВРОПЕЙСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ КАРТАХ XVII–ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ.

Азим МАЛИКОВ ¹ (ORCID ID 0009-0002-5989-8954)

*¹Отдел Азиатских исследований Университета Палацкого
Оломоуц, Чешская Республика
azimmal2018@gmail.com*

Аннотация. Целью настоящей статьи стал анализ географических карт и атласов, составленных в европейских странах, включая Российскую империю в XVII–XIX в., на которых был изображен Хорезмский оазис. В отличие от предыдущих исследователей в статье впервые для анализа привлечены местные источники, труды востоковедов и путешественников, описывавшие Хорезм. Этот подход позволил проследить динамику конструирования и географического воображения региона в самых разных источниках. Основными источниками стали географические карты, хранящиеся в отделе карт Национальной библиотеки Франции в Париже, Государственной библиотеке Берлина и карты, доступные на различных интернет-ресурсах.

В изображении Хорезма европейская картография с середины XVIII в. оказалась под влиянием картографов Российской империи, границы которой близко подступали к Хорезму. В картографии по-разному использовались такие макротопонимы как Тартария, Хорезм, Ургенджи и Хивинское ханство или владение. С XIX в. европейские картографы постепенно отказались от термина Тартария, и стали шире использовать российский термин Хивинское ханство, хотя местные центральноазиатские источники продолжали применять название Хорезм. Для описания Хорезма был широко привлечен труд хорезмийского правителя XVII в. Абулгази-хана, а также записи дипломатических посланников и географов.

Ключевые слова: Центральная Азия, Хорезм, Тартария, ориентализм, картография, география.

KHOREZM AND ITS TOPONYMY ON EUROPEAN GEOGRAPHICAL MAPS OF THE 17TH TO THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

Azim MALIKOV¹

*¹Department of Asian Studies, Palacky University
Olomouc, Czech Republic
azimmal2018@gmail.com*

Abstract. The purpose of this article is the analysis of geographical maps and atlases produced in European countries, including the Russian Empire, in the 17th-19th centuries, which depicted the Khorezm oasis. The article is distinct from previous research in that it is the first to examine local sources, works of orientalist and travelers who described Khorezm. This approach helps to explore the dynamics of the construction and geographic imagination of the region in a wide variety of sources. The main sources were maps stored in the Map Department of the National Library of France in Paris and the State Library of Berlin, as well as maps available on various websites.

In depicting Khorezm, European cartography from the mid-18th century was influenced by cartographers of the Russian Empire, whose borders were close to Khorezm. Such macrotoponyms as Tartary, Khorezm, Urgenji and Khiva Khanate were used in cartography in different ways. Since the nineteenth century, there has been a gradual abandonment of the term Tartary by European cartographers and a wider adoption of the Russian term Khiva Khanate, although local sources of Central Asia continued to use the name Khorezm. For the description of Khorezm, records of diplomatic envoys and geographers were widely used, as well as the work of the Khorezmian ruler Abulgazi-khan from the 17th century.

Keywords: Central Asia, Khorezm, Tartary, Orientalism, Cartography, Geography.

Изучение географических карт, составленных в европейских странах в XVII–XIX веках, позволяет с одной стороны, проследить развитие географических знаний европейских картографов, а с другой, исследовать разные варианты конструирования представлений о расположении городов, рек, этнических групп и использование различных названий региона. Карты являются дискурсивными инструментами, которые выражают географические знания, социальные стереотипы и воссоздают доминирующие геополитические дискурсы (Branch, 2013: 38). Они дают представление об альтернативных или конкурирующих дискурсах (Harley, 2011: 58, 62). При этом надо учитывать, что правила картографии различаются в разных обществах и государствах и они помогают понять особенности политики знания (Black, 1997: 18).

Целью настоящего исследования стали географические карты, составленные в европейских странах, включая Российскую империю в XVII–XIX в., на которых был изображен Хорезмский оазис. Он занимает правобережную и левобережную равнины дельты Аму-Дарьи. Самый южный участок в Туя-Муюне относится к среднему течению реки, где среди песков Каракумов расположен Питнякский оазис (Гулямов, 1957: 21).

Хорезм – одно из древнейших государств Центральной Азии, упоминается древнегреческими историками и географами Геродотом, Ктесием, Гекатей Милетским и другими. Античная историко-географическая традиция нашла свое продолжение в мусульманской географии, а затем в европейской географии и картографии. В XVII–XIX веках Хорезм был отдельным государством, который в российской историографии с XVIII века стали называть Хивинским ханством (Wood, 2019).

Для региона издревле была характерна полиэтничность, а в рассматриваемый период здесь жили представители таких этнических групп как: узбеки, казахи, туркмены, каракалпаки, иранцы, татары, евреи и др. В XVIII веке в Хорезме произошел переход к оседлости ряда тюркских полукочевых родов, что прослеживается в топонимике региона.

Хотя исследования по истории мировой картографии многочисленны, число исследователей по истории картографии оазисов Средней Азии относительно меньше и среди них можно перечислить: Н. Веселовского (1877), Л. Берга (1908), Л. Багрова (1914), В. Федчину (1967), М. Итину (1974), Ш. Камолиддинова (2005), Н. Корженевский (1949), Е. Рычаловского (2008), З. Саидбобоева (2008), Н. Кенжеахмета (2023), С. Горшенину (2019), А. Маликова (2024) и др.

Более ста лет назад востоковед В. Бартольд, изучивший историческую географию Центральной Азии на основе арабских и персидских источников, писал о бесполезности историко-географических исследований, основанных «на одном только картографическом материале» (Бартольд, 1965). С тех пор значительно изменилась методология картографии, были подвергнуты критике позитивистские и эссенциалистские подходы. Для получения представления о разных дискурсах по интерпретации макро и микропонимании Хорезма, настоящее исследование основано на междисциплинарном подходе. Микроисторический анализ отображения Хорезма в европейской картографии XVII–XIX вв. при сравнительном привлечении местных источников до сих пор не был предметом специального исследования.

В настоящем исследовании ставится целью показать динамику изменений восприятия региона и его топонимике на фоне развития европейской картографии и изучения Хорезма. Учитывая большое число географических карт, на которых изображен Хорезмский оазис, в настоящей статье выборочно проанализированы

лишь некоторых из них. Для широты обзора картографических знаний выбраны карты ведущих мировых центров картографии XVII–XIX веков: Нидерландов, Франции, Российской и Британской империй, а также немецких картографов.

Основными источниками настоящего исследования стали географические карты, хранящиеся в отделе карт Национальной библиотеки Франции в Париже и Государственной библиотеке Берлина¹, а также представленные на различных вебсайтах по истории картографии. Для современного анализа карт региона мной использованы концепции и подходы Джона Харли, Джордана Бранча и др. В отличие от предыдущих исследователей в статье впервые для анализа привлечены местные источники, труды востоковедов и путешественников, которые оставили описания Хорезма. Этот подход позволил проследить динамику конструирования и географического воображения региона в самых разных источниках.

Хорезм изображен на разных картах по-разному. Эти карты можно разделить на следующие группы: карты мира, карты Азии, карты Тартарии, исторические карты и др. На отдельных картах Персии и Афганистана также изображен Хорезм.

На карте Птолемея Хорезма нет, его территория показана как часть Скифии ниже которой располагаются Согдиана и Бактрия. Амударья (Оксус) и Сырдарья впадают в Каспийское море. На карте мира 1445 года бенедиктинского монаха из Зальцбурга Андреаса Васпергера можно увидеть Хорезм, который назван Корсамеа (Багров, 2005: 60). На картах мира XVI века Хорезм известен под названием Коразмини, выше которого расположены аланы. Древнерусское название Каспийского моря «Хвалынское (Хвалимское, Хвалиское) море», использовавшееся и в XVII веке отражает в себе название хорезмийцев. Сведения о главных городах Хорезма – Ургенчу, Кяту и Хиве есть во многих средневековых сочинениях исламских географов. Исламская картография имела определенное влияние на развитие европейской географии, которая в XV–XVI вв. в немалой степени зависела от птолемеевских традиций.

Источники европейской картографии

Основными источниками европейских картографов по Хорезмскому оазису являлись данные географов античной эпохи, мусульманских стран, а также материалы, собранные различными посланниками, купцами, путешественниками и др. При сравнении данных картографов и географов разных стран можно заметить, что, начиная с XVIII века более точные сведения располагали российские ученые, что было связано с более высоким развитием картографии, расширением Российской империи в направлении Хорезма и более детальным исследованием региона.

Посланники Хивинского ханства, проживавшие в России многие месяцы и даже годы (Веселовский, 1884: 69–70) были прекрасными информаторами для сбора самых разных сведений о Хорезме. Российские послы в Хорезме также собирали материалы по географии региона.

Уникальным источником по истории и топонимике Хорезма был труд историка, хана Хорезма Абулгази-хана (1643–1663) «Родословная тюрков», который европейские исследователи широко использовали в XVIII–XIX веках. Он был переведен с чагатайского тюркского языка на русский, немецкий, французский, английский и

¹ Автор статьи выражает свою искреннюю признательность администрации Fondation Maison des Sciences de l'Homme (FMSH) за предоставленные возможности работы в библиотеках Парижа в 2008–2009 гг., и благодарит за финансовую поддержку исследования грант European Regional Development Fund – Project "Sinophone Borderlands: Interaction at the Edges" CZ.02.1.01/0.0/0.0/16_019/0000791".

турецкие языки. Перевод на французский язык был издан Варенном в 1726 году в Брюсселе под названием «Histoire généalogique des Tartares, traduite du manuscrit tartare d Abulgasi-Bahadur-Chan» («История генеалогий татар») (Родословное древо тюрков, 1906: IX). Особенности идеологических подходов европейского ориентализма оказали влияние на перевод сочинения, где термин тюрк был заменен на татар. В 1768 году В.К. Тредиаковский перевел книгу с французского на русский язык, и она увидела свет (Родословная история о татарах, 1768).

Сочинение Абулгази использовал крупный российский историк В. Татищев (1686–1750) который одновременно использовал термины тюрк и татар как синонимы (Татищев, 1994: 142). Например, сочинение Абулгази-хана он интерпретировал как «татарскую историю» и как «родословие турецкое» (Татищев, 1994: 189, 269). Татищев выделил разные мнения по обозначению региона и отмечал, что «тамошние народы именуют сию область Ургенез», а другие Харазим. В области «семь градов с уездами: Хива, Урганич, Ханки, Адарсусь, Курлян, Каратепа, Аратепа» (Татищев, 1994: 240). Татищев определял узбеков Хорезма так: «хотя некоторые разумеют за особый род татар, но сие имя значит шляхетство, которых в разных народах, яко в Хиве, в Аралах и Бухарин, немало» (Татищев, 1994: 423).

Французский востоковед Жозеф де Гинь (1721–1800) подготовил и издал в 1756–1758 гг. фундаментальный труд, посвященный истории и культуре народов Центральной Азии. Он упоминал такие населенные пункты Хорезма как: Ургенч, Вазир, Егнишар, Тарсак и Дурухи, Кайук, Хазарасар, Кяхт, Булдумсас (Французские исследователи в Казахстане 2006: 84). Де Гинь подчеркивал, что в числе других источников он располагает еще «Генеалогической историей тартар» Абулгази. Он описывал города Хорезма: Кайук – лучший после Ургенча город в Хорезме, а также города: Хазарасар (Хазарасп), Вазир, Тук, Егнишар, Мангышлак – город в Хорезме на берегу Каспийского моря, он располагал единственным на Каспийском море портом. Он перечислял провинции Хорезма: Огурза, Пишга, Карикизит, Гордиш, Байжалкири, Гордан-шах, Шика и др. (Французские исследователи в Казахстане, 2006: 127–133). Сведения об истории Хорезма содержатся в трудах и других европейских историков-востоковедов.

Кроме мусульманских письменных источников сведения об исторической топографии Хорезма дополнялись купцами разных стран и различными дипломатическими посланниками. Некоторые купцы были знакомы с историческими трудами и использовали их в своих описаниях. Так, в середине XVIII века российский купец Рукавкин, посетивший Хорезм, перечислял его города и крепости: Хива, Анбиры, Шабат, Кент, Чеп, Азарыс, Урганич и отмечал, что «все стоят при каналах, пропущенных из реки Амур-Дарьи» (Описание пути, 1775: 204–205). Далее он отмечал, что «город Урганич пуст, о котором сказывают, что он разорен Волжскими Калмыками Аюки-Хана» (Описание пути, 1775: 208–209). Рукавкин располагал некоторыми материалами из древней и средневековой истории Хорезма. Например, он сопоставил сведения Геродота о хоразмийцах с современными ему обитателями Хивы. Он отмечал, что «некоторые из Татар, в знак особенной любви к хану Узбеку, приняли сами название Узбеков; под сим именем составляют они в Хиве доньне высший класс народонаселения» (Путешествие из Оренбурга, 1839: 358–359). Некоторые российские авторы ошибочно считали, что хорезмийцы «около 1639 года переименовали только свое название, и начали именоваться хивинцами» (Путешествие из Оренбурга, 1839: 367). В 1740 году в Хорезме побывали английские купцы Дж.Томпсон и Р. Хогг (Берг, 1908: 63), которым удалось собрать ценные материалы.

Региональные термины

Наиболее популярным термином, обозначавшим в европейской картографии Хорезмский оазис был собственно термин Хорезм, который впервые упоминается в древней «Авесте» а также античных источниках, включая труд Птолемея. Историк Абулгази-хан (Родословное древо тюрков, 1906) и все сохранившиеся юридические документы, составленные на территории Хорезмского оазиса в XVII–XIX веках, используют название Хорезм (Bregel, 2007). Эта традиция сохранилась в местной историографии XIX века (Shir Muhammad Mirab Munis and Muhammad Riza Mirab Agahi, 1999).

Вопрос границ Хорезма является сложным и дискуссионным. На территории Хорезма протекала река Амударья, которая в разные века носила разные названия: Окс – в греко-римской традиции, Джейхун – в средние века в арабской традиции, а с XVIII века закрепилось название Амударья (Бартольд, 1963).

Джон Харли предлагал изучать географические карты в качестве структур социального знания. Он обратил внимание на взаимосвязь между картами и властью (Harley, 1988). Например, европейские картографы и географы использовали термин Тартария по отношению к Средней Азии с разным географическим, культурным и цивилизационным смыслом (Gorshenina, 2014), однако этот этноним упоминается и некоторыми местными историками, придававшие ему иное значение. Например, Джанидский историк и географ XVII века Махмуд ибн Вали приводил разные мнения об этнониме татар в Центральной Азии. Он сообщал: «татар – хотя в действительности слово это означает название одного из тюркских племен, впоследствии [этим именем] стала называться особая местность в Туркестане», и, вместе с тем, он отмечал, что «по сей день народ Рума и Шама, да и другие народы западных стран население Мавераннахра и Туркестана называют татарами» (Махмуд ибн Вали, 1977: 31).

До XVIII века западноевропейские знания о Центральной Азии и соседних областях были крайне ограничены и этот регион был известен просто как «Тартария», этимология которого не совсем ясна. Использование термина прослеживается с XIII и включая XIX век. Известный голландский государственный деятель, мэр Амстердама Н. Витсен (1641–1717) был автором карты Тартарии которая стала популярной в различных странах Западной Европы. На его карте от 1689 года есть название регион Ургетчи и город Ургенч, а также этническое название каракатай, севернее их калмаки (Витсен, 2010). Хорезмский историк Абулгази-хан в XVII в. использовал название «ургенджские узбеки» (Абулгази, 1996: 145). Термин ургенчцы использовался и в российской дипломатической переписке. Например, в одном из документов отмечалось, что в 1636 году приезжал к царю Михаилу Федоровичу «юргенского Исфендияра царя посол Нарбун Авез Багадырь» (Веселовский 1884: 71–72). Мигранты из Хорезма в других областях Центральной Азии в XVII–XIX веках использовали термин ургенджи и сейчас существуют одноименные села и кварталы некоторых городов в самых разных областях Узбекистана (Маликов, 2005: 115; Маликов, 2018: 96).

Бухарские историки XVIII века использовали термины хорезмийцы и ургенчцы как синонимы. Ханов Хорезма они называли ургенчскими правителями, например, писали о ургенчском правителе Абу-л-Гази-хане, ургенчских войсках (Мунши 1956: 103, 125). Хорезм рассматривался как отдельный регион от Мавераннахра и Турана (Мунши 1956: 148).

Некоторые российские авторы XVIII века считали, что «народ сей именуется Харазы, и Хивинский Хан доныне Харазымским владетелем пишется. Тамошние

народы всех Хивинцев называют общим именем Ургена, и за древность их начала содержат в отменном почтении» (Путешествие из Оренбурга, 1839: 388–389). В дипломатических документах XVIII века уже используется термин хивинский хан, так, в документах отмечают, что в 1739 году в Астрахань прибыл посланец от Хивинского хана Ильбарса (Веселовский, 1884: 74–75). Как подчеркивал Бартольд, Ургенч, «в качестве торгового города, просуществовал до второй половины XVII века или может быть и позже, но постепенно жизнь из Ургенча и Везира перешла в дельту Аму-Дарьи и южные города ханства. Ургенчское или, по русской терминологии «Юргенское» ханство превратилось в Хивинское» (Бартольд, 1902: 114).

Местная топонимика Хорезма в картографии XVII–XVIII веков

Европейские картографы XV–XVI веков имели фрагментированные и слабые знания о Хорезме. На знаменитой карте мира фламандца Джерарда Меркатора (1512–1594) можно увидеть Ургенч, Кят, выше которых помещена страна Джагатай. Аральского моря нет, как и не указано название Хорезм (Mercator, 1569). Эта карта отражает представления, господствовавшие в западноевропейской картографии до XVII века. Более близкое знакомство с мусульманскими географическими трудами в XVII–XVIII веках и стремительное развитие российской картографии в XVIII веке значительно расширило познания европейских картографов.

Российские карты XVII–XIX веков, изображающие Приаралье, проанализированы Л. Бергом (1908). Например, на карте С. Ремезова от 1697 года Каспийское море названо Хвалынским (Хорезмийским), указаны некоторые населенные пункты Хорезма: Хива, Ургенч, Енбар (Анбар), Азарис (Хазарасп) и др. (Берг, 1908: 43–44). По мнению Бассина, «русские карты и планы XVII века и более ранних времен были фрагментарными и примитивными» (Бассин, 2005: 285).

Реформы Петра Великого открыли новую страницу в российской картографии. На Генеральной карте Российской империи, составленной И.К. Кириловым в 1734 году видно владение с границами, Хива с городом Хивой, указаны Каспийское и Аральское моря. Ниже владения Хивы указана Туркмения, в южном Приаралье указано владение Арал с границами, а в северном Приаралье помещены каракалпаки. Амударья впадает в Аральское море и интересно, что возможно, что указано высохшее русло Узбоя.

Первый российский исторический атлас на основе «Истории государства Российского» русского историка Н.М. Карамзина (1766–1826) был составлен И.Ф. Ахматовым (1766–1829 гг.) и он назывался «Атлас исторический, хронологический и географический Российского государства». На изображениях, отображающих древний период на территории Хорезма указаны только массагеты, но самого названия Хорезм нет. Указаны три названия Амударьи: Окс и Джейхун. Есть город Хива. На карте, изображающей историю в XI веке к северу от Каспия указаны хвалисы (хорезмийцы или хазары – А.М.). Во втором томе есть карта походов Чингисхана, где на территории Хорезма помещены такие названия как: Хива, узбеки или Хивинцы (Ахматов, 1831). Таким образом, на карте присутствуют разновременные топонимы.

В 1730 году шведом Филиппом Иоанном Страленбергом, работавшим в России, была составлена карта, на которой нашло отображение и Среднеазиатское междуречье. Он был знаком с трудом хорезмийского историка Абулгази-хана и общался с российскими интеллектуалами: картографом С. Ремезовым, историком В. Татищевым, а также татарскими учеными (Итина, 1974: 72). На ней точно показано новое географическое описание Великой Тартарии. На карте помещено название Хоразмия с городами Хазарасп, Кят, старый Ургенч и малый Ургенч, Замахшар, Хива,

Гурлан и др. Указана страна Узбекия, к которой относится и Хоразмия. Подробный анализ его карты был проведен М. Итиной (1974).

Первый в истории европейской картографии план Хивы был снят инженером Назимовым в 1740 году. На карте изображен довольно схематичный план Хивы до захвата и разорения его солдатами Надиршаха. Изображен хивинский замок, оборонительная стена города и указано, что они «высотой не менее пяти сажень, а шириною в две сажени». На плане видны различные улицы и переулки, канал, мосты, ханский дворец в замке, сады около города, мельницы и др. (Савельев, 1842: 37–38). При сравнении этого плана Хивы с более поздними выявляется, что в последующие десятилетия историческая топография города претерпела серьезные изменения. Видимо, это было связано с последствиями похода Надиршаха в Хорезм в 1740 году, когда стране был нанесен значительный ущерб.

Прогресс британской картографии очевиден при анализе карт одного из известных лондонских картографов в первой половине XVIII века Германа Молла (ок. 1654–1732). Он составил карту независимой Тартарии, включавшая в себя страны узбеков, Кашгар, Тибет, Ласса. Указано название Хорезм, где изображены Кят, Горганч, Дарган, река Окс (современная Амударья), впадающая в Каспий. Указано название узбеки (Moll, 1712). На его же карте мира от 1715 года указана независимая Тартария, но нет названия Хорезм (Moll, 1715). Интересна карта Римской империи до 400 года, составленная Моллем. При изображении Хорезма, который не выделен как область, а указано лишь название, использованы материалы античных географов. На карте мы видим название Хоразмия, Горга (возможно – Куня-Ургенч), названия кочевников: дахи-скифы, массагеты, а также Окс (р. Амударья. – А.М.), впадающий в Каспийское море. На юге Хорезм граничил с Гирканией, Маргианой и на юго-востоке с Согдианой (Moll, 1730).

Также представляет интерес карта Азии немецкого картографа Иоанна Хоманна (1664–1724), на которой Хива показана крупным столичным городом. Восточнее и выше нее указаны каракалпаки, а южнее Бухария (Homann, 1730). Карта немецкого картографа Иоганна Маттиаса Хазе (1684–1742) от 1739 года отражает новый подход в изображении Хорезмского оазиса, на территории которого указаны два макротопонима: Хива и Хорезм (использован термин Ховарезм также как в арабо-персидских географических сочинениях). На карте указаны названия населенных пунктов: Хива, Горганч (видимо, старый Ургенч), Ургенч новый, Хазарасп, Кят, Дарган и др. (Haas, 1739).

В XVIII веке наблюдается значительное развитие европейской картографии. В 1740 году голландцем Исааком Тирионом была составлена карта Персии, на которой изображено и Среднеазиатское междуречье. Автор назвал Среднюю Азию Тартарией. Он также создавал другие карты, например, карту Персидской империи (Tirion, 1750). Названия Хорезм на карте нет, а есть Хивия, которая является частью Тартарии (Tirion, 1750). На карте помещены такие названия как Кят, Ургенч (Корканг), город Хорезм (Каризма), Хазарасп (Мезарас), Замахшар, Дарган. Некоторые названия не удалось идентифицировать: Арсафа, Марака и др. Один рукав Окса (Амударья) впадает в Каспийское море, а другой в Аральское море. В северных областях Хорезма указана большая пустынная площадь, которая показана как обиталище волков, леопардов и тигров. Видимо карта отображает период кризиса и упадка Хорезма после похода Надиршаха в 1740 году. К северо-западу от Хорезма указаны туркмены. Вероятно, что Тирион использовал разные источники, включая арабо-персидские географические сочинения. На карте Тириона есть ошибки в местоположении отдельных городков.

В XVIII веке расширяется Британская империя, которой требовались новые знания мировой географии. Самюэл Данн (1723–1794) создавал карты для Ост-Индской

компании. На карте независимой Тартарии от 1774 года, один из списков которой хранится в Берлинской библиотеке, помещены такие названия как: Хива, Амбар, Вазир, покинутый Ургенч, Ургенч, Кят, Бакирган, Шедрис, Джогрбент, Дараан или Даркан, а также самоназвание туркмены к западу от Хорезма и каракалпаки в северном Приаралье. Границы между Хорезмом и Бухарой указаны. Указано два названия Амударьи: Джейхун и Аби-Аму (Dunn, 1774).

Джеймс Реннелл (1742–1830) – великий английский географ опубликовал карту всего азиатского субконтинента, при составлении которой он опирался на сведения как азиатских, так и европейских геодезистов (Kapil, 2017: 58). На составленной в 1792 году им карте Индостана и соседних регионов Хорезм (Каразм, Хорасмии) изображен следующим образом, городки Ургенч, Хива, Кят, Хазарасп, Питняк, Дарган, а также названия: пустыня Хива или Хивак, узбеки на западе Хорезма. Амударья носит два названия Окс и Джейхун (Rennel, 1792).

Один из самых известных немецких картографов XVIII века Тобиас Конрад Лоттер (1717–1777) был автором широкоформатной карты Азии 1750 года (Lotter, 1750). На его карте от 1750 года, помещены такие названия как: Хорезм (Каризме) или владение Горганг внутри земель узбекских. Корганг или Джурджания выделена красным цветом, что означало столичный статус. Изображены города: Каризиме, Дерган, Замахшар, Джогрбент, Кят, Масук, Базерган и др. От Гурганга идут пять дорог в разных направлениях: на Бухару, на Мерв, на Мешхед, на иранский Джурджан, на туркменский Мангышлак. В северном Приаралье помещены казахи. Ниже Мангышлака указана страна Хивия, где указано, что здесь живет оседлая мусульманская нация. На территории Туркмении в Мангышлаке указана нация кочующих магометан (мусульман). Очевидно, что Лоттер использовал арабо-персидские источники IX–XIII вв., а также устные рассказы купцов, побывавших в регионе. Однако, месторасположения некоторых населенных пунктов изображены неверно.

Хорезм в картографии XIX века

В первой половине XIX века российские географы и картографы детально изучили топографию и местные самоназвания в Хивинском ханстве, чему дополнительно способствовал планируемый, но неудачный поход 1839 года. На карте 1851 года мы видим достаточно подробную карту Хивинского ханства с точными названиями сел, каналов и др. (Ханыков, 1851). На карте уже нет названия Хорезм и для обозначения региона и политического образования использован только один термин – Хивинское ханство. Зафиксированы новые этнопонимы, появление которых связано с оседанием узбекских, казахских, каракалпакских и туркменских родов и племен. На юге Хорезма появились такие этнопонимы как: китай (тюрко-монгольские племя, вошедшее в состав узбеков и каракалпаков – А.М.), найман и др. На севере Хорезма топонимов, носящих названия бывших тюркских родоплеменных групп было больше: кипчак, китай, мангыт, кунграт и др.

В начале XIX века Центральная Азия вызвала значительный интерес у англичан в связи с близостью к ее индийским колониям, и имперскими планами Британии. Британцы Эрроусмиты были династией картографов, которая работала с конца XVIII до середины XIX века. Аарон Эрроусмит (1750–1823) был известен тщательно подготовленными и детально обновленными картами, глобусами и схемами. На карте А. Эрроусмита от 1814–1816 годов, помещены такие названия как Хоразм, степь Хорезма, пустыня Хивы. Внутри Хорезма Хивинская область с городами: Хива, Ханки, Шабат, Бетняк, Анбар, Кят, Новый Угенч, руины старого Ургенча, Гурлян, Вазир кала, Азаркент, на юге городок Узбек-сарай, видимо караван-сарай: Махмет сарай, Аксарай,

в южном Приаралье городки Мангыт, Кипчак, Кунграт, а также название аральские узбеки. Между Каспием и Хорезмом степь под названием ургенчские турмены (Arrowsmith, 1816).

Джон Таллис (1817–1876) был британским издателем карт. Для Великой выставки 1851 года Таллис опубликовал Иллюстрированный атлас мира. В 1851 году была выпущена карта «Независимой Тартарии», на которой помещены название: «Хива или Хорезм». В центре ханства указаны узбеки, а на юге туркмены. Интересно название города «старый Ургенч или Хорезм». Также указаны названия населенных пунктов: Ургенч, Хива, Мангыт, Шиват, Ханка, Узбек-сарай, Ак-сарай, Хазарасп, Махомед сарай, Шадриз, Эшиме, Дарган, Джерберд, Кызыл ходжа Гурлян, Кият, Конграт и др. (Tallis, 1851).

Лизары были шотландской семьей граверов и печатников, которые создали множество видов и карт. Уильям Хоум Лизарс старший (1788–1859) был искусным художником и живописцем. На карте Персии, составленной Лизарсом есть изображение Хорезма (Каразм) с городами Хива, Хазарасп, Фитнек, Дарган (Lizars, 1830). Хорезм указан как часть Тартарии. К западу от Хорезма указаны туркмены. В северном Приаралье указаны каракалпаки. Карта уникальна тем, что на ней указано место гибели участников российской военной миссии Бековича-Черкасского в 1717 году и нанесена надпись здесь были убиты 3 тысячи участников миссии Бековича (Lizars, 1830).

Заключение

Европейские картографы почти до XVII века имели фрагментированные и слабые знания о Хорезме и находились под влиянием картографических разработок Птолемея. При составлении карт отображались разные дискурсы, порой противоречивые, что видно в использовании разных названий для рассматриваемого региона. Карты, составленные с XVIII века, ценны тем, что позволяют представить географическое расположение поселений региона, классификацию этнических групп населения. Картографы использовали разные источники, что влияло на отображение в картах разных топонимов, включая анахронизмы. Древними и средневековыми общими названиями региона, в состав которого воображаемо был включен Хорезм были Хорезм, Хивия, Тартария и Туран. Кроме них использовались такие термины как страна узбеков, а также страна Ургенч. Эти термины использовались как местными народами, так и в ряде зарубежных источников. Термин Тартария по отношению к Средней Азии использовался только европейскими источниками, которые вкладывали в него определенный культурный смысл, в то время как среднеазиатские авторы понимали его по-другому.

Ориенталистский дискурс в картографии региона проявился в использовании термина Тартария и преимущественном использовании греко-римских источников при составлении исторических карт региона. Материалы арабо-персидских географов в европейской картографии привлекались начиная с XVIII века и лишь выборочно. Первоначально для описания Хорезма был широко привлечен труд хорезмийского историка XVII века Абулгази-хана, записи дипломатических посланников и географов. Постепенно европейская картография, особенно начиная с середины XVIII века, оказалась под влиянием картографов Российской империи, границы которой близко подступали к Хорезму. В конечном итоге, европейские картографы с одной стороны, постепенно отказались от термина Тартария, а с другой, стали шире использовать российский термин Хивинское ханство, хотя местные источники Центральной Азии продолжали применять название Хорезм.

Источники:

- Абулгази Бахадурхан. (1996). Родословное древо тюрков. Москва-Ташкент-Бишкек.
- Ахматов, И. (1831). Атлас исторический, хронологический и географический Российского государства, составленный на основании истории Карамзина. Санкт-Петербург.
- Багров, Л. С. (1914). Карты Азиатской России. Исторические заметки. Петроград.
- Багров Л. (2005). История русской картографии. Перевод с англ. Е.В. Ламановой. Москва: ЗАО Центрполиграф.
- Бартольд, В.В. (1902). Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века. Известия Туркестанского Отделения Императорского Русского Географического Общества. Ташкент. Т. V.
- Бартольд, В.В. (1963). Сочинения. Москва: Наука. Т. I.
- Бартольд, В.В. (1965). Сочинения. Москва: Наука. Т. III.
- Бассин, М. (2005). Россия между Европой и Азией: идеологическое конструирование географического пространства. Российская империя в зарубежной историографии. Москва: Новое издательство: 277–311.
- Берг, Л.С. (1908). Аральское море. Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича.
- Веселовский, Н.И. (1877). Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. Санкт-Петербург: тип. бр. Пантелеевых.
- Веселовский, Н. (1884). Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII столетиях. По документам Московского главного архива министерства иностранных дел. Журнал министерства народного образования. № 7.
- Витсен, Н. (2010). Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. В 3 т. Т. 1 / пер. с гол. яз. В. Г. Трисман; ред. и науч. рук. Н.П. Копанева, Б. Наарден. Амстердам: Pegasus.
- Горшенина, С.М. (2019). Изобретение концепта Средней / Центральной Азии: между наукой и геополитикой. Перевод с французского М.Р. Майзульса. Вашингтон: Программа изучения Центральной Азии, Университет Джорджа Вашингтона.
- Гулямов, Я.Г. (1957). История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент.
- Итина, М.И. (1974). Средняя Азия на карте Страленберга. Советская этнография. №1.
- Камолиддин, Ш.С. (2005). Ўзбекистоннинг ўрта асрларга оид хариталари. Moziydan sado. 2: 30–33.
- Кенжеахмет, Н. (2023). Европейские карты Казахской степи и Центральной Азии. The Qazaq Historical Review. 1: 56–121.
- Корженевский, Н.Л. (1949). К истории развития картографии и географических представлений о территории Средней Азии и Узбекистана в XVIII в. Известия АН Узбекской ССР, Серия географическая. №1.
- Маликов, А.М. (2005). Урганжийлар. Ўзбекистон миллий энциклопедияси. 9 жилд. Тошкент.
- Маликов, А.М. (2018). Тюркские этнонимы и этнотопонимы долины Зерафшана (XVIII – начало XX в.). Ташкент: Muharrir nashriyoti.
- Маликов, А.М. (2024). Долина Зерафшана в европейских географических картах XVII–XIX вв. «Historical geography of Central Asia». International Conference Proceedings Book. Almaty, 3–4 June, 2024. Almaty: «Deluxe Printery»: 37–50.

Махмуд ибн Вали. (1977). Море тайн относительно доблестей благородных (география). Введение, перевод, примечания Б. Ахмедова. Ташкент: Издательство «Фан» УзССР.

Мунши, Мухаммед Юсуф (1956). Мукимханская история. Перевод с таджикского, предисловие, примечания и указатели профессора А.А. Семенова. Ташкент.

Описание пути от Оренбурга к Хиве и Бухарам, с принадлежащими обстоятельствам, бывшего при отправленном в 1753 году, из Оренбурга в те места купеческом караване, Самарского купца Данилы Рукавкина (1775). Московский любопытный месяцеслов на 1776 год. Санкт-Петербург.

Путешествие из Оренбурга в Хиву самарского купца Рукавкина, в 1753 году, с приобщением разных известий о Хиве с отдаленных времен доныне (1839). Журнал министерства внутренних дел. № 12.

Родословное древо тюрков (1906). Сочинение Абуль-Гази, Хивинского хана. Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Т. XXI, Вып. 5.

Родословная история о татарах, переведенная на французский язык с рукописных татарских книги, сочинения Абулгачи-Баядур-хана, и дополненная великим числом примечаний достоверных и любопытственных о прямом нынешнем состоянии Северных Азии с потребными географическими ландкартами. (1768). Т. I. Санкт-Петербург.

Рычаловский, Е.Е. (2008). Казахстан и Средняя Азия на античных и средневековых картах. Атлас Туран на старинных картах: образ пространства – пространство образов: Казахстан, Центральная Азия, Прикаспий, Приуралье, Западная Сибирь, Восточный Туркестан, Балх, Хорасан. Автор идеи и составитель П.А. Терский. Алматы-Москва: Дизайн. Информация. Картография: 158–235.

Савельев, П. (1842). Хива за сто лет назад. Сын отечества. №1.

Саидбобоев, З. (2008). Европада Ўрта Осиёга оид тарихий-картографик маълумотлар (XVI–XIX асрлар). Тошкент: Фан.

Татищев, В.Н. (1994). Собрание сочинений.. Москва: «Ладомир». Т. I. История Российская. Часть 1.

Федчина, В. (1967). Как создавалась карта Средней Азии. Москва.

Французские исследователи в Казахстане (2006). История Казахстана в западных источниках XII–XX веков. Т. VII. Перевод с французского О. Рублевой. Составитель И. Ерофеева. Алматы: Санат.

Ханыков, Я.В. (1851). Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями. Записки Императорского Русского Географического Общества. Кн. V. Санкт-Петербург.

Arrowsmith, A. (1816). Outlines of the Countries Between Delhi and Constantinople. <https://www.raremaps.com/gallery/detail/60677>

Black, J. (1997). Maps and politics. Reaktion Books Ltd.

Branch, J. (2013). The cartographic state: Maps, territory, and the origins of sovereignty. Vol. 127. Cambridge University Press.

Bregel, Y. (2007). Documents from the Khanate of Khiva (17th – 19th centuries). Papers on Inner Asia, 40. Bloomington, Indiana.

Dunn, S. (1774). A Map of Independent Tartary, Containing the Countries of the Kalmuks and Uzbeks, with the Tibet. <https://www.raremaps.com/gallery/detail/92397/a-map-of-independent-tartary-containing-the-countries-of-th-dunn>

Gorshenina, S. (2014). L'invention de l'Asie centrale: histoire du concept de la Tartarie à l'Eurasie. Droz.

Haas, J. (1739). *Tartariae Maioris Sive Asiaticae Tabula*. [http://cartweb.geography.ua.edu/lizardtech/iserv/calcrn?cat=Asia&item=/Asia1739a.sid&wid=500&hei=400&props=item\(Name,Description\),cat\(Name,Description\)&style=simple/view-dhtml.xml](http://cartweb.geography.ua.edu/lizardtech/iserv/calcrn?cat=Asia&item=/Asia1739a.sid&wid=500&hei=400&props=item(Name,Description),cat(Name,Description)&style=simple/view-dhtml.xml)

Harley, J.B. (1988). *Maps, Knowledge and Power. The Iconography of Landscape. Essays on the Symbolic Representation, Design and Use of Past Environments*. Cosgrove D., Daniels St. (Hg.) Cambridge: 277–312.

Harley, J.B. (2011). Deconstructing the map. Dodge, Martin, Rob Kitchin, and Chris Perkins, eds. *The map reader: theories of mapping practice and cartographic representation*. John Wiley & Sons.

Homann, J. (1730). *Asiae, Recentissima Delineatio Qua Status et Imperia Totius Orientis*. [http://cartweb.geography.ua.edu/lizardtech/iserv/calcrn?cat=Asia&item=/Asia1730a.sid&wid=500&hei=400&props=item\(Name,Description\),cat\(Name,Description\)&style=simple/view-dhtml.xml](http://cartweb.geography.ua.edu/lizardtech/iserv/calcrn?cat=Asia&item=/Asia1730a.sid&wid=500&hei=400&props=item(Name,Description),cat(Name,Description)&style=simple/view-dhtml.xml)

Kapil, R. (2017). Networks of knowledge, or spaces of circulation? The birth of British cartography in colonial south Asia in the late eighteenth century. *Global Intellectual History*. 2:1: 49–66.

Lizars, W. (1830). *Persia*. <https://www.raremaps.com/gallery/detail/101444/persia-lizars>

Lotter, T.C. (1750). *Opulentissimi Regni Persiae juxta suas Provincias recentissima et accuratissima Designatio*. <https://www.raremaps.com/gallery/detail/85292/opulentissimi-regni-persiae-juxta-suas-provincias-recentissi-lotter>

Mercator, J. (1569). *World map*. <https://www.cabinet.ox.ac.uk/mercator-world-map-1569-1>

Moll, H. (1730). *Historical Map of the Roman Empire and the neighboring Barbarous Nations to the Year of our Lord Four Hundred when the Empire began to be rent with foreign invasions*. <https://www.raremaps.com/gallery/detail/102026/historical-map-of-the-roman-empire-and-the-neighboring-barba-moll>

Moll, H. (1715). *A New and Correct Map of the World Laid Down According to the Newest Discoveries, and from the Most Exact Observations*. <https://www.raremaps.com/gallery/detail/94681/a-new-and-correct-map-of-the-world-laid-down-according-to-th-moll>

Moll, H. (1712). *A Map of Independent Tartary Containing the Territories of Usbeck, Gasgar, Tibet, Lassa*. <https://www.raremaps.com/gallery/detail/65844/a-map-of-independent-tartary-containing-the-territories-of-u-moll>

Shir Muhammad Mirab Munis and Muhammad Riza Mirab Agahi (1999). *Firdaws al-igbāl: History of Khorezm*. Translated from Chaghatay and annotated by Yuri Bregel. Leiden: Brill.

Tallis, J. (1851). *Independent Tartary*. <https://www.raremaps.com/gallery/detail/77582/independent-tartary-tallis>

Rennel, J. (1792). *Memoir of a map of Hindoostan; or, The Mogul empire: with an introduction, illustrative of the geography and present division of that country: and a map of the countries situated between the heads of the Indian rivers, and the Caspian Sea*. <https://apps.lib.umich.edu/online-exhibits/exhibits/show/india-maps/item/5224?exhibit=136&page=1193>. <https://www.raremaps.com/gallery/detail/77582/independent-tartary-tallis>

Tirion, I. (1750). *Nieuwe kaart van 't Ryk van Persie*. <https://www.raremaps.com/gallery/detail/83618>

Withers, Ch. WJ. (2013). On Enlightenment's margins: Geography, imperialism and mapping in Central Asia: 1798–1838. *Journal of Historical Geography*. 39: 3–18.

Wood, William. (2019). *Khorezm and the Khanate of Khiva*. Oxford Research Encyclopedia of Asian History.

XVII–XIX ҒАСЫРДЫҢ БІРІНШІ ЖАРТЫСЫНДАҒЫ ЕУРОПА ГЕОГРАФИЯЛЫҚ КАРТАЛАРЫНДАҒЫ ХОРЕЗМ ЖӘНЕ ОНЫҢ ТОПОНИМИЯСЫ

Азим МАЛИКОВ¹

¹Палакки университетінің Азиятану кафедрасы

Оломоуц, Чехия

azimma12018@gmail.com

Аңдатпа. Мақаланың мақсаты – Хорезм оазисін бейнелеген Еуропа елдерінде, соның ішінде Ресей империясында XVII–XIX ғасырларда сызылған географиялық карталар мен атластарға талдау жасау. Бұрынғы зерттеушілерге қарағанда бұл мақалада талдау үшін жергілікті дереккөздер, Хорезмді сипаттаған шығыстанушылар мен саяхатшылардың еңбектері бірінші рет қолданылған. Бұл тәсіл әртүрлі дереккөздер бойынша аймақтың құрылыс динамикасын және географиялық елестетуін байқауға мүмкіндік берді. Негізгі дереккөздер Париждегі Франция Ұлттық кітапханасының карта бөлімінде, Берлин мемлекеттік кітапханасында сақталған географиялық карталар және әртүрлі интернет-ресурстарындағы карталар.

Хорезмді бейнелеуде XVIII ғасырдың ортасынан бастап Еуропа картографиясына шегаралары Хорезмге жақын орналасқан Ресей империясының картографтары әсер етті. Тартар, Хорезм, Үргеніш және Хиуа хандығы немесе иелігі сияқты макротопонимдер картографияда түрліше қолданылған. XIX ғасырдан бастап еуропалық картографтар бірте-бірте татарлар терминінен бас тартып, орысша «Хиуа хандығы» терминін кеңінен қолдана бастағанымен жергілікті Орталық Азия деректерінде Хорезм атауы қолданыста қала берді. Хорезмді сипаттау үшін XVII ғасырдағы Хорезм билеушісі Әбілғазы ханның еңбегі, дипломатиялық елшілер мен картографтардың жазбалары кеңінен пайдаланылды.

Түйін сөздер: Орталық Азия, Хорезм, Тартар, шығыстану, картография, география.

ПУТЬ ИЗ ТУРКЕСТАНА В МЕККУ: ИЗМЕНЕНИЯ НА ИСТОРИЧЕСКОМ МАРШРУТЕ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Нигора РАХИМДЖАНОВА¹

¹PhD, старший научный сотрудник

Институт Истории, Академия наук Республики Узбекистан

Ташкент, Узбекистан

nigoramumtoz@gmail.com

Аннотация. С превращением Туркестана в колонию Российской империи и строительством железнодорожных линий возник новый маршрут, который был быстрее и относительно более удобен, поэтому большинство паломников стали выбирать именно его. По этому новому маршруту из Туркестана добирались по железной дороге до Севастополя и Феодосии, затем через Батум, а оттуда на пароходах через порты Черного моря в Константинополь (ныне Стамбул), Суэц и далее в Джидду и Ямбу. Этим маршрутом пользовались паломники из таких районов Центральной Азии, как Ташкент, Самарканд, Бухара, Ферганская долина, Чимкент, Отрар, Туркестан, Верный (Алма-Ата), Кашгар и других. В 1906 году была завершена Ташкентско–Оренбургская железная дорога, благодаря которой открылся путь через Оренбург в Одессу. Это дало возможность мусульманам Туркестана добираться до Черного моря на поезде всего за восемь с половиной суток. Кроме этого, существовали еще два маршрута, по которым паломники из Центральной Азии также могли попасть в Мекку.

В статье рассматриваются различия между маршрутами средневековья и конца XIX – начала XX веков из Туркестана в Мекку, а также географическая карта паломничества мусульман Центральной Азии в разрезе регионов. Также проводится анализ интересных данных о маршрутах, впечатлениях от путешествия, а также культурных и религиозных аспектах хаджа на основе воспоминаний просветителей, таких как Мулла Мухаммад Алим, Махмудходжа Бехбудий и др.

Ключевые слова: Паломники Туркестана, хадж, Мекка, железная дорога, водный путь.

THE ROUTE FROM TURKESTAN TO MECCA: CHANGES IN THE HISTORICAL PATH (LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY)

Nigora RAKHIMDJANOVA¹

¹PhD, Senior researcher

Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan

Tashkent, Uzbekistan

nigoramumtoz@gmail.com

Abstract. With the transformation of Turkestan into a colony of the Russian Empire and the construction of railway lines, a new route emerged that was faster and relatively more convenient. As a result, most pilgrims began to choose this route. Along this new path, pilgrims from Turkestan would travel by rail to Sevastopol and Feodosia, then via Batumi, and from there by steamships through the ports of the Black Sea to Constantinople (now Istanbul), Suez, and further on to Jeddah and Yanbu. Pilgrims from such regions of Central Asia as Tashkent, Samarkand, Bukhara, the Fergana Valley, Chimkent, Otrar, Turkestan,

Verny (Alma-Ata), Kashgar, and others used this route. In 1906, the Tashkent–Orenburg railway was completed, which opened the way through Orenburg to Odessa. This made it possible for Muslims from Turkestan to reach the Black Sea by train in just eight and a half days. In addition, there were two other routes by which pilgrims from Central Asia could also reach Mecca.

The article examines the differences between pilgrimage routes from Turkestan to Mecca in the Middle Ages and in the late 19th to early 20th centuries. It also includes a geographical map of Muslim pilgrimage from Central Asia, broken down by region. Furthermore, the article analyzes interesting data on the routes, travel impressions, as well as the cultural and religious aspects of the Hajj based on the memoirs of enlighteners such as Mullah Muhammad Alim, Mahmudkhoja Behbudi, and others.

Keywords: Pilgrims of Turkestan, Hajj, Mecca, railway, water route.

На протяжении 14 веков мусульмане Центральной Азии совершали хадж в Мекку, священное паломничество, по сухопутному караванному пути на верблюдах. В частности, в XVI–XIX веках паломники из Центральной Азии в основном следовали в Мекку по трем маршрутам.

- Северное направление – через территорию Российской империи (из Бухарского и Хивинского ханств через Каспийское море и Астрахань) – в Стамбул. Оттуда паломники следовали маршрутом Стамбул–Дамаск до Мекки. В 1827 году паломник из Кокандского ханства Мухаммад Хакимхан двигался по следующему маршруту: Шамай (Семипалатинск) – Омск – Ирбит – Троицк – Оренбург – Астрахань – Ханифа (Анапа) – Онадули (Анатолия) – Кайсерия (в Турции) – Латакия (в Сирии) – Дамаск – Газа (в Палестине) – Исмаилия (в Египте) – Каир – Саввайш – Янбу – Джидда.

- Южный маршрут – через Индию и Аравийское море. Паломники следовали по двум основным путям. По первому маршруту: Балх – Кабул – Пешавар – Лахор – Агра – Дели – порт Сурат, далее путешествие продолжалось по морю на кораблях до порта Моха (в Йемене) или до Джидды. Второй маршрут проходил по суше через Кандагар – Кветту – Шикарпур – порт Карачи, откуда паломники по морю направлялись в Моху или Джидду.

- Центральный маршрут – проходил через территорию государства Сефевидов (из Бухары или Карши через Афганистан) и требовал передвижения по этому пути. С момента принятия ислама в Центральной Азии он считался основным маршрутом для паломничества. Паломники следовали по следующему пути: Шибарган – Таликан – Мерв – Серахс – Нишапур – Иерусалим – Мекка (Таниева, 2021: 119–135).

К концу XIX – началу XX века эти маршруты все еще существовали, однако произошли некоторые изменения и были добавлены новые линии. Особенно значительные изменения произошли на северном маршруте в связи со строительством железных дорог на территории Туркестана, ставшего колонией Российской империи. Новый маршрут оказался более быстрым и относительно удобным, поэтому стал предпочтительным для большинства паломников. В результате в этот период число паломников резко возросло по сравнению с прошлыми веками.

По этому маршруту паломники из Туркестана добирались по железной дороге через Севастополь, Феодосию до Батума, откуда на пароходах через порты Черного моря отправлялись в Константинополь (Стамбул), а затем через Суэц – в Джидду и Янбу. Этим путем пользовались паломники из различных районов Центральной Азии – Ташкента, Самарканда, Бухары, Ферганской долины, Чимкента, Отрара, Туркестана, Верного (Алма-Аты), Кашгара и других мест.

В 1906 году была завершена железная дорога Ташкент–Оренбург, что открыло возможность добираться через Оренбург до Одессы. Это позволило мусульманам Туркестанского региона добираться до Черного моря на поезде всего за восемь с половиной дней. До этого путь из Бухары до Астрахани занимал девять недель – 63–65 дней. Этот маршрут считался официальным, признанным имперским правительством.

Кроме того, паломники из Центральной Азии также совершали хадж по следующим двум маршрутам.

По Закавказью и через северную часть Персии до Керманшаха и города Ханекин на границе с Турцией, в направлении Багдада: Казмин, Кербела, Наджаф..., затем иногда через Аравийские пустыни. По данному направлению в основном направлялись шииты из Закавказья и Закаспия, в конце XIX в начале XX вв. число

паломников по данному направлению составило до 12–15 тыс. человек. Среди них были и многочисленные паломники, отправившиеся в путь без загранпаспортов. В свое время это направление оценивалось как полное сложностей и проблем (Туркестанский сборник, Т. 563: 148). Следует отметить, что Мухаммадали Сабир Эшон оглы, лидер восстания Дукчи Эшон, также отправился в паломничество в этом направлении (Туркестанский сборник, Т. 563: 149).

Ежегодно по железной дороге из Самарканда и Бухары, Афганистана, Пешавара до Бомбея путешествовали 4-7 тысяч паломников из Центральной Азии. Судя по свидетельствам, дорога считалась очень дорогой и полной трудностей. По данному маршруту шииты посещали могилу Али в Мазари-Шарифе. Это место считалось чудотворной святыней для паломников, которое исцеляло глухонемых. Оттуда, пройдя через Ташкурган, Чорикор, Кабул, Газну, Кандагар и другие города, они направлялись в порт Карачи, затем в Бомбей, а оттуда на пароходах в Джидду или Ямбо. Указанное направление отмечалось, как одно из самых опасных маршрутов по которому были распространены многочисленные заболевания и эпидемии. Данный маршрут еще назывался «Среднеазиатской дорогой», и был удобен для татар, проживающих в этом регионе, а также в Сибири и на Урале (Большакова, 2017: 46–53).

Правительство Российской империи всегда бдительно относилось к паломничеству мусульман на территориях, ставших ее колониями. Конечно, их численность и географическое (Кавказ, Крым, Оренбургское генерал-губернаторство, Туркестан, Бухара, Хива и т. д.) занятие огромной территории имело большое стратегическое значение. Именно поэтому в этот период правительством были подготовлены специальные исследования и различные статистические данные о путешествии в хадж (Туркистон вилоятининг газети, 1894: №16). Стоит отметить, что имперское правительство уделяло большое внимание изучению влияния паломничества на жизнь народов, проживающих на колониальных территориях. Согласно собранным данным и исследованиям, для правительственных чиновников хадж-паломничество имеет не только религиозное, но и сильное политическое значение. В частности, в одном из исследований «...хадж предоставляет прекрасную возможность для единения мусульманских народов. ...религиозное единство, единая религиозная святыня, общие тяготы путешествия, общность цели – все это объединяет мусульман разных национальностей вокруг единой идеологии, единой веры и цели, единого стремления, слова» (Туркестанский сборник, Т. 563: 148).

Имперское правительство не отрицало паломничество мусульман, но пыталось его регулировать и сделать безопасным для себя. Вообще, поход в паломничество долгое время нельзя было рассматривать как личное дело мусульман. Поскольку хадж представлял собой процесс, длившийся несколько месяцев и пересекавший границы различных зарубежных стран, то вполне естественно, что игнорирование его повлекло бы за собой различные проблемы для правительства империи в политическом, экономическом и социальном плане. Кроме того, тот факт, что деньги тысяч паломников, готовых потратить все свои деньги на хадж, не возвращались в пределы территории империи (Нуриманов, 2019: 77), также побуждал имперское правительство контролировать паломничество. Принимая во внимание все вышеизложенные причины, Российская империя, хотя и позже других европейских колониальных правительств, в 1896 году официально учредила первый правительственный комитет для «принятия мер по контролю за условиями паломничества». Комитет признавал, что «Паломничество в Мекку, в первую очередь, не должно терять его основную суть», и подчеркивая, «что

следует разрешать паломничество, но оно должно рассматриваться как должное, но не приятное событие», предложил программу по регулированию передвижения мусульманских паломников (Броуэр, 1993: 32). В основном оно было сосредоточено на предотвращении распространения инфекционных заболеваний, получении разрешения правительства, получении загранпаспорта и обеспечении безопасности дорог. Но если мы понаблюдаем за его последующей деятельностью, то увидим, что империя не смогла создать прочную систему, которая могла бы охватить всех паломников, обеспечить безопасность и защитить их от различных болезней.

Чтобы контролировать паломников, колониальное правительство собирало статистические данные о ежегодном хадже мусульман страны и публиковало их в различных газетах и других периодических изданиях. Данные включали в себя число паломников в процентном эквиваленте, из каких регионов сколько, какой их социальный статус, а также велся непрерывный анализ данных (Туркестанские ведомости, 1905: № 103). Кроме того, паломники всегда находились под контролем официальной администрации даже после возвращения на родину. В частности, в хадж отправился лидер восстания Дукчи Эшан 1898 года Мухаммадали Эшан, что заставило российских чиновников быть более осторожными в отношении хаджа и паломников. Таким образом, видя сильное желание мусульман совершить паломничество в хадж, и то, как они не жалеют своих вложений на этом пути, имперское правительство взяло на себя организацию паломничества, и пыталось удержать все расходы в своих руках и в свою очередь получало большую материальную выгоду от данного паломничества.

Императорское правительство считало паломничество не приемлемым, поскольку большая часть паломников шла из черноморских портов через земли Османской империи (Броуэр, 1993: 30), и престиж турецкого султана мог еще больше возрасти, а идеи «пантюркизма» и «панисламизм» получили бы широкое распространение. Особенно правительство опасалась, что туркестанские паломники поселятся и даже будут жить в Константинополе и других османских землях по пути в Мекку и обратно, и императорское правительство воспринимало данную ситуацию как «покровительство» турецкого султаната. Собственно, на это же указывает и информация, предоставленная консулом империи в Джидде. Согласно данной информации, по его словам, Кааба считалась центром религиозной пропаганды во время сезона хаджа. Будучи центром политических перипетий в исламском мире, хадж всегда сохранял свое политическое значение. Последнее восстание в Алжире также зародилось в Мекке. Также известно, что османы обращались к паломникам за помощью в их последней войне с Россией, учитывая важность паломничества (Туркестанский сборник, Т. 563: 148). Поэтому в политических целях паломничество в хадж рассматривалось как объединяющая сила мусульман из разных регионов Российской империи, и под видом разных причин путешествие в хадж затруднялось для мусульман. Имперское правительство поощряло своих граждан совершать паломничество в этом направлении, при этом от них требовалось лишь получать заграничный паспорт. Таким образом колониальное правительство стремилось точно знать количество паломников, чтобы отслеживать и контролировать их. В частности, в изданиях того времени были опубликованы правила паломничества – приказ Туркестанского генерал-губернатора от 23 января 1901 года. Согласно данному приказу, после выдачи загранпаспорта от паломников требовалась расписка о выезде из Хиджаза через российские порты на Черном море и приезде, таким образом, через Феодосию или Батуми (Шадманова, 2011: 215).

Если сравнивать с Бухарским эмиратом того времени, то паломникам Бухары было гораздо быстрее и в 4 раза дешевле получить необходимый для совершения паломничества паспорт, по сравнению с Туркестанским генерал-губернаторством (Мухамедов, 2012: 222). Именно поэтому среди туркестанских паломников процент бухарских паломников без паспортов был самым низким. Как видно, колониальная администрация сознательно превратила хадж в дорогостоящее и трудное путешествие и увеличила препятствия мусульманам Туркестана для совершения этого обязательного деяния. Однако эти барьеры не сработали так, как ожидала официальная администрация, число паломников с каждым годом росло, а не уменьшалось. Для паломников срок действия загранпаспорта также был коротким, то есть он выдавался сроком на 6 месяцев. Хотя, в Мекку паломники добирались через несколько стран, и на дорогу уходили месяцы. Учитывая, что только М. Бехбуди потребовалось 8 месяцев для паломничества в Мекку и Медину в 1899–1890 годах, решение о выдаче заграничного паспорта на 6 месяцев было ошибочным. Печально то, что если срок паспорта истекал даже всего лишь на один день, то платился штраф в размере 10 руб. (Садои Фарғона, 1914: №40).

При этом от паломников требовалось совершить паломничество в течение 6 месяцев. Если срок истек до отъезда, т.е. если человек не путешествовал с паспортом в течение шести месяцев, то требовался новый паспорт (Садои Фарғона, 1914: №40). Для получения паспорта тратилось 17-18 рублей. Но некоторые паломники по безответственности или же чтобы избежать лишних расходов покупали железнодорожный билет без паспорта, и доезжали до Севастополя или Одессы, но там уже у них требовали их паспорта. После этого им приходилось отправлять телеграмму в комитет (управление) волости, где они проживают, и после того, как они получали от них свидетельство им выдавался паспорт для выезда за границу. Для таких формальностей паломники теряли 40-50 рублей, а также 14 дней, и сталкивались с рядом проблем (Садои Фарғона, 1914: №35). Для получения загранпаспорта претендент не должен был быть судимым, не должен был иметь долги, и обязательно должен был иметь разрешение и рекомендательное письмо полицейского управления, начальника волости (Хабибуллин, 2018: 42).

Таким образом, административные распоряжения и искусственные препятствия царского правительства проявились в затруднениях и растерянности паломников при получении заграничных паспортов. Из-за вышеперечисленных трудностей много выявлялись паломники без загранпаспортов. Колониальное правительство прекрасно это понимало и проверяло на дорогах граждан без заграничных паспортов, налагало на них штрафы и при необходимости отправляло обратно. Во многих случаях паломники без паспортов уклонялись от властей на дорогах, что, в свою очередь, заставляло их скитаться. Естественно, количество людей, совершающих неофициальный, «тайный хадж» без паспорта, не отражался в статистике официальной администрации. Поэтому количество паломников из Туркестанской области было значительно выше представленных цифр. К началу XX века число паломников утроилось и достигло 15 тысяч, а по некоторым источникам – превысило 100 тыс. Половина из них были паломниками из Туркестана. До первой мировой войны три четверти паломников, отправлявшихся из Туркестана, были выходцами из Ферганской долины (Броуэр, 1993: 30).

Но по зарубежным данным, число паломников, приезжающих в Мекку каждый год, оценивался более чем в 100 тысяч человек (Броуэр, 1993: 30). Численность паломников в источниках указана по-разному. Это связано с тем, что не все паломники оформляли заграничные паспорта. Естественно, те, кто совершал хадж

без паспорта, то есть неофициально, так называемый «тайный хадж», не отражались в статистических данных, предоставляемых официальной администрацией. Поэтому число паломников, отправившихся из региона Туркестана, могло быть значительно выше представленных цифр.

В целом, в конце XIX начале XX вв. количество паломников покинувших территорию империи, в том числе и Туркестана, не были изложены в точных цифрах, а также помимо вышеизложенного из-за того что, отсутствовали различные документы, слабая статистическая система империи, уклонение паломников от пунктов пропусков, не соответствие требованиям или отсутствие пограничных постов, отсутствие четких границ между странами которые точно регистрировали паломников (Нуриманов, 2019: 79).

В туркестанской печати и различных источниках в основном сообщалось о маршруте через порты Черного моря. Особенно в этот период пресса Туркестана внесла более или менее значительный вклад в увеличение числа паломников, в увеличение информации, рекламы и объявлений о них. В туркестанской печати сообщили о значении паломничества для мусульман, о молитвах и ритуалах, совершаемых во время паломничества (маносик аль-хадж), новостях о паломничестве. В частности, такие вопросы, касающиеся лиц, которые не могут совершать хадж по состоянию здоровья, или вопросы, касающиеся детей или близких, совершающих хадж от имени своих умерших родителей (хадж бадал), подробно освещались в прессе через аяты Корана и хадисы. В частности, в городах Туркестана вели рекламные акции открывшиеся различные агентства, отправляющие хадж. Также информацию о ритуалах и церемониях хаджа можно увидеть в рукописях и литографиях того периода «Хажномалар» и других специальных литографических брошюрах (Зиедов, 2014: 6). Подобные трактаты и труды были необходимы будущим паломникам, отправлявшимся в паломничество, чтобы перед поездкой иметь четкое представление о религиозных знаниях, воплощавших ритуалы и церемонии паломничества.

Почти каждый день в сезон хаджа на страницах прессы публиковались новости о паломничестве, впечатления от путешествия в Мекку, объявления, которые в основном включали в себя маршрут путешествия в хадж, карту, путевые расходы, проблемы, возникшие во время путешествия и их устранение, документы и необходимые принадлежности для паломничества. Кроме того, в прессе также немало упоминались таможни и консульства, встречающиеся во время паломничества в хадж, а также новости, интересные и удивительные достопримечательности, увиденные во время путешествия. Целью публикации подобных статей в местной прессе было предупреждение соотечественников о трудностях, с которыми они могли столкнуться в паломничестве. Например, «Министерство внутренних дел, Минторг сообщает. Для мусульманских паломников в порт Хиджаз по воде в 1913 году были закрыты на карантин порты: Одесса, Севастополь, Феодосия и Батуми, Эль-Торс в Египте. Паломникам необходимо иметь при себе паспорта» (Туркистон вилоятининг газети, 1913: №71).

Среди джадидов и ученых, публиковавших свои дорожные впечатления о хадж-путешествии в туркестанской печати, были М. Бехбуди, Ходжа Усман Нурий и Мулла Мухаммад Алим. Их статьи отражают маршрут от Туркестана до Мекки. Например, редактор газеты «Туркистан вилоятининг газети» Мулла Мухаммад Олим 1909–1910 годах совершил паломничество именно по северному маршруту и делился своими впечатлениями в газете. По его данным, мулла Олим за 22 дня прошел следующий путь:

Согласно этим сведениям, хадж-паломничество началось 11 октября из Ташкента. Паломники отправились в путь, сев на поезда линии Ташкент–Оренбург. Их провожающие сопровождали их до станции Хазрат Султан. За 9 часов они достигли Туркестана. Далее следовали следующие станции по порядку: Окмасджид – Кармакчи – Козалы (Казалинск) – Аральск – Актепе (Октепа) – Тортук – Оренбург – Самара (пересадка, переправа через реку Волга) – Сызрань – Пенза – Моршанский Рожский – Тула (пересадка) – Орел – Курск (переправа через реку Днепр) – Киев – Казатин – Жмеринка – Одесса (прибыли 18 октября в 9 часов утра) (Туркистон вилюятининг газети, 1909: №83).

Затем Мулла Мухаммад Алим 23 октября, в пятницу в 17:00, вместе с паломниками отплыл из Одессы на итальянском пароходе в Стамбул. Через 34 часа, то есть 25 октября, они прибыли туда. Проведя там несколько дней, они вновь сели на пароход и за 9 дней добрались до Джидды. Оттуда за 2 дня достигли города Мекка.

Согласно его информации, поездка из Ташкента в Мекку по этому маршруту занимала около 18–20 дней, однако паломники задерживались в городах на несколько дней, отдыхали, осматривали достопримечательности, посещали мавзолеи пророков, сподвижников и ученых. Поэтому дорога в Мекку могла растягиваться от нескольких дней до нескольких месяцев. Мулла Мухаммад Олим провел в Мекке и Медине более двух месяцев, совершая хадж. Он возвращался поездом и пароходами, побывав в ряде городов Ближнего Востока: Медина – Дамаск – Бейрут – Измир – Стамбул – Одесса – Кирманчук – Харьков (пересадка) – Пенза (пересадка) – Сызрань – Оренбург – Газли – Окмасджид – Туркестан – Ташкент. В общей сложности хадж длился около 4 месяцев. Стоит отметить, что не все паломники совершали поездку в Мекку и обратно за 4 месяца (Туркистон вилюятининг газети, 1910: №41). Некоторые возвращались раньше или позже. Например, Махмудходжа Бехбудий совершал хадж дважды, и именно по маршруту через Черное море его путешествие длилось около 8 месяцев, а по некоторым источникам – почти год. Он останавливался в разных городах, совершал посещения святынь, встречался с просветителями и обменивался мнениями.

По результатам анализа основные трудности и проблемы, возникшие в ходе паломничества, заключались в следующем.

1. Эксплуатация паломников мошенническими агентами и посредниками во время хаджа, особенно на железных дорогах и пароходах, и, плюс ко всему этому, грабежи пустынных пиратов стали одной из самых больших проблем хаджа. «Русское пароходство», перевозящее паломников по морскому пути, отправлявшихся в хадж, открыло свои представительства в городах Туркестана и через прессу побуждало их отправляться на своих пароходах. Среди них встречались необразованные гиды, посредники и мошенники, совершенно не знающие условий паломничества в хадж. Как пишет газета «Хуршид», во время своей деятельности пароходное общество «Русское общество» совершало мошенничество в отношении паломников, отправлявшихся через Севастополь на хадж. Общество не выполняло свои обещания относительно предоставления корабля для мусульман в установленный день, в результате чего были случаи, когда паломников отправляли, набив до отказа, на греческом судне. Для них не было выделено специального места для совершения молитвы. Также бывали случаи, когда с каждого паломника требовали дополнительные деньги, угрожая, что без уплаты 5 рублей им не поставят визу в паспорте. С тысячи паломников была собрана сумма, из которой лишние пять тысяч рублей осели в карманах руководителей пароходного общества. В статье также отмечается, что, если бы паломники отправлялись через Одессу, таких проблем бы

не возникло. Из Одессы до Стамбула билет стоит 5 рублей, от Стамбула до Джидды – 30 рублей. Итого, не более 35 рублей. А тем временем паломники, выехавшие через Севастополь, были вынуждены тратить на этот же маршрут в три раза больше – свыше 100 рублей (Хуршид, 1906: №2).

Также были распространены брокеры и мошенники, которые предлагали паломникам такие услуги, как покупка билетов, поиск отеля или паломнические дома, переводы с арабского языка и указание пути. В городах по маршрутам хаджа действовало несколько групп посредников, в том числе «Бухарские посредники», «Дагестанские посредники», «Крымские посредники», «Казанские посредники». В частности, «Казанские брокеры» и «Бухарские брокеры» обслуживали паломников из Средней Азии. Брокеры осуждались во многих источниках, а их деятельность подвергалась критике со стороны просвещенной интеллигенции, таких как М. Бехбуди, Фуркат и др. Например, Закирджан Фуркат Хал-Мухаммад оглы, совершивший хадж в 1891 году, в своих воспоминаниях о хадже пишет, что мошенник по имени Сулаймонходжа, родом из Туркестана, обманывал паломников под предлогом предоставления им билетов и что со стороны правительства Туркестана против него должны быть приняты меры.

Также Махмудходжа Бехбуди, описывая о брокерах на маршрутах паломничества в своих «Воспоминании о путешествий», отмечает следующее: «Я прибыл в страну Шам¹. Меня окружали несколько туркестанских, иранских и арабских посредников. Каждый из них лезет вам под нос, приглашает в свой дом и оскорбляет адрес другого. Он заставляет уставшего человека снова чувствовать себя некомфортно и действует ему на нервы грубыми действиями...» (Бехбудий, 2006: 105).

Помимо официальных посредников и представителей на маршрутах хаджа, в результате активизации деятельности неофициалов и мошенников, имущество и деньги простых ходжей и паломников, не знающих языка, дорог и законов стран, оказывались захваченными и ограбленными этими фальшивыми посредниками. Бывало и так что, паломники, попавшие под их влияние, оставались долгие годы или даже навсегда без средств на существования вдали от своей родины (Жониев, б.д.). Фактически паломники, попавшие в сложную ситуацию, перегружены на пароходах сверх нормы. Поскольку на кораблях не было специального питания для мусульман, паломники были вынуждены питаться своими несвежими запасами продуктов: заплесневелым хлебом, несвежим мясом и т.д. Во многих случаях мусульманские паломники терпели голод. Если была возможность купить продукты в каком-нибудь порту, то паломникам приходилось платить 1 рубль за 1 фунт мяса и 50 копеек за 1 чайник кипятка (Туркестанские ведомости, 1908: №176). Вот почему многие паломники во время хаджа заболели, и среди них было много смертельных случаев.

В целом, Российские пароходные компании получали большую прибыль от перевозки паломников в Мекку морским путем, и между такими компаниями существовала конкуренция (Туркестанские ведомости, 1908: №16). Поэтому они пытались организовать паломничество и открывали свои представительства в городах Туркестана и через своих представителей через прессу и другие средства пытались привлечь их к поездке на своих пароходах.

¹ Классическое арабское название Сирии — Шам (араб. الشام — аш-Шām), которое в последующие века стало обозначать только Дамаск в рамках арабского Леванта; доисламское название территории, Сирия, использовалось ещё в Османской империи вплоть до её распада в 1922 году.

Кроме того, во время этого путешествия паломникам угрожало нападение кочевых племен бедуинов вблизи города Мекка (Туркистон вилюятининг газети, 1894: 184). Бедуины жестоко грабили и убивали не только представителей других религий, но даже и своих верующих. Также было много случаев, когда грабители из арабских племен, таких как Бани-Харб и Энези, нападали на паломников и убивали их. В частности, 11 июня 1894 года 2 бедуина напали на паломников и ударили по голове Эшона Назара Софиева, одного из паломников, остановившихся отдохнуть, и отобрали у него 6 рупий. Спустя 9 дней суфий Назар скончался от этой травмы головы. Кроме того, грабители-бедуины напали также на Абду Халика Уста Абдурахманова из Коканда. В результате Абду Халик скончался через 4 дня от травмы (Туркистон вилюятининг газети, 1894: 184). Подобные ситуации представляли большую опасность для паломничества. Поэтому в эпоху мамлюков (1250–1517) и Османской империи (1517–1924) защита паломнических караванов каждый год превращалась в многомесячные сражения (Таниева, 2021: 188). В донесениях консулов Российской империи сообщается что в Аравии официальный дамасский паломнический народный караван охраняли более 500 вооруженных всадников, 150 верблюжьих групп, а на более чем 30 остановках были организованы дополнительные группы вооруженной охраны, все эти данные показывают, что ходить по этим дорогам было очень опасно. Как из этого видно, что далеко некорректно утверждать, что безопасность паломников полностью была обеспечена на самом Аравийском полуострове. Следует отметить, что набеги на караваны арабов-бедуинов и туркменских разбойников на протяжении веков стали для них постоянным источником дохода.

2. Еще одной серьезной проблемой хаджа были инфекционные заболевания. Во время паломничества хаджа была высока вероятность распространения инфекционных заболеваний, особенно холеры и мора, во многих городах и странах, посещаемых паломниками (Ташкентский курьер, 1908: №31; Туркестанские ведомости. 1908, №186; 1911, №55, 101). Именно поэтому правительство опасаясь проникновения этих заболеваний на территорию страны через паломников принимала специальные меры по их предотвращению. В портах, где останавливались паломники, были установлены специальные карантинные зоны. Вводился карантин на определенный срок, одежда и багаж паломников дезинфицировались, паломникам также запрещали покидать зону карантина (Туркестанские ведомости, 1912: №195). Но меры против этих заболеваний не применялись широко и систематически во всех портах империи, где останавливались паломники. Не во всех портовых городах были удовлетворительные условия. На страницах прессы отмечается, что карантинная станция в Феодосии в 1908 году совершенно не отвечала требованиям. В нем было всего 12 коек, а корабли в то время перевозили сотни паломников. Плохие санитарные условия в территориях карантина сравнивали с тюремными условиями (Туркестанский сборник, Т. 456: 4142). Разумеется, такие плохие условия способствовали распространению различных болезней и не могли защитить от них паломников. Несмотря на частые сообщения о плачевных условиях в черноморских портовых городах, таких как Феодосия, мер было предпринято недостаточно. Чтобы устранить эти и многие другие проблемы и предотвратить их, руководитель управления делами хаджа России в Мекке ташкентский купец Саидгани Саидазимбоев принял практические меры для паломников Туркестана. Ярким примером этого, в частности, является ряд телеграмм, отправленных С. Саидазимбоевым опубликованных на страницах печати 1908–1909 гг. В прессе С. Саидазимбоева называли руководителем мусульманского паломничества (Туркестанские ведомости, 1908: №116), генеральным агентом флота «Добровольный» (Туркестанские ведомости, 1908: №106). В своих

телеграммах С. Саидазимбоев пытался найти решение проблем, ясно показывая их, с которыми сталкивались паломники во время хаджа. С. Саидазимбоев участвовал на встрече представителей железных дорог и выступал с официальным запросом к правительству. По его данным, паломников-мусульман планировалось доставлять в специальных вагонах поезда из Ташкента в Одессу без остановок, без пересадок (Туркестанские ведомости, 1913: №28). В связи с этим С. Саидазимбоеву удастся создать специальные мусульманские железнодорожные станции в Туркестане и открыть специальную комнату для хаджей в Одессе (Туркестанские ведомости, 1913: № 116). Американский историк-ученый, профессор Д. Брауэр в своем исследовании писал о С. Саидазимбоеве: «В процессе реализации своего гениального плана он потерял 60 000 сумов (рублей). Но впоследствии он не смог стать покровителем паломничества и предпринимателем. Царское правительство было еще далеко от организации массового паломничества. Его враги обвинили Саидазимбоева в несправедливых подозрениях и получении чрезмерной выгоды. Даже эмир Бухары обвинил его в том, что он агент администрации царской России» (Броуэр, 1993: 32).

Имперское правительство пыталось помешать дальнейшему расцвету исламских традиций, обычаи и обязательных обрядов, опасаясь дальнейшего повышения статуса Ислама в стране. Паломничество было запрещено, особенно после восстания Дукчи Эшан в 1898 году (Мухамедов, 2013: 219). Тем не менее, мусульмане страны совершали хадж, пусть и неофициально, тайно. Но эта ситуация длилась недолго. В 1900 году этот запрет был снят. Из года в год число паломников из Туркестана непрерывно росло. К 1914 году водный путь в Мекку был упразднен (Туркестанские ведомости, 1914: №182). Причиной тому послужила Первая мировая война. И так мусульманам Туркестана было официально запрещено совершать паломничество по воде без разрешения имперских властей. Большие и мелкие анонсы и статьи о путешествии в хадж также не нашли отражения в прессе. Однако, несмотря на это, неформальные паломничества в различных направлениях продолжались, хотя и в незначительном объеме.

Заключение

К концу XIX – началу XX века строительство железных дорог в Центральной Азии значительно увеличило число паломников из разных регионов. Появился новый, более быстрый и относительно удобный маршрут. Однако проблемы и трудности не исчезли. Российская империя рассматривала хадж не только как религиозное мероприятие, но и как социальное, экономическое и политическое явление, поэтому пыталась контролировать его, принимая различные меры ограничения. В качестве решения этих проблем в Российской и Османской империях были открыты карантинные пункты для борьбы с болезнями (порты Черного моря, Стамбул, Дамаск, Бейрут и другие).

Несмотря на предпринятые меры, правительство империи не смогло организовать массовые паломничества мусульман без проблем и рисков. Несмотря на это, мусульмане Туркестана всеми силами стремились выполнить обряд хаджа, используя все доступные возможности.

Источники:

1894 йилдаги ҳожи зиератчиларнинг аҳволи ҳақида. Туркистон вилоятининг газети. 1894, №16.

В.П. Мусульмане-паломники и грозящая опасность. Ташкентский курьер. 1908, №31.

Вопрос о занесении холеры мусульманами-паломниками. Туркестанские ведомости. 1908, №186.

2 случая чумы в Жидде. Туркестанские ведомости. 1911, №55.

Холера среди паломников. Туркестанские ведомости. 1911, №101.

В.П. Мусульман-паломники и грозящая опасность. Туркестанский сборник. Т. 456, (Ташкентский курьер. 1908, №31): 41–42.

Даниэл Броуэр. Маккага йўл. Турон тарихи (Переводчик: Нилуфар Эгамберидиева) 1993, №1: 32. См: Daniel Brower (1996). Russian Roads to Mecca: Religious Tolerance and Muslim Pilgrimage in the Russian Empire. Slavic Review, Vol. 55, 3: 567–584.

Дело Саид Гани Саид Азим. Туркестанские ведомости. 1911, №46.

Вокзал Саид Гани. Туркестанские ведомости. 1913, №3.

Жониев М. Ҳаж сафарлари бошқаруви: тарих ва шариат ҳукмлари. <http://old.muslim.uz/index.php/maqolalar/item/21684-azh-safarlari-bosh-aruvi-tarikh-va-shariat-ukmlari>

Зиедов Ш. (2014). Ҳажномалар: Тошкент тошбосма нусхалари. Имом Бухорий сабоқлари, №6.

К движению паломников. Туркестанские ведомости. 1912, №195.

Маҳмудхўжа Беҳбудий (2006). Танланган асарлар. Нашрга тайерловчи ва тўпловчи: проф. Б. Қосимов. Тошкент. С. 105.

Мулла Олимнинг Макка йўлидан мактуби. Туркистон вилоятининг газети. 1909, 1 ноябрь, №83.

Мухамедов Ш. (2013). Историко-источниковедческий анализ государственного регулирования ислама Российской империей в Туркестане (1864–1917). Ташкент: «Baqtriya Press».

Нуриманов И.А. (2019). Становление паломнических маршрутов мусульман Российской империи в Аравию во второй половине XIX–XX начале в. Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедения, № 2: 79.

О паломничестве (хаж) в Мекку (по англ. источникам). Туркестанские ведомости. 1908, №184.

Паломничества мусульман. Туркестанские ведомости. 1913, №28.

Предупреждения паломников. Туркестанские ведомости. 1914, №182.

Ҳаж йўли епиқ. Садои Фарғона. 1914, №49.

Таниева Г. (2021). XVI–XIX аср ўрталарида Ўрта Осиё халқларининг ҳаж зиерати тарихи ва тарихшунослиги. Тарих фанлари д. (DSc) диссертацияси. Тошкент: 119–135.

Туркестанские ведомости. 1908, №176.

Восстания в Аравии. Нападения бедуинов на дороге от Мадины до Мекки. Туркестанские ведомости. 1908, №280.

Туркестанские ведомости. 1905, №131.

Туркестанские ведомости. 1908, №106.

Туркестанский сборник. Т. 563. Паломничества (хадж) в Мекку и Медину. (Сборник материалов по мусульманству. Составлен по распоряжению генерала от инфантерии Духовского. Под ред. поручика В.И. Ярового-Равского. Санкт-Петербург, 1899. С.148.

Ҳажжожии муслимин. Хуршид. 1906, №2.

Ҳожилар диққатига. Туркистон вилоятининг газети. 1913, №71.

Шадманова С. (2011). Туркистон тарихи-матбуот кўзгусида (1870–1917). Ташкент.

ТҮРКІСТАННАН МЕККЕГЕ БАРАТЫН ЖОЛ: ТАРИХИ МАРШРУТТАҒЫ ӨЗГЕРІСТЕР (XIX Ғ. СОҢЫ – XX Ғ. БАСЫ)

Нигора РАХИМЖОНОВА¹

¹*PhD, аға ғылыми қызметкер*

Өзбекстан Республикасы Ғылым академиясының Тарих институты

Ташкент, Өзбекстан

nigoramumtoz@gmail.com

Аңдатпа. Түркістан Ресей империясының отарына айналып, темір жол желілері салына бастаған кезде жаңа, жылдамырақ әрі салыстырмалы түрде ыңғайлырақ бағыт пайда болды. Сондықтан көпшілік қажылар осы бағытты таңдай бастады. Бұл жаңа бағыт бойынша Түркістаннан темір жолмен Севастополь мен Феодосияға дейін жетіп, одан әрі Батуми арқылы Қара теңіз порттары арқылы Константинопольге (қазіргі Стамбул), Суэцке, содан соң Жидда мен Янбуға дейін кемемен сапар шегетін. Бұл бағытты Ташкент, Самарқанд, Бұқара, Ферғана алқабы, Шымкент, Отырар, Түркістан, Верный (Алматы), Қашғар және басқа да Орталық Азия өңірлерінің қажылары пайдаланған. 1906 жылы Ташкент–Орынбор темір жолының салынуы Орынбор арқылы Одессаға баратын жолды ашты. Бұл Түркістан мұсылмандарына Қара теңізге дейінгі жолды небәрі сегіз жарым тәулікте жүріп өтуге мүмкіндік берді. Бұдан бөлек, Орталық Азия қажылары Меккеге жететін тағы екі бағытты қолданған.

Мақалада Түркістаннан Меккеге баратын ортағасырлық және XIX ғасырдың соңы мен XX ғасырдың басындағы қажылық бағыттарының айырмашылықтары қарастырылады. Сонымен қатар, Орталық Азия мұсылмандарының қажылық географиясы өңірлер тұрғысынан карта түрінде көрсетілген. Сондай-ақ, мақалада Молла Мұхаммад Алим, Махмұдқожа Бехбуди секілді ағартушылардың естеліктері негізінде қажылық сапарлар, бағыттар, жол әсерлері, сондай-ақ мәдени және діни қырларына талдау жасалған.

Түйін сөздер: Түркістан қажылары, қажылық, Мекке, темір жол, су жолы.

АРАЛЬСКОЕ МОРЕ КАК ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ НА ЕВРОПЕЙСКИХ И РОССИЙСКИХ КАРТАХ XVI–XVIII ВВ.

Ернур РАХИМОВ ¹ (ORCID ID 0000-0003-2829-9289)

¹*Международный университет Астана, Национальный музей
Астана, Республика Казахстан
yernur_rakhimov@mail.ru*

Аннотация. Целью статьи является представление Аральского моря как историко-географического объекта на старинных картах XVI–XVIII веков, созданных европейскими и российскими авторами. Данные картографические материалы помогают изучить динамику постепенного «очерчивания» этого крупного внутреннего водоема. Если на ранних картах Амударья и Сырдарья изображены впадающими в Каспийское море, то постепенно вырисовывается образ Арала, в начале только его восточный берег, а затем все очертания. Внимательное исследование старинных карт с изображением региона Центральной Азии позволяет выстроить эволюцию появления и развития географических границ, берегов и заливов Аральского моря.

Ключевые слова: Аральское море, историческая география, историческая картография, старинные карты, чертеж.

THE ARAL SEA AS A HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL OBJECT ON EUROPEAN AND RUSSIAN MAPS OF THE 16TH – 18TH CENTURIES

Yernur RAKHIMOV¹

¹*Astana International University, National Museum
Astana, Republic of Kazakhstan
yernur_rakhimov@mail.ru*

Abstract. The purpose of the report was to present the Aral Sea as a historical and geographical object on old maps of the 16–18 centuries created by European and Russian authors. These cartographic materials help to study the dynamics of the gradual «outlining» of this large inland water body. If on early maps the Amu Darya and Syr Darya are depicted flowing into the Caspian Sea, then the image of the Aral Sea gradually emerges, at first only its eastern shore, and then all its outlines. A careful study of old maps depicting the Central Asian region allows us to build the evolution of the appearance and development of the geographical boundaries, shores, and bays of the Aral Sea.

Keywords: Aral Sea, historical geography, historical cartography, old maps, drawing

Введение

Аральское море – как крупный географический объект в Центральной Азии был известен с древности, однако нестабильность гидрологического режима, постоянные колебания уровня воды, стока рек сформировали представление об «исчезающем» озере, склонного к пересыханию, а затем повторному наполнению водами.

Аральское море давно привлекает внимание ученых своей динамичностью, несмотря на достаточно большие размеры акватории. Исторические сведения о колебаниях уровня Арала начиная с 1780 г. вполне достоверны, тогда как более ранние, полученные на основе археологических находок – косвенные, а по историческим записям – противоречивы. Некоторые исследователи (например, А.С. Кесь и др.) считают, что современная акватория Аральского моря была сформирована в верхнечетвертичное время (Колебания, 1980: 204).

Несмотря на то, что реки Амударья и Сырдарья очень древнего происхождения и питали Каспийский бассейн по крайней мере со среднего плейстоцена, их долгосрочная связь с Аральским морем как конечным бассейном до сих пор не полностью изучена. Структурный бассейн, в котором расположено озеро, попадает в активный грабен, который датируется плиоценом, но само озеро намного моложе. Ранняя история Аральского моря была подробно рассмотрена советскими и российскими исследователями во второй половине XX века, и их выводы были обобщены в ряде обзорных статей. Согласно этим исследованиям, Аральский бассейн был сухим в течение длительного периода среднего плейстоцена, когда в регионе доминировала ветровая эрозия (Burr, 2019: 142).

Ясно, что в первую очередь уровень Арала зависел от направления течения Амударьи. В годы, когда эта река по разным причинам прорывалась на Узбой (ныне сухое русло от Сарыкамышского озера до Каспия), сток ее вод в озеро уменьшался, соответственно падал уровень Арала. Многоводность же самой Амударьи зависела от многих факторов: климатических, ирригационных, от рельефа нижнего течения, например заиливания или образования заносов, что также меняло русло реки.

Прекращение стока по Узбою около 3 тыс. лет назад, по мнению большинства ученых, было связано с началом развития орошаемого земледелия в Средней Азии. Достаточно было уменьшить приток в Арало-Сарыкамышский бассейн 10 куб. км, чтобы он стал бессточным. Использование воды на орошение должно было привести к снижению уровня этого бассейна и к его разделению на два озера, одно из них – Сарыкамышское – практически высохло. В дальнейшем площади орошаемых земель неоднократно резко сокращались. В результате приток в Арал возрастал и вновь возникало Сарыкамышское озеро (Колебания, 1980: 208).

Современные ученые констатируют существование стока амударьинских вод в Арал, по крайней мере с неолита, т.е. во второй половине голоцена. Последующие этапы развития Приаральской дельты характеризовались периодической сменой основных направлений стока как в пределах самой дельты, так и перемещением в сторону Сарыкамыша и Акшадарьи (сухое русло Амударьи). Эти перемещения были обусловлены естественно историческими причинами, с одной стороны, и социальными с другой (Колебания, 1980: 203).

Обзор исторических источников касательно водных систем Арала, Узбоя, Амударьи и Сырдарьи приведен в приложении 2.

Историография

Научное изучение исторического прошлого Аральского моря началось только в начале XX века работами известного востоковеда В.В. Бартольда и географа Л.С. Берга. Академик В.В. Бартольд в 1902 г. в книге «Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII века» сравнив данные письменных источников пришел к выводу, что в период монгольского завоевания Амударья, как и теперь, текла в Аральское море (Бартольд, 1902). Но в период между XIII и XVI вв. произошел поворот вод реки в сторону Каспийского моря по руслу Узбоя.

По его данным, первые достоверные источники о существовании Аральского моря принадлежат арабским авторам, запечатлевшим свидетельства завоевания Хорезма в VIII в. Эти данные подробно описаны В.В. Бартольдом, из чего явствует, что уже в 800-х годах Аральское море существовало, и оно располагалось недалеко от Хорезма, т.к. описание его вполне совпадает с характером восточного берега Аральского моря.

Одна из известных гипотез была выдвинута В.В. Бартольдом в начале XX в. Она основывалась на анализе известных тогда восточных рукописей. Ученый пришел к выводу, что в период между XIII и XVI вв. воды Амударьи (которая ранее текла в том же направлении, что и теперь) повернули в сторону Каспийского моря и потекли по руслу Узбоя (Толстов, 1962: 17). Разумеется, Арал уменьшился в размерах и совершенно исчез со средневековых карт.

Крупнейший ученый географ и лимнолог, Л.С. Берг, автор знаменитой монографии об Аральском море написал исторический очерк об этом уникальном водоеме Центральной Азии («Очерк истории исследований Аральского моря» вошел в монографию). Он констатирует, что ни у одного из греческих и римских авторов не было прямого или косвенного упоминания об Аральском море. По свидетельствам известного хорезмского ученого аль-Бируни, умершего в 1048 г., хорезмийцы ведущие свое летоисчисление от 1292 г. до Рождества Христова свидетельствовали о существовании Аральского моря. Такую же ссылку Берг делает на священную книгу зороастризма Авесту, где есть указание, что река Вахш или нынешняя Амударья впадает в озеро Варухаша, под которым некоторые ученые подразумевают Аральское море (Берг, 1908).

В фундаментальной монографии Л. Берга содержится самое подробное до сих пор исследование природы и геологии Аральского моря и сухих степей Центральной Азии вокруг него. Автор представил детальную историографию изучения Аральского моря с различных точек зрения. Глава или очерк, посвященная истории исследования озера-моря с древнейших времен до 1902 года занимает 110 страниц. В ней имеются ссылки на многие, даже самые малые публикации об Аральском море (Горбунов, Мальковский, 2008: 60).

В книге представлено развитие знаний об Арале, начиная с античности, которыми располагали китайцы, арабы, монголы, европейцы. Даны сведения о картах и атласах, начиная с самых ранних, на которых отражена область Аральского моря, проанализирована географическая информация картографических источников. Л. Берг справедливо отмечает, что достоверную информацию об Аральском море можно почерпнуть из сочинений арабских авторов, начиная с X века, тем самым соглашаясь с В. Бартольдом (Берг, 1908: 60). В монографии Л. Берга воспроизведены фрагменты известной карты С. Ремезова, а также ряда карт европейских и арабских картографов X-XIX вв. большой научный интерес представляет информация обо всех российских экспедициях на Аральское море и их достижениях.

Наши современники, французские ученые, авторы комплексного исследования Аральского моря Рене Леталь и Моника Маингло в своей фундаментальной работе «Арал» выделили специальный параграф в главе «История Аральского региона: перекресток цивилизаций», посвященный картографическим сведениям об Арале (Létolle, Mainguet, 1993: 73–92). Данный параграф называется «Арал. Картографирование и открытия: спорное море». Авторы тщательно проанализировали десятки «старых» карт, от «Географии» Птолемея (II век н.э.), в которой имеется Каспий во всем его величии, но нет никакого упоминания об Арале, через чертеж аль-Идриси (XII в.), где Аральское море присутствует и «Каталонский Атлас» (XIV в.) до карты А. Бутакова, где Арал показан уже в знакомом нам виде (рис. 1). Авторы доказали, что изучение старинных карт в хронологии показывает динамику Аральского моря в человеческом восприятии, изменения ее объема и очертаний, водности и уровня. Также сделан разбор древних и современных сведений об Арале. Общий объем параграфа составил 20 страниц.

Исторические сведения

Уже древние греки знали, что реки Окс (Амударья) и Яксарт (Сырдарья) впадают в море, но ошибочно считали, что они вливают свои воды в известное им Гирканское море (Каспий). Данное мнение превалировало в географии вплоть до начала XVIII века, в том числе из-за неустойчивости водного потока Амударьи. Как известно, состояние Арала зависит от питающих его рек – Амударьи и Сырдарьи. Эти реки неоднократно меняли направление стока, неся свои воды то в Аральское, то в Каспийское моря (Амударья), а то и просто в пустыню. По некоторым оценкам, ранее Амударья по рукаву Узбой впадала в Каспийское море, а река Тургай – в Арал (История и культура Арало-Каспия, 2001). Только в IV в. историк Аммиан Марцеллин четко пишет о впадении Амударьи и Сырдарьи в Аральское море (Виноградов, 1966: 136). Эти изменения были связаны как с естественными блужданиями русел по речным дельтам, так и с деятельностью человека.

Тем не менее, есть сведения, что в начале нашей эры Аральское море было известно в Римской империи как Оксийское озеро, по названию реки Окс (Страбон, I в. н.э., Птолемей, II в.).

Рис 1. Фрагмент карты Птолемея из издания Cosmografia Germanus (1482 г.).
Аральское море обозначено как Oxi Lacus (Оксийское озеро).

В X веке арабы, завоевавшие Центральную Азию, называли его Хорезмское море (аль-Истахри). Также встречались названия Гурганджское (Ургенчское) море и море Сыр.

Наиболее детальные исследования колебания уровня Аральского моря по самым поздним историческим сведениям впервые провел Л.С. Берг. Он считал, что причина установленных им колебаний заключается в климатических явлениях. Более ранние исторические сведения об изменении уровня и даже существования самого Аральского моря еще менее определены и противоречивы.

Так, В.В. Бартольд основываясь на восточных источниках пришел к выводу, что в средние века уровень Аральского моря сильно падал, а, возможно, море вообще переставало существовать. Об этом он, в частности, пишет следующее: «Трудно понять, почему авторы XV века, даже наиболее осведомленные, ничего не знают об Аральском море, даже отрицают его существование и заставляют Сырдарью или сливаться с Амударьей... или значительно ниже города Туркестана впитываться в пески, не соединяясь ни с какой рекой» (Бартольд, 1965: 65–66). По мнению Л. Берга, уровень Арала с 1221 по 1573 г. должен быть низким, так как в это время часть воды Амударьи сбрасывалась через Сарыкамыш в Каспий. Подкрепляется этот вывод и свидетельствами арабских писателей о стоке части вод реки в Каспий.

В XIV–XV вв. в восточной литературе появляются как совершенно новые, не связанные с Птолемеевой концепцией сведения о повороте Амударьи к Каспию. Так, у Хафизы Аbru мы находим следующее: «В книгах прежних авторов упоминается Хорезмское озеро, куда впадал Джейхун. Но теперь, т.е. в 820 г. (1417 г. – Е.К.), этого озера нет; вода Джейхун проложила себе [новый] путь и изливается в Хазарское море в месте Горледи... другое название этого места Акрича [Огурча]. После Хорезма река течет большею частью по пустыне до того места, где изливается в Хазарское море. Река Ходжент (Сырдарья – Е.К.) доходит до Фараба (Отар); оттуда течет [далее] и, соединившись в Хорезмской степи с Джейхуном изливается в Хазарское море» (Толстов, 1962: 22).

Сведения восточных источников XII–XVII вв., позволявших говорить о повороте в этот период вод Амударьи вновь в Каспийское море фрагментарны и противоречивы. Они привели двух крупнейших историков-востоковедов, занимавшихся проблемой течения Аму-Дарьи – Де-Гуе и Бартольда – к прямо противоположенным точкам зрения. Весьма возможно также, что река Оксус, некогда разделяясь на севере Хивы на два рукава, имела одно устье в Каспийском море, другое – в Аральском.

Примерно с конца XIII века сток в Арал заметно снижается, что подтверждается геологическими, геоморфологическими и историко-археологическими данными. Археологические материалы также подтверждают отсутствие памятников, датируемых концом XIV – серединой XVI в. не только на левобережье, но и на всей территории Приаральской дельты. В ряде письменных исторических документов имеются указания о повороте в начале XIII в. части амударьинских вод в сторону Сарыкамышской котловины и далее в Каспий через Узбой. Это был последний период в активной жизни сарыкамышских рукавов (Толстов, 1960). С начала XVII в. Амударья уже полностью впадала в Аральскую впадину. После этого изредка наблюдались лишь кратковременные паводковые прорывы ее вод на запад.

В чем была причина средневековой регрессии? На понижение уровня могли повлиять как природные, так и антропогенные факторы. Во-первых, именно на XIV в. пришлось смена климатических эпох: средневековый климатический оптимум закончился и наступил малый ледниковый период. Возможно, именно тогда

началось сокращение речного стока из-за консервации атмосферных осадков в ледниках Памира и Тянь-Шаня. Фаза понижения уровня Арала и его последующего наполнения длилась около 300 лет (конец XIII – конец XVI вв.). При этом этап самого низкого уровня Арала, относимый по археологическим данным к XIV в., длился достаточно долго – более ста лет (Кривоногов, 2009).

Исторические сведения, свидетельствующие, что в XV веке Аральское море не было полноводным, а представляло собой несколько разрозненных водоемов подтверждается старинными картами (см. рисунки 5, 6).

Но уже с середины XVI в. Амударья стала вновь нести свои воды в Аральское море, и с этого времени начинается этап интенсивного формирования современной «живой» части Приаральской дельты. Если в XV веке это была группа крупных озер, то в конце XVI века Аральское море достигло своего максимума, но уже в XVII веке уровень воды вновь упал, и образовались острова. В 2001 году на дне Аральского моря, в его северной части недалеко от бывшего острова Барсакельмес, был обнаружен мавзоль Кердери, а затем еще один мавзоль и городище, названное Арал-Асар. Мавзолей Кердери датировали XII веком, захоронения в нем относятся к исламской культуре с элементами шаманизма и тенгрианства. А последние погребения были сделаны здесь в XIV веке (История и культура Арало-Каспия, 2001; Кривоногов, 2009: 45).

В XVI веке в связи с изменениями климата (общее потепление, обильное выпадение осадков, массовое таяние ледников) впадина Аральского моря наполнилась водой, разрозненные водоемы слились и Арал стал полноводным. Кстати, об этом есть записи Абулгази Бахадура, которые относятся к 1573 году (Виноградов, 1966: 132).

По сведениям приводимым Мейендорфом наиболее распространено среди жителей Хивы мнение по этому поводу, которое заключается том, что течение Амударьи изменилось якобы под влиянием землетрясения, которое произошло более 500 лет назад. Это утверждение не представляет собою ничего невероятного, так как Бухара и Хива действительно подвержены сотрясению земной коры (Мейендорф, 1975: 64).

Э. Дженкинсон, автор одной из первых карт с изображением Казахского ханства, писал в 1559 году: «Надо отметить, что в прошлые времена великая река Оксус впадала в этот залив Каспийского моря. Теперь она не доходит так далеко... но впадает в Аральское море... Вода, которой пользуется вся эта страна берется из каналов, проведенных из реки Оксус, великому истощению этой реки; вот почему она не впадает больше в Каспийское море...» (Дженкинсон, 1938).

Однако, уже в XVII веке уровень воды снизился, что привело к появлению островов Барсакельмес, Возрождения, Кокарал и других. Сведения о наполненности Арала были скудными и скорее всего не достигли, а если и достигли были проигнорированы как на Востоке, так и на Западе (в Московской Руси и Европе). Тем не менее, в «Книге, глаголемой Большой Чертеж» (1627) – описании первой карты «всему Московскому государству», Арал был назван Синим морем. Возможно, по аналогии с традиционным фольклорным представлением о неизвестном и далеком море, озере (Кошарная, 2008: 21).

С конца XVII века входит в употребление топоним Аральское море от тюркского «Арал-Теңіз», где арал – «остров», теңіз (деңіз) – «море, большое озеро», то есть «островное море» или «море островов». Очевидно, название первоначально относилось только к морю у дельты Амударьи, изобиловавшей островами, где согласно картам XVIII века находилось Аральское владение или наместничество

(Арал вазирият или Арал Попули). Впервые Аральское море под гидронимом «Синее море» в русский язык ввел автор «Книги, глаголемой Большой Чертеж» (1627) Афанасий Мезенцев (Кривоногов, 2009: 44).

Научные исследования Арала были начаты в XVIII в. русскими офицерами, предпринимавшими экспедиции в рамках государственной политики изучения Средней Азии. По приказу Петра I в 1714 г. была снаряжена экспедиция с заданием «до Индии водяной путь сыскать». В том же году А. Бекович-Черкасский обследовал восточное побережье Каспийского моря и было впервые подтверждено, что Амударья впадает не в Каспийское, а в Аральское море (Виноградов, 1966: 137–138).

Военно-разведочная экспедиция А. Бековича-Черкасского в Хиву потерпела неудачу и не достигла своих целей. Тем не менее были получены важные сведения об Арале и устьях впадающих в нее рек. Экспедицией капитана А.И. Бутаква в середине XIX в. была составлена первая инструментальная карта Аральского моря. Именно эта карта определила наше представление об Арале как огромном и полноводном озере-море.

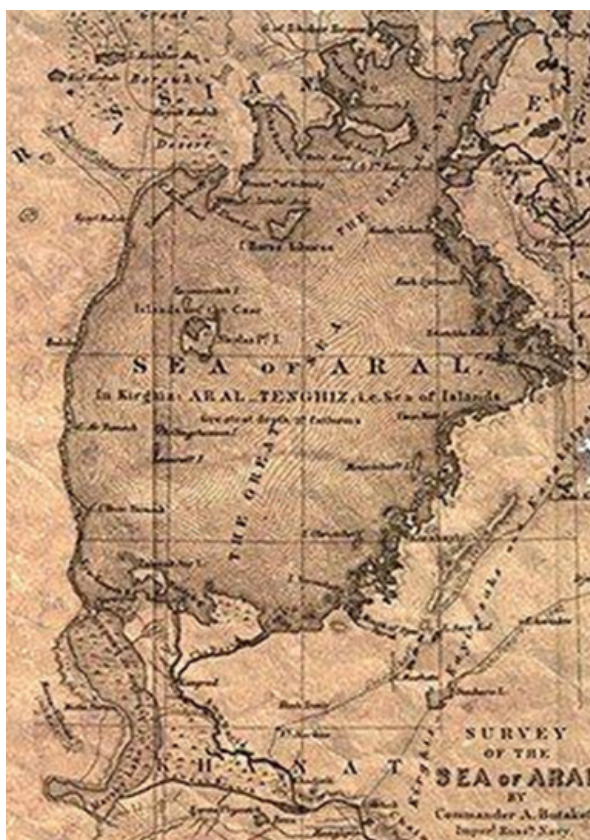

Рис 2. Аральское море на карте А.И. Бутаква (1850 г.).

Ист.: (Journal of the Royal Geographical Society, Vol. 23, 1853). С сайта <http://www.1uptravel.com>.

История изображения Аральского моря на древних и старинных картах весьма запутана, требует тщательного исследования и поэтому, несомненно, актуальна. Есть сведения, что арабские картографы знали о существовании и географическом положении Аральского моря и отмечали на своих картах. Так, знаменитый географ аль-Идриси (XII в.) изобразил Аральское море на своем месте, с реками, впадающими в нее. Несомненно, карта арабского географа, известная в Европе как «Табула Роджериана» достоверный источник по исторической географии Аральского моря и в целом Средней Азии.

Рис 3. Аральское море на карте аль-Идриси («Табула Роджериана»). В нее впадают 5 рек. К северу от Арала, возможно, изображено озеро Акжайкын, с впадающей рекой Чу. К северо-востоку от Арала изображено озеро Балхаш и реки Семиречья.

С самого начала картографии на картах, составленных в «европейской» сфере, не было Аральского моря. Такая ситуация сохранялась до XVI века, когда сначала русские, а затем и европейские картографы осознали, что это отдельный от гораздо более крупного и западного Каспийского моря географический объект.

Несомненная роль в «открытии» моря-озера в европейской картографии принадлежит Семену Ремезову. Именно в его карте 1699 года, Аральское море впервые указано под своим названием и на своем месте с впадающими в него реками (см. рис. 8). Следует, считать, что поздние изображения Аральского моря, в том числе на западноевропейских картах основывались на сведениях «Чертежной книги» С. Ремезова. Так, на карте Персии Гийома Делиля (1724 г.) Аральское море впервые в западноевропейской картографии показан как отдельный географический объект под названием *Lac de Glouchioige ou d'Arapscoa* (см. рис. 10). В дальнейшем практика изображения моря-озера была развита на карте Абрахама Мааса «Новая карта Каспийского моря и страны узбеков с прилегающими провинциями» (см. рис. 12), на карте Иоганна Маттиас Хааса (см. рис. 13) и других.

В различные периоды времени разные путешественники составляли карты Аральского моря. В 1558 году англичанин Э. Дженкинсон, в 1664 году голландец Н. Витсен, в 1724 году француз Г. Делиль, русские – в 1734 году Крылов, в 1741 году Муравин, в 1834 году Левшин. В исследование Аральского моря значительный вклад внесли А. Бутаков и Т. Шевченко.

Наиболее примечательные карты европейских и российских авторов приведены в приложении 1 с подробными пояснениями.

Заклучение

Старинные карты как носители важнейшей информации исторического характера представляют собой ценный источник по географии, этнографии, политической и экономической истории Центральной Азии. В нашем случае была предпринята попытка, опираясь на картографические материалы показать эволюцию и динамику изображения Аральского моря – крупного и важного с хозяйственной точки зрения географического объекта.

Было выяснено, что фрагментарность, недостоверность и противоречивость изображений этого озера-моря были связаны с его неустойчивым гидрологическим уровнем, что зависело от многоводности, направления русла его двух больших притоков – рек Амударья и Сырдарья. Здесь имели место как социально-экономические, так и политические, физико-климатические факторы. Отсюда, если его западный сосед – Каспийское море на протяжении тысячелетий изображался более-менее верно, то с Аральским морем ситуация была не простая. Тем не менее, тщательное изучение и сопоставление «старых» карт позволяет проследить постепенное «очерчивание» и появление Арала на своем месте.

Другой немаловажный аспект – это проблема изменчивости Арала, его площади и объема в историческое время, что подтверждается многочисленными историческими свидетельствами. Так, Арал в течение длительного времени то исчезал, превращаясь в ряд разрозненных водоемов, то вновь наполнялся водами. Поэтому, нынешняя регрессия, вполне возможно, очередной период в жизни Аральского моря и есть надежды, что в обозримом будущем Арал вновь станет полноводным озером-морем и заново займет свое достойное место в пятерке крупнейших по площади озер мира.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации научного грантового проекта BR21882223 «Казахское ханство во второй половине XV – первой половине XVIII вв.: этнополитическая история и внешняя политика».

Приложение 1.

Аральское море на старинных европейских и российских картах

Рис 4. Аральское море на карте мира Мартина Вальдземюллера (1516 г.). Арал представляет небольшой водоем, от которого река Окс несет воды к Каспию.

Рис 5. Два отдельных водоема на месте Аральского моря

(карта «Tartaria sive Magni Chami Imperium». (Тартария или Империя Великих Ханов, пер. с лат.). (1635-1664). Автор: Виллем Янзон Блау.

Здесь, видимо представлена приподнившаяся информация, ибо в период создания карты Арал был целым водоемом. Данный нюанс характерен для средневековой картографии, в которой подчасую новейшая информация появлялась с большим запозданием.

Рис 6. Подобное изображение на карте «Tabula Tartariae et majoris partis Regni Chinae». (Карта Тартарии и Китайского королевства, пер. с лат.). (1680).

Авторы: Фредерик де Вит, Николас Виссер. Представленная на этой и предыдущей карте название Saluna Lacus применительно к Аралу нами не было идентифицировано. К сожалению, нет перевода слова Saluna с латинского или других европейских языков.

Рис 7. Аральское море на карте Н. Витсена 1687 г.

(Приложение к книге «Северная и Восточная Тартария»). Обозначено как «Синее или Saluna озеро». Гидроним «синее» несомненно заимствован Витсеном из русских источников.

Рис 8. Аральское море на карте С. Ремезова «Чертеж земли всей безводной и малопроездной каменной степи» (1699-1701) дан под своим современным названием. Примеч.: по старинной традиции на карте юг изображен вверху, а север внизу.

Рис 9. Арал как «Море синее» на карте Н. Витсена «Новая карта Российской империи» 1704 г.

Рис 10. Арал на карте Г. Делиля 1724 года. Glouchoige возможно перевести с французского как «глухое» в значении к озеру – замкнутое. В слове Arapscoa, несомненно, прошла ошибка печатника.

Рис 11. Аральское море на карте И. Страленберга 1730 г. Здесь, в виду недостаточности информации, Амударья частично несет свои воды в Каспий.

Рис 12. Арал на карте «Nova Maris Caspii et Regionis Usbeck Cum Provinciis adjacentibus vera Delineatio». (Новая карта Каспийского моря и страны узбеков с прилегающими провинциями, пер. с лат.). (1735). Авторы: Абрахам Маас, Иоганн Петер фон Гелен.

На карте дана пояснительная надпись к Аральскому морю «Здесь воды теряются, а берега заросли тростником и даже вода там, в озере соленая и горькая» пер. с лат.

Рис 13. Арал на карте «Imperii Russici et Tatariae Universae tam majoris et Asiaticae quam minoris et Europae Tabula». (Универсальная карта Российской и Татарской империй, как Большая Азиатская, так и Малая Европейская, пер с лат.) (1739).

Автор: Иоганн Маттиас Хаас. Примечательно, что на данной карте Арал также дан под своим древним названием «Хорезмийское».

Рис 14. Арал на карте «Carte de l'Asie». (Карта Азии, пер. с фр.). (1744).
Авторы: Иоганн Хаас, Готлиб Бем.

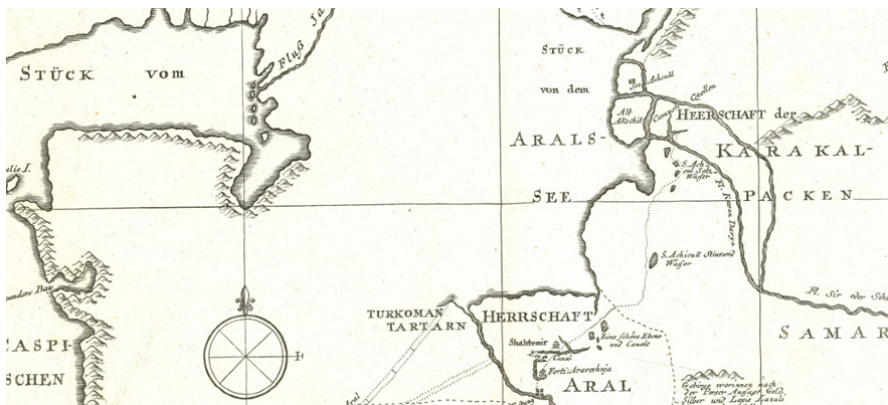

Рис 15. Аральское море на карте «Anhang zu den Karten von dem Orenburger Feldzuge №1 und den Provinzen in Siberien №2, wie solche von den ruslen im jahre 1747 aufgenommen worden». (Приложение к картам Оренбургского похода №1 и губерний Сибири №2, составленных русскими в 1747 г., пер с нем.). (1747).

Авторы: Дж. Хенвей, И.Г. Крюгер.

Хотя восточный берег показан отчетливо, западный берег Арала не изображен вовсе, что сложно объяснить. Данная карта, по нашему мнению, составлена на основе описаний путешествий британского торговца Джонаса Хенвея с широким использованием секретных российских сведений. Карта уникальная и редкая. Один из оригиналов ныне хранится в Национальном музее РК (г. Астана).

Рис 16. Арал на карте Сэмюэля Данна «Карта независимой Тартарии» (1774).

Одна из британских карт Тартарии правильно изображает Аральское море. Амударья больше не несет свои воды в Каспий и как Сырдарья полностью впадает в нее. Примечательно, надпись Aralar Uasir к югу от озера-моря, что мы отождествили с Аральским Вазиритом или Вилайетом, т.е. Аральским наместничеством.

Приложение 2.

Исторические источники, касающиеся водных систем Центральной Азии

Время	Источник	Условия Арала	Условия Узбоя	Примечание
XV в. до н.э.	Авеста Риг Веди	сухой		болотистая местность
V в. до н.э.	Геродот	существует	Амударья через Узбой в Каспий	
III до н.э.	Патрокл	заполнен водой	сухой	Амударья и Сырдарья втекают в Арал
I до н. э.	Страбон	впадает Амударья и Сырдарья, но последняя не полностью	Амударья	
891	Аль Балки	существует	вдоль Узбоя в Каслий	
X	Идриси	существует		
1211	Дживени Мурханд	почти сухой	работает	потомки Чингизхана направили Амударью в сторону
1320	Марино Сануто	средний уровень	Потоки Узбоя идут из Сарыкамыш. куда впадает Амударья	малый Арал идентичен небольшому озеру (Сарыкамыш)
1375	Каталония	существует	работает	потоки Сыр впадают в Арал и Аму впадает в Сарыкамыш
	Сануто	существует	работает	
1400	Мераши	низкий уровень		
1575	Абдул Гази	высокий уровень	сухой	
1638	Олирей	низкий уровень	работает	потоки Аму и Сыр впадают в Арал
1680	Абдул Гази Багадур	существует		потоки Аму впадают в Каслий с 1220 г. и, в конце концов, разъединены в 1575 г.
1734	Кирилов	не указано	чередуется	
1826	Колодкин	высокий уровень	не показано	
1858	Иваничев	высокий уровень	засохший	

Источники:

- Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. (1980). Москва.
- Burr, G.S. et al. (2019). A history of the modern Aral Sea (Central Asia) since the Late Pleistocene. *Quaternary Science Reviews*, (206): 141–149.
- Бартольд, В.В. (1902). Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII века. Ташкент.
- Толстов, С.П. (1962). По древним дельтам Окса и Яксарта. Москва.
- Берг, Л. (1908). Аральское море. Санкт-Петербург.
- Горбунов, А.П., Мальковский, И.М. (2008). Аральское море в трудах академика Л.С. Берга. *Вопросы географии и геоэкологии*. №1: 58–63.
- Létolle, R., Mainguet, M. (1993). *Aral*. Paris, Springer-Verlag France.
- История и культура Арало-Каспия. (2001). Сборник научных статей. Алматы.
- Виноградов, А.В. (1966). Тысячелетия, погребенные пустыней. Москва.
- Бартольд, В.В. (1965). К вопросу о впадении р. Амударьи в Аральское море. *Сочинения*. Т. 3: Работы по исторической географии. Москва: Издательство восточной литературы.
- Толстов, С.П. (1960). Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения. Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 3. Москва: Изд-во АН СССР.
- Кривоногов, С.К. (2009). Арал судоходный и сухопутный. *Наука из первых рук*. №2 (26): 42–51.
- Мейендорф, Е.К. (1975). Путешествие из Оренбурга в Бухару. Москва.
- Дженкинсон, А. (1938). Путешествие в Среднюю Азию 1558–1560 гг. В кн.: *Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке*. Сборник текстов. Отв. ред. Рубинштейн Н.Л., пер. с англ. Ю.В. Готье. Москва: Соцэкгиз.
- Кошарная, С.А. (2008). «Море» в русской мифологической картине мира. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*. №15(2): 19–23.
- Аральское море и Приаралье (2017). Под общей ред. проф. В.А. Духовного. Ташкент: Baktria press.
- Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта (1978). Ташкент: ФАН.
- Золотницкая, Р.Л. (1978). По дорогам неведомого Туркестана. Сборник статей к 150-летию Н.А. Северцова. Москва: Мысль.

АРАЛ ТЕҢІЗІ XVI–XVIII ҒАСЫРЛАРДАҒЫ ЕУРОПА ЖӘНЕ РЕСЕЙ КАРТАЛАРЫНДАҒЫ ТАРИХИ-ГЕОГРАФИЯЛЫҚ ОБЪЕКТ РЕТІНДЕ

Ернур РАХИМОВ¹

¹Астана халықаралық университеті, ҚР Ұлттық музейі

Астана, Қазақстан

yernur_rakhimov@mail.ru

Аңдатпа. Мақаланың мақсаты – XVI–XVIII ғасырларда еуропалық және ресейлік авторлар жасаған көне карталар негізінде Арал теңізін тарихи-географиялық нысан ретінде сипаттау. Ұсынылған картографиялық материалдар бұл ірі ішкі су айдынының біртіндеп сызбаға түсу үдерісінің динамикасын зерттеуге мүмкіндік береді. Ерте карталарда Әмудария мен Сырдария Каспий теңізіне құятын өзендер ретінде бейнеленсе, уақыт өте келе Аралдың бейнесі айқындала түседі: әуелі оның шығыс жағалауы ғана көрсетіліп, кейін толық пішіні қалыптасады. Орталық Азия аймағын бейнелейтін көне карталарды мұқият талдау Арал теңізінің географиялық шекараларының, жағалаулары мен шығанақтарының пайда болуы мен дамуының эволюциясын қайта қалпына келтіруге жол ашады.

Түйін сөздер: Арал теңізі, тарихи география, тарихи картография, ескі карталар, сызба.

**IV. ТАРИХИ ГЕОГРАФИЯ ЖӘНЕ ТАРИХИ-МӘДЕНИ
МҰРАНЫ ҚАЙТА ПАЙЫМДАУ**

**IV. HISTORICAL GEOGRAPHY AND
HERITAGE INTERPRETATION**

NUMERICAL AND GEOMETRIC SYSTEMS IN THE TIMURID PERIOD: A CASE STUDY OF THE DOME OF THE MAUSOLEUM OF KHOJA AHMAD YASAWI

Mahya TOORANPOOR ¹ (ORCID 0000-0002-4737-7783)

Ahad Nejad EBRAHIMI ² (ORCID 0000-0001-6025-1942)

*¹PhD, Candidate of Islamic Architectural Engineering, Tabriz Islamic Art University
Tebriz, Iran*

em_tooranpoor@yahoo.com

*²Prof., Architecture and Urban Planning, Tabriz University of Islamic Arts
Tebriz, Iran*

ahadebrahimi@tabriziau.ac.ir

Abstract. Number and measurement are fundamental principles in architecture – tools that architects have meticulously employed from the design phase to construction to achieve spatial harmony and proportion. Reflections of these concepts are found in historical texts under terms such as *ḥiyāl* ‘*adadiyya* (numerical techniques) and *ḥiyāl* *handasiyya* (geometrical techniques).

This research focuses on analyzing historical sources and extracting architectural data related to the Mausoleum of Khoja Ahmad Yasawi – one of the most prominent monuments of the Timurid era – chosen for its architectural coherence and well-documented sources. The study adopts a descriptive-analytical approach, comparing textual references – particularly the *Zafarnama* of Sharaf al-Din Yazdi – with detailed architectural plans.

The analysis of the dome chamber reveals a dominant numerical system based on multiples of six, with the number three appearing as a modular unit in smaller architectural components. By overlaying a grid onto the plan, the study identifies the approximate unit of measurement, *gaz*, as 0.606 meters – closely aligning with historical definitions of the Timurid measuring system. This finding not only supports the use of a consistent measurement standard in Timurid architecture but also enables comparative analysis across similar structures in Iran. Ultimately, the article explores how geometry, number, and architectural memory intersect in the commemorative architecture of Timurid architecture.

Keywords: Number and measurement, *ḥiyāl* ‘*adadiyya* (numerical techniques), Mausoleum of Khoja Ahmad Yasawi, manuscripts, Islamic architecture

ТЕМІР ӘУЛЕТІ КЕЗЕҢІНДЕГІ САНДЫҚ ЖӘНЕ ГЕОМЕТРИЯЛЫҚ ЖҮЙЕЛЕР: ҚОЖА АХМЕД ЯСАУИ КЕСЕНЕСІ КҮМБЕЗІНІҢ МЫСАЛЫНДА

Махья ТУРАНПУР¹, Ахад Неджад ЭБРАХИМИ²

¹Тебриз Ислам өнер университеті, Ислам сәулет өнері бойынша

PhD кандидаты, Тебриз, Иран

em_tooranpoor@yahoo.com

*²профессор, Сәулет және қала құрылысы, Тебриз Ислам өнері университеті
Тебриз, Иран*

ahadebrahimi@tabriziau.ac.ir

Аңдатпа. Сан мен өлшем – сәулет өнерінің іргелі қағидаттары; оларды сәулетшілер жобалау кезеңінен бастап құрылысқа дейін кеңістіктік үйлесім мен пропорцияға қол жеткізу үшін мұқият пайдаланып келген. Бұл ұғымдардың көріністері тарихи мәтіндерде «*ḥiyāl ‘adadiyya*» (сандық тәсілдер) және «*ḥiyāl handasiyya*» (геометриялық тәсілдер) сияқты терминдермен ұшырасады.

Бұл зерттеу Қожа Ахмет Ясауи кесенесіне қатысты тарихи дереккөздерді талдауға және сәулеттік деректерді айқындауға бағытталған. Аталмыш ескерткіш – Темір әулеті дәуірінің ең көрнекті мұраларының бірі; ол сәулеттік тұтастығымен және дереккөздерінің жақсы құжатталуымен ерекшеленгендіктен таңдап алынды. Зерттеу сипаттамалық-талдамалық әдіске сүйенеді: мәтіндік деректер (әсіресе Шараф әд-Дин Йездидің «Зафарнамасындағы» мәліметтер) егжей-тегжейлі сәулеттік жоспарлармен салыстырылады.

Күмбезді бөлмені талдау алты еселенімдерге негізделген үстем сандық жүйені айғақтайды; ал үш саны кіші архитектуралық құрамдас бөліктерде модульдік бірлік ретінде көрінеді. Жоспарға тор түсіру арқылы өлшем бірлігінің – «газдың» – жуық шамасы 0,606 метр екені айқындалды; бұл нәтиже Темірлік өлшем жүйесінің тарихи анықтамаларына барынша жақын келеді. Бұл тұжырым Темірлік сәулетте бірізді өлшем стандарты қолданылғанын ғана емес, сондай-ақ Ирандағы ұқсас нысандар арасында салыстырмалы талдау жүргізуге мүмкіндік беретінін де көрсетеді.

Түйін сөздер: сан мен өлшеу, *ḥiyāl ‘adadiyya* (сандық әдістер), Қожа Ахмет Ясауи кесенесі, қолжазбалар, ислам сәулеті.

Introduction

In examining the significance of number in architecture alongside geometric studies, Conner (2016) emphasizes that Islamic sciences were not merely a passive reflection of Greek knowledge. Rather, with important influences from Iran, India, and China, they played a substantial role in the advancement of science, especially mathematics. While the Greeks were devoted to geometry and considered arithmetic suitable only for small, everyday tasks, Muslim mathematicians introduced the decimal counting system from India and developed it in ways unimaginable within Greek thought. This influence is evident in terms such as *algorithm* and *algebra*, both of which have Arabic roots. Some earlier studies have placed excessive emphasis on geometry in architecture. However, as Conner (2016) notes, geometry did not hold an exclusive central place in Islamic sciences—arithmetic was also significant. The aim of this research is not to separate the sciences of number and geometry, but rather to offer a new interpretation of the role of mathematics in Islamic architecture, highlighting the place of number alongside geometry. Therefore, any strict division between these two fields is not relevant to the current study. One of the lesser-explored topics in the application of mathematical sciences in architecture is the use of numerical proportions and measurements, referred to as *ḥiyāl 'adadiyya* (numerical techniques), which played an essential role in the design and construction of buildings. In studying the role of number in architecture, it is important to start from points where its presence is clearly recognizable. For instance, the presence of numbers is notably visible in Islamic architectural ornamentation – including calligraphy, geometric motifs, and *girih* patterns.

Issam El-Said and Ayesha Parman (2010) emphasized the importance of proportions in achieving beauty and harmony in calligraphy. Similarly, Jay Bonner described the complex relationship between geometric patterns and mathematics as a prominent example of mathematical abstraction (Bonner and Kaplan, 2017). In this context, the first detailed account of the major role of mathematicians in Islamic architectural crafts is found in the work of Ibn Wāḍiḥ al-Ya'qūbī in his *Kitāb al-Buldān*. Al-Ya'qūbī provides one of the most comprehensive historical descriptions of the events and issues surrounding the construction of Baghdad and other cities during the Abbasid period, emphasizing the crucial role of mathematicians and engineers in the planning and construction process.

He begins his account of Baghdad as follows: al-Manṣūr al-'Abbāsī (r. 754–775 CE) dispatched envoys to summon engineers, architects, and those familiar with the science of surveying – measuring, calculating areas, and dividing lands. Once they arrived, he drew the plan for his city, known as *Madīnat Abī Ja'far*, and called upon architects, workers, and artisans including carpenters, blacksmiths, and well-diggers. Then, in Rabi' al-Awwal 145 AH (762 CE), he outlined its circular plan, stating that no other circular city was known in any part of the world. The foundation of the city was laid at the time selected by the astrologer Nawbakht and Māshā'allāh ibn Sāriya (al-Ya'qūbī, 1968: 9).

Figure 1. Tārīkh Baghdād, manuscript Arabe 2128, Bibliothèque nationale de France, Paris

The present study focuses on historical sources, especially the *Ẓafarnāma* of Yazdī (2008), which refers to the construction of the Mausoleum of Khoja Ahmad Yasawi under the order of Tīmūr. The research seeks to analyze the plan of the dome chamber of the mausoleum and, by identifying the underlying numerical system, determine the specific length of the gaz used in its architectural design.

Research Background

Few studies have been conducted with the aim of identifying the system of numbers and measurement in the architecture of Islamic-era Iran. Some of these works have focused on the identification of specific or sacred numbers in architecture, while others have addressed the concept of *paymoun* (modular unit) and golden proportions in architectural design. There have also been efforts to investigate the relationship between mathematical sciences and the craft of architecture, which are summarized in Table 1:

Table 1. Research background.

Research Title	Author(s)	Year	Summary	Type of Study
<i>An Introduction to the Knowledge of Architectural Mathematics in the Islamic Period</i>	Taheri	2009	Examines the connection between mathematics and architecture and its associated crafts based on classical texts. Distinguishes between quantitative and symbolic branches of architectural mathematics.	Analytical and historical study
<i>Explaining the Perception of Geometry in the Formation of Architectural Structures from the 4th to 11th Centuries AH</i>	Farshchian et al.	2021	Explores the relationship between philosophical thought and geometry in architecture. Categorizes geometry into three levels: philosophers, mathematicians, and architects.	Philosophical and analytical study
<i>The Mystery of Numbers</i>	Schimmel	2011	Symbolic examination of numbers across various cultures and religions. A historical and comparative approach to numbers.	Comparative and symbolic study
<i>An Introduction to the Role and Application of Paymoun in Iranian Architecture</i>	Bamania	2012	Emphasizes the importance of dimensions and measurements in Iranian architecture and the impact of paymoun on creating proportions.	Analytical and practical study
<i>A Study of the Paymoun System in Achaemenid Architecture</i>	Javanmardi et al.	2018	Investigates the evolution and transformation of paymoun in Achaemenid architecture.	Historical and comparative study
<i>The Hidden Dimension in Islamic Architecture of Iran</i>	Taheri and Nadimi	2014	A comparative study of numbers and letters through Hisab al-Jummal (abjad numerals) and the symbolic dimensions of numbers in the formation of Iranian architecture.	Analytical and textual study
<i>The Manifestation of the Number Four in the Architectural Design of Iranian Fire Temples</i>	Haji Ali Asgar and Momeni	2013	Analysis of the structural features of fire temples in relation to the use of the number four.	Quantitative and structural study
<i>The Emergence of Mosques in Yazd: Re-identifying the Architecture of Early Islamic Mosques in the Region</i>	Nikzad	2023	Identifies the mosque typologies in the Yazd region based on credible historical texts and analyzes physical evidence with a focus on the dimensions of bricks and other architectural elements.	Quantitative, analytical, and historical study
<i>The Reflection of the Regular Pentagon in the Geometric Motifs of Iranian Islamic Architecture</i>	Montazer and Soltanzadeh	2018	Investigates the use of the sacred number five and the arrangement and frequency of decorative elements in geometric patterns.	Geometric and symbolic study

<i>A Study of the Geometry Used in the Ghyathiyya School of Khargerd, with Emphasis on the Practical Geometry of Abu'l-Wafa Buzjani</i>	Nejad Ebrahimi and Tooranpoor	2021	A historical-analytical study of the geometry of the Ghyathiyya School, compared with the geometric principles of Buzjani.	Geometric and comparative study
<i>Geometry and Mathematics in Timurid Architecture: Abu'l-Wafa and Shirazi</i>	Ebrahimi, A.N., Tooranpoor, M.	2022	An investigation of the paymoun and specific dimensions used by Qavam al-Din Shirazi in architectural design, based on Buzjani's geometry.	Geometric and numerical study

These examples represent only a selection of the valuable research conducted on the topic of geometry and mathematics in Iranian architecture during the Islamic period. What clearly emerges from these studies is a strong emphasis on geometric aspects and proportional relationships in the formation of Iranian architecture – elements that early scholars such as al-Farabi referred to in *Ihsa' al-'Ulum* as «geometric artifices» (*hiyal handasiyya*). However, alongside these geometric artifices, there is also the notion of *numerical artifices* (*hiyal 'adadiyya*), which refer to the relationship between numbers and measurements in the shaping of architecture during this era. This raises an important question: did Iranian architects rely solely on geometry and its associated proportions, or did they also independently incorporate numbers and numerical ratios into the design and construction of buildings? The present study seeks to investigate the role and relationship of number and measurement in the formation of Iranian architecture during the Islamic period and to gain a deeper understanding of these interconnections.

The Science of *Hiyal*

In Arabic, *hiyal* (حيلة) is the broken plural form of *hila* (حيلة), which means a stratagem or contrivance. In technical terms, *'ilm al-hiyal* refers to the discipline of mechanics, or the science concerning mechanical principles and motivating forces (Moein, 2002, vol. 1; Dehkhoda, vol. 19: 855). Among Muslim scholars, the term was also used to describe what is today called physics and mechanics, and it has even been translated in some contexts as the *Science of Mechanical Appliances*. Another definition of *'ilm al-hiyal* links it more directly to mechanics, with many scholars tracing its origins to Greek mechanical knowledge. Its key proponents are often identified as the Banū Mūsā al-Shākir (the sons of al-Shākir), who documented various mechanical devices powered by compressed air in one of their treatises, and in another, described specific instruments and mechanisms related to sound and other technical phenomena. In the post-Islamic intellectual environment, disciplines such as mechanics (*hiyal*) and statics (*athqāl*) were categorized under the domain of practical geometry (*al-handasa al-'amaliyya*), regarded with respect and dignity. As such, practical fields – ranging from tax calculations and fiscal administration to legal matters like inheritance division, currency exchange, commercial transactions, construction estimations, the calculation of wages for plastering and bricklaying, and the engineering of irrigation canals – were seen as domains worthy of scientific engagement. David Kasir (1931) emphasizes the importance of such practical disciplines in the Islamic world by citing Omar Khayyam, who followed the tradition of Muslim sages. According to Kasir, Khayyam pursued mathematical investigations only insofar as they served to explain and interpret problems in astronomy, land surveying, commercial dealings, and laws of inheritance (Özdural, 2001: 19). With this intellectual background in mind, one may refer to al-Fārābī's (2010) definition of *'ilm al-hiyal*. He describes it as «the knowledge of the

methods by which one may actualize and apply all the notions whose existence is theoretically proven in mathematical sciences to physical objects in the real world». That is to say, mathematical sciences study lines, surfaces, solids, and numbers purely as abstract concepts, separate from physical matter. But when it comes to embodying these concepts in reality – within natural objects and tangible materials – human ingenuity must be employed through craftsmanship (*ṣināʿa*). This requires a force or principle that enables the translation of abstract mathematical notions into concrete mechanical forms.

Al-Fārābī (2010) further divides *ʿilm al-ḥiyāl* into two principal branches: numerical *ḥiyāl* and geometrical *ḥiyāl*. He identifies five subfields under geometrical *ḥiyāl*: 1- Architectural engineering (*Ṣināʿat al-rāʾasa al-bināʿiyya*), 2-Measurement of surfaces (*taʿyīn al-masāḥāt*),3- Fabrication of astronomical instruments, 4-Optical devices and illusions (*ḥiyāl manāẓiriyya*),5-Creation of wondrous containers and vessels. He goes on to add: «Hence, the branches of *ʿilm al-ḥiyāl* comprise these and similar subjects. They form the foundation and preliminary knowledge necessary for practical civil industries. These sciences are applied to physical bodies, shapes, positions, arrangements, and measurements, in crafts such as architecture and carpentry» (Al-Fārābī, 2010: 92).

Table 2. The Science of Ḥiyāl.

Main Branch	Sub-branches / Domains	Applications
Numerical Ḥiyāl	–	Calculations, inheritance divisions, financial transactions
Geometrical Ḥiyāl	1. Architectural Engineering (<i>ṣināʿat al-rīʾāsa al-bināʿiyya</i>)	Architecture and construction
	2. Surface Area Calculation	Surveying and land estimation
	3. Construction of Astronomical Instruments	Astronomical observation tools
	4. Optical Devices (<i>ḥiyāl manāẓiriyya</i>)	Visual tools, light, mirrors
	5. Fabrication of Ingenious Vessels	Mechanically functional containers

The science of *ḥiyāl* among Muslim thinkers was a practical discipline bridging theoretical mathematics – especially arithmetic – and applied crafts. Among these, *ṣināʿat al-rīʾāsa al-bināʿiyya* (architectural engineering), as the first sub-branch of geometrical *ḥiyāl*, highlights the privileged position of architecture within this scientific framework. Historical sources such as *al-Buldān* by al-Yaʿqūbī document the precise role of mathematicians and engineers in the planning of cities like Baghdad–roles that cannot be understood without grasping proportions, scales, and mathematical calculations. Thus, understanding Islamic architecture is incomplete without engaging with numerical concepts and measurement systems. In this regard, revisiting *ʿilm al-ʿadad* (the science of number) in conjunction with *ʿilm al-ḥiyāl* opens new horizons in the analysis of historical architecture. This endeavor requires identifying the concepts and terminology used as units of measurement in historical manuscripts, for only through them can the computational systems of ancient architecture be recovered.

Scales and Units of Measurement

According to various sources such as Olmstead (1978) and Diyanat (1988), the land of Iran was influenced by different peoples, such as the Elamites, from whom it adopted certain administrative terms and systems. These influences continued in the measurement systems used in pre-Islamic Iran. For instance, Iranian terms such as *angusht* (finger) and *gerib* (field) penetrated various civilizations – particularly Islamic societies – and evolved into *isba'* and *jarib* respectively (Pirnia, 1962). Thus, the significant impact of the presence of diverse ethnic groups and rulers in shaping these systems cannot be overlooked. Additionally, it can be observed that units of weight and measurement varied between different Iranian cities, and the use of local and ethnic measurements was commonplace. In Persian and Islamic texts, traditional units of measurement display considerable diversity and are often based on human body dimensions. The unit *musht* or *qabzah* (fist) is defined in the Dehkhoda Dictionary as one-sixth of a *dhirā'* (cubit) or four closed fingers, measured when the fingers (excluding the thumb) are clenched together, and it is considered equivalent to half a *vajab* (palm-span). Diyanat (1994) also identifies it as the width of four closed fingers of the right hand, and Moein states that one *gaz* (yard) equals six *qabzehs*, with each *qabzeh* containing four closed fingers. Al-Khwarizmi, during the medieval period, also defined *qabzah* as one-sixth of a *dhirā'*.

Another unit of length, *rash* or *arsh*, has been defined in various sources as either the span of two outstretched arms or the distance from the tip of the middle finger to the elbow (Diyanat, 1994), and in some cases, it is equated with the *dhirā'*. The term *qaws* is listed in Dehkhoda as synonymous with *dhirā'* and serves as a standard for measuring the *gaz*. According to Velayati (2014), the unit *gereh* (knot) equals one-sixteenth of a *dhirā'* and two *bahr*. The *dhirā'* (cubit) is one of the principal units of length, defined in Dehkhoda as the distance from the elbow to the tip of the fingers and is approximately 48 centimeters. Hasan ibn Ali, in the 13th century CE, noted that one *dhirā'* equals six *qabzehs* and mentioned a type called *dhirā' al-sūq*, defined as the distance from the tip of the middle finger to the elbow. In the 10th century CE, Qomi described *dhirā' rashidiyya* as the span from the armpit to the fingertips. In Persian sources, the *dhirā'*, considered a foundational unit of length, has multiple definitions depending on geographical context and practical application. According to Moein's Dictionary, *dhirā'* is equivalent to *gaz*, *arsh*, *rash*, and forearm, and in general usage, it corresponds to 16 *gaz*, approximately 1.04 meters. The royal *dhirā'* (*dhirā' shāhī*) measures 1.12 meters and was more common in Tabriz, whereas the short *dhirā'* (*dhirā' muqassar*) at 1.04 meters was common in Fars. The *Nishapuri dhirā'* was recorded as 2.5 times the royal cubit, and the cubic *dhirā'* is defined as one *dhirā'* measured across three dimensions (Moein Dictionary).

Mohammad Hossein ibn Khalaf (2001) describes *dhirā'* in Arabic as equivalent to *gaz*, a stick used for measuring objects, whereas in classical Persian, it could also refer to edges and boundaries in agriculture. Hasani (1994) also defines *dhirā'* as the distance from elbow to fingertip and refers to it as *dhirā' yadawī*. Ja'far Effendi (1614 CE) mentions units such as *barjuma* and *buğün*, defining *barjuma* as the basis for the *dhirā'* used by masons. He notes that *buğün* equals the width of the thumb and that forty *buğüns* equal one *dhirā'*. The unit *qashabah* (also called *bār* or *bāb*) is found in sources such as Velayati (2014) and Al-Mawardi (11th century CE), and is equivalent to six *dhirā'*, commonly used for land surveying. Velayati also mentions that one *bāb* equals eight *dhirā'* *al-yad* or six *gaz hashimi*. The *jarib* is recognized as the primary surface area measurement unit in Islamic governments (Velayati, 2014), with other area units derived from it. Additionally, the *qafiz* equals one-tenth of a *jarib* (Velayati, 2014). The *isba'* (finger) unit is defined based on the width of a finger joint (Diyanat, 1994), and according to Yaqut al-Hamawi (13th century CE), the *dhirā' hashimiyya* equals 1.25 of a *dhirā' mursal*a (standard cubit). *Dhirā' al-*

malik, mentioned in Yaqut's works, is defined as one-three-thousandth of a *mil*. Finally, *ṭanāb*, a unit of Arabic origin, refers to an area equivalent to 809 *jarīb*. The different types of *dhirā'* used in length and land measurement are summarized in Table 3.

Table 3. Overview of historical periods and introduction of measurement units

Zirā' (Cubit)	Equivalent	Reference
Shar'ī = Yad = Qā'im	24 fingers ('iṣba')	Ibn Akhwa (7th century AH)
		Imam Ghazālī (5th century AH)
al-Burayd	Equivalent to the Shar'ī cubit	Hinz (1387 SH)
al-Sawdā'	27 fingers	Harawī Hīwī (9th century AH)
	12 ⅓% longer than market cubit (28 fingers)	Māwardī (5th century AH)
al-'Umariyya	Combination of 3 cubits: long, short, and medium	Hinz (1387 SH)
Mizāniyya	Shar'ī cubit + 2/3 of a finger	Māwardī (5th century AH)
Qāḍiyya	2/3 and 1 finger shorter than al-Sawdā' cubit	Māwardī (5th century AH)
Hāshimiyya al-Kubrā	32 fingers	Harawī Hīwī (9th century AH)
		Qummī (4th century AH)
	36 fingers	Iṣṭakhri (4th century AH)
		Mujmal al-Tawārikh (6th century AH)
		Ṭabarī (7th century AH)
	1.5 Arsh	Nāṣir-i Khusrāw (1375 SH)
Hāshimiyya al-Ṣuḡhrā	2 ⅔ fingers longer than al-Sawdā'	Māwardī (5th century AH)
Sābūriyya	12 qabḍa (grasp-widths)	Qummī (4th century AH)

Source: Compiled by the authors, adapted from manuscript sources

In the early Islamic period, the unit «zirā'» (cubit) was used in land division and legal matters. This unit was widely employed during the reign of Hārūn al-Rashīd and served as the principal unit of length measurement (Māwardī, n.d.; *Tārīkh-i Qumm*). In later Islamic eras, such as during the Ilkhanid and Timurid periods, new developments emerged in measurement units. Under the Ilkhanids, Ghāzān Khān attempted to standardize the Tabriz scales as the principal basis of measurement. During the Timurid era, various types of zirā' were introduced for measuring lands and wells (Faḍlullāh & Yan, 1940; Harawī Hīwī, 839 AH). In primary sources such as *Ẓafarnāma-yi Shāmī* (1363 SH), *Ẓafarnāma-yi Yazdī* (1387 SH), and *Zubdat al-Tawārikh* by Ḥāfiẓ-i Abrū (1372 SH), reference is made to a cubit known as the «legal gaz» (gaz-i shar'ī) in the context of the founding of the city of Bīlqān and the excavation of its moat. According to *Zubdat al-Tawārikh*, this *gaz* was known in Khurāsān and 'Irāq but differed from the *gaz* used in Samarqand. This highlights the regional variation in measurement standards across cities and provinces. However, as indicated by various sources and historical manuscripts, relatively consistent values can be identified for units such as the «royal gaz» (gaz-i shāhī) or the «Hāshimī cubit» across different periods. In the early Islamic period, the unit «zirā'» (cubit) was used in land division and legal matters. This unit was widely employed during the reign of Hārūn al-Rashīd and served as the principal unit of length measurement (Māwardī, n.d.;

Tārīkh-i Qumm). In later Islamic eras, such as during the Ilkhanid and Timurid periods, new developments emerged in measurement units. Under the Ilkhanids, Ghāzān Khān attempted to standardize the Tabriz scales as the principal basis of measurement. During the Timurid era, various types of *zirā'* were introduced for measuring lands and wells (Faḍlullāh and Yan, 1940; Harawī Hīwī, 839 AH). In primary sources such as *Ẓafarnāma-yi Shāhī* (1363 SH), *Ẓafarnāma-yi Yazdī* (1387 SH), and *Zubdat al-Tawārīkh* by Ḥāfiẓ-i Abrū (1372 SH), reference is made to a cubit known as the «legal gaz» (*gaz-i shar'i*) in the context of the founding of the city of Bilqān and the excavation of its moat. According to *Zubdat al-Tawārīkh*, this *gaz* was known in Khurāsān and 'Irāq but differed from the *gaz* used in Samarqand. This highlights the regional variation in measurement standards across cities and provinces. However, as indicated by various sources and historical manuscripts, relatively consistent values can be identified for units such as the «royal gaz» (*gaz-i shāhī*) or the «Hāshimī cubit» across different periods.

Table 4. Measurements in the Timurid Period.

Timurid Period	Zirā' (three types)
1) Zirā' bi'l-yad (Cubit by the hand): equal to 6 hand-spans (qabḍah) 2) Zirā' al-sawdā': 7 fingers (<i>isba'</i>) 3) Zirā' Hāshimī: 132 fingers (<i>isba'</i>)	(Heravī-Hiwī, 839 AH)
Jarīb-i Shāhī Equal to 3600 square units of the Hāshimī cubit	
Al-Sawdā' 27 fingers	
Hāshimiyya al-Kubrā 32 fingers	

The significance of the Zirā' Hāshimī and Zirā' Sulṭānī lies in the fact that the Mausoleum of Khoja Ahmad Yasawi was constructed during the Timurid period by Timur himself, and is regarded as a monument of governmental importance. Therefore, the use of these measurement units in its construction is of particular interest.

The Relationship Between Numbers and Architectural Drawings

In the architecture of the Islamic period in Iran, despite the limited number of studies focusing on the design of historical architectural plans, multiple pieces of evidence point to the use of grids and measurements based on defined orders. Documents such as the Tashkent Scroll and the *Mirza Akbar Scroll* indicate that architects employed specific methods to create harmony and repetition in architectural elements and ornamentation. During the Timurid period as well, signs of using regular patterns in building design are evident. For instance, Timur, in commissioning the construction of the mausoleum of Khwāja Ahmad Yasavī, ordered the dome chamber to be built according to precise measurements based on the unit of *gaz*. Researchers believe that the shrine of Ahmad Yasavī was designed on a grid plan composed of cells measuring one *gaz* 60.6cm in size (Golombek and Wilber, 1995: 288; Mankovskaya, 1962).

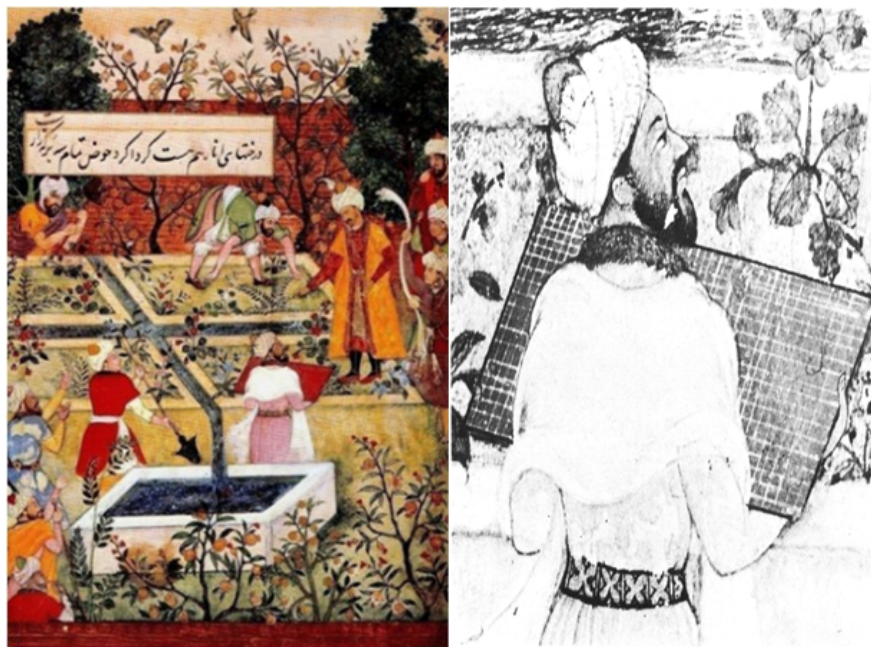

Figure 2. A rectangular garden plan designed for Babur, with details taken from the Baburnama, circa 1580 CE (Victoria and Albert Museum, I.M. 1913-276 and I.M. 2913-276A).

It appears that the use of drawing boards in architecture provided designers and architects with a form of measurement system that was both necessary and practical in the past. By employing grid systems drawn onto these boards, architects could incorporate numbers and dimensions into their designs in a tangible and applied manner. The understanding and application of precise numerical systems in measurement and design – through the use of both large and small modules (peymun-پیمن) – reflects the mastery of architects and engineers over the calculations and dimensions required in architecture. As Abū al-Wafā' Būzjānī also suggests in his treatise *Manāzil al-Sab'a*, a grid-based layout with accurate proportions was proposed to ensure precise architectural drawings (Sa'īdān, 1971). In the *Zafarnāma* of Sharaf al-Dīn 'Alī Yazdī (1387/2008), the process of designing and constructing the mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi is described in detail. According to Timur's direct orders, the main domed chamber (*gunbadkhāna*) of the building was designed as a square, each side measuring thirty gaz, while a smaller domed chamber behind it was planned with each side measuring twelve gaz.

«After establishing the Garden Palace of Dilgushā and having achieved victory, His Majesty Timur headed toward Tashkent. The imperial caravan crossed the Syr Darya River and descended near the village of Jinās in Ahanjarān, where they spent the winter. In that location, winter residences were built, using reeds gathered from the area. His Imperial Majesty turned his attention to the village of Yasi to visit the tomb of Shaykh Ahmad Yassawi (may peace be upon him and his noble ancestors), a descendant of Imamzāda Muhammad Hanafīyya, and ordered the renovation of this sacred mausoleum. A grand and stately structure was initiated, consisting of a large and lofty vaulted chamber flanked by two minarets, with a square dome measuring thirty gaz by thirty gaz, and another dome measuring twelve gaz by twelve gaz. Additionally, four *suffas* (platformed spaces) were constructed for the illuminated

tomb, located at the qibla side and connected to the main dome. On either side of the dome, two more *şuffas* were built, each measuring thirteen and a half gaz by sixteen and a half gaz, to serve as prayer halls. Further chambers and auxiliary spaces were also included. It was commanded that the walls and domes be decorated with glazed tilework, and the tomb itself be carved from white stone with exquisite ornamentation. The completion of the mausoleum was entrusted to Mawlānā 'Ubayd Allāh Şadr, and in accordance with the command, the entire project was finished within two years».

Figure 3. Mausoleum of Khoja Akhmed Yassawi.

Furthermore, in *Rawzat al-Safā*, we read: «During this period, His Majesty the Sahib-Qiran (Timur) raised the banners of victory and crossed the Syr Darya River. Near the village of Jinas, he pitched his heavenly pavilion. The army encamped there for the winter, building seasonal dwellings out of reeds and mats. His Majesty then traveled to the town of Yasi to visit the shrine of Shaykh Ahmad Yassawi. This noble figure was a descendant of Imamzāda Muhammad Hanafiyya—peace be upon him and his ancestors. A firm royal command was issued, mandating the construction of a *dār al-anwār* (house of lights) and a grand, elevated edifice above the saint's tomb. In accordance with the imperial decree, a high vaulted structure was erected, along with a square dome measuring thirty (30) gaz by thirty (30) gaz. On both sides of the dome, four *şuffas* (platformed chambers) were built, each measuring twelve (12) gaz by twelve (12) gaz. Additionally, four more *şuffas* were constructed for the illuminated tomb, alongside two other *şuffas* and several chambers and related buildings. The emperor ordered that a tombstone be carved from white stone with the utmost care and decorated with intricate and exquisite motifs. He instructed that Mawlānā 'Abd Allāh Şadr supervise its completion. Within two years, the son of the aforementioned Mawlānā completed the construction. The Sahib-Qiran, generous as the heavens, granted alms and offerings to the shrine's caretakers and returned to the imperial encampment».

It appears that these specific dimensions and proportions were employed not only to design the internal spatial layout of the building but also to establish a consistent scale and

unity throughout the architectural ensemble. As such, these measurements are directly connected to a particular system of measurement that was used in Timurid architecture. To more accurately match these numbers with architectural measurements, the floor plan of the Mausoleum of Khoja Ahmad Yasawi was first redrawn at a 1:1 scale. Following this, the plan was divided into a 30-unit grid. Each square of the grid was considered a variable, and to align this framework with other similar floor plans – particularly those of domed chambers – the prevailing proportional relationships within these grid units were analyzed. The values derived for each of these units and the ratios established through this process ultimately led to the identification of the precise length of the gaz used in similar architectural structures. The aim of this analysis is to attain a more precise understanding of royal scales and measurement standards applied in Timurid architecture. By comparing historical documentation with architectural plans, plausible results can be reached that reveal the critical importance of precise measurement and its role in the design of royal architectural monuments. In the end, the calculated value of the gaz or zira' used in the structure under study can be seen as a representative standard of royal architectural measurements – within an acceptable range supported by historical sources.

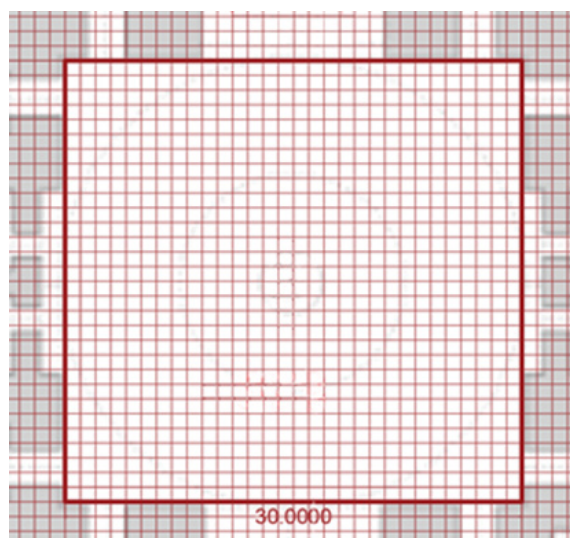
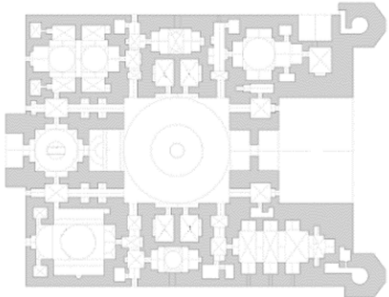

Figure 4. Alignment of the Grid System with the Domed Chamber of the Mausoleum of Khoja Ahmad Yasawi

Source: Adapted by the authors from the survey plan by Golombek and Wilber, 1995

The grid system extracted from the domed chambers of the Yasawi Mausoleum, based on the dimensions specified by Timur and the presence of a corresponding grid in the architectural plan, highlights the significance of measurements and the type of units employed in the structure. These features demonstrate the precision and meticulousness of the architects in the design and execution of the building. By analyzing the defined gaz units – likely specific to the Timurid period – it becomes possible to reconstruct the dimensions and measurement standards used in this architectural work.

Monu-mental	Patrons	Date of the construct	Images	Source
Mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi	Timur	807 AH 1404 CE		(Golombek & Wilber, 1994)

As mentioned earlier, to substantiate the claim of the present research, it is necessary to examine case studies. Initially, the grid system was aligned based on the number 30 and expanded to encompass the entire plan. Figure 4 illustrates the method of alignment and analysis applied to the Mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi.

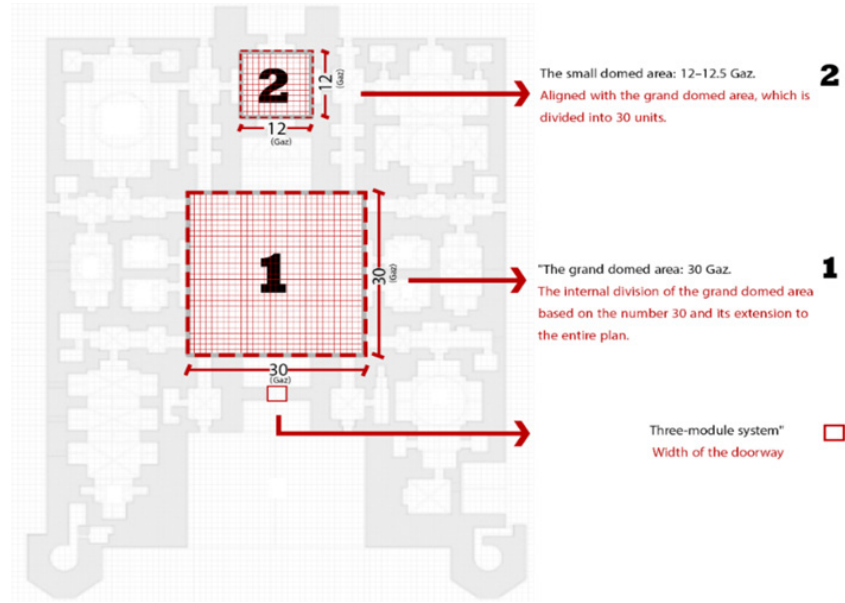
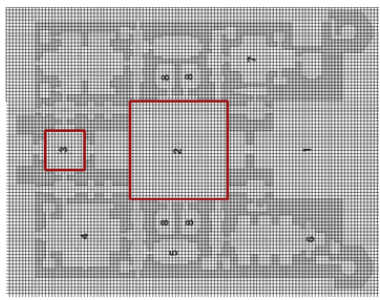
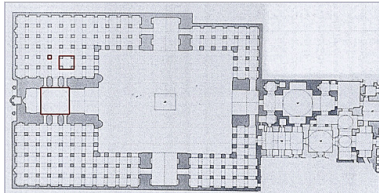

Figure 5. Alignment of the grid pattern with the domed area of the Mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi (It is important to note that the unit of 30 is in Gaz, not in the metric system). (Source: Authors).

This work was continued by applying the obtained general grid to other architectural plans, and a count of the resulting squares was conducted, as presented in Table 6.

Table 5. Analytical Review of the Case Studies

Monumental	Alignment of plans with the grid pattern	Number of grid squares in the grand domed area	Number of grid squares in the small domed area	Number of grid squares in a small pattern»
Mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi		30	12	3 (width of doorway)
Goharshad Mosque, Mashhad		24	12 A pattern for the formation of the prayer hall with columns	3 Dimensions of the column

Source: Authors

These measurements are clearly composed of multiples of the number six – an evident numerical pattern that appears to constitute a foundational structure in determining the dimensions of domed spaces. This logical repetition across different scales, from the smallest unit of 3 and then 12 to 30, suggests that the spatial design system of the domed chambers in this monument not only adhered to principles of proportion, but was also numerically calibrated to enable repetition, scalability, and coherent structural organization. The use of multiples of six in the main domed space may help elucidate a design system rooted in numbers and measurements, particularly in royal and religious architectural structures. Alongside this base-six system in the grand domed chamber, the documented values for smaller-scale elements, such as the doorway of the iwans, clearly indicate the consistent use of the number three as a primary and repeatable module in spatial composition. Overall, the numerical system governing the design of the two domed chambers in this mausoleum can be understood as a combination of a macro-structure based on the number six and a micro-structure based on the number three – a system that manifests itself in both the spatial organization and the geometric execution of key architectural works from the Timurid period.

Analysis and Evaluation

In order to assess the precision of this measurement system and analyze the unit of the *dhira'* employed, the side length of the domed chamber in the Mausoleum of Khoja Ahmad Yasawi was compared with the figure of thirty (30) mentioned in the *Zafar-nāma* of Yazdī (1387/2008).

Given the absence of precise and clearly defined values for the *dhira'* or *gaz* in some historical sources, the present analysis is based on a calculation that divides the metric

dimensions of the structure by the number of recorded grid units, thus deriving an approximate value for each unit of measurement.

In the case of the domed chamber, some sources report a span of 18.2 meters (1820 cm), while in the plans provided by reliable sources, this value varies between 18.06 and 18.18 meters. Some other sources mention 18.80 meters, but this figure is dismissed since it would correspond to a unit length significantly larger than 62 cm.

According to the manuscript, the domed chamber corresponds to thirty (30) grid units. Dividing these measurements by 30 results in an approximate unit value ranging from 0.602 to 0.606 meters (60.2 to 60.6 cm).

Manukovsky also emphasized the figure of 60.6 cm, although unfortunately, the maps referenced in his sources were never published. Bulatov, on the other hand, confirms the value of 18.18 meters in his plans.

Therefore, the value of both measurements corresponds to:

1) 30 *Gaz* equals: 18.2 meters

Thus: 2) The *Gaz* used in the design and construction of the building is: $18.2/30 = 0.606$

1) 30 *Gaz* equals: 18.06 meters

Thus:

2) The *Gaz* used in the design and construction of the building is: $14.6/24 = 0.608$

Conclusion

This estimated measurement corresponds closely with the values presented by researchers such as Diyanat (1373/1994) and Imam Shushtari (1339/1960), who have identified the *gaz-e solṭānī* or *gaz-e hāshimī* as ranging between 60 and 62 centimeters. Furthermore, similar values are cited in sources such as *Hendese-ye 'amali* by Harawī Heyvī (839 AH / 1435 CE).

This numerical correlation reinforces the credibility of historical sources and indicates that a relatively standardized system of measurement was in use during the Timurid period. Such a system likely played a key role in ensuring consistency and coherence in architectural scale. Adherence to this system, alongside the highly organized spatial layout, may be considered a hallmark of the remarkable precision observed in the architectural design and execution of this era.

This study, focusing on the role of numbers, measurement, and mathematics in architecture, has provided a detailed analysis of one of the most distinguished periods in Islamic architecture – the Timurid era – during which geometry and mathematical systems were prominently employed.

The Mausoleum of Khoja Ahmad Yasawi was selected as a well-documented case study to extract and analyze its measurement grid, thereby enabling an exploration of the standard unit of measurement (*gaz*) used during the Timurid period.

The findings indicate that a numerical system based on six-fold modularity was applied in the design of the domed chamber. This numerical order is not only evident in the macro scale but also traceable in smaller architectural elements such as portals, where the number three served as a basic and repeatable module. The geometric regularity and proportional design suggest a sophisticated mathematical framework that enabled modularity, scalability, and spatial harmony.

Through the division of the plans into a chessboard grid and the comparison of their structural span, the approximate value of one *gaz* was calculated to be 0.606 to 0.608 meters. This figure closely matches historical records referring to the *gaz-e soltānī* and mathematical treatises from the Timurid era, such as *Practical Geometry (Hendese-ye 'amali)* by Harawī Heyvī.

This numerical correspondence confirms the existence of a coherent and standardized system of measurement in Timurid royal architecture, which likely played a crucial role in achieving consistency of scale and structural unity. Ultimately, this study suggests that measurement in Timurid architecture was not merely a technical tool but an integral part of the architectural language – reflecting an intellectual approach to design that bridges mathematical knowledge and spatial expression in Islamic architectural tradition.

References:

- ʿAbd al-Lī Ashtīānī, A. (2018). Numbers, Quantities, and Fractions in the Manuscript of Al-Murshid fi al-Ḥisāb. Majlis Library, Museum, and Document Center.
- ʿĪsawī, C. (1983). History of Iran's Economic History (Qajar Era 1215–1332 AH) (Trans. Y. Āzhand). Tehran: Gustar.
- al-Said, I., & Pārmān, Āyisha. (2009). Geometric Patterns in Islamic Art. Soroush Publishers.
- Bāmaniān, M. R. (2002). Introduction to the role and application of Peymoon in Iranian architecture. Modares-e Honar, 1st edition, Autumn Issue 1.
- Blair, S. & Yalom, J. M. (2002). Islamic art and architecture in Iran and Central Asia during the Ilkhanid and Timurid periods (Vol. 1, Trans. M. Mūsamī Hāshimī Galpāygānī). Tehran: Ministry of Culture and Islamic Guidance.
- Bonner, J. (2021). Islamic geometric patterns: Historical development and traditional construction methods (Trans. A. Nezhād Ibrāhīmī & A. Azizpūr Shūbī). Tabriz Islamic Art University Press.
- Bonner, J., & Kaplan, C.S. (2017). Computer Algorithms for Star Pattern Construction. In Islamic Geometric Patterns. New York, NY: Springer New York.
- Bulatov, M.S. Geometricheskaya garmonizatsiya v arhitekture Srednej Azii IX–XV vv. (Geometric harmonization in the architecture of Central Asia of the IX–XV centuries). Mosk. Nauka 1988: 1–362. Available online: <http://science.totalarch.com/book/0112.rar> (accessed on 10 November 2022).
- Diyyānāt, A.H. (1988). Historical Dictionary of Measures and Values. Vol. 1: Weights and Scales. Tabriz: Nima Publishing.
- Ebrahimi, A.N., & Tooranpoor, M. (2022). Geometry and Mathematics in Timurid Architecture: A Historical Overview.
- Fārābī, M. b. M. (2010). Iḥṣāʾ al-ʿUlūm (Trans. H. Khadīyūjam). Tehran: Scientific and Cultural Publishing. Fourth Edition.
- Faraqandust Haqqiqī, K., & Lailī, Y. (2006). Weights and Measures in Ancient Iran. Tehran: Bāztāb.
- Farshchiān, A. H., Nezhād Ibrāhīmī, A., & Qara-Baglū, M. (2021). Understanding Geometry in the Formation of Architectural Buildings from the 4th to 11th Century AH. Doctoral Dissertation, Islamic Architecture, Islamic Art University of Tabriz.
- Ghazālī, M. b. M., Hāfiẓ Irāqī, Abd al-Raḥīm b. Husayn, Aydrūs, Abd al-Qādir b. Shaykh, & Aydrūs, Abd al-Qādir b. Shaykh. (n.d.). Iḥyāʾ ʿUlūm al-Dīn (Vol. 1). [Place Unkown]: Dār al-Kitāb al-ʿArabī.
- Hāji ʿAlī Asgar, N., & Momenī, K. (2017). The manifestation of the number four in the architectural design of fire temples in Iran. Architecture and Urbanism: Ārmān Shahr.
- Ḥasan b. ʿAlī. (691 AH). Al-Murshid fi al-Ḥisāb (manuscript). Majlis Library, registration number 21852.
- Heravī Hīwī, M. b. M. b. Qawām Qāzī al-Ishtānī. (839 AH). Mukhtaṣar fi Qawāid Ilm al-Ḥisāb wa al-Misāḥah. Manuscript, Majlis Library.

Ibn Akhfānī, M. b. Ibrāhīm, 'Umar, 'Abd al-Mun'im Muhammad, and 'Abd al-Rahmān, A. Ḥilmī. (1990). *Irshād al-Qāṣid ilā Asnā al-Maqāṣid fī Anwā' al-'Ulūm*, Vol. 1. Cairo, Egypt: Dār al-Fikr al-'Arabī.

Jowanmardī, F., Malāzādeh, K., & Mohammadiān Maṣṣūr, S. (2019). A study of the Peymoon system in Achaemenid architecture: Case study of the Apadana and Hundred Columns Palace. *Iranian Archaeological Research (Archaeological Journal)*.

Maqrīzī, A. b. Alī, & Abd al-Masmār, S. b. Ḥalīl. (n.d.). *Al-Awzān wa al-Akīyāl al-Shar'iyah* (Vol. 1). Beirut, Lebanon: Dār al-Bashā'ir al-Islāmīyah.

Mawardī, Alī b. Muhammad. (n.d.). *Al-Aḥkām al-Sultānīyah* (Vol. 1). Cairo, Egypt: Dār al-Ḥadīth.

Muntazir, B., & Sultān Zādah, H. (2018). The Reflection of Regular Pentagons in Geometric Patterns of Islamic Architecture in Iran. *Islamic Art Studies*.

Nezhād Ibrāhīmī, A., & Tūrān-Pūr, M. (2021). A Study of Geometry Applied in the Ghiyāthiyah School of Khorgird with Emphasis on the Practical Geometry of Abū al-Wafā Būzjānī. *Journal of Architecture and Urbanism*, Summer, Issue 31.

O'Kane, B. (2007). *Timurid architecture in Khorasan* (Trans. A. Akshīnī). Mashhad: Islamic Research Foundation.

Pirniyā, H. (1962). *History of Ancient Iran*. Tehran: Jibī Publications.

Rashīd al-Dīn Faḍl Allāh & Yān, K. (1940). *The Blessed History of Ghāzān* (Vol. 1). Hertford, England: Stephen Austin.

Rebstock, U. (1992). *Rechnen im islamischen Orient*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.

Schimmel, A. M., and Tūfiqī, F. (2011). *The Secret of Numbers*. Qom, Iran: University of Religions and Denominations.

Sharaf al-Dīn Alī Yazdī. (2007). **Zafarnāmah** (edited and researched by S. S. Mīr Moḥammad Sādiq & Abd al-Ḥusayn Navā'ī). Vol. 2. Tehran: Majlis Library, Museum, and Document Center.

Ṭāhirī, J. (2009). *Introduction to the Study of Mathematics in Islamic Architecture* (Doctoral Dissertation).

Ṭāhirī, J., & Nadīmī, H. (2014). The Hidden Dimensions of Islamic Architecture in Iran. *Safah*. 24(2): 5–24.

The Books of the Friday Mosques of Ganchnāmah (2004).

Umsted, A.T. (1978). *History of the Achaemenid Empire* (Trans. M. Muqaddam). Tehran: Amir Kabir.

Vahrām, G.R. (2021). *Books on Weights and Measures in Contemporary Times: A Dissertation on the Scale of Weights, Quantities, and Other Measurements*. Tehran: Tāhūrī.

Wilber, D., & Glumbek, L. (1995). *Timurid Architecture in Iran and Turan* (Trans. M. Yūsuf Kīānī). Tehran: Cultural Heritage Organization of the Country.

Zāt Allāh Nikzād, (2023). The Emergence of Mosques in Yazd: Re-recognition of the Architecture of Early Mosques in the Yazd Region. *Journal of Architecture in Hot and Dry Climates*. 11(17): 1–24. Retrieved from magiran.com/p2640895.

ЧИСЛОВЫЕ И ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ В ЭПОХУ ТИМУРИДОВ: НА ПРИМЕРЕ КУПОЛА МАВЗОЛЕЯ ХОДЖИ АХМЕДА ЯСАУИ

Махья ТУРАНПУР¹

Ахад Неджад ЭБРАХИМИ²

¹*PhD кандидат в области исламской архитектурной инженерии
Тебризский исламский университет искусств, Тебриз, Иран
em_tooranpoor@yahoo.com*

²*Профессор архитектуры и градостроительства,
Тебризский университет исламских искусств, Тебриз, Иран
ahadebrahimi@tabriziau.ac.ir*

Аннотация. Число и измерение являются фундаментальными принципами архитектуры – инструментами, которые архитекторы тщательно использовали на всех этапах – от проектирования до строительства – с целью достижения пространственной гармонии и пропорции. Отражения этих концепций встречаются в исторических текстах под названиями *ḥiyāl ‘adadiyya* (числовые техники) и *ḥiyāl handasiyya* (геометрические техники).

В данном исследовании внимание сосредоточено на анализе исторических источников и извлечении архитектурных данных, связанных с мавзолеем Ходжи Ахмеда Ясауи – одним из наиболее выдающихся памятников эпохи Тимуридов, отличающимся архитектурной цельностью и богатой источниковой базой. Работа основана на описательно-аналитическом подходе с сопоставлением текстовых источников – в особенности Зафарнаме Шараф ад-Дина Йазди – с подробными архитектурными планами.

Анализ купольного зала выявляет доминирующую числовую систему, основанную на кратных шести, при этом число три выступает в роли модульной единицы в меньших архитектурных элементах. При наложении сетки на план было установлено, что приблизительная единица измерения – газ – равна 0,606 метра, что близко к историческим определениям тимуридской системы измерений. Это открытие подтверждает наличие стандартизированной системы измерений в архитектуре Тимуридов и позволяет проводить сравнительный анализ с аналогичными сооружениями в Иране. В итоге статья исследует, как геометрия, число и архитектурная память пересекаются в мемориальной архитектуре Тимуридов.

Ключевые слова: Число и измерение, *ḥiyāl ‘adadiyya* (числовые техники), мавзолей Ходжи Ахмеда Ясауи, рукописи, исламская архитектура.

COMPARATIVE STUDY OF HYPOTHETICAL DESIGNS OF THE RAB-E RASHIDI AND ITS BED MORPHOLOGY AFTER GEOPHYSICAL STUDIES AND EXPLORATIONS UNTIL 2025

Samineh NIKPOUR ¹ (ORCID ID 0009-0004-7385-6077)

Ahad Nejad EBRAHIMI ² (ORCID 0000-0001-6025-1942)

¹*Master student of Historical Buildings and Sites Restoration Tabriz Islamic Art University
Tabriz, Iran*

em_tooranpoor@yahoo.com

²*Prof., Architecture and Urban Planning, Tabriz University of Islamic Arts
Tebriz, Iran*

ahadebrahimi@tabriziau.ac.ir

Abstract. Rab-e Rashidi, a center for the exchange and research of science and art, was founded during the rule of the Mongol Ilkhanate (14th century AD) by the scholarly minister, «Rashid al-Din Fazlullah Hamedani». This huge complex, which was planned and built on the slopes of Mount Sorkhab in the northeastern region of Tabriz, according to Rashid al-Din, covered an area of several dozen hectares.

Regarding the nature of Rashidi city, a valuable book called Rab-e Rashidi Endowment Book has survived, which, in addition to the ideological issues of the time, provides the reader with insightful information about the spatial connections of this city. This document, in turn, has been a source for Iranian and non-Iranian researchers to present different perceptions and interpretations, as well as hypothetical plans, because today, apart from a limited number of archaeological excavations that have reached the Ilkhanid period at a depth of 3–6 meters and a geophysical map in 2019, there is no evidence of this precious pearl.

Considering the aforementioned cases and also with the help of a collection of excavation reports in the Rab-e Rashidi, aerial photos, the route of the qanats, environmental studies, as well as old books and travelogues, this study has reached two options regarding the location of the urban elements of Rashidieh and another option regarding the location of the gardens of the complex, in order to conduct a comparative study of the hypothetical plans and the morphology of the site of its formation, with a reasonable criterion.

Keywords: Rab-e Rashidi, local morphology, hypothetical designs, new perspectives.

РАБ-Э РАШИДИДІҢ ГИПОТЕТИКАЛЫҚ ЖОБАЛАРЫ МЕН 2025 ЖЫЛҒА ДЕЙІНГІ ГЕОФИЗИКАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР МЕН ҚАЗБА ЖҰМЫСТАРЫНАН КЕЙІНГІ ОРНАЛАСУ МОРФОЛОГИЯСЫНЫҢ САЛЫСТЫРМАЛЫ ТАЛДАУЫ

Саминех НИКПУР¹, Ахад Неджад ЭБРАХИМИ²

*¹Тарихи ғұмараттар мен нысандарды қалпына келтіру мамандығының
магистранты, Тебриз Ислам өнері университеті, Тебриз, Иран
Тебриз, Иран*

sa.nikpour@tabriziau.ac.ir

*²профессор, Саулет және қала құрылысы,
Тебриз Ислам өнері университеті
Тебриз, Иран*

ahadebrahimi@tabriziau.ac.ir

Аңдатпа. Раб-э Рашиди – ғылым мен өнер алмасуы мен зерттеуінің орталығы – моңғолдық Елхан мемлекетінің билігі кезінде (XIV ғасыр) ғалым және уәзір Рашид ад-Дин Фазлуллах Хамедани негізін қалаған кешен. Бұл ауқымды кешен Тебриз қаласының солтүстік-шығысындағы Сурхаб тауының етегінде салынған және Рашид ад-Диннің айтуынша, ондаған гектар жерді қамтыған.

Рашидие қаласының сипаты туралы маңызды дереккөз – «Раб-э Рашиди Вакуфтық кітабы» сақталған. Бұл кітап сол дәуірдің идеологиялық мәселелерімен қатар, қаланың кеңістіктік байланыстары туралы құнды мәліметтер береді. Бұл құжат ирандық және шетелдік зерттеушілер үшін әртүрлі түсіндірулер мен гипотетикалық жобалар жасауға негіз болды. Өйткені бүгінгі таңда елхандық кезеңге жататын 3–6 метр тереңдіктегі шектеулі археологиялық қазбалар мен 2019 жылғы геофизикалық картадан басқа ешқандай нақты дәлелдер жоқ.

Осыған байланысты және Раб-э Рашидидегі қазба есептері, әуеден түсірілген фотосуреттер, қаңат арналарының бағыты, қоршаған орта зерттеулері, сондай-ақ көне кітаптар мен сапар жазбалары негізінде бұл зерттеу Рашидие қаласының кейбір элементтерінің орналасуы бойынша екі нұсқа мен кешеннің бақтарының орнына қатысты бір нұсқаны ұсына отырып, гипотетикалық жоспарлар мен оның қалыптасу морфологиясына салыстырмалы талдау жүргізеді.

Түйін сөздер: Раб-э Рашиди, жергілікті морфология, гипотетикалық жобалар, жаңа көзқарастар.

Introduction

Rab'-e-Rashidi, known as a pioneer in scholarly, research-oriented, and industrial urban planning, was founded by the distinguished minister Rashid al-Din Fazlullah Hamadani during the Mongol rule over Iran (late 13th to early 14th century CE). Built on the slopes of Mount Surkhab in northeastern Tabriz, this complex remained active for over a century. Though now reduced to mounds of earth, historical evidence indicates the site spanned hundreds of hectares.

The most reliable records for understanding the extent and configuration of Rab'-e-Rashidi come from Rashid al-Din himself – particularly the Waqf Deed and his letters, such as Letter No. 51, where he writes:

«...In it [Rab'-e-Rashidi], we constructed twenty-four grand caravanserais as lofty as palaces, 1,500 shops, and 30,000 charming homes... We built pleasant bathhouses, caravansarays, mills, textile workshops, paper and dyeing factories, mints, and more. We brought groups of people from every city and region and settled them in the mentioned quarter...».

Such statements, alongside details about livestock endowments from diverse regions (Rome, Baghdad, Shiraz, Tabriz, Isfahan, and more), highlight the scale and economic vision of the city. Its educational, industrial, and charitable activities created a vibrant scientific metropolis.

This study seeks to compare researcher's hypothetical urban plans with the actual morphological characteristics of the northeastern region of Tabriz. The goal is to arrive at a more reliable picture of Rab'-e-Rashidi's layout that can guide future archaeological and restoration efforts. Historical travelogues and existing scholarly research and the Geophysics map of the existing site are used to support this comparative analysis.

Figure 1. Rab-i-Rashidi Tabriz in 20 century (Pourhosein khounigh archives).

Research Methodology

Given the close correlation between the physical form of a city and its natural topographic setting, what could have been the spatial arrangement of Rab'-e-Rashidi's urban elements? In other words, following the 2019 discoveries in the historical site of Rab'-e-Rashidi (achieved through a interpretation of magnetic data of geophysical prospecting and measurement technology approach by a German archaeological team) new perspectives emerged regarding the configuration and morphology of the Rab'-e-Rashidi complex. In this article, wall remnants were identified at an approximate depth of three meters, offering substantial insights. Hence, the core research question arises:

If the uncovered walls date back to the Ilkhanid period, what would have been the spatial form of the city of Rab'-e-Rashidi? And if these walls belong to later periods such as the Ottoman or Safavid era, how would the shape and orientation of the Rashidi city be interpreted?

This inquiry aims to establish its theoretical framework by reviewing previous scholarly hypotheses regarding the likely layout of Rab'-e-Rashidi or its fortress, and comparing them with recent findings. These include documented traces of historical wall remnants and foundations discovered at a depth of about 3 meters through a five-channel gradiometer as part of a 2019 Geophysics Survey conducted in collaboration with the University of Bamberg, Germany.

The methodology of this research is descriptive-analytical, incorporating field surveys, archival and library research, and a comparative analysis of new archaeological data. The aim is to reconstruct and interpret both the existing and potential architectural layers of this ancient heritage complex, particularly in relation to the natural terrain and urban form.

Numerous articles and hypotheses (both domestic and international) have addressed the possible layout of Shahrestan-e Rashidi (Rashidi City). However, what distinguishes the present study is its novel exploration of how recent archaeological discoveries impact the organic and morphological hypothesis regarding the Rashidi Rampart and the Rab'-e-Rashidi complex. This aspect has received limited scholarly attention to date, making it a central innovation of this research.

Research Significance

In efforts to rehabilitate and revive the architectural heritage of the Rab'-e-Rashidi complex, neglecting the insights offered by cutting-edge technological discoveries would constitute a critical and irreversible oversight; leading to further loss of spatial coherence and interpretability.

Hence, focused engagement with the geophysical survey data—specifically the subsurface architectural traces revealed at a depth of three meters—is of particular importance. Integrating these newly uncovered architectural lines into the broader framework of urban reconstruction holds significant potential for the development of comprehensive urban revitalization plans and can contribute to a more informed path toward sustainable heritage development.

Literature Review

Rashid al-Din Fazlullah, the founder and endower of this massive residential-academic town, described the location of the Rab'-e-Rashidi complex in his letters as being on the slopes of a mountain. He wrote:

«In the month of Muharram in the year 710 AH (1310 CE), water from Saravrud – which had previously gone to waste – was diverted through a canal that excavators dug from that source to Mountain slope and Rab'-e-Rashidi. This excavation took several years of great effort. Each district was then supplied with running water. The construction was carried out on Mountain slope, known as Rab'-e-Rashidi, a truly prosperous city and comparable only to Soltaniyeh. No other city had such architecture...».

Unfortunately, this valuable complex became the victim of political scheming by a vizier and religious fanaticism. Over the years, its physical remains faded away. Nader

Mirza, a learned Qajar-era prince and author of *The History and Geography of Tabriz*, who visited the site, wrote:

«When I was in Tabriz in 1257 AH (1841 CE), many remnants still existed on the slope of Mount Surkhhab; made of brick and plaster. My peers and I used to visit the area for leisure... There were halls and arches, most adorned with muqarnas, and stones carved uniformly into the foundation walls. The locals of Tabriz called it 'Rashidiyeh'... But by 1264 AH (1848 CE), nothing remained except pits dug for extracting bricks and stones, and the foundation of a large tower on a mound overlooking the Baghmisheh neighborhood» (Nader Mirza, 1994: 143).

In another passage, he added: «This structure stood to the north of Tabriz. Constructed with brick, stone, and pure lime, it was sturdy and stable...» (Nader Mirza, 1994: 145).

An anonymous Venetian merchant, who visited Tabriz around 1507 CE (912/913 AH), described a structure in eastern Tabriz as follows

«Tabriz also has a beautiful citadel located on a hillside in the east of the city, but it is uninhabited. Except for a grand palace, it has no rooms. Part of this palace is carved into the hill itself, which is truly astonishing... It is very tall and appears to be solid mass... Moving ahead, one encounters a narrow corridor with many small rooms, leading to a large hall whose many windows open toward the city. From this elevation, one can see not only the city but also surrounding villages, mountains, hills, and expansive plains up to twenty miles away. The hall that faces the city has thick walls, and the columns were clearly erected for aesthetic effect...».

The key takeaway from these accounts is the deliberate spatial placement of structures on steep and semi-steep slopes in the northeastern highlands of Tabriz.

Regarding the planning and construction of Rab'-e-Rashidi, numerous accounts indicate that Rashid al-Din consulted extensively with engineers and architects of his time, holding long discussions before approving any design. However, the way in which he harmonized material and spiritual ideals in his urban vision; elevating this city to a level comparable with Farabi's utopia, remains a rich subject for further investigation beyond the scope of this article.

In terms of archaeological research, the first formal excavation in this area was conducted in 1969 by Professor Wolfram Kleiss. Later, the Iranian Cultural Heritage Organization initiated excavations and test trenches under the supervision of Laleh Roohangiz in 2006 (Ayorloo, 2020).

From 2017 (1396 SH) onward, archaeological efforts were revitalized under the framework of the international Rab'-e-Rashidi project (Roushan & Ayorloo, 2018; Jamshidi Ghalehdari & Ayorloo, 2023; Ayorloo & Moradi, 2020; Ayorloo, 2017–2020; Fuchs & Ayorloo, 2023; Lorain et al., 2023).

One significant outcome of these excavations was the identification of a cistern located on the southeastern hilltop, which had previously been mistaken for a mosque in 2007 (Ayorloo, 2017, 2018).

Transformations and Critical Review of Prior Reconstructions

It has now become clear that during the 10th century AH (16th century CE), Rab'-e-Rashidi was converted into an Ottoman military garrison. Notably, Sinaan Pasha, an Ottoman commander, constructed a large tower at the site (Ayorloo & Moradi, 2020).

Furthermore, in the 11th century AH (17th century CE), Sultan Murad IV of the Ottoman Empire bombarded the site of Rab'-e-Rashidi (Ayorloo et al., 2017–2020).

In the field of Ilkhanid architecture and urban planning, the spatial organization of the Rashidiya complex has also drawn attention from several modern scholars, both Iranian and international.

Among the earliest was Donald N. Wilber (Wilber, 1986 [1365 SH]), whose fieldwork and descriptions of the Rashidiya township were pioneering and valuable. However, due to limited access to written historical sources, Wilber mistakenly identified the present-day fortress site as the entirety of Rab'-e-Rashidi, and drafted a general site map which lacked detailed architectural elements.

Subsequent researchers such as Sheila Blair (1999 [1378 SH]), Ahmad Saeednia (2000 [1379 SH]), and later Azita Belali Askouei and colleagues (2010 [1389 SH]) also conducted studies on Rab'-e-Rashidi. These studies attempted to reconstruct the Rab' and the Rawdah on the current site based largely on descriptions from the Waqf Deed.

However, a closer analysis of the Waqf Deed, along with comparative examples from the 7th–8th centuries AH / 13th–14th centuries CE, and especially the 2019 Geophysics Map, has cast significant doubt on the accuracy of those reconstructions. The newly uncovered subsurface structures challenge the previously proposed schematic layouts, suggesting the need for a broader and more topographically responsive understanding of the site.

Existing Layers of the Rashidi Rampart

It appears that the urban layout of the Rashidi complex (including the orientation of buildings and street networks) was logically guided by environmental considerations. These include topography, slope gradients, desirable winter sunlight, prevailing wind patterns, the qanat network and water distribution channels (which themselves follow the land's natural contours), as well as the direction of the Qibla, seasonal streams (masils), and other geographic factors. Together, these elements likely shaped the road network, building orientations, and spatial distribution of structures in Shahrestan-e Rashidi, Rabaz-e Rashidi, and beyond.

A. Meteorology and Climate:

The prevailing winds blow favorably from the northwest, and due to a 40-degree rotation toward the southwest, they help provide ideal winter solar gain. These factors combined create an optimal setting for the establishment of Shahrestan-e Rashidi.

B. Slope:

According to historical topographic maps of Tabriz and aerial photographs from 1956 (1335 SH), a general slope of 25% to 35% covers more than half of the presumed study area.

C. Landform:

From a geomorphological perspective, the area is classified as a plateau zone, rather than a plain or semi-plain. The region has a northeast-to-southwest slope, which is also aligned with the Qibla direction, an important factor in Islamic urban design.

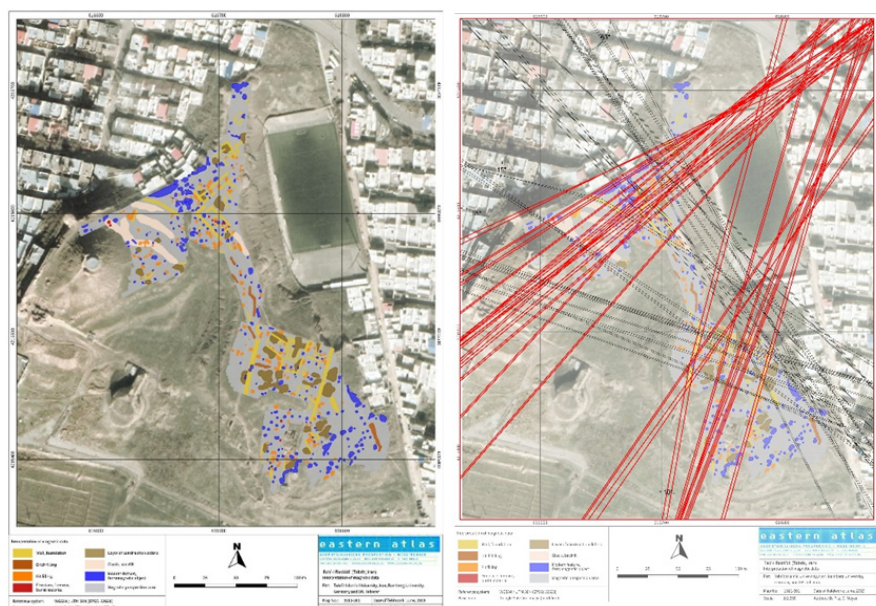

Figure 2. (left) Geophysics Survey (University of Bamberg, Germany, 2019) and (right) the Analysis of the angles of the exposed wall works in relation to geographical directions (Authors' Archive).

D. Physiographic Classification:

The elevation ranges from 1,400 to 1,500 meters across the entire area under study, with some parts in the northern section estimated to rise up to 1,700 meters above sea level.

E. Ecological Zones:

The site offers significant scenic and visual value with respect to Tabriz of that era. For example, Marco Polo famously described the Mountains of Surkhab as a natural amphitheater facing the city of Tabriz (Marco Polo, 2002: 74).

Other ecological components include the slopes of Mount Oun ibn Ali, the Mehranrud River, and Bilan Kouh to the south, all of which are part of the broader ecological domain of the area.

Like many Iranian cities, Tabriz experienced slow urban morphological changes until the Qajar era. The earliest reliable map of Tabriz and its surroundings was drawn by Russian military forces in 1827 CE (1243 AH). Though it belongs to the Qajar period, its military objective meant that it did not document urban planning details. Therefore, this study uses that map in conjunction with the oldest available aerial photo (1956/1335 SH) as a base to derive reliable and evidence-based conclusions.

Hypothesis on the Spatial Configuration of Rab'-e-Rashidi

Based on the findings of this study (particularly the influence of topographical contours and water distribution networks on the formation of Rab'-e-Rashidi) it can be argued that, at the urban scale, any hypothesis grounded in a grid-like layout with orthogonal

walls fundamentally contradicts the environmental and contextual logic of the site. Such models represent a non-adaptive interpretation of spatial planning.

Both domestic and international hypotheses concerning Rab'-e-Rashidi face challenges when assessed against the actual geographical and environmental context of the site. This is due, in part, to the inherently multifaceted interpretations of historical texts, and more importantly, the strategic intellect of Rashid al-Din himself in matters of urban planning and management. It is implausible to assume that such a visionary ignored the guiding patterns offered by the land and nature.

In other words, when the sacred components of Rab'-e-Rashidi – such as the mausoleum, the Rawdah, and other endowment-related structures – are envisioned as situated on the mountain slope in the northern part of the city, the resulting identity is vastly different from a layout in which they are centrally located on flat ground adjacent to all administrative units.

The spiritual and qualitative essence conveyed by the Waqf Deed, aligned with Islamic ideology, presents a much richer interpretation than a purely quantitative or mechanistic urban design model. This opens the field to diverse interpretations and subjective scholarly perspectives, which explains why multiple hypothetical reconstructions of Rab'-e-Rashidi exist; rather than a single, definitive one.

Furthermore, considering that part of the city – as previously noted – was built on mountain slopes and elevated terrain, and recognizing the flow of seasonal streams and circulation paths, along with Rashid al-Din's renowned intellectual precision, it is highly probable that he envisioned an organic and topography-responsive urban layout. Such an approach would ensure the intergenerational transmission of his philosophical and architectural vision.

Hypothetical designs

Donald N. Wilber identified the remaining structure of the Rashidi Rampart as the site of Rab'-e-Rashidi, and published his findings in a joint article with Professor Mojtaba Minovi. This foundational assumption registering the fortress as the actual location of Rab'-e-Rashidi became widely accepted and cited in later studies (Wilber et al., 1938: 247).

Following this approach, Professor Sheila Blair, relying on the contents of the Waqf Deed and incorporating Wilber's map, recreated a plan of Rab'-e-Rashidi situated entirely within the bounds of the fortress. She subsequently published her findings (Blair, 2008: 481).

However, a careful examination of Wilber's original map and Blair's revised version reveals that the map was inverted, with the north and south directions mistakenly swapped. This error was likely due to Blair's lack of on-site investigation. It is clear from her work that she attempted to fit all of the spaces described in the Waqf Deed into the confined area of the fortress (Figure 3), an effort akin to building on a mismatched foundation. In Blair's map, the Dar al-Shifa (hospital and medical school) is positioned at the highest elevation within the site. However, archaeological studies and excavations have shown that this elevated and limited location actually corresponds to the fortress's watchtower (Roohangiz, 2006: 449).

Moreover, the large number of facilities and structures described in the Waqf Deed could not realistically fit within the uneven and restricted area of the Rashidi Rampart. The spatial demands of the Rawdah (central compound) and its extensive installations make such a placement implausible and physically impossible.

Later, Brigitte Hoffmann also conducted similar research, proposing a more comprehensive topographical map, which is reproduced in the present article. In her plan, sections of the wall and isolated towers are also drawn and labeled (Hoffmann, 2000: 115).

Further Reflections on the Spatial Feasibility of Rab'-e-Rashidi in the Fortress

In her reconstruction, Brigitte Hoffmann referred to the mentioned fortress as Rab'-e-Rashidi and redrew several of its towers as circular and separate structures (see Figure 3).

According to Rashid al-Din Fazlullah Hamadani, in his book *Abwab al-Bar* (The Gates of Virtue), the central organizing element of Rab'-e-Rashidi was the *Rawdah* (central courtyard or sacred enclosure).

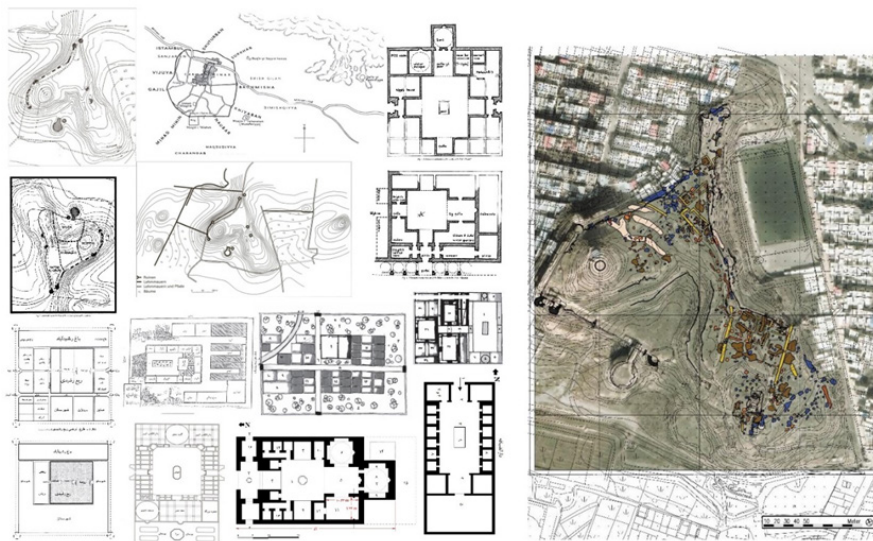

Figure 3. All Hypothetical designs of Iranian and non-Iranian researchers
(Authors' Archive).

Around this central space, numerous facilities were established, including:

The dome or mausoleum of Rashid al-Din himself

Library (Bayt al-Kutub)

Summer and winter mosques

Khanqah (Sufi lodge)

Dar al-Shifa (hospital and medical school)

Sarabestan (water hall or garden structure)

Treasury

Storehouses and bathhouses

Administrative headquarters of the superintendent

These and other architectural components of the Rab'-e-Rashidi complex were arranged around the Rawdah to form a comprehensive and functional urban system (Hamadani, 1356 SH / 1977 CE: 133 & 1421 AH / 2000 CE).

However, aerial photography of the fortress shows that the topographical conditions of the site make it virtually impossible to accommodate the spatial and architectural features described by Rashid al-Din within the confines of the current fortress plateau.

Local morphology

The urban form of Rab'-e-Rashidi was shaped in close harmony with its topographical setting on the slopes of Mount Surkhab. Rashid al-Din describes the meticulous construction of irrigation channels from the mountain to various neighborhoods within the city. He noted that in the year 710 AH (1310 CE), significant efforts were undertaken over several years to dig channels and supply fresh water throughout the settlement.

European travelers such as Marco Polo and anonymous Venetian merchants also noted the presence of a grand architectural complex east of Tabriz, located on elevated terrain, partially carved into the hillside. They described the stunning views over the city, the tall stone buildings, narrow corridors, and vaulted halls that opened toward the city and the surrounding plains –confirming the strategic and symbolic positioning of the site.

Unfortunately, the grandeur of Rab'-e-Rashidi was gradually lost due to political conspiracies and opposition from conservative factions. By the Qajar era, as described by Nader Mirza, most of the structures had disappeared, leaving only fragments of walls and foundations. The remaining traces – such as a hill near Baghmisheh with buried foundations – attest to the site's once-monumental presence.

To identify the accurate location, historical maps and remaining plans of the old city of Tabriz were first reviewed. Among the oldest is the set of drawings and maps by Jean Chardin, prepared during the reign of Shah Suleiman of the Safavid dynasty. Although his drawings clearly depict the location of Shanb-e Ghazan, they contain no representation of Rab'-e-Rashidi (Chardin, 1949; Shekari Neyri, 2005: 781).

In the 1827 CE map drawn by the Russians of Tabriz and its surroundings, while the topographical features of the Rashidi Rampart are somewhat visible, its name is not explicitly mentioned (Mehryar et al., 1999: 92). Among the most valuable resources from the Qajar period, two important maps explicitly label the site as «Qal'eh-ye Rashidiyeh» (Rashidiyeh Fortress): One is by Colonel Qarajedaghi, dated 1297 AH / 1880 CE, notable for its accuracy and considered the most reliable map of the Qajar era. It marks the site as «a hill known as Rashidiyeh Fortress» (Fakhari Tehrani et al., 2006: 441).

The second is by Asadollah Khan Maraghaei, dated 1298 AH / 1910 CE, which also names the location «Qal'eh-ye Rashidiyeh» (Fakhari Tehrani, 2000: 178).

Another map, titled «Kharitah-ye Tabriz Dar Halat-e Enghelab» (Map of Tabriz During the Revolution), drawn in 1326 AH / 1908 CE, outlines the topography of the hill but does not include a name for it. This map shows the positioning of constitutional and governmental military forces on both sides of the Mehranrud River (Belilan Asl, 2014: 48).

A controversial point is that nearly all research, reconstructions, and conceptual redesigns of Rab'-e-Rashidi by scholars have been focused exclusively on the remains of the Rashidi Rampart. The first to propose this theory, along with a corresponding map, was Donald Wilber. Many researchers followed in his footsteps. The current authors also initially developed their hypotheses based on this assumption. However, midway through

their research, after encountering numerous contradictions, they revised their direction and proposed an alternative plan. Wilber had created a topographical map of the Rashidi rampart.

Feasibility Issues and Reconsideration of Rab'-e-Rashidi's Spatial Plan

The topography of the Rashidi Rampart effectively negates the possibility of it being the original site of Rab'-e-Rashidi as described in Rashid al-Din's writings. The authors of this study analyzed the architectural spaces mentioned in the Waqf Deed related to the Rawdah offering a conceptual visualization of the entire Rawdah structure.

In Chapter Sixteen of the Waqf Deed, 114 qanats with 161 branches are documented as part of the water management system of Rashidabad. Clearly, a single qanat would suffice for the drinking and irrigation needs of the small fortress area. The extensive network described indicates a much broader urban scale.

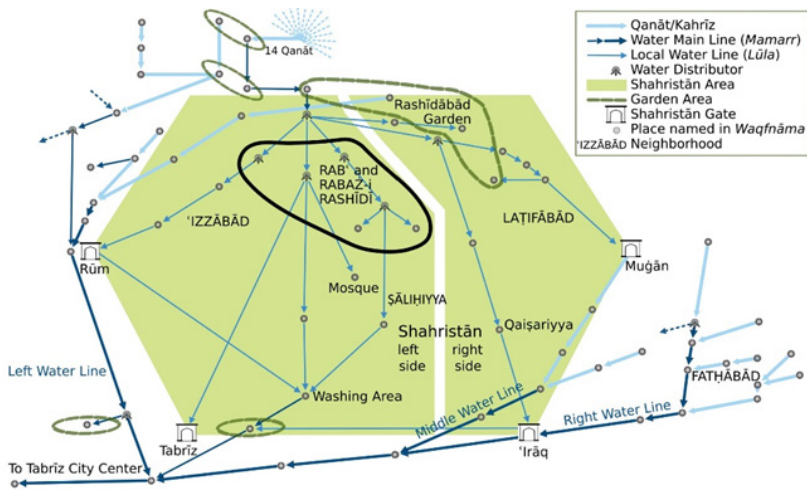

Figure 4. Schematic map of Rab-i-Rashidi water supply (University of Bamberg).

That same chapter also specifies the four main gates of the city of Rashidabad and their corresponding districts, indicating a well-developed urban structure. The four gates are named as follows:

- Gate of Moghan
- Gate of Iraq
- Gate of Rum (Byzantium)
- Gate of Tabriz (Hamadani, 1977: 204–215)

These gates and their associated neighborhoods form a large-scale urban complex that could never fit within the confined area of the existing fortress.

Significant issues have emerged in recent redevelopment efforts of Rab'-e-Rashidi, especially regarding reconstruction plans. Three of these issues directly reference the proposals by Sheila Blair and Brigitte Hoffmann as design foundations (Belali Askouei et al., 2009: 155 & 561).

Interestingly, while Blair was the first scholar to attempt a reconstruction of Rab'-e-Rashidi based on the Waqf Deed, and even published her proposal in the journal *Iran* (Blair, 1984: 67), her plan also incorrectly places the complex within the Rashidi Rampart.

Her article has since been translated and republished in Persian (Blair, 2008: 481). Furthermore, the use of tombstones and architectural stonework in the fortress's large tower (Figures 15 & 16) validates entries in *Alam Ara-ye Abbasi* and confirms the fortress's function and original identity as a military structure – not a scholarly urban complex.

Final Findings and Conclusion of the Study

The present research has clarified the overall layout of the Rashidi Rampart and revealed the incompatibility of proposed plans that place the entire Rab'-e-Rashidi complex within the current fortress boundaries. This study challenges dominant assumptions with substantial evidence.

Fortresses, by architectural convention, typically have no more than one gate – and Rashidi Rampart conforms to this norm. However, the Waqf Deed explicitly refers to four gates in Rab'-e-Rashidi, which confirms that the actual Rashidabad settlement was far more extensive than what could ever be accommodated in the current fortress site.

This research demonstrates that identifying the entire Rab'-e-Rashidi with the existing fortress is inaccurate. All historical documents – including the primary source of the Waqf Deed – suggest the presence of multiple fortifications in Rashidabad that have been overlooked. The current fortress is merely one of several fortresses built during Rashid al-Din Fazlullah's time, later rebuilt and reinforced during the Safavid era, as recorded in *Alam Ara-ye Abbasi*. That reconstruction likely contributed to the destruction of other parts of Rab'-e-Rashidi.

Thus, this fortress must be regarded as a small fragment of a much larger complex. Another major achievement of this study was tracing and reconstructing the complete layout of Rashidi Rampart. The architectural spaces, a diagram of the water supply system, and irrigation infrastructure of Rashidabad using Chapter Sixteen of the Waqf Deed – helping visualize the scale and grandeur of the original site, and moving toward a more accurate understanding of the city planned by Rashid al-Din.

This research has also provided a tentative identification of the locations and boundaries of Rab'-e-Rashidi and the Shahrestan district, laying the groundwork for future schematic maps that are closer to historical reality.

Importantly:

- Wilber's claim that Rab'-e-Rashidi was identical to Rashidi Rampart was rejected based on 181 pieces of evidence.
- Wilber had proposed the fortress's large tower as an observatory, but field studies and excavated findings, such as a dated tombstone from 1711 AH, indicated conflicting usage.
- Full mapping of the fortress and its topographic location revealed that the tower was part of the Safavid-era fortress, aligning with *Alam Ara-ye Abbasi* rather than Wilber's assumption.

The abundance of documented evidence validated the hypotheses of the current authors. They also corrected mapping inconsistencies found in contemporary cartography.

Finally, the number, size, and location of urban components were extracted from the Waqf Deed and translated into data tables, which were then used to generate maps and

visual models of the original site. One of the most important contributions of this project is that it presents a historically-grounded map, rather than relying on purely imaginative or speculative designs.

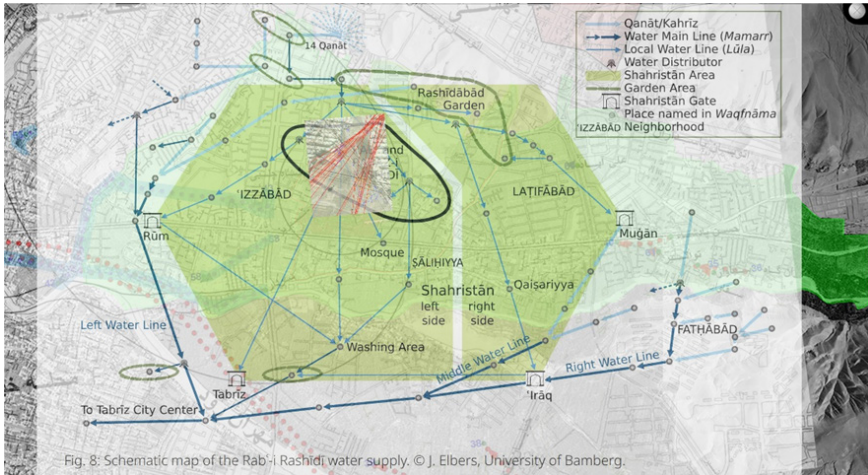

Figure 5. Overlapping of the geophysical map, water supply system, and route of Tabriz's aqueducts with an aerial photograph from 1335 AH, Rabe Rashidi (Authors' Archive).

The overlap of the geophysical map, the water supply system, the route of Tabriz's aqueducts, and the 1956 AH aerial photograph of Rab'e Rashidi will put the authors on a more correct path to finding the layout of urban elements and ultimately recreating Rab'e Rashidi and the several dozen-hectare Rashidi city, which requires further research to present reliable and fundamental hypotheses.

Conclusion

This study examined the contrast between the theoretical, grid-based model proposed by Ahmad Saeednia and the organic, topography-driven reality of Rab'-e-Rashidi's historical site. The analysis shows that any urban hypothesis relying on geometric regularity, such as a chessboard-style layout, fails to reflect the environmental realities and historical intelligence behind the site's original planning.

Rashid al-Din, known for his intellectual sophistication and administrative precision, would not have overlooked the critical influence of the mountainous terrain, flood paths, and elevation differences on spatial organization. His writings emphasize the importance of climate, clean water access, symbolic visibility, and the city's relationship with nature.

The sacred, scholarly, and strategic elements of Rab'-e-Rashidi – especially the placement of the Rab' on elevated terrain – illustrate a deliberate morphological logic. Any alteration in its position would significantly alter its identity and functional coherence. Thus, this research advocates for a historically and environmentally grounded interpretation over schematic or militarized layouts.

While Saeednia's hypothesis serves as an initial framework for conceptualizing the city, it should be re-evaluated in light of newer evidence: aerial photography, qanat maps, archaeological trenches, and the descriptive richness of the Waqf Deed. The city appears to have embraced organic urbanism, mirroring patterns seen in contemporaneous examples such as Soltaniyeh.

References:

- Esfahanian, D. (2009). Report on the Rab'-e-Rashidi Scientific Complex. In: Collected Papers on Rashid al-Din Fazlullah and Rab'-e-Rashidi, Volume I. Author-published.
- Belali, A.A. (2008). Recreation and Conceptual Design of the City of Rab'-e-Rashidi Based on Historical Texts (Waqf Deed). M.A. Thesis.
- Habibi, S.M. (2008). From Shar to Shahr. University of Tehran Press.
- Hashemi, S.M. (2009). History of Water in Tabriz. Sotoudeh Publishing.
- Rahnamaye, Sh. (2003). Eng. Nasser. Tabriz: An Ancient Historical City. Author-published.
- Roohangiz, L. (2006). Excavation Reports of Rab'-e-Rashidi.
- Mehryar, M. (2002). Visual Documents of Iranian Cities. University of Tehran and Cultural Heritage Organization.
- Morris, J. (2002). History of Urban Form until the Industrial Revolution, Volumes I-II. Translated by Dr. Razieh Rezazadeh. Fajr Tose'eh Consulting Engineers.
- Omrani, B. & Hossein E. (2006). Historical Texture of Tabriz. Miras Ketab.
- Esmaili S.H. & Behrooz O. (2008). History and Architecture of Tabriz Bazaar. Sotoudeh Publishing.
- Careri, G. (1969). Travelogue of Gemelli Careri. Translated by Dr. Abbas Nakhjavani & Abdolali Karang. East Azerbaijan Department of Culture and Arts.
- Fazlullah, H. (1957). Rashid al-Din. Waqf Deed of Rab'-e-Rashidi. Edited by Mojtaba Minavi and Iraj Afshar. National Heritage Association Publications.
- Fazlullah, H. (2004). Rashid al-Din. The Life of Ghazan Khan. Edited by Dr. Hashem Rajabzadeh. Ahl-e Qalam Cultural Institute.
- Khazaeli, A. (2005). Abstracts of the Rab'-e-Rashidi Restoration Congress. Sotoudeh Publishing.
- Gabriel, A. (2002). Marco Polo in Iran. Translated by Dr. Parviz Rajabi. Asatir Publishing.
- Nader, M. (1994). History and Geography of Dar al-Saltanah Tabriz. Sotoudeh Publishing.
- Khalatbari K (2004). Eng. Hossein. Theoretical Approaches to the Urban Form in Islamic Countries.
- Barbaro, J. et al. (2002). Venetian Travelogues in Iran. Translated by Dr. Manouchehr Amiri. Kharazmi Publishing, 2nd Edition.
- Saeednia. (2002). Eng. Ahmad. Reviving the City of Rashidi. Fine Arts Journal, Issue No. 11.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГИПОТЕТИЧЕСКИХ ПЛАНИРОВОК РАБ-Э РАШИДИ И ЕГО МОРФОЛОГИИ ПОСЛЕ ГЕОФИЗИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И РАСКОПОК ДО 2025 ГОДА

Саминех НИКПОР¹, Ахад Неджад ЭБРАХИМИ²

*¹Магистрант кафедры реставрации исторических зданий и памятников
Университет исламского искусства Тебриза, Тебриз, Иран
sa.nikpour@tabriziau.ac.ir*

*²Профессор архитектуры, факультет архитектуры и
градостроительства
Университет исламского искусства Тебриза, Тебриз, Иран
ahadebrahimi@tabriziau.ac.ir*

Аннотация. Раб-э Рашиди – центр научного и художественного обмена и исследований – был основан в период правления монгольской династии Ильханов (XIV в.) ученым визирем Рашид ад-Дином Фазлуллахом Хамедани. Этот обширный комплекс, спроектированный и построенный на склонах горы Сурхаб в северо-восточной части Тебриза, по словам самого Рашид ад-Дина, занимал территорию в несколько десятков гектаров.

О характере города Рашидие сохранилась ценная книга – «Вакуфная книга Раб-э Рашиди», которая, помимо идеологических вопросов своего времени, содержит важную информацию о пространственной структуре города. Этот документ стал источником различных интерпретаций и гипотетических планов как для иранских, так и для зарубежных исследователей, поскольку в настоящее время, помимо ограниченных археологических раскопок, достигших слоя эпохи Ильханов на глубине 3–6 метров, и геофизической карты 2019 года, других доказательств существования этого уникального объекта не обнаружено.

Учитывая все вышеперечисленное, а также с опорой на отчеты о раскопках в Раб-э Рашиди, аэрофотоснимки, маршруты канатов, экологические исследования, старинные книги и путевые заметки, данное исследование предлагает две гипотезы о расположении городских элементов Рашидие и одну гипотезу о местонахождении садов комплекса, с целью проведения сравнительного анализа гипотетических планировок и морфологии места его формирования на основе разумного критерия.

Ключевые слова: Раб-э Рашиди, локальная морфология, гипотетические планировки, новые подходы.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ИГР НА ПРИМЕРЕ СТРЕЛЬБЫ ИЗ ЛУКА: ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Ахрорбек АЗИЗОВ ¹ (ORCID ID 0000-0001-9951-7429)

*¹PhD, младший научный сотрудник, Институт Истории академии наук
Узбекистана, Ташкент, Узбекистан
aahazizov@gmail.com*

Аннотация. Стрельба из лука как традиционная игра и соревновательная практика составляет важную и неотъемлемую часть культуры народов Турана. В статье рассматриваются ключевые культурно-антропологические аспекты этой практики: терминология и понятийный аппарат, состав и функции инвентаря, а также региональные варианты форм проведения. Исследование опирается на сопоставление сведений средневековых исторических сочинений с данными археологии и этнографическими наблюдениями, что позволяет выявить историко-этническую специфику отдельных территорий и проследить их различия.

Особое внимание уделено названиям и способам организации состязаний по стрельбе из лука в различных областях Турана, методам подготовки лука, типологии дополнительных принадлежностей и стрел, их уникальным характеристикам и функциональным ролям в игровом процессе. Письменные источники средневековья фиксируют разнообразные свидетельства об искусных стрелках и навыках населения региона, что позволяет увязать практику стрельбы из лука с повседневной жизнью и социальными институтами.

Показано, что в туранском контексте стрельба из лука выполняла множественные функции: досугово-соревновательную, военно-прикладную, воспитательную и ритуальную. Как средство социализации детей и молодежи она способствовала формированию личностных качеств и впоследствии получила распространение на соседние территории. Делается вывод о том, что стрельба из лука выступала культурным кодом, общим как для простых слоев общества, так и для элиты, а также о региональной вариативности ее смыслов и практик. В заключение предложены культурологические оценки по основным зонам Турана и наметены направления дальнейших сравнительных исследований.

Ключевые слова: стрельба из лука, лук, стрела, спорт, военная подготовка, золотая тыква, Туран.

HISTORICAL GEOGRAPHY OF TRADITIONAL GAMES ON THE EXAMPLE OF ARCHERY: HISTORICAL AND ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS OF HISTORICAL SOURCES

Akhrorbek AZIZOV¹

*¹PhD, Junior Research Fellow, Institute of History of the Academy of Sciences of
Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan
aahazizov@gmail.com*

Abstract. Archery – as a traditional game and competitive practice – constitutes an important and integral component of the culture of the peoples of Turan. The article examines the key cultural-anthropological dimensions of this practice: its terminology and conceptual apparatus; the composition and functions of the equipment; and regional variants in modes of performance. The study draws on a systematic comparison of medieval historical writings with archaeological evidence and ethnographic observations, which makes it possible to identify the historical-ethnic specificities of individual territories and trace their divergences.

Special attention is devoted to the nomenclature and organization of archery contests across different parts of Turan; to methods of bow preparation; and to the typology of ancillary gear and arrows, their distinctive characteristics, and their functional roles in practice. Medieval written sources record diverse testimonies about expert archers and the skills of the region's population, allowing the practice of archery to be linked to everyday life and to social institutions.

The analysis shows that, in the Turanian context, archery fulfilled multiple functions – recreational and competitive, martial, pedagogical, and ritual. As a means of socialization for children and youth, it contributed to the formation of personal qualities and subsequently spread to neighboring regions. The article concludes that archery operated as a cultural code shared by both commoners and elites, while exhibiting regional variability in its meanings and practices. In closing, cultural-analytical assessments are offered for the principal zones of Turan, and directions for further comparative research are outlined.

Keywords: archery, bow, arrow, sport, military training, golden pumpkin, Turan.

Стрельба из лука, как одна из древнейших игр туранских народов, имела огромное значение. Подобно метанию копья, она развивалась из практики метания различных каменных осколков с помощью специально изготовленной кожаной пращи. Первоначально этот способ использовался для охоты, а позднее – и в военных целях. Для совершенствования навыков были разработаны специальные упражнения в игровой форме.

Наиболее древние изображения стрельбы из лука сохранились в наскальных рисунках. Образ лучника встречается во многих мезолитических петроглифах Сармиш-сая, расположенного в котловине Каратаг Навойской области. Как известно, меткая стрельба играла важную роль в охоте – одном из древнейших занятий человека (Кабиров, 1976: 11). Особенно во время охоты требовалось быстро и точно прицеливаться. Стрельба из лука, вероятно, практиковалась и как игра или соревнование с целью достижения высокой точности.

На одном из камней изображены всадники, стреляющие друг в друга из луков, а между ними стоит человек (Кабиров, 1976: 11). Эта сцена может представлять собой уникальный фрагмент состязаний: мужчина в центре, предположительно, является инструктором или судьей, а два всадника соревнуются в стрельбе из лука верхом на лошадях.

Еще одно доказательство, основанное на наскальных рисунках, находится в Ферганских горах, в 120 км к востоку от современного города Джалал-Абад (Кыргызстан). Наскальные изображения Саймали-Таша, датируемые II тысячелетием до н.э., содержат ценные сцены, отражающие игры наших далеких предков (Шер, 1980: 28). В частности, на одном из рисунков изображены три лучника, стреляющие из луков бок о бок (Помаскина, 1975: 18). Они стоят плечом к плечу, лицом в одну сторону и выпускают стрелы. Эта сцена представляет собой уникальное состязание по стрельбе из лука между древними людьми. Следовательно, помимо предварительных тренировок перед охотой, древние люди устраивали соревнования на меткость, таким образом готовя молодежь к охоте.

Мастерство туранцев в стрельбе из лука было известно во многих странах, а их умение обросло легендами и мифами. В частности, греки знали массагетов как искусных лучников (Қадимги тарихчилар Ўрта Осиё ҳақида, 2008: 56).

Хотя стрельба из лука зародилась в древности как охотничье занятие, позднее она приобрела военное значение и по праву стала необходимым элементом подготовки молодежи к обороне и военной службе. Она также играла важную роль в религиозном мировоззрении древних туранцев. Так, в «Наврузнаме» лук и стрела описываются следующим образом: «Форма лука взята из частей неба, поскольку ученые называют части небесной сферы дугами, то есть луками. Прямая линия, соединяющая один конец дуги с другим, называется ватар, или тетива; линия же, выходящая из центра небесной сферы и проходящая через середину ширины дуги, называется сакс, или стрела. Считается, что добро и зло, ниспосылаемые на землю по воле и повелению Всевышнего, проходят через эти струны и дуги подобно тому, как стрела проходит через колчан и лук в руках стрелка и поражает цель» (Хайем, 1990: 34). С древних времен лук и стрелы имели божественное значение в воззрениях зороастрийцев.

Различные игры с луками были широко распространены среди тюркских народов и являлись неотъемлемой частью их образа жизни. Например, китайские источники сообщают, что во времена беспорядков хунну занимались верховой ездой (скачка-

ми) и стрельбой из лука (Цянь, 2002: 336). Это позволяло им быть постоянно готовыми к любым столкновениям с Западом и проводить военные учения перед войной.

В первые века нашей эры стрельба из лука имела большое значение среди жителей Турана, возвысившись до уровня спорта. В частности, отмечается, что одним из важнейших видов оружия армий Тюркского каганата был лук (Li, 1914: 42). Он имел важное значение не только как оружие, но и как церемониальный предмет. Например, одним из атрибутов, используемых в религиозных обрядах жителей Хотана, был лук (Ki, 1884: 316). В этот период у тюркских народов существовали древние ритуалы, связанные с луком. Сведения о некоторых подобных обычаях сохранились и в образцах устного народного творчества.

Одной из важнейших игр этого периода была стрельба из лука, и туранцы (Истахрий, 2019: 343) были известны во многих соседних и отдаленных регионах как искусные стрелки. Кроме того, в Халифате был хорошо известен отряд мастеров стрельбы из лука из Бухарской области, для которых в 674 году в Басре были построены специальные общежития (Балозурий, 2017: 294). Стрельба из лука занимала особое место в военном искусстве туранцев; государственные деятели и ученые также нередко были искусными лучниками. Некоторые ученые, наряду с преподаванием естественных наук своим ученикам, обучали их и искусству стрельбы из лука. Одним из таких ученых был Абу Саид Мухаммад ибн Аббас аль-Гази ар-Рами из Самарканды (Самъоний, 2017: 114), который был наставником и тренировал многих искусных лучников в этом городе. Стрельба из лука с давних времен являлась одним из основных видов спорта в Самарканде; в определенный период здесь существовали и специальные школы стрельбы из лука.

В истории Турана многие известные полководцы и правители владели искусством стрельбы из лука. Среди них – Байтегин, раб Газневидов (Байхаки, 1969: 685), Малик-шах, один из основателей государства Сельджуков (Хусайни, 1980: 78), Темур Малик – полководец Хорезмшахов (Рашид-ад-дин, 1952: 202), бухарский полководец Темуридов Курбан Сахт Каман (Араб Қатағон, 2009: 251), полководец Султан Саид-хан (Аезий, 2011: 197), Некпай-шах (Натанзий, 2011: 79), принц Темуридов Мирзо Джоги (Восифий, 1979: 180), принц Аштарханидов Сайид Муким Мухаммад-султан (Мунши, 1956: 130) и другие.

Тех, кто активно практиковал стрельбу из лука, в этот период называли «владельцами лука» (Хайем, 1990: 35). Помимо того, что стрельба из лука была развлечением для правителей, она имела особое значение как наука, которой, по представлениям того времени, должен был владеть каждый мужчина. Основным оружием кавалерии, особенно в дальнем бою, был лук, и туранцы достигли в этом деле высокого мастерства.

Наиболее искусные лучники не только награждались правителями за храбрость, но и назначались на высокие военные должности за свое мастерство (Дадабоев, 1996: 16). Подобные поощрения стимулировали других воинов совершенствоваться, активнее соревноваться в играх и демонстрировать свои способности.

Хотя стрельба из лука была самостоятельным видом спорта с древнейших времен, конная стрельба возникла с появлением кавалерии в военных подразделениях. Позднее эта игра получила название «золотая тыква» (Бобур, 2008: 135) и стала одной из ключевых форм военной подготовки.

Игры серии «золотая тыква» впервые упоминаются в древнекитайских источниках и были особенно популярны в эпоху Тимуридов и позднее. По их описаниям, на

высоком шесте укреплялась специальная тыква, которую следовало сбить стрелой скача на коне. Это состязание, в котором победителю в качестве приза внутрь тыквы помещали золотую монету или золотой слиток, называлось «метание золотой тыквы» (Хондамир, 2011: 15). Аналогичные соревнования по стрельбе из лука проводились и во дворце, в них участвовали также женщины (Гулбадан-бегим, 1998: 51).

Хотя ко времени Шейбанидов «тыквенная игра» проводилась как одно из главных состязаний военных парадов, в ее оснащение были внесены некоторые изменения. По описаниям, тыква представляла собой висячую конструкцию без ствола, на верхушке которой крепилась монета. Она имела форму батыра или шара на верхушке. При попадании стрела обязательно раскалывала тыкву, и монета падала на землю. Эта игра обычно проводилась во время военного парада в августе (Исфахани, 1976: 114).

В более поздние времена «стрельба по тыкве» или «золотая тыква» по-прежнему проводилась в военных целях, наряду с другими видами состязаний, такими как скачки и борьба (Огахий, 2009: 72).

Стрельба из лука – одна из игр, правила и требования которой различались в зависимости от региона. В нее играли в разных областях Турана с древних времен, используя различные методы. В основе этих игр лежала стрельба из лука – как пешая, так и конная. Способы проведения имели определенные региональные и социальные отличия. В частности, игры, возникшие в древности в результате охотничьей практики и направленные на то, чтобы все дети (и мальчики, и девочки) приобретали навыки стрельбы и совершенствовали их, со временем приобрели военное значение. В итоге игра превратилась в занятие, которым преимущественно занимались определенные воинские подразделения или социальные группы.

В первые века нашей эры стрельба из лука достигла уровня соревнований среди народов Турана (Li, 1914: 42). Турниры по стрельбе из лука проводились почти во всех регионах, а правители лично принимали участие в крупных торжествах.

Стрельба из лука – это особая категория игр, различающихся не только по названиям, но и по способам стрельбы. Например, в IX–XII вв. в северо-восточных районах Турана существовал способ стрельбы «чурама» (Қошғарий, 1960: 391). Чурама – это легкая стрела, летевшая дальше обычной. При стрельбе из этого типа стрел лучник выпускал их, лежа на спине. Источники отмечают, что этот особый стиль был распространен в северных и восточных регионах Турана. Помимо стрельбы на дальние дистанции, в этих же районах проводились соревнования по стрельбе с больших высот. Этот вид состязаний также относился к стрельбе из лука (Қошғарий, 1963: 260).

Соревнования по стрельбе из лука были важной частью военной подготовки в регионах, где было развито искусство верховой езды, а также служили демонстрацией боевого мастерства, особенно в период, когда престиж кавалерийских лучников возрос. В частности, в X–XI веках кавалеристы армии Газневидов регулярно тренировались не только в стрельбе из лука, но и в метании копья (Байхаки, 1969: 685). Эта игра имела большое значение как форма военной подготовки: по ее правилам всадник должен был поражать цель с высокой точностью, находясь в движении.

В X–XI веках солдатам приходилось уделять значительное время тренировкам в стрельбе из лука (Хайем, 1990: 35). Считалось, что благодаря этому военные победы будут множиться, а владелец лука будет жить, не испытывая нужды. Одним из наиболее эффективных способов совершенствования навыков стрельбы из лука были

игры, учитывающие различные условия и требования и направленные на отработку мастерства.

Одной из самых популярных игр, в которую играли верхом на лошадях в XIV–XV веках в качестве военного упражнения и состязания, была «стрельба по золотой тыкке» (Хондамир, 2011: 15). В этой игре всадникам предстояло стрелять из лука по тыкке, закрепленной на высоком шесте, установленном на холме. Правила игры, с некоторыми изменениями, продолжали существовать в Бухаре в XV–XVI веках. Согласно описаниям, мишенью могла служить тыква, по которой стреляли из лука по мере приближения всадников в момент их атаки (Исфакхани, 1976: 114), либо ее могли тащить за собой (Замонов, 2018: 103). Эта игра считалась важным элементом военных парадов.

К XVI веку появилась еще одна разновидность стрельбы из лука, зафиксированная в Бухаре под названием «стрельба по золотой утке» (Бухорий, 2000: 52). В нее играли принцы за пределами дворца, и она проводилась для проверки воинских навыков солдат. Как и в «золотой тыкке», участник, поразивший цель, получал призы и подарки. Единственным отличием, отмеченным во времена правления Шейбани Абдуллы-хана, было то, что мишенью служило золотое приспособление в форме утки. Победителю вручалась первая часть приза – сама золотая уточка, установленная на мишени.

Под влиянием быта, хозяйственной деятельности и военной практики туранских народов игры со стрельбой из лука приобрели ряд отличительных черт. В частности, региональные различия определялись названиями, правилами и требованиями этих игр. Со временем стрельба из лука изменилась как по целям, так и по времени проведения состязаний. В регионах, где охота сохраняла свое первоначальное значение, развивались методы стрельбы на дальние расстояния и с большой высоты. В районах с развитым коневодством основным видом становилась конная стрельба из лука. По мере того как лук приобретал все большее военное значение, соревнования по стрельбе – как пешей, так и конной – становились все более популярными.

Стрельба из лука считалась игрой, которая воспитывала у мальчиков терпение и умение тщательно обдумывать решения. В частности, она рассматривалась как важное упражнение в развитии выдержки у молодых людей (Геркавец, 2015: 75; Розий, 1994: 28). В целом, стрельба из лука и военные игры в источниках описываются как занятия, которыми князья увлекались с юных лет (Иязди, 2008: 13). Владение луком и стрелами считалось признаком хорошего воспитания. Также существовало убеждение, что опытные лучники, посвящающие много времени тренировкам, никогда не будут нуждаться в средствах (Хайем, 1990: 34–35). Те, кто совершенствовал свое мастерство, пользовались уважением и занимали высокое положение в обществе.

Наряду с играми, зародившимися в Туране, уникальны и их инструменты. Большинство игр, созданных населением, проводились с использованием различных приспособлений и орудий, сформировавшихся на основе занятий, хозяйственной деятельности и ремесел туранцев. Эти изделия являлись образцами туранского прикладного искусства; некоторые были известны многим соседним народам или ценились как товары.

Одной из древнейших игр была стрельба из лука, и у туранцев существовало несколько крупных центров по производству луков и стрел – основных орудий этой игры. Туранские луки и стрелы были известны и за пределами региона. В частности, в VIII–IX веках такие области Турана, как Хорезм (Саолибий, 1987: 76), Чач и Сонах (Худуд ул-олам, 2008: 18–19), славились производством луков и стрел. Некоторые

населенные пункты получали названия в честь этих предметов. Так, в VIII веке одна из деревень близ города Герат называлась Карак, что в переводе означает «лук» (Истахрий, 2019: 252). Символическое значение имели не только названия мест, но и имена некоторых людей. Один из них – Сельджук, основатель государства Сельджуков (Хусайни, 1980: 171). В свое время сельджуков называли «лучниками железного века».

В стрельбе из лука применялись различные типы луков, форма и качество которых зависели от используемого сырья. Вид лука определялся и его назначением.

В одном из древнейших письменных греческих источников (Қадимги тарихчилар, 2008: 71) содержатся сведения, что луки массагетов изготавливались из тростника. Возможно, греки ошибочно принимали за тростник некоторые кустарниковые растения, произраставшие в регионе массагетов.

Тюркские народы делали луки из древесины различных пород, обладавшей высокой прочностью. Одним из таких выносливых деревьев было горное дерево, называемое «курт» (Кошғарий, 1960: 329). Сегодня его именуют «красным червем» из-за характерного красного цвета ствола; благодаря прочности его древесину пастухи использовали для изготовления посохов.

Иногда луки изготавливали из обычного дерева, называвшегося у тюрков «ятан» (Кошғарий, 1963: 28). Кроме того, в тюркских языках лук и стрела иногда обозначались одним и тем же словом. Например, в IX–XIII веках их называли «ил кокан» (Кошғарий, 1960: 393). Это сочетание могло иметь как утилитарное, так и символическое значение. Лук считался одним из важнейших и необходимых видов оружия в жизни туранцев, и практически каждый должен был владеть искусством стрельбы – как пешей, так и конной. Поэтому, независимо от региона проживания, туранцы изготавливали луки из самых разных материалов.

Для стрельбы из лука использовались специальные мишени, которые устанавливались на определенном расстоянии и служили для проведения соревнований или тренировок. В IX–XII веках такая цель называлась «амач» (Кошғарий, 1963: 117), а место, где она устанавливалась, именовалось «амачлык ер» (Кошғарий, 1960: 166). Эта территория была достаточно просторной и спроектированной таким образом, чтобы по ней было удобно передвигаться верхом. Стрельба из лука, являвшаяся любимым видом спорта туранцев, чаще всего проводилась на больших открытых полях верхом на лошадях. По этой причине «амачлык ер» всегда устраивался на специально выделенном обширном участке. В некоторых случаях в качестве таких территорий выбирались особые заповедные уголья, предназначенные для правителей (Исфакхани, 1976: 114).

В качестве мишеней использовались различные символические предметы. Например, в XVI веке была изготовлена специальная утка, служившая целью в играх, проводившихся во дворце. Такие мишени делали из золота или серебра, и они назывались «золотыми утками» (Бухорий, 2000: 52). В качестве мишени также использовалась тыква (Бобур, 2008: 135). Эта игра сохраняла популярность даже в XIX веке, когда проводились состязания по стрельбе по целям, в которых использовались золотые монеты или пуговицы.

Еще одно приспособление, изобретенное тюркскими народами, произвело значительные изменения в технике стрельбы из лука. При стрельбе несколькими стрелами подряд, будь то верхом или пешком, тетива могла травмировать пальцы стрелка. Чтобы предотвратить травмы и выпускать стрелу в нужный момент, был создан «юксак», или ангишвана (Кошғарий, 1963: 53) – специальный напальчник, надева-

шийся на палец во время стрельбы. Он изготавливался из различных материалов и металлов. У тюрков такие приспособления чаще делали из кожи или меди, но существовали и варианты из твердых материалов, включая кость (Гулбаданбегим, 1998: 51). Именно поэтому стрельбу из лука в некоторых источниках называют «зих-гиртарошлик».

Тюрки изготавливали и использовали луки и стрелы различных форм и типов: тяжелые стрелы для ближней дистанции, легкие – для дальних, а также тонкие стрелы особой конструкции. Самые тонкие из них были настолько изящны, что могли пройти сквозь отверстие ангишваны (Бобур, 2008: 135).

Для обучения детей стрельбе из лука, будь то для охоты или самообороны, изготавливались специальные тренировочные стрелы. Они обычно имели форму «шипа» (Кошғарий, 1960: 359). Стрелы без лезвия назывались «калва» (Кошғарий, 1960: 402) и делались из дерева с закругленным наконечником, без железной оковки. Такая конструкция предотвращала нанесение вреда другим участникам тренировок или окружающим.

В связи с разнообразием методов охоты и видов животных, на которых охотились, были изобретены определенные типы стрел. Отравленные стрелы применялись для охоты на крупных, неуловимых или быстрых птиц. Такие стрелы широко использовались среди тюрков с древнейших времен и назывались «катутлуг ўк» (Кошғарий, 1963: 328), то есть стрелы, пропитанные ядом. При этом они не покрывались непосредственно сильным ядом, а обрабатывались парализующим веществом. Использование таких стрел позволяло вести охоту с меньшими усилиями и без активного участия большого числа охотников.

Изготовление и снабжение стрелами и другими боеприпасами было одним из основных занятий некоторых деревень или кварталов в городах Туранского региона. Подобные места нередко назывались «Окчи» и сохраняют это название до наших дней. Так, села с таким именем существуют в Узбекском районе Ферганской области и в Мархаматском районе Андижанской области. Различные инструменты, применявшиеся при изготовлении стрел, обеспечивали их качество и точность. Одним из таких приспособлений был инструмент для установки и выравнивания древков стрел, называемый «кугуш» (Кошғарий, 1960: 350).

Стрелы имели разные назначения и выполняли различные функции. У тюрков существовало несколько типов специальных стрел, среди которых особое место занимала стрела «соким» (Кошғарий, 1960: 378). Она использовалась для предупреждения о приближающейся опасности или для передачи сигнала в определенной ситуации. Ее изготавливали из ели: ствол выдавливался изнутри и прокалывался с трех сторон, после чего надевался на древко стрелы. При выстреле такая стрела издавала характерный свист, служивший сигналом для определенных действий. Эти стрелы также назывались «кудали» (Рашид-ад-дин, 1952: 41). Другим материалом для их изготовления могла служить кость: в полую кость с обоих концов просверливали специальные отверстия, благодаря чему стрела также издавала звук при полете.

В традиции стрельбы из лука тип стрелы иногда определялся не только по назначению, но и по способу выстрела. Так, существовал особый прием, при котором стрелу выпускали, лежа на спине, что позволяло ей лететь значительно дальше обычного. Такой тип выстрела назывался «выстрелом чурама» (Кошғарий, 1960: 391).

Стрелковые состязания среди туранцев проводились не только на меткость, но и на дальность или высоту полета стрелы. В результате создавались специальные стрелы, приспособленные для условий того или иного соревнования.

Источники:

- Shaman Hwui Li (1914). The life of Hiuen-Tsiana. London.
- Si-Yu-Ki (1884). Buddhist records of the Western world. London. Volume II.
- Замонов, А. (2018). Бухоро хонлигида қўшин тузилиши ва ҳарбий бошқарув (Шайбонийлар сулоласи даври). Тошкент.
- Кабилов, А. (1976). Рисунки на скалах Сармишсая. Ташкент.
- Геркавец, А.Н. (2015). Codex Cumanicus. Алматы.
- Абдулкарим ас-Самъоний (2017). Насабнома. Тошкент.
- Абу Бакр ар-Розий (1994). Касалликлар тарихи. Тошкент.
- Абу Мансур ас-Саолибий (1987). Китоб латоиф ал-маориф. Ажойиб маълумотлар ҳақида китоб. Тошкент.
- Абу-л-‘Аббос Аҳмад ибн Йаҳйо ал-Балозурий (2017). Футуҳ ал-булдон. Хуросоннинг фатҳ этилиши. Тошкент.
- Абу-ль-Фазл Байхаки (1969). История Масуда (1030–1041). Москва.
- Помаскина, Г.А. (1975). Когда боги были на земле... (Наскальная галерея Саймалы-Таша). Фрунзе.
- Ғиесиддин бин Ҳумомиддин Хондамир (2011). Буюклик хислати. Тошкент.
- Ғиесиддин бин Ҳумомиддин Хондамир (2011). Буюклик хислати. Тошкент.
- Гулбаданбегим Заҳириддин Бобур қизи (1998). Ҳумоюннома. Тошкент.
- Зайниддин Маҳмуд Восифий (1979). Бадоеъул вақоеъ. Тошкент.
- Заҳриддин Муҳаммад Бобур (2008). Бобурнома. Тошкент.
- Истаҳрий (2019). Хуросон ва Мовароуннаҳр. Тошкент.
- Йазди Шараф ад-Дин Али (2008). Зафарнаме. Ташкент.
- Қадимги тарихчилар Ўрта Осиё ҳақида: терма парчалар. (2008).
- Маҳмуд Кошғарий (1960). Девону луғотит турк. Тошкент. I том.
- Маҳмуд Кошғарий (1963). Девону луғотит турк. Тошкент. III том.
- Мирзо Муҳаммад Ҳайдар Аезий (2011). Тарихи Рашидий. Тошкент.
- Муинуддин Натанзий (2011). Мунтахаб ут-таворихи Муиний. Тошкент.
- Муҳаммад Ризо Эрниеzbek ўғли Оғаҳий (2009). Зубдату-т-таворих. Тарихлар сараси. Тошкент.
- Муҳаммад Юсуф Мунши (1656). Тарихи Муқим хоний. Тошкент.
- Муҳаммадер ибн Араб Катағон (2009). Мусахир ал-билод. Ташкент.
- Рашид-ад-дин (1952). Сборник летописей. Москва. Том I.
- Садр ад-Дин Али аль-Хусайни (1980). Ахбар ад-Даулят ас-Селджукия. Москва.
- Сыма Цянь (2002). Исторические записки. Москва. Том VIII.
- Умар Хайем (1990). Наврўзнома. Тошкент.
- Фазлаллаҳ ибн Рузбихан Исфохани (1976). Михман-наме-йи Бухара. Москва.
- Дадабоев, Ҳ. (1996). Амир Темурнинг ҳарбий маҳорати. Тошкент.
- Ҳофиз Таниш Бухорий (2000). Абдулланом. Тошкент. 2-жилд.
- Худуд ул-олам (Мовароуннаҳр тавсифи). (2008). Тошкент.
- Шер, Я.А. (1980). Петроглифы Средней и Центральной Азии. Москва.

САДАҚ АТУ МЫСАЛЫНДАҒЫ ДӘСТҮРЛІ ОЙЫНДАРДЫҢ ТАРИХИ ГЕОГРАФИЯСЫ: ТАРИХИ КӨЗДЕРГЕ ТАРИХИ-АНТРОПОЛОГИЯЛЫҚ ТАЛДАУ

Ахрорбек АЗИЗОВ¹

*¹PhD, Өзбекстан Ғылым академиясы, Тарих институты,
кіші ғылыми қызметкер, Ташкент, Өзбекстан
aahazizov@gmail.com*

Аңдатпа. Садақ ату – дәстүрлі ойын әрі бәсекелік тәжірибе ретінде Тұран халықтары мәдениетінің маңызды да ажырамас бөлігі. Мақалада осы тәжірибенің негізгі мәдени-антропологиялық қырлары қарастырылады: терминологиясы мен ұғымдары; құрамы мен функциялары, орындау тәсілдерінің өңірлік нұсқалары. Зерттеу ортағасырлық тарихи жазбаларды археологиялық деректермен және этнографиялық бақылаулармен жүйелі түрде салыстыруға сүйенеді: бұл тәсіл жекелеген аумақтардың тарихи-этникалық ерекшеліктерін айқындауға мүмкіндік береді.

Тұранның түрлі өңірлеріндегі садақ атудан өтетін жарыстардың атаулары мен ұйымдастырылуына, садақты дайындау әдістемесіне, сондай-ақ қосалқы керек-жарақтар мен жебелердің типологиясына, олардың айрықша сипаттарына және тәжірибедегі рөліне назар аударылады. Ортағасырлық жазба деректер шебер садақшылар және өңір халқының дағдылары туралы алуан түрлі мәліметтерді сақталып, бұл садақ атуды күнделікті тіршілікпен және қоғамдық институттармен байланыстарын көрсетеді.

Талдау нәтижелері Тұран контекстінде садақ атудың көпқызметті болғанын көрсетеді: ол рекреациялық және жарыстық, әскери-қолданбалы, педагогикалық және рәсімдік міндеттерді атқарған. Жастарды әлеуметтендіру құралы ретінде ол жеке қасиеттердің қалыптасуына ықпал етіп, кейін көршілес өңірлерге таралған. Мақалада садақ ату қарапайым халық пен элитаға бірдей ортақ мәдени код ретінде сипатталады, сонымен бірге оның мағыналары мен практикаларында өңірлік вариативтілік бар екені түйінделеді. Қорытынды бөлімде Тұранның негізгі аймақтарындағы мәдени-талдамалық бағамдау ұсынылып, әрі қарайғы салыстырмалы зерттеулердің бағыттары айқындалады.

Түйін сөздер: садақ ату, садақ, жебе, спорт, әскери дайындық, алтын асқабақ, Тұран.

ТОРГОВЫЕ ПУТИ И ГЕОГРАФИЯ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ БУХАРСКОГО ХАНСТВА С КИТАЕМ В XVI – XIX ВЕКАХ

Одил ЗАРИПОВ ¹ (ORCID ID 0000-0002-2261-1166)

*¹PhD, институт Истории Академии наук Узбекистана, ученый секретарь
Ташкент, Узбекистан
baqtria@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются торгово-экономические отношения Бухарского ханства с Китаем в XVI–XIX веках. Анализируются основные караванные пути, связывавшие Бухару с западными регионами Китая (через Кашгар, Хотан, Яркенд, а также через Турфан и Кумул), и номенклатура товаров, обменивавшихся между двумя странами – от шелка и фарфора до лошадей, чая и шерсти. Описаны исторические этапы развития этой торговли, начиная с периода правления династий Шейбанидов и Аштарханидов и заканчивая маньчжурской династией Цин. Особое внимание уделено влиянию политических событий (войн, смена правителей, завоевания Синьцзяна) на состояние караванной торговли. Также показана роль центральноазиатских городов, таких как Яркенд и Ташкент, в структуре торговых маршрутов. Отдельно рассмотрено воздействие российской экспансии в Центральной Азии на бухарско-китайскую торговлю в XIX веке и конкуренция со стороны русско-китайского транзита. В работе использованы новые данные из исторических источников и исследований, позволяющие по-новому оценить экономическую значимость торговли Бухары с Китаем.

Ключевые слова: Бухарское ханство, Китай, караванная торговля, Шейбаниды, Аштарханиды, Цинская империя, торговые пути, Центральная Азия, Яркенд, Синьцзян.

TRADE ROUTES AND GEOGRAPHY OF TRADE RELATIONS OF THE BUKHARA KHANATE WITH CHINA IN THE 16TH – 19TH CENTURIES

Одил ЗАРИПОВ¹

*¹PhD, Scientific Secretary, Institute of History of the Academy of Sciences of Uzbekistan,
Tashkent, Uzbekistan
baqtria@gmail.com*

Abstract. The article examines the trade and economic relations of the Bukhara Khanate with China in the 16th–19th centuries. It analyzes the main caravan routes connecting Bukhara with the western regions of China (via Kashgar, Hotan, Yarkand, as well as via Turpan and Kumul) and the range of goods exchanged between the two countries – from silk and porcelain to horses, tea and wool. The historical stages of the development of this trade are described, beginning with the reign of the Shaibanid and Ashtarkhanid dynasties and ending with the Manchu Qing dynasty. Particular attention is paid to the influence of political events (wars, changes of rulers, the conquest of Xinjiang) on the state of caravan trade. The role of Central Asian cities such as Yarkent and Tashkent in the structure of trade routes is also shown. The impact of Russian expansion in Central Asia on the Bukhara-Chinese trade in the 19th century and competition from Russian-Chinese transit are considered separately. The work uses new data from historical sources and research, allowing us to reassess the economic significance of Bukhara's trade with China.

Keywords: Bukhara Khanate, China, caravan trade, Sheibanids, Ashtarkhanids, Qing Empire, trade routes, Central Asia, Yarkent, Xinjiang.

Введение

В исторической литературе долгое время преобладала точка зрения, что после открытия европейцами морского пути в Индию (конец XV – начало XVI вв.) значение Центральной Азии как региона международной торговли резко упало. Считалось, что караванные пути через Среднюю Азию пришли в упадок, а торговые связи между Востоком и Западом переместились на морские маршруты. Однако исследования последних десятилетий опровергают эту устаревшую концепцию. Изучение архивных документов и экономического состояния среднеазиатских ханств показало, что Центральная Азия продолжала играть важную роль в евразийской торговле в XVI–XIX вв., особенно в торговых отношениях с Китаем. Узбекские ханства, в том числе Бухарское, не были изолированными окраинами, а активно участвовали в транзитной торговле между Китайской империей, Средним Востоком, Россией и Южной Азией (Индией). Более того, по некоторым оценкам, совокупная стоимость транзитной торговли через Центральную Азию в XVIII веке могла соперничать, а возможно, даже превосходить оборот торговли через Индийский океан. Таким образом, вместо упадка наблюдалось адаптивное развитие караванной торговли, поддерживаемое как экономическими, так и политическими факторами.

Бухарское ханство на протяжении XVI–XIX веков являлось одним из ключевых узлов этих торговых связей. Географическое положение Бухары на перекрестке караванных дорог Мавераннахра делало ее естественным посредником в обмене товарами между Китаем и регионами Западной Азии и Европы. В бухарских городах встречались торговцы из разных стран, а караваны регулярно отправлялись на восток – через Фергану и Кашгар в Китай – и на запад – в Персию, Российскую империю, Османские владения. Значительная часть доходов бухарской казны формировалась за счет торговли (наряду с налогами и пошлинами), поэтому правители ханства уделяли большое внимание поддержанию безопасности караванных путей и развитию инфраструктуры торговли. Так, известно, что во время долгого правления Абдуллахана ибн Искандарбека (1557–1598) проводилась реконструкция караванных дорог, строились и ремонтировались караван-сарай. В 1577 году в Бухаре был возведен первый в регионе крытый торговый пассаж (торговый купол) – Большой Тим, получивший имя Абдуллахана (Тим-и Абдуллохон). Эти меры способствовали оживлению международной торговли.

Цель данной статьи – проследить развитие торговых отношений Бухарского ханства с Китаем, выделив основные маршруты караванов, характер взаимного товарообмена, а также политико-экономические факторы, влиявшие на торговлю на протяжении XVI–XIX веков. Особое внимание уделяется экономическим аспектам – объемам и структуре торговли, роли торговых пошлин, денежным расчетам, конкуренции за контроль над путями. Исследование опирается на разнообразные источники: записки европейских путешественников (А. Дженкинсон, Р. Джонсон, А. Бернс и др.), сведения из китайских хроник династии Мин и Цин, центральноазиатские исторические сочинения (летописи, переписка ханов), данные российских архивов (таможенные книги Сибири, дипломатические отчеты) и современные научные работы отечественных и зарубежных авторов.

Основные торговые маршруты между Бухарой и Китаем

Караванная торговля между Бухарским ханством и Китаем осуществлялась по нескольким сухопутным маршрутам, проходившим через территорию Восточного Туркестана (современного Синьцзяна). Главный путь пролегал от Бухары через Коканд или через Памир к городам Кашгар и Яркенд, которые исторически были воротами в

Китай для центральноазиатских купцов. Далее караваны следовали через пустыни и горы Западного Китая к пограничным заставам империи Цин.

Северный маршрут: Бухара – Ташкент – через степи Семиречья или долину реки Или – города Турфан (Тюрюфань) и Кумул (Хами) – Ганьсу – вплоть до границ Китая. Этот путь огибал Тянь-Шань с севера. В 1570 году правитель Восточного Туркестана Абдукарим-хан установил контроль над оазисами Турфан и Кумул, объединив их под единой властью. Это значительно повысило безопасность и популярность северного маршрута, позволив караванам из Средней Азии напрямую идти к западно-китайским заставам, минуя опасные горные тропы. Турфан стал крупным торговым узлом: турецкий путешественник Сайфи Челеби отмечал в своих записках, что в Турфане собирались купцы из множества стран и можно было встретить тысячи торговцев со всей Азии. Здесь же, по данным источников Йаркентского ханства, происходило формирование караванов для дальнейшего следования в Китай: назначался главный караванбаши (старшина каравана), координирующий переход через китайскую границу.

Южный маршрут: Бухара – Самарканд – Коканд или Бадахшан – горные перевалы Памира – Кашгар – Яркенд – Хотан – далее через Такла-Макан к Карашару и к китайской заставе у западной оконечности Великой Китайской стены. Южный путь обходил Тянь-Шань с юга, через оазисы Кашгарии. Существовало несколько ветвей этого маршрута. Один из них пролегал через Ферганскую долину: из Самарканда караваны шли в Коканд, далее вдоль реки Нарын и через горные проходы в Кашгар. Альтернативный путь шел южнее: через Термез и Бадахшан к Гиссарскому хребту, спускался в долину Кашгарии со стороны Хотана. Оба варианта сходились в районе Яркенда или Кашгара – крупнейших торговых городов Западного Китая. От Кашгара до границы собственно Китая караванам требовалось около тридцати дней пути. У крепости Цзядьюгуань (Джугудебе) – западных ворот Китая – находилась императорская таможня, где взимались пошлины и осуществлялся контроль въезда иностранных торговцев.

Описанные маршруты оставались активными на протяжении столетий, меняя свою значимость в зависимости от политической обстановки. В XVI – начале XVII вв. ведущую роль играл южный путь через Кашгар и Яркенд, так как эти города были столицей и крупным центром Яркентского ханства – государства, контролировавшего торговлю между Мавераннахром и Китаем. Позднее, после укрепления положения Джунгарского ханства и затем завоевания Синьцзяна империей Цин (сер. XVIII в.), северный маршрут через Турфан стал более предпочтительным для части купцов, особенно после установления там относительного порядка под властью Цинов. Тем не менее, оба направления продолжали использоваться вплоть до XIX века.

Товары и формы обмена

Торговля между Бухарой и Китаем носила взаимовыгодный характер, основанный на обмене дефицитных в одной из стран товаров на продукцию, избыточную или доступную в другой. Из Китая в Бухару ввозился широкий ассортимент ценных изделий и сырья: прежде всего натуральный шелк (в штуках ткани и в сырце) и изделия из него, фарфор и фаянс (китайская посуда чрезвычайно ценилась в Средней Азии), бумага высокого качества, чай (зеленый чай стал известен в Центральной Азии именно благодаря контактам с Китаем), а также металлические изделия, лакированные шкатулки, зеркала, краски, лекарственные компоненты и некоторое оружие китайского производства. В обратном направлении – из Бухары и сопредельных областей Центральной Азии – караваны везли в Китай то, в чем нуждались китайские рынки и пограничные гарнизоны: лошадей (степные и ферганские скакуны славились выносливостью, и империя Цин закупала тысячи лошадей для кавалерии и почты),

верблюдов и рогатый скот, овечью шерсть, хлопок (как сырец, так и ткани местного производства), каракулевые меха (астраханские меха черных ягнят, известные как каракуль, высоко ценились за качество и экспортировались даже в Китай), кожи. Также вывозились драгоценные камни и минералы (например, лазурит и другие камни из Бадахшана, бирюза из Ирана, доставляемая через Бухару), ковры и тонкие шерстяные ткани ручной работы, некоторые виды оружия среднеазиатского производства, пряности (частично реэкспорт из Индии), сухофрукты и прочие ремесленные товары региона. Таким образом, торговый обмен охватывал широкий спектр продуктов – от предметов роскоши до сырья.

Расчеты между бухарскими и китайскими торговцами осуществлялись как в денежной форме, так и посредством бартера. Основной валютой дальневосточных караванов было серебро – мекка и русские рубли, китайские серебряные слитки (ляны) – и золото (для крупных сделок). Помимо монет, распространился прямой обмен товара на товар, особенно когда у сторон не совпадали денежные системы. Например, партия шелка могла быть выменена на определенное число голов скота или мешков хлопка. Известно, что цинские власти устанавливали официальную таможенную пошлину около 3,3% от стоимости товаров для центральноазиатских купцов – взималась одна часть из тридцати, что считалось умеренным обложением и стимулировало торговлю. Со своей стороны, бухарские правители также обычно ограничивались традиционным закятom (религиозным налогом на торговлю) в размере 2,5% для мусульманских купцов, хотя для немусульман пошлины могли быть выше. В целом налоговая нагрузка на караванную торговлю была невысокой, что способствовало ее рентабельности.

XVI–XVII века: караванная торговля при Шейбанидах и Аштарханидах

Активизация торговли. В период правления династии Шейбанидов (1500–1598) и последовавших за ними Аштарханидов (1598–1747) торговые связи Бухары с восточными странами, включая Китай, заметно оживились. Несмотря на отсутствие прямой границы с Китаем, бухарские ханы поддерживали косвенные контакты через территории сопредельных государств – Кашгарии (Яркентского ханства) и Моголистана. Узбекские купцы уже в XVI веке обосновались в ключевых городах западного Китая: имеются сведения о существовании бухарских торговых факторий (постоянных торговых дворов) в Кашгаре и Хотане. Это позволило им вести постоянный товарообмен, не дожидаясь формирования крупных караванов из Бухары, а закупать товары на месте и перепродавать их или отправлять малыми партиями. Европейские путешественники фиксируют факты активной торговли Бухары с «Катайским царством» (так тогда называли Китай). Так, английский купец Ричард Джонсон, посетивший Бухару в 1558 году в составе экспедиции А. Дженкинсона, отмечал, что «Бухара является рынком обмена... с китайцами» – то есть здесь происходил обмен бухарских и китайских товаров, несмотря на расстояния между странами. Купцы из Китая (возможно, уйгурские торговцы из Кашгара) привозили свои товары в Бухару, а взамен приобретали продукцию Центральной Азии и привозимый индийский и персидский товар. Это свидетельство опровергает распространенное мнение о якобы полном прекращении сухопутной торговли Китая с Западом после XV века.

Роль Яркентского ханства

В XVI – начале XVII вв. важнейшим партнером Бухары на пути в Китай было Яркентское (Кашгарское) ханство, занимавшее территорию современной Восточной Туркестанской равнины. Караваны из Бухарского ханства, направлявшиеся в Китай, сначала следовали в Яркенд или Кашгар, которые служили пограничными перевалочными базами. Яркентские ханы, происходившие из чагатаидской династии, были заинтересованы в

транзитной торговле: взимали таможенные сборы, обеспечивали охрану купцов на своей территории и поддерживали дипломатические отношения с бухарскими ханами. Источники свидетельствуют об интенсивном обмене посольствами: например, в 1608 году ко двору яркентского правителя прибыло официальное посольство из Бухары, а в 1618 году яркентский хан даровал бухарским купцам право беспошлинной торговли в Кашгаре, стремясь поощрить приход среднего азиатского капитала и товаров. Таким образом, к началу XVII века сложился своего рода союзнический тандем: Бухара поставляла караваны и товары, Яркент обеспечивал пропуск в Китай и безопасность на участке до китайской границы.

Политические факторы и безопасность путей

Торговля, тем не менее, была чувствительна к политической обстановке. В середине XVI века Центральная Азия переживала междоусобные войны, что временами нарушало караванное движение. Английский путешественник А. Дженкинсон, прибывший в Бухару в 1558–1559 гг., упоминал, что из-за войн и смут в регионе караваны из Китая временно перестали приходить в Бухару. Однако уже при правлении бухарского хана Абдуллахана ибн Искандарбека (правил в 1557–1598 гг.) ситуация изменилась: хан смог восстановить внутренний порядок и наладить отношения с соседями. Согласно бухарской хронике «Бахр ал-асрар фи манакерб ал-ахьяр» (XVII в.), союз Шейбанидов с яркентскими правителями обеспечил безопасность дорог, и путешественники вновь смогли ездить из Бухары в Кашгар и обратно без вооруженной охраны. Из Яркента в Бухару были отправлены посольства с заверениями дружбы и предложениями торговли. Так, яркентский хан Абдурашид (1533–1565) писал бухарским правителям, что дороги в его владениях очищены от разбойников и безопасны для купцов, подтверждая заинтересованность в торговом обмене (Marsden, 2018).

Улучшение условий безопасности привело к тому, что Бухара превратилась в один из ключевых торговых центров Центральной Азии. Караваны из самых разных краев начали регулярно прибывать к ее стенам. Дженкинсон отмечал, что Бухара была не только политической столицей, но и большим рынком, куда ежегодно приходят караваны из Индии, Персии и Китая. Город находился на пересечении путей в Китай, Индию, Афганистан и Россию (Marsden, 2018). Подтверждением этого служат и русские источники: с конца XVI века в Московское царство поступают сведения о «бухарских гостях» – купцах из Бухары, привозящих товары, в том числе китайские. Таким образом, к началу XVII столетия Бухарское ханство закрепило за собой роль посредника в трансконтинентальной торговле, соединяющего Восточную Азию с остальным миром.

В XVII веке торговая активность бухарцев распространилась далеко за пределы собственно ханства. Бухарские (а также хивинские, кокандские) купцы выступали посредниками не только между Бухарой и Китаем, но и между Китаем и Россией. Освоение русскими Сибири и продвижение к границам Китая создало новые возможности для торговли, и бухарцы сумели ими воспользоваться. По данным Тобольской таможни за 1639–1671 годы, среди товаров, ввозимых бухарскими купцами в Сибирь, насчитывалось около 90 наименований, из которых 12 видов товаров происходили из Китая, 47 – из собственно Туркестана, 28 – от калмыков (джунгар) и 2 – из арабских стран. Это говорит о широкой географии их торговых связей. В перечне китайских товаров, достигавших сибирских рынков через Бухару, упоминаются шелковые и хлопчатобумажные ткани, чай, мускус, фарфор, возможно также китайское лекарственное сырье и декоративные изделия (Полякова, 2011). Например, через Среднюю Азию в Сибирь поставлялись десятки тысяч аршин материй – архивные отчеты Тобольска фиксируют поступление более 885 000 аршин (приблизительно 600 км) различных хлопчатобумажных тканей (набивных и одноцветных) и 104 000 аршин шелковых и льняных тканей восточного

производства за несколько десятилетий. Помимо этого, ввозились чай, сахар, стекло, лекарственные снадобья, пряности и другие экзотические товары, происхождением часто из Китая или через Китай из Юго-Восточной Азии (Полякова, 2011).

Взаимная торговля осуществлялась через пограничные ярмарки и фактории. Первоначально основным местом обмена русских и среднеазиатских купцов была Ямышевская ярмарка на Иртыше (близ озера Ямышевского). В 1670–1690-х годах эта ярмарка привлекала множество купцов из Бухары и Кашгарии. Однако российские власти, стремясь контролировать и обложить пошлинами азиатскую торговлю, ввели ряд ограничений. Царскими указами 1672 и 1678 годов среднеазиатским («туркестанским») купцам предписывалось являться для торговли только в определенные пункты и платить повышенные торговые пошлины (вплоть до 10% стоимости товаров). Эти меры вызвали недовольство и временное сокращение торговли на Иртыше. Тем не менее, вплоть до конца XVII века бухарцы продолжали активно торговать в Сибири. Ассортимент товаров, продаваемых на Ямышевской и других сибирских ярмарках, отражал их посредническую роль: здесь продавались китайские шелковые ткани (тафта, камка), чай, мускус, яркие пояса из Китая, индийские пряности, персидские ткани, а взамен бухарцы закупали у русских меха, кожи, металлические изделия, оружие и другие товары русского Севера (Полякова, 2011).

Интересный эпизод, показывающий степень вовлеченности бухарцев в межимперскую торговлю, произошел в 1685 году. Тогда группа из 48 русских купцов отправилась из Сибири вместе с бухарским караваном в Китай. Фактически, бухарцы выступили проводниками русских к рынкам Кашгарии и далее – подобно тому, как в более поздние времена европейские торговцы пользовались услугами посредников на Востоке. Этот случай свидетельствует, что бухарские купцы обладали знанием маршрутов, контактов и языков, необходимым для столь дальнего пути, и даже русские предприниматели доверяли им сопровождать себя через чуждые степи и горы до Китайской границы.

К концу XVII столетия торговые потоки в регионе разделились на два основных канала, и бухарцы сумели установить контроль над обоими (по выражению Е. Поляковой):

- «Туркестанский путь» – традиционный маршрут через Бухару, Кашгар и Пекин (то есть классический Шелковый путь через Среднюю Азию).
- «Ямышевский путь» – новая трасса, ведущая из Китая в Россию в обход Туркестана, через Джунгарию и южную Сибирь.

Хотя второй маршрут развивался по инициативе русских и калмыцких властей, бухарские посредники активно включились и в эту торговлю. По данным русского резидента Ф. Скибинского, только за 1668–1671 годы через Ямышевскую линию прошло более 50 караванов с товарами, минуя земли собственно Бухарского ханства (Полякова, 2011). Многие эти караваны вели именно бухарские, кокандские или кашгарские купцы, стремясь расширить сбыт китайских товаров на новые рынки. Таким образом, в XVII веке бухарское купечество гибко адаптировалось к меняющимся условиям: сохранив традиционную транзитную роль между Китаем и исламским миром, оно также заняло нишу посредника между Китаем и быстрорастущим рынком Русского государства.

Исторические хроники фиксируют и дипломатические шаги, сопровождавшие торговлю. Так, после указанного посольства 1608 года в Кашгар последовали ответные визиты кашгарских эмиссаров к бухарскому двору. Бухарские ханы всячески демонстрировали дружелюбие к восточным соседям: в их письмах говорится о «вечной дружбе и свободной торговле» между мусульманскими народами Мавераннахра

и Кашгарии (Paskaleva, 2014). В 1640–1650-х годах, несмотря на сложную обстановку (войны джунгар с Кашгаром), бухарские караваны продолжали ходить, используя периоды перемирий. Все это заложило фундамент для дальнейшего развития торговли в следующем столетии.

XVIII век: торговля при Цинской империи

Кардинальные изменения в геополитической ситуации Центральной Азии произошли во второй половине XVIII века, когда обширные территории Восточного Туркестана перешли под власть маньчжурской династии Цин. В результате успешных войн императора Цяньлуна против Джунгарского ханства (1755–1758) и последующего подавления сопротивления в Кашгарии (1758–1759) вся область современного Синьцзяна стала провинцией Китайской империи. Для бухарской торговли это означало необходимость выстраивать отношения уже напрямую с Пекином через цинскую администрацию.

Регулирование торговли цинскими властями

Империя Цин, установив контроль над новым краем, создала систему управления, которая затрагивала и внешнюю торговлю. Были введены «правила торговли с андижанцами» – так в Китае называли среднеазиатских (в первую очередь кокандских и бухарских) купцов по названию города Андижана. Иностранным мусульманским купцам разрешалось торговать только в определенных городах Синьцзяна – прежде всего в Кашгаре, Яркенде, Кульдже (Или) и Чугучаке. Им предоставлялись караван-сарай, рынки, а взамен требовалось соблюдать установленные правила и не продвигаться вглубь Китая без разрешения. Подобная система была формализована к середине XIX века рядом договоров. В частности, по условиям русско-китайского Кульджинского договора 1851 года, подтвержденного позже Пекинским трактатом, купцам из Бухары, Коканда и Хивы было разрешено торговать лишь в некоторых пограничных пунктах Цинской империи. Императорское правительство таким образом стремилось сконцентрировать торговлю в контролируемых узлах и ограничить влияние посредников. Тем не менее, вплоть до середины XIX века эти ограничения не были чрезмерно жесткими, и бухарские купцы сохраняли значительную долю в торговле Синьцзяна.

Усиление позиций бухарцев

В первые десятилетия цинского управления Синьцзяном наблюдался рост торговли. Китайские власти, заинтересованные в освоении новых владений, поощряли приток товаров и скота из Средней Азии для снабжения гарнизонов и населения. Бухарские торговцы быстро адаптировались к новым условиям и даже расширили свою активность. По некоторым данным, уже к 1760-м годам бухарцы контролировали до 60% всей торговли в Кашгаре, вытеснив часть местных и ханьских купцов за счет лучшего знания внешних рынков. Они привозили необходимое в Синьцзян – лошадей, верблюдов, овец, ткани, инструменты – и вывозили оттуда китайские изделия. Император Цяньлун высоко ценил значение таких торгово-посреднических услуг и стремился закрепить лояльность среднеазиатских купцов. В 1792 году было издано повеление о предоставлении бухарским (а также кокандским) торговцам режима наибольшего благоприятствования: фактически их освободили от уплаты таможенных пошлин в пограничных рынках Синьцзяна. Китайские чиновники получили указание оказывать покровительство «андижанским гостям», обеспечивая им защиту и правовые гарантии. Эти меры были нацелены на стимулирование притока товаров в отдаленную провинцию и предотвращение возможных конфликтов.

Одним из показателей масштаба торговли служат сведения из цинских архивов. В них, например, зафиксировано прибытие в Кашгар крупного каравана из Бухары, состоящего из 500 лошадей и привезшего 2000 кусков тканей (Paskaleva, 2014). Такой объем указывает, что торговые операции измерялись тысячами единиц товара и сотнями выюков. Между Бухарским ханством и Цинской империей в конце XVIII – начале XIX вв. существовали неофициальные соглашения, предусматривавшие предоставление бухарским караванам определенных привилегий и безопасность их прохождения (Burton, 1997). Это подтверждается и отчетами самих купцов, которые хвалили порядки на китайской границе: по словам прибывавших в Яркенд и Кашгар бухарцев, китайские власти проявляли справедливость и содействие торговле, взимая лишь умеренную пошлину 1/30 стоимости товара и обеспечивая охрану караванов от разбойников. В ответ бухарские эмиры поддерживали дружественные отношения с цинскими губернаторами Синьцзяна, обмениваясь подарками и посланиями.

Интересно отметить экономический эффект интеграции Синьцзяна: после 1759 г. изменилась направленность денежных потоков между Центральной Азией и Китаем. Если ранее бухарцы вывозили серебро для закупки китайских товаров (тем самым пополняя китайскую казну драгоценным металлом), то после завоевания цинской администрацией края произошел обратный процесс. Для содержания войск и управления в Синьцзяне империя стала вливать серебро из внутренних провинций, выплачивая жалованье и оплачивая закупки местных ресурсов. Таким образом, часть китайского серебра оседала у среднеазиатских торговцев в обмен на поставляемых лошадей, скот и товары снабжения гарнизонов (Леви, 2020). Это своеобразное «перевертывание» экономических связей способствовало насыщению бухарского рынка серебром и стимулировало торговлю.

Торговые пути и сложности переходов

В XVIII веке маршруты караванов в целом оставались теми же, что и ранее, но некоторые траектории менялись в связи с политическими факторами. Так, после 1759 года дорога через Фергану и Коканд стала менее популярной, поскольку кокандские ханы вступили в конфликт с Цинами (были стычки из-за контроля Кашгара). Более распространен был путь через горы Памира. Караваны из Бухары шли на Бадахшан, далее пересекали труднопроходимые памирские перевалы (например, через Ваханский коридор) и спускались в Кашгар через горное плато. Этот маршрут, хотя и длиннее (около 65 дней пути до Бухары), был относительно надежен, так как Бадахшан формально находился в вассальной зависимости от Бухары, и бухарские купцы чувствовали там себя уверенно. Английский офицер А. Бернс, исследовавший дороги Центральной Азии в 1830-е, писал, что караваны из Яркенда в Бухару через Памир тратят около 65 дней, проходя через Бадахшан, Балх и вдоль Аму-Дарьи.

Альтернативой был маршрут через Коканд (долиной реки Сырдарьи и через Андижан), который занимал всего около 45 дней. Однако разногласия между кокандским ханом и Цинами в конце XVIII – начале XIX вв. препятствовали широкому использованию этой дороги: кокандцы иногда задерживали бухарские караваны или облагали их данью, опасаясь их конкуренции. Лишь в более поздний период, когда отношения нормализовались, кокандский путь оживился. Преимуществом пути через Фергану была возможность использовать телеги на равнинном участке до Коканда, что удешевляло транспортировку грузов. На памирском же пути грузы приходилось весь путь вести на вьючных лошадях и обозах, с трудом преодолевая перевалы, где не было дорог. Тем не менее, несмотря на сложности, торговый трафик в конце XVIII века не ослабевал. Отчеты свидетельствуют, что ежегодно из Бухары в Кашгар отправлялись крупные караваны, иногда объединявшиеся из десятков небольших групп купцов. В

обратном направлении, из Синьцзяна, непрерывным потоком шел в Центральную Азию китайский чай, ткани и другие товары.

В конце XVIII – первой трети XIX века Бухарским ханством правила узбекская династия Мангытов, первый представитель которой – Мухаммад Рахим – пришел к власти в 1753 г. Мангытские эмиры, унаследовав традиции своих предшественников, продолжили покровительствовать торговле. В 1780–1790-х гг. при эмире Шахмураде (1785–1800) и эмире Хайдаре (1800–1826) караванная торговля достигла своего апогея. Бухарские купцы торговали не только с Китаем, но и со всеми соседними странами. Сохранилось множество сведений об их деятельности в Российской империи, Персии, Афганистане. Например, известно, что в 1770 году бухарские торговцы прибыли на ярмарку в Семипалатинск (Прииртышье), привезя с собой разнообразные товары: верблюжью шерсть (42 аршина ткани), хлопковые ткани (3670 аршинов), немного шелковых материй (81 аршин), шерсть (117 пудов) и крупный рогатый скот (1075 голов). Эти цифры показывают существенные объемы торговли и то, что Бухара выступала экспортером сырья (шерсти, скота) и хлопчатой ткани на российский рынок. Вырученные в России серебро и промышленные товары затем могли использоваться для приобретения китайских продуктов – тем самым торговые циклы связывали три стороны: Бухару, Россию и Китай.

Ташкент и многовекторная торговля Бухары в первой половине XIX в

Роль Ташкента. Город Ташкент, хотя и не входил непосредственно в состав Бухарского ханства (он в XVIII веке был автономным, а с начала XIX в. вошел в состав Кокандского ханства), играл большую роль в транзитной торговле региона, в том числе на маршрутах из Бухары в Китай. Расположенный на северо-восточной границе Мавераннахра, Ташкент был перекрестком торговых путей между казахскими степями, Ферганской долиной и Туркестаном. Бухарские купцы часто имели в Ташкенте своих представителей и склады, где перегружали товары. Через ташкентских посредников шла торговля с казахами: степняки привозили скот, кожу, войлок и соль, а увозили бухарские ткани, китайский чай, фарфор. Известно, что в Ташкент активно ввозились персидские и бухарские ткани, в то время как из Бухары через Ташкент отправляли дальше на север серебро (для приобретения русского товара) и такой специфический товар, как ремень (лекарственное сырье, ценившееся и в России, и в Китае) (Marsden, 2018). Таким образом, Ташкент служил своеобразным перевалочным пунктом на пути значительной части китайских товаров на север – в сторону Сибири и Оренбурга. Нередко чай из Китая сначала доставлялся караванами в Ташкент, там продавался или обменивался на местные товары, а затем уже ташкентские торговцы отправляли его дальше, вплоть до степных ярмарок Российской империи.

Связи с Персией и Индией

Бухарское ханство в XIX веке продолжало сохранять и другие направления внешней торговли, что дополняло его связи с Китаем. Особенно важной оставалась бухарско-иранская торговля. Через Герат и Мешхед бухарские купцы обменивались товарами с персидскими. Британский офицер А. Бернс, посетивший Бухару в 1832 году, отмечал, что из Бухары в Иран и Османскую Турцию вывозятся в большом количестве каракулевые шкуры (астраган), знаменитые бухарские ковры, а также другие ремесленные изделия (Burnes, 1834). В обратном направлении – из Персии – ввозились шелковые ткани из Язда и Кермана, сухофрукты, знаменитая иранская бирюза, которую затем торговцы предлагали на бухарском рынке (Blaraberg, 1841). Иранская бирюза в Бухаре зачастую реэкспортировалась далее на восток – вплоть до Китая, где этот полудрагоценный камень ценился для ювелирных изделий. Таким образом, Бухара выступала в качестве

распределительного центра: через нее китайский фарфор и чай шли в Иран, индийские специи – в Россию, русские металлические изделия – в Хиву и Афганистан, а персидские драгоценности и красители – в Китай.

Особого упоминания заслуживает торговля чаем, ставшая к XIX веку одним из наиболее доходных направлений. Зеленый чай прочно вошел в быт среднеазиатского населения, и спрос на него постоянно рос. Традиционно чай завозился напрямую из Китая через Кашгар. Однако с середины XIX века появился еще один канал: через Британскую Индию. Англичане, колонизировав Пенджаб и установив контроль над путями через Афганистан, начали экспортировать в Центральную Азию чай, который частично был китайского происхождения (реэкспорт из портов Калькутты и Бомбея), а частично уже индийского (с новых плантаций в Ассаме и Дарджилинге). В Бухару этот чай поступал через Кабул и Балх. По свидетельствам, лишь 25–30% чая на бухарском рынке имело индийское происхождение, остальное же представляло собой китайский чай, поступавший через индийских торговцев на условиях кредита (Burnes, 1834). Британские компании охотно давали чай бухарским купцам с отсрочкой платежа, надеясь таким образом потеснить китайский караванный импорт и привязать среднеазиатских потребителей к своим товарам.

Тем не менее, основной объем чая по-прежнему поступал традиционным путем – караванами через Коканд и Кашгар. В Кокандском ханстве этот чай называли «тукта-чай» и «ок-куйрук» – по названиям популярных сортов зеленого чая. Его упаковывали в ящики, а затем для дальнего транспорта перекладывали в плотные кожаные мешки, которые затем зашивали в сырые шкуры. Такая двойная упаковка (сверху сыромятная кожа, стянувшаяся при высыхании) герметично сохраняла аромат чая в долгом пути через пустыни.

Ежегодно через Коканд в Бухару ввозились огромные партии чая – по оценкам, до 950 выюков лошадей, или около 200 000 фунтов чая в год приходило из Яркенда в Бухару. Большая часть этого объема выпивалась в самом Туркестане, лишь небольшая доля шла далее на юг, в Афганистан. Бухарские и кокандские торговцы получали значительную прибыль: по данным Бернса, 1 выюк (около 250 фунтов) чая стоил в Яркенде 60 тилла, а продавался в Бухаре по 100 тилла – то есть с приблизительно 60–70% наценкой, что покрывало все издержки сложного пути. Восточнотуркестанские купцы из Хотана и Бадахшана, специализировавшиеся на торговле чаем, отмечали, что китайская сторона взимает невысокую пошлину и предоставляет удобства для торговли, поэтому «чайный бизнес» был весьма доходен. Лучшие сорта чая (например, называемый Бернсом «банча», привозимый через Астрахань в оловянных коробках) ценились очень высоко – до 4 рупий за фунт, однако основной потребляемый чай был средним по качеству зеленым чаем.

Таким образом, к середине XIX века торговая сеть Бухары охватывала огромное пространство: с востока на запад (от Китайской империи до Персии и Османской Турции) и с севера на юг (от российских сибирских городов до Индии). Бухарские купцы, используя сложившиеся отношения и свой авторитет, извлекали выгоду из роли посредников, поддерживая баланс между крупными империями.

XIX век: спад торговли и конкуренция с Россией

Во второй четверти XIX века наметились признаки снижения объемов прямой торговли Бухары с Китаем. Одной из причин стала экспансия Российской империи в Центральной Азии и перехват ею части традиционных торговых потоков. После основания русских крепостей в казахской степи и продвижения к линии Сырдарьи (взятие Ак-Мечети в 1853 г., основание Верного в 1854 г.), а затем к Тянь-Шаню, Россия

получила возможность напрямую торговать с пограничными городами Синьцзяна, минуя бухарских посредников. Кроме того, активизировались внутренние проблемы в самом Синьцзяне – восстания местного населения против цинского владычества (например, крупные волнения под предводительством Джохангир-ходжи в 1820–1830-х гг.), которые временно нарушали караванные пути.

По оценкам современников, к началу 1830-х объем торговли Бухары с Китаем сократился примерно на 40% по сравнению с предыдущими десятилетиями (Burov, 2020). Отчасти это было следствием того, что часть товара пошла по альтернативным каналам (через Россию). Так, русский караванный путь из Кяхты в Пекин, активно использовавшийся в первой половине XIX в., начал обеспечивать значительную часть китайского шелка и чая для российского рынка, где ранее посредниками выступали бухарцы на сибирских ярмарках.

Переломным моментом стал 1851 год, когда между Россией и Китаем был заключен Кульджинский (Илийский) договор. Хотя он касался в основном русско-китайской торговли, его последствия отразились и на среднеазиатских купцах. Российские купцы получили право беспошлинной торговли в городах Кульджа и Чугучак, что означало, что китайский чай, ткани и другие товары могли поступать к русским напрямую в Синьцзяне, без посредников. Цинские власти, стремясь не допустить перегрузки рынка, ограничили доступ бухарских и кокандских купцов к другим городам: им позволялось торговать лишь в традиционных базарах Кашгара и Яркенда, но не далее на север. Фактически бухарцам пришлось конкурировать с более капиталоемкими русскими торговыми домами на территории Синьцзяна. Это негативно сказалось на их прибыли.

Столкнувшись с новыми условиями, часть бухарских купцов решила переместиться поближе к источнику товаров – в Синьцзян. В середине XIX века многие семьи купцов из Бухары переселились на постоянное жительство в Кашгар, Яркенд, Кульджу, чтобы вести торговлю непосредственно там и не зависеть от ограничений на въезд. В Кашгаре и раньше существовала диаспора «бухарцев» – так называли всех выходцев из Туркестана, – но теперь она выросла. Эти торговые колонии поддерживали связь с родиной, но действовали относительно автономно. Даже путешественники второй половины XIX века отмечали присутствие бухарцев в отдаленных уголках Азии. Русский исследователь Н.М. Пржевальский, посетивший Кашгар в 1870-х, упоминал, что среди местного купечества значительную роль играют бухарцы – они содержат лучшие лавки, скупают товары из Китая и переправляют их на запад. Еще один путешественник, Г.Н. Потанин, встречал бухарских торговцев даже в городах северо-западного Китая и Монголии в те же годы, подчеркивая их предприимчивость и знание местных условий (Потанин, 1883). Эти наблюдения говорят о том, что даже во второй половине XIX века, несмотря на конкуренцию, бухарские купцы сохраняли активность и умели найти свою нишу.

Впрочем, объективные тенденции были не в пользу старой караванной торговли. После подавления цинским правительством восстания Якуб-бека и возвращения Синьцзяна под полный контроль (1877 г.), Китай начал проводить политику модернизации и интеграции края, строить телеграф и дороги. В то же время Россия завершила завоевание Средней Азии (взятие Ташкента в 1865, покорение Коканда к 1876 г.) и подвела к региону железную дорогу (Оренбург-Ташкентская магистраль открылась в 1906 г.). Все это неумолимо вело к закату многовековой эпохи караванной торговли. Бухарское ханство с 1868 года оказалось вассалом Российской империи (эмиратом под протекторатом), его внешняя торговля перешла под надзор русских административных органов. Приток недорогих фабричных товаров из Европы и

России постепенно вытеснил китайские ткани и фарфор с среднеазиатских рынков. Уже к 1880-м гг. объем прямой торговли с Китаем сократился до незначительных величин – лишь отдельные караваны с чаем и дарами еще курсировали, больше по традиции.

Заключение

Торговля Бухарского ханства с Китаем в XVI–XIX веках была важнейшим элементом экономической системы Центральной Азии и значимой частью общеевразийских торговых связей. Несмотря на появление морских путей и изменение геополитической конъюнктуры, караванные пути через Центральную Азию не утратили своего значения вплоть до середины XIX столетия.

Бухара, благодаря своему выгодному положению и предприимчивости своих купцов, выступала связующим звеном между Востоком и Западом. Через нее осуществлялся обмен товарами на тысячи километров: китайский шелк, чай и фарфор находили дорогу в степи Казахстана, на рынки Самарканда, на базары Мешхеда и Стамбула; взамен в Китай поступали лошади, меха, ткани, произведенные в Средней Азии, и даже товары из Европы, попадавшие туда через российские границы. В разные периоды торговля переживала взлеты и временные спады, но каждый раз адаптировалась к новым условиям. Политическая воля правителей (как бухарских, так и кашгарских, кокандских, а затем цинских) во многом определяла безопасность и интенсивность караванного движения.

Союзы и конфликты непосредственно влияли на купцов: так, объединение Шейбанидов и яркентских ханов в XVI веке дало толчок торговле, джунгарские войны тормозили ее, цинский захват Синьцзяна вновь открыл новые перспективы, а наконец, экспансия России создала новые вызовы. Тем не менее, бухарские купцы проявили удивительную гибкость, оставаясь ведущими посредниками в регионе до самого конца независимости ханства.

К середине XIX века, с углублением колониальной экспансии, старая система караванной торговли начала уступать место новой, имперской экономике, основанной на железных дорогах и морских перевозках. Российская конкуренция и секуляризация торговли привели к тому, что некогда прибыльные караванные пути постепенно опустели. Однако историческое значение этих путей трудно переоценить. Они способствовали не только движению товаров, но и культурному обмену, распространению знаний, технологий, обогащению народов Центральной Азии опытом и связями. Бухара на протяжении веков была настоящей «жемчужиной» на Шелковом пути, и ее торговля с Китаем – яркий пример того, как глубоко взаимосвязаны были экономики разных цивилизаций задолго до наступления эпохи глобализации.

Источники:

- Blaramberg, I. F. (1841). *Voyage en Asie centrale*. Paris: Imprimerie Royale.
- Burow, J. (2020). Foreign trade relations of the Khanate of Bukhara. *Bulletin of Science and Practice*. 6(3): 545–549. DOI: 10.33619/2414-2948/52
- Burnes, A. (1834). *Travels into Bokhara: Being an Account of a Journey from India to Cabool, Tartary and Persia*. London: John Murray.
- Burton, A. (1997). *The Bukharans: A Dynastic, Diplomatic and Commercial History 1550–1702*. Richmond: Curzon Press.
- Levi, S. (2020). *The Bukharan Crisis: A Connected History of 18th – Century Central Asia*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Marsden, M. (2018). Beyond Bukhara: Trade, identity and interregional exchange across Asia. *History and Anthropology*. 29 (sup1): 84–100. DOI: 10.1080/02757206.2018.1496915
- Paskaleva, E. (2014). Bukhara and Kashgar: Merchant networks and trans-Eurasian trade. *Journal of Asian History*. 48(1): 23–45.
- Poljakova, E.O. (2011). Бухарские купцы в русско-китайских торговых отношениях XVII в. *Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки*, (4): 82–92.
- Rajabov, Q., Inoyatov, S. (2016). *Vuxoro tarixi (История Бухары)*. Ташкент: Tafakkur Nashriyoti.
- Sultonova, G. (2010). The trade relation Bukhara and Yarkand Khanates in 16th – early 17th centuries. *Вестник МИЦАИ*. Вып. 11.

XVI-XIX ҒАСЫРЛАРДАҒЫ БҰҚАРА ХАНДЫҒЫНЫҢ ҚЫТАЙМЕН САУДА БАҒДАРЛАРЫ ЖӘНЕ САУДА ҚАТЫНАСТАРЫНЫҢ ГЕОГРАФИЯСЫ

Одил ЗАРИПОВ¹

¹PhD, Өзбекстан Ғылым академиясы Тарих институтының

ғалым хатшысы

Ташкент, Өзбекстан

baqtia@gmail.com

Аңдатпа. Мақалада XVI–XIX ғасырлардағы Бұқара хандығының Қытаймен сауда-экономикалық байланыстары қарастырылған. Бұқараны Қытайдың батыс өңірлерімен (Қашғар, Хотан, Жаркент арқылы, сондай-ақ Турфан мен Құмыл арқылы) байланыстырған негізгі керуен жолдары және екі ел арасында айырбасқа түскен тауарлардың түрлері – жібек пен фарфордан бастап жылқы, шай және жүнге дейін – талдауға алынған. Сауда дамуының тарихи кезеңдері Шейбанидтер мен Аштарханидтер әулеттерінің билік ету дәуірінен бастап, манжурлық Цин әулетінің кезеңіне дейін баяндалған. Саяси оқиғалардың (соғыстар, билеушілердің ауысуы, Шыңжаңның жаулап алынуы) керуен саудасының дамуы жағдайына тигізген ықпалы жеке назарға алынған. Сондай-ақ, Яркенд пен Ташкент сияқты Орталық Азия қалаларының сауда жолдары құрылымындағы рөлі көрсетілген. XIX ғасырдағы Ресейдің Орталық Азияға экспансиясының Бұқара–Қытай саудасына ықпалы және орыс–қытай транзитінің тарапынан болған бәсеке арнайы сараланған. Мақалада Бұқараның Қытаймен саудасының экономикалық маңызын жаңа қырынан бағалауға мүмкіндік беретін тарихи деректер мен зерттеулерден алынған тың мәліметтер пайдаланылған.

Түйін сөздер: Бұқара хандығы, Қытай, керуен саудасы, шейбанидтер, аштарханидтер; Цин империясы; сауда жолдары; Орталық Азия; Яркент; Шыңжаң.

КАРАВАННЫЙ (ИЗВОЗНЫЙ) ПРОМЫСЕЛ В КАЗАХСТАНЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Марат КАППАСОВ ¹ (ORCID ID 0000-0003-2469-8717)

¹магистр истории, учитель истории,

Уральск, Казахстан

kappasovmm@gmail.com

Аннотация. В статье на основе статистики кадастрового комплекса «Материалы по киргизскому (казахскому) землепользованию...» и широкого круга исторических источников и исследований рассматривается развитие извозного промысла в Казахстане в XIX – начале XX вв.

Анализируется функционирование караванной торговли как в транзитном режиме, так и в формате межобластного и межуездного обмена; показано, что торговые связи казахов простирались за пределы соседних стран, достигая отдалённых регионов, включая Индию. На материале нескольких караванов реконструируются количественные параметры дальних перевозок: численность верблюдов и лошадей, состав охраны и привлечённых солдат, объёмы воды и продовольствия, необходимые участникам экспедиций.

Отдельное внимание уделяется оплате труда извозчиков и системе вознаграждения владельцев выючного скота. Подчёркивается, что к началу XX в. в промысле было занято свыше 10 000 человек; фиксируется (хотя и ограниченное) участие женщин и подростков. Делается вывод, что в рассматриваемый период извозный промысел находился на стадии активного развития и играл значимую роль в хозяйственной жизни региона.

Ключевые слова: извоз, статистика, караваны, верблюды, перевозки.

CARAVAN (CARRIAGE) INDUSTRY IN KAZAKHSTAN IN THE XIX – EARLY XX CENTURIES

Marat KAPPASOV¹

¹Master of Science, History Teacher,

Uralsk, Kazakhstan

kappasovmm@gmail.com

Abstract. Drawing on statistical data from the cadastral source “Materials on Kyrgyz (Kazakh) Land Use...”, as well as a wide range of other historical sources and studies, the article examines the development of the cartage (camel and horse-drawn transport) trade in the territory of Kazakhstan during the 19th and early 20th centuries. The functioning of caravan trade is analyzed both in a transit format and within the framework of exchange between individual oblasts and uyezds.

It is noted that the Kazakhs maintained trade relations not only with neighboring states but also with more distant regions, including India. Using the example of several caravans, the author provides a detailed analysis of the quantitative parameters of organizing long-distance transportation: the number of camels and horses required for cargo transport, the composition of security and the number of soldiers engaged for escort duties, as well as the volumes of water and food necessary for the participants of such expeditions.

Particular attention is given to issues of remuneration for drivers and the payment system for the owners of pack animals.

It is emphasized that in the early 20th century more than 10,000 people in Kazakhstan were engaged in the cartage trade, with women and adolescents participating in this activity, albeit in small numbers. In conclusion, the author asserts that during the period under review, the cartage trade was undergoing a stage of active development, playing a significant role in the economic life of the region.

Keywords: transportation, statistics, caravans, camels, transportation.

Введение

Тема извозного промысла и караванной торговли традиционно вызывает интерес у исследователей, поскольку эти формы хозяйственной деятельности играли важную роль в экономических связях Евразии. С древности известны торговые маршруты, такие как «путь из варяг в греки», «путь благовоний», и особенно «Шелковый путь», частично проходивший по территории современного Казахстана. Эти пути включали морские, речные и сухопутные направления, способствуя обмену товарами, технологиями и культурами между народами.

В XIX – начале XX веках караванная торговля и извозный промысел стали важными компонентами экономической и социальной жизни казахского общества. Они обеспечивали транспортировку товаров как внутри региона, так и за его пределами, формируя устойчивые хозяйственные связи с Центральной Азией, городами Российской империи, Китаем и рядом других стран.

Несмотря на значимость темы, вопросы функционирования и трансформации извозного промысла в казахской степи остаются недостаточно исследованными. Настоящая работа направлена на восполнение этого пробела.

Цель исследования – всесторонний анализ масштабов, структуры и особенностей извозного промысла среди казахского населения на примере ряда уездов Казахстана в XIX – начале XX веков.

Задачи исследования – определить географию распространения промысла в исследованных регионах, установить социальный состав участников, реконструировать караванные маршруты и объемы перевозок, охарактеризовать экономическую значимость промысла.

Источниковую базу составляют материалы статистических экспедиций, объединенные в серию «Материалы по киргизскому землепользованию» (МКЗ), данные Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года (ВПНРИ), мемуарные описания, а также труды отечественных и зарубежных исследователей.

Вопросы транспортных коммуникаций, торговли и вовлечения кочевого населения в рыночные отношения рассматривались в трудах дореволюционных исследователей, таких как Левшин, Мейендорф, Мейер, Колмогоров. Их наблюдения предоставляют ценный этнографический и экономический материал по казахской степи первой половины XIX века. Из советской историографии особое значение имеет работа Е. Бекмаханова «Казахстан в 20–40-е годы XIX века», в которой анализируются процессы социально-экономических изменений в условиях колониальной политики.

Среди современных отечественных исследователей выделяются труды Абилова, Акимбекова, Джумагалиевой, Масанова и т.д., рассматривающие извозный промысел, землепользование и трансформацию кочевого хозяйства на рубеже веков.

Особую ценность для настоящего исследования представляет источник под названием «Материалы по киргизскому землепользованию» (МКЗ), собранные в результате обширных статистических экспедиций царского правительства в конце XIX – начале XX века. В рамках этих исследований было охвачено значительное число уездов Казахстана. Однако ряд территорий – Мангышлакский, Гурьевский и частично Каркаралинский уезды – остались вне поля статистического наблюдения. МКЗ содержат данные о численности населения, его хозяйственной деятельности,

уровне землевладения, скотоводстве и занятии промыслами, включая извоз. Все сведения представлены в систематизированных таблицах и позволяют проводить количественный и сравнительный анализ.

Дополнительно использованы переведенные на русский язык воспоминания английских инженеров Дж. Уорделла и Н. Фелла, проживавших в Казахстане в начале XX века. Оба автора работали в Центральном Казахстане, тесно контактировали с местным населением, наблюдали повседневную жизнь казахов изнутри и сами участвовали в охотах и караванных переходах. Также были приведены данные 84-го тома Первой Всеобщей переписи населения Российской империи по Уральской области.

В работе применены количественный и сравнительно-исторический методы. На основе табличных данных МКЗ и сопоставления сведений из различных уездов проводится анализ численности лиц, занятых в извозном промысле, масштабов перевозок и экономических показателей. Особое внимание уделено соотношению между статистикой, отраженной в МКЗ, и данными ВПНРИ (Первая всеобщая перепись населения Российской империи), а также причинам расхождений. Кроме того, проводится содержательный анализ мемуарных и описательных источников.

В начале XIX века казахские степи, особенно территория Младшего жуза, представляли собой зону повышенной опасности для торговых караванов и дипломатических миссий. Начало XIX века характеризовалось тем, что казахская степь еще не была полностью включена в административное и военное пространство Российской империи. Территории Младшего жуза оставались самостоятельными в вопросах внутреннего порядка, что создавало сложности для безопасного прохождения торговых караванов. В условиях недостаточной централизованной координации и продолжавшихся родоплеменных противостояний караванные маршруты зачастую становились уязвимыми. Российские купцы и дипломатические миссии, учитывая возможные угрозы, прибегали к военному сопровождению, заручаясь поддержкой казахских султанов или формируя конвой из регулярных воинских частей.

Об этом свидетельствуют источники: для посольства в Бухару в начале XIX века было нанято 358 верблюдов у казахов. Для их сопровождения привлекли 60 погонщиков и 5 проводников, а также военную охрану, включающую пехотинцев и несколько сотен казахов, предоставленных одним из султанов (Мейендорф, 1975: 22–24). Несмотря на дипломатический статус, миссия потребовала масштабной охраны.

В 1824–1825 годах был организован один из крупнейших караванов под началом купца Евграфа Кайдалова. В него входило свыше 2 000 верблюдов и отправился он из Оренбурга в Бухару. Его сопровождали 250 пехотинцев, 250 казаков, артиллеристы и два конных орудия (Караван-записки, 1827. Ч. I: 51; Добросмыслов, 1899: 26). Дополнительно к нему присоединился второй караван из Орской крепости, при котором было еще 150 казаков (Добросмыслов, 1899: 27). Общая численность сопровождения достигала 1 300 человек, а сам караван включал 2 500 верблюдов, 1 300 лошадей и 40 000 голов мелкого скота (Караван-записки, 1827. Ч. II: 46).

Однако даже такая охрана не смогла защитить караван от нападения. В пустыне Кызылкум он был окружен хивинцами и находился в осаде две недели. В результате были утрачены 2 000 верблюдов, 40 000 баранов и 2 000 тюков с товаром. Убытки составили 550 026 рублей (Караван-записки, 1827. Ч. II: 96–97). Караван был вынужден повернуть обратно, не дойдя 300 верст до пункта назначения.

Эти эпизоды демонстрируют, что на раннем этапе XIX века торговля через степи сопровождалась серьезными рисками. Даже крупные караваны с вооруженным конвоем подвергались нападениям, что требовало от купцов поиска более безопасных маршрутов и стратегий взаимодействия с местным населением.

Однако несмотря на сложности, торговля между Россией и Центральной Азией продолжала развиваться. Купцы стремились находить альтернативные маршруты доставки товаров в Бухару и обратно. В источниках упоминаются три основных пути из Бухары в Россию: через Хиву и Сарайчик в Астрахань, далее по Волге до Нижнего Новгорода; через Петропавловск; и третий – через территорию Младшего жуза. Последний путь, хотя и короче, считался опасным из-за частых нападений: «... по которому старались ходить меньше, так как часто нападали казахи» (Мейендорф, 1975: 123).

После включения южных регионов Казахстана в состав Российской империи и проведения административно-территориальной реформы 1867–1868 годов, безопасность на караванных маршрутах значительно возросла. Нападения практически прекратились, и караванная торговля достигла значительных объемов. Так, по данным Бекмаханова, «караванную торговлю России со Средней Азией ежегодно обслуживали от 5 до 6 тысяч верблюдов» (Бекмаханов, 1992: 66). В другом источнике указано, что в 1855 году киргизы доставили из Троицка в Оренбургское укрепление 6 000 четвертей хлеба на 2 900 подводах и получили за это 12 760 рублей (Мейер, 1865: 226).

Сведения Колмогорова дополняют картину, разделяя караваны Средней Азии (Центральной Азии) на три разряда: большие (до 2 500 верблюдов), средние (от 300 до 1 000) и малые (около 100 верблюдов) (1855: 32–35). Первые направлялись в Семипалатинск, Петропавловск, Троицк, Оренбург; вторые – обслуживали внутренние маршруты степи; третьи – шли в Каркаралинский, Аягузский и Кокбектинский округа. Караваны третьего разряда, как правило, состояли из небогатых торговцев и ориентировались на краткосрочные и локальные маршруты, преимущественно в пределах южных уездов. Все категории активно торговали с казахским населением, меняя товары на скот, включая торговлю в долг.

По наблюдению Колмогорова, крупнейшие караваны отправлялись в путь обычно один раз в год, и маршрут занимал около трех месяцев. Средние караваны курсировали с меньшей периодичностью, а малые – несколько раз в год, покрывая сравнительно короткие расстояния (500–700 верст). Это свидетельствует о высокой степени регулярности торговли и хорошей организации логистики.

Участниками караванной торговли были представители различных этносов и регионов. Купцы происходили из Бухары, Коканда, Хивы, Ташкента, Оренбурга, Троицка, Петропавловска, Семипалатинска, Верного. В караванах принимали участие как русские и татарские купцы, так и индийские торговцы (Колмогоров, 1855). Таким образом, караванная торговля объединяла широкий спектр социальных и этнических групп, играя важную роль в межрегиональных связях.

Караваны также шли и на восток. Мейендорф упоминает татарских купцов, ходивших через Семипалатинск на Кульджу (Мейендорф, 1975). Торговля с Китаем подтверждается публикацией в «Туркестанских ведомостях» (1872), где описан караван, отправившийся из Нарына в Кашгар с грузом чая: в 1869 году – 17 верблюдов, в 1870 году – уже 100 верблюдов. Несмотря на конфискацию груза в первый раз, купец вновь организовал торговлю, что говорит о ее высокой прибыльности.

Казахстан был не только транзитной территорией, но и важным торговым рынком. Как писал Левшин: «Петр I сказал, что казахские степи являются ключом для России в Азию. По моему мнению казахские степи не являются ключами в Азию, казахские степи являются для России самой Азией». В 1834 году почти половина экспорта хлопчатобумажных тканей из России приходилась на Казахстан (Акимбеков, 2018: 317).

Извоз к концу XIX века почти полностью был сосредоточен в руках казахов. Как писал Дж. Уорделл: «Практически все извозчики и водители гужевого транспорта в стране – казахи, многие тысячи людей и животных постоянно заняты перевозками» (Уорделл, 2020: 376). Таким образом, караванная торговля на территории Казахстана в XIX – начале XX веков отличалась развитой инфраструктурой маршрутов, широким географическим охватом и активным участием различных этнических и социальных групп.

Результаты

Анализ статистических данных (МКЗ) показывает, что на конец XIX – начало XX веков наибольшее количество извозчиков фиксируется в южных и центральных уездах Казахстана. Особенно выделяются Чимкентский (2 308 человек), Перовский (1 983), Казалинский (1 977) и Кустанайский (1 785) уезды. Значительное число промысловиков также наблюдается в Актюбинском (927) и Петропавловском (572) уездах. В Иргизском уезде извозом занимались 361 человек, в Усть-Каменогорском – 146, в Каркаралинском – 89. В некоторых уездах, таких как Темирский (6), Атбасарский (15), Тургайский (данные отсутствуют), количество извозчиков было незначительным.

На фоне количественного распределения особенно выделяются Лбищенский и Петропавловский уезды, в которых, несмотря на сравнительно небольшое количество извозчиков, отмечаются высокие доходы – 105 719 и 50 761 рублей соответственно. Это говорит о выгоде перевозок в этих регионах, вероятно, благодаря выгодному географическому положению и устойчивому спросу на транспортные услуги.

На рубеже XIX и XX веков в некоторых областях произошло резкое увеличение количества людей, занимавшихся извозным промыслом. Например, в Сырдарьинской области по переписи 1897 года извозом занимались 3 149 человек (Абилов, 2005), а по данным МКЗ по трем уездам этой области (Перовскому, Чимкентскому и Казалинскому) в 1910–1913 годах – 6 268 человек. В Тургайской области по переписи 1897 года числилось 213 извозчиков (Абилов, 2005), однако по данным МКЗ (приблизительно в конце XIX века) по уездам Кустанайскому, Актюбинскому и Иргизскому – более 3 000 человек. Таким образом, за 13–15 лет наблюдается кратный рост числа участников промысла.

Различия в цифрах объясняются спецификой учета: ВПНРИ акцентировалась на численности населения и проводилась в сжатые сроки, в то время как МКЗ представляли собой результат длительных полевых исследований с акцентом на структуру хозяйства и промыслов, проводимых в течение нескольких лет. В некоторых уездах исследования проводились повторно, что также увеличивало точность подсчетов. В целом, по представленным уездам промыслом занимались 10 688 человек. Эта цифра подтверждает широкое распространение извозного промысла среди казахского населения.

Следует отметить, что в настоящем исследовании были охвачены 15 уездов, по которым удалось найти точные количественные данные о числе участников извозного промысла. В 11 из этих уездов информация была извлечена из «Материалов по киргизскому землепользованию» (МКЗ). По оставшимся 4 уездам использованы данные из 84-го тома Первой Всеобщей переписи населения Российской империи (1897 г.) по Уральской области.

Анализ показал, что сведения из МКЗ более полны и детализированы, особенно в разделах, содержащих таблицы статистики промысловой занятости. Это объясняется природой самого источника: МКЗ создавались как статистическая основа для определения пригодных для изъятия земель у кочевников. Именно поэтому в них детально фиксировались формы экономической активности населения, включая извоз. Вместе с тем, в ряде случаев данные по извозу отсутствуют – вероятно, в силу локальной специфики или слабой развитости промысла в конкретных районах.

Значительное вовлечение казахских кочевников в извозный промысел объясняется совокупностью экономических и социально-географических факторов, несмотря на их традиционную зависимость от скотоводства, которое, по данным Н. Масанова (1995), оставалось основным источником жизнеобеспечения для более чем 80% населения. Во-первых, расширение транзита товаров и сырья через территорию Казахстана, а также рост объемов вывоза продукции повысили спрос на транспортные услуги. Во-вторых, активное проникновение российского и иностранного капитала способствовало включению кочевых сообществ в рынок. Кочевники демонстрировали высокую степень адаптивности к новым экономическим реалиям, особенно в уездах, примыкающих к крупным административным и торговым центрам, таким как Омск. В условиях выбора между трудоемким земледелием и более привычным способом хозяйствования – извозом, многие кочевники предпочитали последнее. Это подтверждается, в частности, данными по Омскому уезду, где земледелием занимались лишь 3% хозяйств, а остальное население сосредотачивалось на промыслах: извозе, поденщине и других формах временной занятости (Чермак, 1908: 28).

Основной контингент извозчиков составляли мужчины. Однако в отдельных случаях, особенно при необходимости перевозки грузов на короткие расстояния, в промысле участвовали также женщины и подростки (МКЗ по Казалинскому уезду, 1913: 73).

Анализ имеющихся источников позволяет систематизировать номенклатуру и направления грузоперевозок в рамках извозной деятельности. В частности, на территории Казалинского уезда наблюдалось функционирование как локального, так и межрегионального (отхожего) извоза. Внутриуездные перевозки преимущественно включали рыбу, муку и соль. Экспортная деятельность из уезда охватывала транспортировку угля и рыбы в направлениях Бухары, Хивы и других региональных центров. Импортные операции обеспечивали поступление шерсти, хлопка и пшеницы. Средняя грузоподъемность одного верблюда варьировалась от 12 до 20 пудов, при этом стоимость одного рейса составляла 8–12 рублей (МКЗ по Казалинскому уезду, 1913: 72–73).

Экспортно-импортные и транзитные операции достигали значительных масштабов. Из Казахстана вывозились скот, мясные и молочные продукты, шерсть, зерновые. Внутренний извоз также был интенсивным: кочевники преодолевали сотни километров, чтобы обменять скот на зерно, особенно в таких уездах, как Актюбинский и Аулие-Атинский.

Особый интерес представляет участие кочевников в транспортировке продукции с месторождений полезных ископаемых. Инженер Нельсон Фелл, работавший в Казахстане в начале XX века, писал: «Казахи на сорока или пятидесяти верблюдах перевезли зимой 1 200 слитков меди от Успенского рудника до Петропавловска на расстояние в 500 миль (примерно 800 км) за тридцать дней» (Фелл, 2024: 130–131). Таким образом, номенклатура грузов включала продовольственные, сырьевые и промышленные товары, а география перевозок охватывала как внутриконтинентальные, так и международные маршруты.

Верблюды в извозном промысле кочевников: преимущества и организация. В условиях степной и полупустынной зоны Казахстана использование верблюдов в извозном промысле имело ряд практических преимуществ перед применением лошадей. По данным середины XIX века, верблюд считался «драгоценным животным в степи» (Очерки..., 1859: 23). Он был неприхотлив к воде, мог потреблять горькую, застоявшуюся и даже испорченную воду, а также способен обходиться без питья до трех суток, не теряя при этом работоспособности.

Кроме того, верблюд требовал значительно меньше внимания в уходе. В источниках отмечается, что вечером после тяжелого дня погонщик мог просто развьючить животное и отпустить его пастись, в то время как с лошастью необходимо было проводить ряд действий – распрягать, поить, пасти всю ночь, следить за безопасностью и перегруппировывать с утра. Верблюд же, как правило, самостоятельно находил корм и не уходил далеко от стоянки, облегчая процесс погрузки и продолжения пути (Очерки..., 1859: 23–24).

Характерным примером масштабной организации караванной логистики служит описание перехода из Петропавловска в Ташкент, зафиксированное в «Материалах по киргизскому землепользованию». Согласно этим данным, ташкентские купцы во время ярмарок в Атбасарском и Петропавловском уездах договаривались с казахскими извозчиками об организации каравана, уточняли число верблюдов, плату и вид груза. Кладь состояла преимущественно из мануфактурных изделий, железа и бересты.

Караван формировался из 500 верблюдов и делился на «косы» по 50 животных, за каждой из которых закреплялся проводник. В пути группы из 3–4 кос шли с интервалом 0,5–1 верста, при каждом отряде находились 2–3 лошади. Время в пути регулировалось погодными условиями: сначала двигались с 10 утра до 18 часов, позже – от восхода до 15–16 часов. Особенно трудным участком маршрута была Голодная степь, которую проходили за один переход (МКЗ по Атбасарскому уезду, 1902: XXXIV–XXXV).

Средняя нагрузка на одного верблюда составляла 15 пудов. За перевозку одного пуда взималась плата от 50 копеек до 1 рубля. Обратный караван из Ташкента доставлял в казахские степи изюм, урюк, рис, ковры, одеяла и прочие товары восточного ассортимента (МКЗ по Атбасарскому уезду, 1902: XXXV).

Дополнительные данные о расценках на перевозку позволяют проследить динамику изменения стоимости транспортных услуг. Согласно описанию А.И. Левшина, за провоз от Оренбурга до Бухары в 1820–1822 годах киргизы (казахи) брали от 80 до 120 рублей ассигнациями за одного верблюда. До Хивы – около двух третей этой суммы (Левшин, 1832: 237–238).

Важно учитывать, что ассигнационный рубль начала XIX века значительно обесценивался по отношению к серебряному. После денежной реформы 1843 года, официальное соотношение составляло 1 серебряный рубль = 3,5 ассигнационных

рублей. Таким образом, пересчет в ценах конца XIX века (в золотых рублях, введенных в 1897 году) дает ориентировочный диапазон от 20 до 34 рублей за перевозку одного верблюда на дальнем маршруте в 1820-х годах.

В то же время, по данным конца XIX – начала XX века, извозчики получали от 7 до 12 рублей за одного верблюда за один рейс (при ставке 70 копеек – 1 рубль за пуд и нагрузке 10–12 пудов).

Таким образом, выбор в пользу верблюдов определялся как их биологической приспособленностью к климатическим условиям региона, так и организационными преимуществами в условиях длительных торговых переходов.

Дискуссия

Факторы значимости извозного промысла в начале XX века. В конце XIX – начале XX вв. наметилась тенденция к постепенному снижению масштабов извозного промысла, особенно на дальние маршруты. Одним из косвенных свидетельств служат данные по перевозке соли с Эльтонских и Баскунчакских месторождений: в 1896–1898 годах в этом промысле участвовало от 1660 до 2580 верблюдов, погонщиками которых преимущественно были казахи (Джумагалиева, 2012: 588). Несмотря на внушительные цифры, это указывает на ограниченность применения гужевого транспорта в отдельных секторах.

Снижение спроса на извоз было вызвано строительством железных дорог. В 1893 году была введена в эксплуатацию узкоколейная линия Рязань–Уральск, в 1894 году – участок Сибирской железной дороги Омск–Петропавловск, а в 1905–1906 гг. – магистраль Оренбург–Ташкент (Абилов, 2005). Кроме того, действовали специальные линии промышленного назначения, например, между Экибастузскими угольными копями и Иртышом (Головачев, 1905/2014: 344). Летом активно использовались водные пути, прежде всего река Иртыш, для транспортировки грузов.

Тем не менее, даже в условиях транспортной модернизации гужевой извоз сохранял важное значение. Так, в период с 1909 по 1915 год в Оренбург поступило 69 941 тысяч пудов хлебных грузов, из которых 85% было доставлено именно гужевым транспортом, и лишь 15% – по железной дороге (Хворостянский, 1916: 2). Это свидетельствует о медленном вытеснении извозного промысла новыми технологиями и устойчивости традиционных форм транспортировки в условиях ограниченного железнодорожного покрытия.

Выводы

Проведенное исследование позволяет прийти к целому ряду значимых выводов, уточняющих характер, масштабы и эволюцию извозного промысла и караванной торговли на территории Казахстана в XIX – начале XX века.

Во-первых, извоз и караванная торговля в казахской степи представляли собой важнейший элемент транспортно-логистической инфраструктуры дореволюционного периода. Они обеспечивали как внутреннюю мобильность, так и межрегиональные связи с Центральной Азией, Россией и Китаем. Казахстан выступал не только как транзитная зона, но и как самостоятельный рынок товаров и услуг, встраиваясь в экономическое пространство империи.

Во-вторых, участие казахского населения в извозном промысле носило не эпизодический, а системный характер. К концу XIX века извоз стал массовым источником дохода. Статистические данные показывают значительный рост численности промысловиков за период с 1897 по 1913 годы, особенно в таких областях, как Сырдарьинская и Тургайская. Это свидетельствует о быстрой адаптации кочевого населения к рыночным условиям, формировании транспортной специализации и расширении профессиональной занятости.

В-третьих, извозный промысел демонстрировал высокую степень организации. Караваны формировались по строгим правилам, с учетом расстояний, погодных условий, географии спроса. Участниками транспортных операций выступали как крупные купцы и конторы, так и мелкие промысловики, объединенные во временные артели. Особую роль играли верблюды как универсальное транспортное средство, обеспечивающее устойчивость перевозок в климатических и инфраструктурных условиях степи и полупустыни.

В-четвертых, извоз охватывал широкий спектр перевозимых грузов – от хлеба и скота до меди и мануфактуры. Грузы следовали как по внутренним маршрутам, соединяющим кочевые районы с ярмарками и административными центрами, так и по трансрегиональным направлениям – в Бухару, Хиву, Кашгар, Оренбург, Омск, Петропавловск. Таким образом, извозный промысел обслуживал не только локальные, но и международные экономические связи.

В-пятых, несмотря на начавшуюся во второй половине XIX века транспортную модернизацию – строительство железных дорог, узкоколеек и использование речного флота, – гужевой извоз сохранял свое значение вплоть до 20-30 годов XX века. Его устойчивость объясняется как экономическими причинами (гибкость, доступность, независимость от расписания), так и ограниченностью железнодорожной сети в казахской степи. Даже в 1909–1915 годах более 85% хлебных грузов продолжали поступать в Оренбург гужевым транспортом.

Наконец, проведенный анализ позволяет утверждать, что извозный промысел на территории Казахстана в рассматриваемый период был не маргинальной, а ключевой формой экономической деятельности, способствующей интеграции кочевого населения в рыночные отношения. Он служил мостом между традиционным образом жизни и формирующейся капиталистической экономикой, обеспечивая занятость, доходы и мобильность в условиях быстро меняющегося хозяйственного уклада.

Таким образом, извозный промысел в Казахстане представлял собой важнейшее явление социально-экономической истории, и его изучение позволяет более глубоко понять процессы модернизации, адаптации и трансформации казахского общества в дореволюционный период.

Таблица № 1. Количество людей, занимавшихся извозным промыслом и доход, получаемый кочевниками от этого промысла.

№	Название уезда	Количество людей, занимавшихся извозным промыслом	Количество заработанных рублей
1	Тургайский	-	122
2	Уральский	32*	18 991
3	Темирский	6*	603
4	Петропавловский	572	50 761
5	Омский	91	-
6	Кустанайский	1 785	-
7	Иргизский	361	17 904
8	Актюбинский	927	-
9	Усть-Каменогорский	146	-
10	Каркаралинский	89	-
11	Перовский	1 983	-
12	Казалинский	1 977	-
13	Чимкентский	2 308	-
14	Лбищенский	116*	105 719
15	Гурьевский	280*	-
16	Атбасарский	15	-
17	Копальский	-	-
18	Верненский	-	-
19	Джаркентский	-	-
20	Лепсинский	-	-
21	Зайсанский	-	-
22	Семипалатинский	-	-
23	Павлодарский	-	-
24	Аулие-Атинский	-	-
25	Мангышлакский	-	-
	Итого	10 688	

Статистические данные взяты с следующих источников: МКЗ по Тургайскому уезду. 1911: 283; МКЗ по Уральскому уезду. 1909: 418, 424, 430; МКЗ по Темирскому уезду. 1910: 284–285; МКЗ по Петропавловскому уезду. Повторное обследование. 1910. Таблица статистических сведений о промысловых заработках. 44–45; МКЗ по Омскому уезду. 1902: 181; МКЗ по Кустанайскому уезду. 1903. Порайонная таблица. 96; МКЗ по Иргизскому уезду. 1913: 239; МКЗ по Актюбинскому уезду. 1903: 42–43. Порайонная таблица сатистических сведений с группировкой хозяйств по количеству лошадей. 72; МКЗ по Усть-Каменогорскому уезду. 1905: 340; МКЗ по Каркаралинскому уезду. 1905: 87; МКЗ по Перовскому уезду. 1912: 97; МКЗ по Казалинском уезду. 1913: 72–73; МКЗ по Чимкентскому уезду. 1910: 136; МКЗ по Атбасарскому уезду. 1902: 351;

*Первая Всеобщая Перепись Населения Российской империи 1897 года. LXXXVIII. Уральская область. 1904: 97, 102, 105, 106.

Источники:

Абилов, К.Ж. (2005). К вопросу о предпринимательском характере извозного промысла в Казахстане во второй половине XIX – начале XX века. Вестник Карагандинского университета. https://otherreferats.allbest.ru/transport/00873787_0.html

Акимбеков, С. (2018). Казахстан в Российской империи. Алматы.

Бекмаханов, Е. (1992). «Казахстана в 20–40-е годы XIX века» Учебник. Алма-Ата.

Вульфсон (1901). Киргизы.

Добросмыслов, А. (1899). Торговля в Тургайской области. Памятная книжка Тургайской области 1899 г. Оренбург: 21–144.

Джумагалиева, К.В. (2012). Участие казахов в перевозке Эльтонской и Баскунчакской соли. Известия пензенского государственного педагогического университета. гуманитарные науки. №27: 586–589.

Две поездки в Кашгар с караваном купца Кузнецова (1872). Туркестанские ведомости. 1 августа. 1872 год. № 30.

Первая Всеобщая Перепись Населения Российской империи 1897 года. (1904). LXXXVIII. Уральская область: 125.

Караван – записки, во время похода в Бухарию Российского каравана, под войским прикрытием, в 1824 и 1825 годах; веденая начальником одного Каравана над купечеством, Ефграфом Кайдаловым (1827). В 3-х частях. Москва. 440 с.

Каппасов, М. (2021). Промыслы у кочевников начало XX века: на примере Уральской и Тургайской областей. Вестник волгоградского университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 26, №4: 102–116.

Киргизское хозяйство в Акмолинской области. Т. III. Петропавловский уезд. Повторное обследование. 1908 год. (1910). Санкт-Петербург.

Колмогоров (1855). О промышленности и торговле в киргизских степях Сибирского ведомства.

Левшин, А. (1832). Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Часть Третья: этнографические известия. Санкт-Петербург.

МКЗ по Перовскому уезду (1912). Ташкент.

МКЗ по Чимкентскому уезду (1910). Ташкент.

МКЗ по Казалинскому уезду (1913). Ташкент.

МКЗ по Тургайскому уезду (1911). Оренбург.

МКЗ по Атбасарскому уезду собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область. Атбасарский уезд. (1902). Воронеж. Том II

МКЗ, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Уральский уезд (1909). Оренбург.

МКЗ, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Темирский уезд (1910). Оренбург.

МКЗ, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область. Омский уезд. (1902). Омск. Т. XI.

МКЗ, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Тургайская область. Кустанайский уезд. (1903). Воронеж. Т. V.

МКЗ, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Иргизский уезд. (1913). Оренбург.

МКЗ, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Тургайская область. Актюбинский уезд. (1903). Воронеж. Т. VII.

МКЗ, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Семипалатинская область. Усть-Каменогорский уезд (1905). Санкт-Петербург. Т. IX.

МКЗ, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Семипалатинская область. Каркаралинский уезд. (1905). Санкт-Петербург. Т. VI.

МКЗ, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Лбищенский уезд. (1914). Оренбург.

Масанов, Н.Э. (1995). Кочевое цивилизация казахов: основы жизнедеятельности немодного общества. Москва-Алма-Ата.

Мейендорф, Е.К. (1975). Путешествие из Оренбурга в Бухару. Москва.

Мейер, Л. (1865). Материалы по географии и статистике России, собранные офицерами генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Санкт-Петербург.

Нельсон, Фелл. (2024). Русские и кочевники. Алматы.

Очерки Зауральской степи и Внутренней или Букеевской орды. (1859). Москва.

Уорделл, Дж. (2020). В Казахских степях. Нур-Султан.

Хворостанский, П.А. (1916). Оренбургский хлебный рынок. Оренбург.

Чермак, Л. (1908). Форма киргизского землепользования. Сибирские вопросы. №23.

XIX–XX ҒАСЫРДЫҢ БАСЫНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ КЕРУЕН (ЖҮК ТАСЫМАЛЫ) КӘСІБІ

Марат КАППАСОВ¹

*¹магистр, тарих мұғалімі, Орал, Қазақстан
kappasovmm@gmail.com*

Аңдатпа. Мақалада «Қырғыз (қазақ) жер пайдалану материалдары...» атты кадастрлық дереккөздің, сондай-ақ өзге де тарихи дереккөздер мен зерттеулерде келтірілген статистикалық мәліметтерге сүйене отырып, XIX–XX ғасырдың басындағы Қазақстан аумағындағы жүк тасу кәсібінің (керуен тасымалы) дамуы қарастырылған. Керуен саудасының транзиттік форматта да, жекелеген облыстар мен уездер арасындағы айырбас шеңберінде де жұмыс істеу тетіктері талданған.

Зерттеуде қазақтардың сауда байланыстары көрші мемлекеттермен ғана шектелмей, Үндістанды қоса алғанда, неғұрлым алыс өңірлерді де қамтығаны атап өтіледі. Бірнеше керуен мысалында автор қашыққа жүк жеткізуді ұйымдастырудың сандық параметрлерін егжей-тегжейлі талдап, жүкті тасымалдауға қажет түйе мен жылқы саны, күзет құрамы, керуенге ілескен сарбаздар саны, экспедиция қатысушыларына қажетті су мен азық-түлік көлемін анықтауға күш салған. Ерекше назар жүк тасушылардың еңбекақысын төлеу мәселелеріне және жүк артатын мал иелерін сыйақымен қамтамасыз ету жүйесіне аударылған.

XX ғасырдың басында Қазақстанда жүк тасу кәсібімен 10 мыңнан астам адамның айналысқаны, сонымен қатар, аз мөлшерде болса да, бұл кәсіпке әйелдер мен жасөспірімдердің қатысқаны жеке атап көрсетілген. Қорытындысында, қарастырылып отырған кезеңде жүк тасу кәсібі белсенді даму сатысында болып, өңірдің әлеуметтік-экономикалық өмірінде маңызды рөл атқарғаны туралы тұжырым жасалған.

Түйін сөздер: тасымалдау, статистика, керуен, түйе, тасымалдау.

THE TRANSMISSION AND RECEPTION OF WESTERN GODDESS ICONOGRAPHY IN EAST ASIA

Ayumi SHIEGNOBU¹

¹*University of Osaka, Osaka, Japan*
shigenobu.ayumi.hmt@osaka-u.ac.jp

Abstract. This paper explores how Western goddess iconography influenced East Asian visual and literary traditions, focusing on the Chinese tale Mu Tianzi Zhuan. It argues that the encounter between King Mu and the Queen Mother of the West reflects the ancient motif of hieros gamos (sacred marriage), wherein a goddess grants royal authority to a mortal king. Tracing its origins to Mesopotamian hymns—especially those about King Shulgi—and linking them to the Pazyryk tapestry and Scythian beliefs, the paper suggests a west-to-east transmission of iconographic and mythological elements.

These motifs later appeared in Chinese pictorial stones, where divine investiture was depicted through celestial chariots and goddess encounters. The concept also shaped the Altai goddess Umai, illustrating how oral traditions and visual symbolism gave form to religious beliefs and legitimized kingship.

Keywords: Mu Tianzi Zhuan, the Queen Mother of the West, hieros gamos (sacred marriage).

БАТЫС ӘЙЕЛ-ҚҰДАЙ ИКОНАГРАФИЯСЫНЫҢ ШЫҒЫС АЗИЯДА ТАРАЛУЫ МЕН ҚАБЫЛДАНУЫ

Аюми СИЭГНОБУ¹

¹*Осака университеті, Осака, Жапония*
shigenobu.ayumi.hmt@osaka-u.ac.jp

Аңдатпа. Мақалада батыстық құдай-әйел иконографиясының Шығыс Азия көркем және әдеби дәстүрлерге әсері қытайлық Му Тянци Чжуан хикаясы негізінде қарастырылады. Автор патша Му мен Батыс Ханшайымы арасындағы кездесуді құдай-әйелдің өлімді патшаға патшалық билік беретін көне hieros gamos (қасиетті неке) мотивінің көрінісі ретінде түсіндіреді. Бұл мотивтің бастаулары месопотамиялық гимндерден, әсіресе патша Шульгиге арналған жырлардан іздестіріліп, олар Пазырық кілемімен, сондай-ақ сақ дәуіріндегі наным-сенімдермен салыстырылады.

Автор иконографиялық және мифологиялық элементтердің батыстан шығысқа таралу гипотезасын ұсынады. Аталған мотивтер кейіннен қытай тас рельефтерінде көрініс тауып, онда құдай тарапынан билік беру бейнелері аспан арбалары мен құдай-әйелмен кездесу арқылы суреттелді. Бұл тұжырымдама Алтайдың Ұмай құдай-ана бейнесінің қалыптасуына да ықпал етіп, ауызша дәстүрлер мен көркем символиканың діни наным-сенімдерді қалыптастыруда және патшалық билікті заңдастыруда атқарған рөлін айқын көрсетеді.

Түйін сөздер: Му Тианци Чжуан, Батыс патшайымының анасы, hieros gamos (қасиетті неке).

Introduction

This paper examines the possibility that Western goddess iconography influenced the formation of the Chinese tale *Mu Tianzi Zhuan* (The Tale of King Mu, Son of Heaven). The climax of *Mu Tianzi Zhuan* occurs in Volume III, where King Mu of the Zhou dynasty has an encounter with the Queen Mother of the West (Xiwangmu). Why did King Mu need to meet Xiwangmu? In the text, it is stated: «On an auspicious day, the jiazi day, King Mu paid a visit to the Queen Mother of the West. He brought with him a white gui 白圭 and a dark green bi 玄璧 to see her¹... «The bi is generally understood as a circular jade disc with a hole in the center, symbolizing status and bearing significant symbolic meaning.

Guo Pu 郭璞 interpreted the phrase as King Mu expressing his utmost respect through the offering of the jade. While that interpretation is valid, this scene also likely reflects a ceremonial structure in which the earthly king visits the «The Di Nu 帝女» – a divine female figure. By closely analyzing this scene, it is possible to discern the depiction of a sacred ritual of divine investiture, where the goddess bestows royal authority upon the king.

The concept of the «divine right of kings» is closely tied to the idea of a hieros gamos, or sacred marriage, between a goddess and a terrestrial ruler. This ideology was expressed through iconography and mythology, and it spread from Western Asia to Egypt and East Asia. Representations of this idea may include the image of a goddess and a horseman found on the tapestry from the Pazyryk kurgans in the Altai region, as well as narratives such as those found in the *Mu Tianzi Zhuan*.

The Encounter Between the Queen Mother of the West and King Mu – A Sacred Feast with the Goddess

The following passage appears in Volume III of *Mu Tianzi Zhuan*, which is the focus of this paper:

On an auspicious day, the jiazi day, King Mu paid a visit to the Queen Mother of the West. He brought with him a white gui and a dark green bi, and saw them to the Queen Mother. He offered brocaded cloth of a hundred strands, and three hundred strands of □ brocade. The Queen Mother accepted them with bowing. □. On the day yichou, King Mu had a feast with the Queen Mother of the West at the Jade Pond. The Queen Mother sang a ballad for King Mu: 'White clouds in the sky, mountains rise of their own accord. The road is long and distant, rivers and mountains lie between. May you not die, may you come again.' King Mu replied: 'I shall return to the Eastern lands and govern the Central States. The people shall be at peace, and I shall come to see you again. Within three years, I shall return here.' The Queen Mother sang again: 'Before you reach the Western lands, I reside here. Tigers and leopards roam in herds, and magpies dwell with me. The divine decree does not change; I am the Daughter of Heaven. Why should mortals come and leave? Flutes and drums resound, my heart soars. I am the child of heaven, the hope of all under heaven.' Then King Mu ascended Mount Yan, inscribed his footprints on a stone, and planted a pagoda tree, calling it the Mountain of the Queen Mother of the West.²«

1 吉日甲子天子賓于西王母。乃執白圭玄璧以見西王母...

2 吉日甲子。天子賓于西王母。乃執白圭。玄璧。以見西王母。好獻錦組百純。□組三百純。西王母再拜受之。□。乙丑。天子觴西王母于瑤池之上。西王母爲天子謠曰。白雲在天。山隄自出。道里悠遠。山川間之。將子無死。尚能復來。天子答之曰。予歸東土。和治諸夏。萬民平均。吾顧見汝。比及三年。將復而野。西王母又爲天子吟曰。比徂西土。爰居其野。虎。豹爲羣。於。鵲與處。嘉命不遷。我惟帝女。彼何世民。又將去子。吹笙鼓簧。中心翔翔。世民之子。唯天之望。天子遂驅升于弇山。乃紀丕迹于弇山之石。而樹之槐。眉曰西王母之山。(The edition of the *Sibu Beiyao* (四部備要) published by Zhonghua Book Company (Taiwan) in 1987 includes the Qing-dynasty collation by Hong Yixuan (洪頤煊), completed in 1800.

The passage described above clearly depicts an encounter between the Queen Mother of the West, a «the Daughter of Heaven» and King Mu. The Queen Mother hosts a banquet for King Mu at the Jade Pond (Yaoci 瑶池). Ichiro Kominami (小南一郎) interprets such banquets between a deity and a king as rituals that «likely preserve ancient characteristics rooted in communal sacrificial feasts (xiang yin shi, xiang shi 鄉飲食、鄉食) of the pre-Qin period, functioning as communal rites of shared consumption». (Kominami, 1984: 386). Although Kominami makes this observation in reference to the banquet scene between the Queen Mother of the West and Emperor Wu in the Han Wudi Neizhuan (The Biography of Emperor Wu of Han), it is plausible that the banquet described in Volume 3 of the Mu Tianzi Zhuan reflects a similar type of ritual. Furthermore, the narrative includes an xiangwen (mutual love song or antiphonal love exchange), which may be interpreted as representing the ritual of hieros gamos – a sacred marriage between the goddess and the king. Masako Mori compares this description to the Mesopotamian «Hymn to King Shulgi» and notes their structural similarities. She states the following regarding the influence of Mesopotamia on China:

«The 'Hymn to King Shulgi' was loved by the people of Sumer and enjoyed widespread popularity over a long period. Presumably, it was transmitted to China at the end of the Western Zhou period in a form that included the 'Hymn to King Shulgi'. There, it likely became integrated with the legend of King Mu, known as the 'travel-loving Son of Heaven who journeyed westward'. (Mori, 1995: 66).

Mori points out similarities between Mu Tianzi Zhuan and the Sumerian «Hymns to King Shulgi» particularly in the antiphonal exchanges between Shulgi and the goddess Inanna. She argues that Mu Tianzi Zhuan is a literary work composed on the basis of the Mesopotamian Shulgi hymns. Furthermore, she suggests that the encounter between King Mu and the Queen Mother of the West was intended to perform a sacred marriage (hieros gamos) (Mori, 2013: Chapter 7). In this view, the sacred marriage ritual had been mythologized and disseminated as far as China.

In addition, Mori Kazu notes that «the brocaded gifts King Mu presented to the Queen Mother of the West are interpreted by Guo Pu with reference to the Zhouli (Rites of Zhou), which describes marriage mediation». (Kirimoto et al., 2014: 144) He suggests that this encounter should be seen as a ritual of sacred marriage.

What about the Altai region, which was a key hub for East-West exchanges?

The Altai region, historically close to the Indo-European Scythians, showed strong cultural exchanges with them. Artifacts from the Pazyryk burial mounds reveal Scythian-style animal motifs, indicating a mix of Altai and Scythian cultures through the movement of people and goods. Mythological connections are also evident, with scholars highlighting shared traditions like the Jiu Shui legend.

One notable artifact from Altai depicts a figure sitting on a chair, holding a branch from a twisted tree decorated with flowers and fruits. This tree resembles the «Tree of Life» found in ancient West Asian art and symbolizes royal power.

Herodotus describes the main gods worshipped by the Scythians, including Hestia (called Tabiti in their language), Zeus, Gaia, Apollo, and others. The goddess depicted in the Altai Tapestry artwork is often identified as Tabiti, showing the influence of Scythian religious beliefs in the region. Based on this, the goddess depicted on the Tapestry from Altai is sometimes identified as Tabiti (≡ Hestia).

The Goddess Iconography of the Pazyryk Kurgans (Figure 1)

The tapestry depicting the goddess was excavated from Kurgan No. 5 of the Pazyryk burial mounds. According to archaeological reports: «The burial chamber measured 6.65 × 8.25 meters. Inside it, an outer wooden coffin of 3.4 × 6.4 meters and an inner coffin of 2.3 × 5.2 meters were constructed using timber. The wall hanging, along with nine horse remains, a four-wheeled carriage, and the aforementioned carpet, was found rolled up in the space between the burial pit and the outer coffin». (Tanabe and Maeda, 1999: 345) The wall hanging is described as follows: «It is divided into upper and lower sections by floral motifs, with the same scene repeated in both: a seated figure in a chair facing a mounted warrior». (Tanabe and Maeda, 1999: 345) This composition, which shows a mounted figure approaching a seated one, appears to represent an encounter. Toshio Hayashi, in his commentary, notes that the seated figure wears a long dress and has no beard, identifying the person as female. Furthermore, the curved branch she holds is interpreted as a «sacred tree» or «tree of life», reinforcing the identification of the figure as a goddess. The rider is equipped with a gorytos – a type of bow case typical of Scythian warriors—suggesting that Scythian cultural elements were present in the Altai region. This iconographic motif of a male warrior approaching a seated goddess is not limited to Scythian contexts but also appears in Western Asia, where it is understood to symbolize royal investiture. Such imagery also appears in Chinese visual culture, particularly in the stone reliefs known as the pictorial stones. One example is the lintel relief from the Sui De tomb, which will be discussed in the following section.

Figure 1. A depiction of a goddess, excavated from the Pazyryk kurgan
(Tanabe and Maeda, 1999: 38).

Depictions of the Queen Mother of the West in Pictorial Stones

One notable example can be observed in a lintel relief collected from Suide County, currently held by the Beilin Museum in Shaanxi Province (Figure 2). In the left section of the composition, the Queen Mother of the West is depicted seated frontally in a dignified posture. On the right side, a figure riding in a vehicle is portrayed facing left, in the direction of the Queen Mother of the West. A bird flying ahead of the vehicle is also rendered flying leftward, reinforcing the overall sense of motion toward the Queen Mother of the West. According to the museum's interpretive notes, the figure in the vehicle is identified as King Mu of Zhou.

Although the vehicle is referred to as a «chariot» in the accompanying explanation, it lacks wheels. Instead, three birds—interpreted as «immortal cranes» – are shown flying parallel toward the left, seemingly pulling the vehicle. To their left, a running figure holds a curved staff-like object, and below this figure is an animal resembling a tiger or another feline species, which appears to be playing a zither-like instrument. All figures and creatures are oriented leftward.

To the left of this group, a toad is depicted standing with raised arms, holding a short object and turning its back toward the viewer, legs extended outward. Further left, a nine-tailed fox faces leftward. Above the fox, a rabbit is shown pounding something in a mortar with a pestle – a well-known motif in East Asian lunar mythology. To the left of this scene is a three-legged crow, also oriented left. Beneath it is a bird in a kneeling position, apparently offering reverence to the Queen Mother of the West. Flanking the seated goddess on either side are two kneeling human figures, likewise shown in an act of worship.

At both ends of the lintel are circular motifs. The circle on the right contains a left-facing bird, presumably representing the sun. The left circle includes a right-facing rabbit and toad; the rabbit appears to be running. Taken as a whole, the composition proceeds from right to left—from the sun-bearing vehicle toward the enthroned the Queen Mother of the West – suggesting a symbolic narrative or cosmological journey.

The theme of a chariot traversing the sky can also be observed in Greco-Roman iconography, notably in depictions of Helios (later conflated with Apollo), as seen in Figure 3. In contrast to the Chinese motif drawn by cranes, Helios drives a four-horse chariot with wings. He typically holds a long staff in his right hand, as does the charioteer in the Chinese relief, who wields a whip-like object. Despite differences in the number and type of animals pulling the vehicle, the overarching theme—a celestial journey by chariot—is strikingly parallel in both cultural contexts.

In another example—the painted lintel relief from the tomb of Shenmu Daobaodang (Figure 4)—a vividly colored image is preserved, depicting a figure dressed in a red robe riding in a dragon-drawn chariot on a journey toward the Queen Mother of the West. The background features arabesque scroll patterns as a unifying design motif, within which several elements are represented: the red-robed charioteer, a driver, a ceremonial banner (mingjing) trailing behind the chariot, the Queen Mother of the West, a dragon, a rabbit, an immortal pounding with a pestle, and a toad with arms and legs spread wide.

The ceremonial banner behind the chariot is shown streaming to the right, enhancing the sense of swift motion. Since the vehicle is drawn by a dragon—a mythological creature – this image, too, is most likely intended to depict a mythical or cosmological realm rather than a scene from the mundane world.

At the far right of the image appears a red sun containing a black bird, while at the far left is a white moon marked by a toad with dark spots. The rabbit, feathered immortal (yuren), and bird depicted to the left of the Queen Mother of the West all appear to be rendered in white pigment. The overall composition is organized around right-to-left movement: the chariot-borne figure travels from the right side of the panel toward the left, where the Queen Mother of the West is portrayed frontally. This spatial arrangement suggests that the narrative theme of the relief is a visit or journey undertaken to pay homage to the Queen Mother of the West.

These pictorial stones serve as evidence of the transmission of the motif of the encounter between a goddess and a king to East Asia.

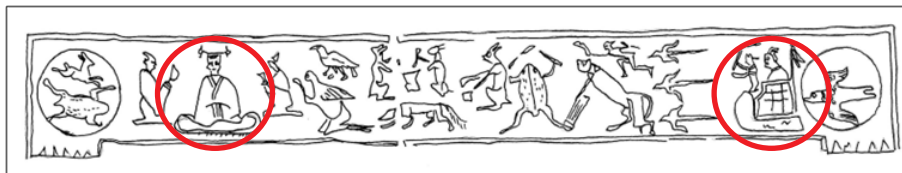

Figure 2. Decorative lintel stone from a tomb in Suide, depicting a mythological encounter between a royal figure and the Queen Mother of the West. (Tang, 2000). Complete collection of Chinese pictorial stones: Pictorial stones of the Han dynasty in Shaanxi and Shanxi (Vol. 5: 153).

Figure 3. Helios, from the collection of the Louvre Museum.

Figure 4. Decorative lintel stone from the Shénmù Dàbǎodāng tomb (Tang, 2000). Complete collection of Chinese pictorial stones: Pictorial stones of the Han dynasty in Shaanxi and Shanxi (Vol. 5: 225)

The Goddess and the King: Divine Investiture of Royal Authority

Figure 5 depicts a scene from a cylinder seal dated to around 2130 BCE, showing an audience involving Gudea, the ruler of Lagash. The seal was excavated at Girsu. In the image, Gudea is accompanied by a lesser-ranking goddess and is being led by his personal protective deity, Ningishzida, into the presence of Enlil, the chief god of the Sumerian pantheon³.

Enlil is depicted holding a plant-like object, which he appears to hand over to Ningishzida. This composition, in which a deity bestows a life-related botanical element, parallels imagery found in both the Altai region and China. Such iconographic similarities suggest a shared symbolic vocabulary across cultures.

Alongside the diffusion of visual motifs, myths—such as the hymns dedicated to King Shulgi – may have also been transmitted orally across regions. Through such East-West exchanges, these traditions likely influenced Chinese literature, eventually taking shape in works like the *Mu Tianzi Zhuan*.

The nomadic peoples of the Altai practiced a form of shamanism that recognized spiritual presence in all things. Within this belief system, the figure of «Umai», the goddess of fertility, must be considered. Her emergence may be interpreted as a visual embodiment shaped under the influence of Western goddess imagery – particularly those holding the Tree of Life—and the oral traditions surrounding divine investiture of kingship.

Makiko Ogiwara states that «From an etymological perspective, umai is rooted in terms relating to the female reproductive organs, encompassing phenomena associated with childbirth such as the womb and afterbirth. Consequently, the fetus carried within the womb is also subsumed under the semantic field of umai. Within this conceptual framework, umai reflects a culturally embedded concern for safe delivery and the healthy development of the newborn. As such, umai is venerated as a goddess who facilitates childbirth and protects the neonate, embodying both reproductive and nurturing aspects of femininity⁴. «. In other words, at first, «Umai» existed merely as a conceptual term. However, with the introduction of goddess imagery bearing the Tree of Life and mythological narratives in the form of oral literature, «Umai» gradually took on a concrete form and was reified as a divine being.

This suggests that visual iconography and myth played a formative role in shaping religious belief. Moreover, these elements contributed not only to the visualization of

3 Sumerian Shakespeare. (n.d.). The seal of Gudea: Gudea, with shaven head, is accompanied by a minor female deity (Iamma, guardian spirit). He is led by his personal god, Ningishzida, into the presence of Enlil, the chief Sumerian god. Retrieved June 26, 2025, from <http://sumerianshakespeare.com/25401>

4 Ogiwara, M. (2021). Umai: The origin of life – A view of life among Siberian hunting cultures. Fujiwara Shoten.

«Umai» but also to a narrative reconfiguration of the concept of divine kingship. In this process, the original, perhaps abstract notion of divine investiture was reinterpreted and transformed into story through the influence of cross-cultural imagery and oral traditions.

Figure 5. Cylinder seal of Gudea, ruler of Lagash. Height: 2.7 cm. Excavated at Telloh. Collection of the Louvre Museum. Photograph by the author.

Conclusion

The motif of the encounter between a goddess and a king—as seen in Mesopotamian oral traditions such as the «Hymns to King Shulgi» – likely exerted influence on literary works such as the Mu Tianzi Zhuan as these myths and accompanying iconography spread eastward. Through visual transmission, these motifs were reinterpreted within different cultural contexts, leading to transformations in the meaning of «divine kingship».

In the Altai region, which was originally centered around shamanistic beliefs, the diffusion of iconography depicting encounters between goddesses and kings contributed to the formation of the image of «Umai», a fertility goddess, who eventually became an object of veneration. This development is exemplified by scenes found in the Pazyryk kurgans, depicting a goddess in dialogue with a mounted warrior. These images then further spread into China, where the scene of King Mu's audience with the Queen Mother of the West was engraved on stone reliefs.

Over time, the narrative structure also underwent inversion, with depictions of the goddess visiting the emperor becoming more common. However, the core mythical motif of the divine encounter between the king and the goddess remained intact and continued to be transmitted.

In this way, iconographic representations became standardized and fixed, and while similar myths and narratives emerged across different regions, their interpretations varied. As a result, distinct mythological traditions were cultivated within each cultural sphere.

References:

- Kominami, Ichiro. (1984). Chinese myths and tales: The development of ancient novels. Iwanami Shoten.
- Kirimoto, T., Mori, K., Yajima, A., Kawamura, U., and Yoshida, A. (2014). Translation and commentary of Mu Tianzi Zhuan [III]. *Shigaku*. 83(2–3): 139–165.
- Mori, M. (1995). Boku-Ō sankā [Hymn to King Mu]. *Rokugokan*, 65(1/2).
- Mori, M. (2013). The biographies of divine women: Comparative mythology II. Keio University Press.
- Tang, C. (2000). Complete collection of Chinese pictorial stones: Pictorial stones of the Han dynasty in Shaanxi and Shanxi (Vol. 5, fig. 225). Shandong Fine Arts Publishing House.
- Matsumura, K. (Ed.), Mori, M. (Ed.), and Okita, M. (Ed.). (2015). Encyclopedia of world goddesses. Harashobo.
- Ogiwara, M. (2021). The origin of life: Umai – Perspectives on the spirituality of Siberian hunting cultures. Fujiwara Shoten.
- Tanabe, K., and Maeda, K. (Eds.). (1999). Central Asia (Vol. 15, The Great Encyclopedia of World Art: Oriental Series. Shogakukan.

ПЕРЕДАЧА И ВОСПРИЯТИЕ ЗАПАДНОЙ ИКОНОГРАФИИ БОГИНЬ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Аюми СИЭГНОБУ¹

¹Университет Осаки

Осака, Япония

shigenobu.ayumi.hmt@osaka-u.ac.jp

Аннотация. В данной статье рассматривается влияние западной иконографии богинь на визуальные и литературные традиции Восточной Азии, в частности, на китайскую повесть «Му Тяньцзы Чжуань». В статье утверждается, что встреча царя Му и царицы-матери Запада отражает древний мотив иерогамии (священного брака), когда богиня дарует царскую власть смертному царю. Проследивая его истоки в месопотамских гимнах, особенно посвященных царю Шульги, и связывая их с пазырыкским гобеленом и скифскими верованиями, авторы статьи предполагают передачу иконографических и мифологических элементов с запада на восток. Эти мотивы позднее появились на китайских каменных рисунках, где божественное наделение изображалось через небесные колесницы и встречи богинь. Эта концепция также повлияла на образ алтайской богини Умай, иллюстрируя, как устные традиции и визуальная символика формировали религиозные верования и легитимировали царскую власть.

Ключевые слова: Му Тяньцзы Чжуань, царица-мать Запада, иерогамия (священный брак).

**V. ОРТАЛЫҚ АЗИЯНЫҢ ЭТНИКАЛЫҚ ЖӘНЕ
ЛИНГВИСТИКАЛЫҚ ГЕОГРАФИЯСЫ, ТАРИХИ
ТОПОНИМИЯСЫ**

**V. ETHNIC AND LINGUISTIC GEOGRAPHIES, HISTORICAL
TOPONYMY OF CENTRAL ASIA**

ПРАРОДИНА ЯЗЫКА ДАРИ (НА ПРИМЕРЕ БАКТРИЙСКОЙ НАДПИСИ ИЗ «СУРХ-КОТАЛА»)

Рахмонали ШАРИФОВ¹

*¹доктор исторических наук, профессор, Таджикский национальный университет
Душанбе, Таджикистан
rahmon6060@mail.ru*

Аннотация. Бактрийский язык относится к одной из ветвей древнеиранских языков, ареал распространения которого охватывал территорию древнего государства Бактрия, позднее известного как Тохаристан. В период правления Кушанской империи бактрийский язык выполнял функции государственного. До конца XX века сведения о нём оставались крайне ограниченными: лингвистам были известны лишь немногочисленные надписи на монетах, керамических фрагментах, каменных гирях, а также на фрагментах кожи и шёлка, выявленные в ходе археологических раскопок.

Значительный прорыв в изучении бактрийского языка был достигнут в 1993 году, когда при раскопках в Рабатаке, близ Сурх-Котала в Северном Афганистане, была обнаружена уникальная надпись на бактрийском языке, выполненная греческим алфавитом. Известно, что бактрийская письменность базировалась на греческом алфавите с незначительными модификациями. Важным открытием стало выявление в языке значительного числа слов, которые до настоящего времени сохраняются в лексике таджиков Северного Афганистана, что дало основание ряду исследователей рассматривать их как прямых потомков бактрийцев.

Ключевые слова: Тохаристан, Бактрия, Сурх-Котал, прародина, надпись, дари.

THE ANCESTRAL HOME OF THE DARI LANGUAGE (BASED ON THE BACTRIAN INSCRIPTION FROM SURKH KOTAL)

Rakhmonali SHARIFOV¹

*¹Doctor of Historical Sciences, Professor, Tajik National University
Dushanbe, Tajikistan
rahmon6060@mail.ru*

Abstract. The Bactrian language belongs to one of the branches of the Eastern Iranian languages, whose area of distribution encompassed the territory of the ancient state of Bactria, later known as Tokharistan. During the rule of the Kushan Empire, Bactrian functioned as the state language. Until the late 20th century, information about it remained extremely limited: linguists had access only to a small corpus of inscriptions found on coins, ceramic fragments, stone weights, as well as on pieces of leather and silk, discovered in the course of archaeological excavations.

A major breakthrough in the study of the Bactrian language occurred in 1993, when excavations at Rabatak, near Surkh Kotal in northern Afghanistan, uncovered a unique inscription in Bactrian written in the Greek script. It is known that Bactrian writing was based on the Greek alphabet with minor modifications. An important finding was the presence of a significant number of words in Bactrian that are still used in the lexicon of the Tajiks of northern Afghanistan, leading some researchers to consider them direct descendants of the Bactrians.

Keywords: Tokharistan, Bactria, Surkh Kotal, ancestral home, inscription, Dari.

Бактрийский язык, наравне с другими древними языками является мертвым языком древнеиранских племен, населявших Центральную Азию с глубокой древности. Сам бактрийский язык – язык древнейшей области расположенной на территории Центральной Азии – Бактрии. Сведения о ней встречаются еще в священной книге зороастрийцев – Авесте, а также надписи из Бехистуна, относящейся к периоду правления Ахеменидской династии.

Эта историческая области по верхнему и среднему течению Амударьи, между Гиссарским хребтом на севере и Гиндукушем на юге. В зороастрийской традиции уделено довольно много места Бактрии, однако, в большинстве своем данные традиции относятся к позднему времени. В самой Авесте имя «Бактрия» встречается только один раз – в первом фаргарде Видевдата, перечисляющем «правоведные» зороастрийские области. Традиция называет Балх резиденцией Дави Виштаспы, покровителя Заратуштры. Согласно этой версии, Заратуштра пришел в Балх (Бактры) из Арьянэм-Вайяах, своей родины. Впервые Балх как местопребывание Кави Виштаспы упоминается только у Табари, однако это сообщение должно было входить в цикл легенд и эпических преданий по крайней мере уже в сасанидский период. На эти предания опирается и рассказ в «Шахнаме» о принятии шахом Гуштаспом (Кави Виштаспа Авесты) в Балхе учения Заратуштры. Гуштасп строит в Балхе храмы огня. Здесь же, в Бактрии, согласно «Шахнаме», протекает и дальнейшая деятельность Заратуштры, тут он якобы был и убит неким Балатнарсэ. К Бактрии относят проповедь Заратуштры и «Зардуштнома» – поэма, написанная в 1278 г., по-видимому, в г. Рее неким Зартуштом, сыном Бахрама сына Пажду. Есть основания полагать, что одним из источников для «Зардуштнома» послужили не дошедшие до нас части Авесты (История таджикского народа, 1998: 273).

В период завоевания и присоединения Бактрии к Ахеменидскому государству сведений о ней мало. Известно из Бехистунской надписи, что она была в ее составе в качестве XII сатрапии и платила 360 талантов золотом (История таджикского народа, 1998: 279).

Коренные изменения в бактрийском языке происходят после завоевания Средней Азии Александром Македонским в 329-327 гг. до н.э., вхождение этой территории в Селевкидскую империю, а затем образование в II в. до н.э. независимого греко-бактрийского государства существенно отразилось не только в политической и социальной жизни общества, но и в культурной. Эпоха слияния восточной и западной культур получившей затем название эллинизм отразилось в первую очередь на бактрийском языке. Именно в этот период происходит приспособление греческого языка для бактрийского (Оранский, 1960: 34).

На рубеже нашей эры происходит движение, начавшееся в эпоху правления кушанского царя Канишки. Нумизматические данные показывают, что в его правление на монетах появляются бактрийские надписи. Это также свидетельствует о прочных эллинистических традициях в Бактрии в первые века нашей эры и влиянии греческого языка и культуры. Греческая письменность и язык получили распространение после завоевания Александра Македонского и образования Селевкидского и Греко-Бактрийского царства, о чем свидетельствуют многочисленные эпиграфические находки на территории Средней Азии, к сожалению фрагментарные, надписи на сосудах, монетах, самыми интересными можно отметить надписи на древнегреческом языке на территории храма Окса из эллинистического памятника Тахти-Сангин на юге Таджикистана (Иванчик, 2009: 45; Вексина, 2009: 48). Именно в этих надписях встречаются бактрийские имена и бактрийские слова. Некоторые исследователи считают это временем сложения бактрийской письменности,

которая стала преобладающей именно в кушанскую эпоху. Новая письменность появляется лишь с того момента, когда греческие буквы стали использоваться не для записи имен собственных и титулов, а нарицательных слов и связанных текстов на негреческом языке. В результате были выработаны определенные орфографические приемы передачи греческими буквами негреческих звуков. Таким образом, такой древнеиранский язык как бактрийский получил свою письменность в эпоху Великих кушан (Лившиц, 1974: 34).

Китайские источники первой половины VII в. н.э. сообщают, что в стране Ту-хо-ло (Тохаристан) имеется особое письмо из 25 букв и читается оно по горизонтали слева направо, и что в Бамиане «употребление письма, правил веры и монет такое же, как и в царстве Ту-хо-ло; язык несколько отличен», а в стране Каписа «письменность во многом соответствует письменности Ту-хо-ло; обычаи, язык и правила веры довольно различны». Также говорится о том, что в Ше-ки-ни (Шугнан) и в стране Шанг-ми (Читрал?) письменность та же, что и в стране Ту-хо-ло, а язык – другой.

Китайские путешественники отмечают наличие в Тохаристане большого числа литературных сочинений, больше, чем в Согде. По-видимому, эту же письменность имел в виду арабоязычный автор XII в. ал-Самани, когда он сообщал о том, что в областях Вашгирд (совр. Файзабад) и Кувадиан (совр. Шаартуз) имелся особый алфавит, которым были написаны книги. Однако, до находок в Сурх-Котале и Рабатаке до наших времен дошли всего лишь обрывки в несколько строк и ни одна из которых не была полная (Бартольд, 1964: 64; Основы иранского языкознания, 1981: 67; Беруни, 1957: 67–68).

Полномасштабные археологические работы на территории Таджикской и Узбекской ССР в 50–70 гг. XX века дали обширный эпиграфический материал, который позволил наконец-то определить о существовании бактрийского языка и письменности и определить лингвистами структуру языка. К этому времени стало известно о находках, сделанных на территории соседней страны Афганистана французскими археологами, которые работали на территории северного Афганистана с 20-х годов XX века. Храмовый комплекс на холме Сурх-Котал дал материал для лингвистов, которые определили язык как восточноиранский и предположительно, как «тохарский». Наконец, в 1957 году была открыта известняковая плита с 25 полностью сохранившимися строками «Большой сурхкотальской надписи» с которой, собственно, и началось изучение бактрийского языка, до тех пор не включавшегося обычно в сводные очерки и обзоры иранских языков. Хотя до этого на обзоре бактрийских памятников надписей на сосудах в Фархадстрое Узбекской ССР М. Оранским был, упомянут «кушанский» язык (Лившиц, 1964: 45).

Как отмечали исследователи-лингвисты, благодаря надписи из Сурх-Котала были убедительно поняты и безусловно правильно объяснены целый ряд слов и фраз и были сформулированы веские доводы в пользу обозначения языка «бактрийским»: «Язык надписи занимает промежуточное положение между пашто и йидга-мунджанским, с одной стороны согдийским, хорезмийским и парфянским, а с другой: он находится в Бактрии на своем естественном и законном месте» (Кушев, 2008: 89). В.Б. Хенинг интерпретировал сурхкотальскую надпись как строительную, т.е. повествующую о строительстве и ремонте гидротехнических сооружений в 31 году эры Канишки. Данная гипотеза впоследствии была подтверждена археологическими изысканиями.

В 1958–59 гг. в Сурх-Котале были открыты две другие версии той же надписи, отличающиеся заключительной частью и написаниями отдельных строк. Помимо трех версий Большой сурхкотальской надписи на раскопках храмового комплекса Сурх-Котала были найдены также «Незаконченная надпись», фрагменты «Стенной надписи»,

многочисленные обломки на колоннах и обломках сосудов. Открытие и изучение бактрийского языка дало толчок для дальнейших археологических изысканий. Так, были обнаружены фрагменты бактрийских надписей при раскопках буддийского комплекса Кара-Депе (Узбекистан), Дашти Навур (Афганистан), Дальберджин (Афганистан), Афрасиябе (Узбекистан), Древнем Пенджикенте (Таджикистан). Мощный толчок в открытии и изучении бактрийского языка и кушанского государства закрепила находка еще одной надписи в 1993 году, при раскопке в афганском селении Рабатаг, недалеко от Сурх-Котала.

Сурх-Котал расположен в области Баглан на севере Афганистана на расстоянии 250 км северо-запада от Кабула. На памятнике, высотой примерно 150 м от уровня дневной поверхности, расположен холм, поверхность которого покрыта красноватым суглинком, от которого памятник и получил свое название «Сурх Котал» – «Красный холм». Вокруг расположены поселения земледельцев – таджиков, проживающих здесь с незапамятных времен и кочевых племен, которые были переселены в конце XX века. Как отмечают исследователи, население, проживающее в данном регионе, можно называть биологическими потомками бактрийцев, так как среди слов упоминающихся в надписях Сурх-Котала и Рабатака до сих пор имеются слова, которые употребляются в быту. Например: «обфарастери» – «администрация воды», «шо» (шох) – «правитель», «сот» (чох) – «колодец», «номбарг» – «великий», «мазу кард» (тамом кард) – «закончил», «хути» (худои) – «божественный», «навсол» (навшод шодиена) – «праздничный», «фарумон» (фармон) – «приказ», «багшох» (шохи бузург) – «великий правитель», «багбухар» (фағфур, багпур, бародари бузург, шахзода) – «царевич» и т.д. (Хабиби, 2017: 156).

Таким образом, исследования надписей из Сурх-Котала показывают, что общее количество слов бактрийских слов, имеющих иранские этимологии больше сотни. Заимствований из других языков, составляют примерно два и слова из греческого и вавилонского. При этом можно отметить, что культурная значимость бактрийского языка в определенные периоды была весьма значима, в определенные периоды, наряду с согдийским языком, он был важным средством продвижения иранской культуры в Центральной Азии и за ее пределами, так как на сегодняшний день памятники бактрийского языка обнаружены в Китае, Пакистане и Индии (Ходжаева, 2023).

Советский ученый И.М. Оранский выдвигал предположение о происхождении современного таджикского языка из бактрийского. Тогда его гипотеза вызывала сомнение, однако наличие употребляемых слов из надписи Сурх-Котала в современном говоре таджикского населения в Северном Афганистане частично подтверждает это предположение (Оранский, 1960: 87). Хотелось бы также отметить, что до сих пор отмечаются случаи нахождения бактрийских надписей на территории распространения бактрийского языка. В 2022 году в Таджикистане в Гиссарском районе, в селении Алмоси была сделана уникальная находка-надпись на скале. И в 2025 году археологические работы на городище Халкаджар также дали артефакт – кувшин с надписью на бактрийском языке. Все эти находки пока находятся на стадии изучения исследователями. Однако, они показывают, что ареал распространения бактрийского языка находится на территории Центрального и Южного Таджикистана и Афганистана.

Таким образом, надписи из Сурх-Котала стали прорывом, открывшим миру ныне мертвый, а когда-то язык могущественного государства, на котором говорили великие цари и создавались уникальные памятники. Несмотря на то, что эпиграфических материалов мало, новейшие археологические памятники продолжают открывать новые стороны этого культурного феномена.

Источники:

Бартольд, В.В. (1964). Сочинения. Москва. Том II.

Беруни, Абурайхан (1957). Избранные произведения. Ташкент. Том I.

Вексина, М. (2009). Лингвистический и палеографический анализ греческой надписи с посвящением Оксу на глиняной форме для отливки сосуда. АРТ. Вып. XXXIII: 227.

Иванчик, А.И. (2009). К вопросу о языковой ситуации в эллинистической Бактрии: новые данные из Тахти-Сангина. Древность: исторические знания и специфика вопроса. Вып. IV. Отв. Ред. А.С. Балахванцев. Москва: ИВ РАН.

Иванчик, А.И. (2011). Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности. ВДИ. Вып. 4 (279): 128.

История таджикского народа, (1998). Древнейшая и древняя история. Том I. Душанбе.

Кушев, В.В. (2008). Афганский язык (пашто) в XVI–XVII вв. (Пути становления и развития литературного языка). Санкт-Петербург.

Лившиц, В.А. (1964). Перевод надписи из Сурх-Котала. История Афганистана. Том. I. Москва.

Лившиц, В.А. (1974). Кушаны: письменность и язык. Центральная Азия в Кушанскую эпоху. Том. I. Москва.

Оранский, И.М. (1960). Введение в иранскую филологию. Москва.

Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки (1981). Москва: Наука.

Хабиби, А. (2017). Забони ду хазор кабли Афғонистон е модарзабони дари (Язык две тысячи лет назад Афганистана или прародина языка дари) (на языке дари). Душанбе: Мехрона.

Ходжаева, Н.Д. (2023). Тахти-Сангин в истории и культуре Центральной Азии. Душанбе, Дониш.

ДАРИ ТІЛІНІҢ АТАЖҰРТЫ
(«СУРХ-КОТАЛДАН» АЛЫНҒАН БАКТРИЯЛЫҚ ЖАЗБА МЫСАЛЫНДА)

Рахмонали ШАРИФОВ¹

*¹тарих ғылымдарының докторы, профессор, Тәжік ұлттық университеті
Душанбе, Тәжікстан
rahmon6060@mail.ru*

Аңдатпа. Бактрия тілі – ежелгі иран тілдерінің шығыс тармағына жататын, таралу аймағы ежелгі Бактрия мемлекетінің, кейін Тохаристан деп аталған өңірдің аумағын қамтыған тіл. Кушан империясы билік еткен кезеңде бактрия тілі мемлекеттік тіл қызметін атқарған. XX ғасырдың соңына дейін бұл тіл жөніндегі мәліметтер аса шектеулі болды: тіл мамандарына археологиялық қазба жұмыстары барысында табылған тиындардағы, керамика сынықтарындағы, тас таразылардағы, сондай-ақ былғары мен жібек қиындыларындағы санаулы ғана жазбалар белгілі еді.

Бактрия тілін зерттеудегі маңызды серпіліс 1993 жылы, Ауғанстанның солтүстігіндегі Сурх-Котал маңындағы Рабатак қазбалары кезінде, грек әліпбиімен жазылған бірегей бактрия жазуы табылғанда жүзеге асты. Бактрия жазба жүйесінің грек әліпбиіне аздаған өзгерістер енгізу арқылы жасалғаны белгілі. Маңызды жаңалықтардың бірі – бактрия тілінде қазіргі уақытта да Ауғанстанның солтүстігіндегі тәжіктердің сөздік қорында сақталған сөздердің елеулі саны анықталуы болды. Бұл дерекке сүйене отырып, бірқатар зерттеушілер оларды бактриялықтардың тікелей ұрпақтары деп есептейді.

Түйін сөздер: Тохаристан, Бактрия, Сурх-Котал, ата-баба, жазба, дари.

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАРЛУКСКОЙ ТОПОНОМАСТИКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (ОТ АЛТАЯ И СЕМИРЕЧЬЯ ДО ТОХАРИСТАНА, МАВЕРАННАХРА И ХОРАСАНА)

Рахмоил САФАРОВ¹

¹Кафедра истории древнего мира, средневековья и археологии

Таджикский национальный университет

Душанбе, Таджикистан

rahmoil.safarov@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются топонимика карлукского происхождения, как идентичность и пространство в исторической географии Центральной Азии. Исторические судьбы и продолжительные связи карлуков и их племен оставляют своеобразные следы в этнонимии и топонимии стран региона. Автор на основании достоверных источников дает этимологию некоторых широко известных этнопонимов, антропонимов и гидронимов, раскрывает периоды и географию их распространения, которые отражены в номенклатуре топонимии от Алтая до Хорасана, включая Семиречье, Тохаристан и Мавераннахр. Актуальность темы обусловлена недостаточностью специальных исследований этнопонимов с выявлением их аналогии в системе карлукской ономастики в зонах смешения элементов культуры тюркоязычных и персоязычных народов региона.

Ключевые слова: тюрк, карлук, халадж, топоним, этноним, Каратегин, Семиречье, Мавераннахр, Тохаристан и Хорасан.

IDENTITY OF KARLUK TOPONOMASTICS OF CENTRAL ASIA (FROM ALTAI AND SEMIRECHYE TO TOKHARISTAN, MAVERANNAHR AND KHORASAN)

Rahmoil SAFAROV¹

¹Department of Ancient History, Middle Ages and Archaeology, Tajik National University

Dushanbe, Tajikistan

rahmoil.safarov@mail.ru

Abstract. The article investigates the toponymy of Karluk origin as an identity and space in the historical geography of Central Asia. The historical destinies and long-term connections of the Karluks and their tribes leave unique traces in the ethnonymy and toponymy of the countries of the region. The author is based on reliable sources, gives the etymology of some widely known ethno/toponyms, anthroponyms and hydronyms, reveals the periods and geography of their distribution, which are reflected in the nomenclature of toponymy from Altai to Khorasan, including Semirechye, Tokharistan and Maverannahr. The relevance of the topic is due to the lack of special studies of ethnotoponyms with the identification of their analogy in the system of Karluk onomastics in the zones of mixing of elements of the culture of the Turkic and Persian-speaking peoples of the region.

Keywords: Turk, Karluk, Khalaj, toponym, ethnonym, Karategin, Semirechye, Maverannahr, Tokharistan and Khorasan.

Географические названия являются неотделимой частью истории народа и свидетельством различных периодов становления и развития языка и культуры общества, в связи с чем их всестороннее изучение способствует сближению исторической информации с современностью. Историческая география и переосмысление историко-культурного наследия проводится нами на основе идентичности карлукской ономастики.

В ономастике отражаются важнейшие этапы истории, культура создавшего ее народа. Многие описанные нами этнонимы имеют параллели и аналоги сразу у нескольких древнетюркских народов. Они несут в себе разнообразную информацию: историческую, географическую, лингвистическую, так как географические имена – это свидетельства исторических условий эпох, когда они возникали, формировались и распространялись.

Распространенная карлукская ономастика в регионе больше отражена в этнонимике и топонимике, фиксирующие переселения, столкновения и ассимиляцию племен и народов. Она еще раз докажет об особенностях развития данной общности людей. Правильное понимание ее дает возможность использовать богатейший материал для познания событий, место и роль карлуков, а также их широких межэтнических контактах региона.

Так, классическая ментальная карта Центральной Азии, противопоставляющая «кочевой Север» и «сельскохозяйственный Юг» является отражением распространения не только материальных культур, но и естественной среды обитания, в которой развивались разные культуры. Следовательно, топографические карты стали сокровищницей и даже письменным первоисточником топонимов вплоть до названий родников, колодцев, мелких речек, летовок и зимовок, развалин, могил и т.д. в разных местах и вариациях.

Субстратная топонимия, четко проявляемая в регионе также неоднородна. Древность существования на территории Центральной Азии и Евразии ойкуменистического сообщества задолго до возникновения современных государств олицетворяло собой политическое, этническое и культурное тождество. Это говорит о том, что взгляд на историческое прошлое Вселенной тюркских народов рассматриваемых регионов должен быть шире текущих политических идеологических и узко этнических интересов (Мажитов, 2024: 6–11).

Из исторических сведений всем становятся известными алтайские корни тюркской цивилизации. Обратимся к тем временам, когда могущество этих племен процветало, когда «бурлящий котел Азии изверг из своих глубин беспокойные кочевые орды, прокатившиеся по южной окраине евразийских степей и, увлекшие за собой часть ее обитателей», именно ту, которой суждено было в конечном итоге сыграть определенную роль в формировании ряда народностей, как Азии, так и Европы (Овчинникова, 2000: 98).

Безусловно, миграции древних тюркских народов на территорию региона начались тысячелетиями назад и никогда не прекращались. Среди них особо следует отметить хуннов, огузов, тюрков карлуков и кипчаков, которые приняли участие в формировании ряда тюркских народов: узбеков, киргизов, казахов и туркмен. Следы их пребывания сохранились в топонимии, ЦАС, в т.ч. Афганистане, Таджикистане и на севере Ирана.

Отсюда, географическое название в себе поддерживает богатый облик тюркских языков. Тюрки делятся на различные группы, как тибетцы, токуз-огузы, кыргызы,

кимак, карлуки, чакыры (чагры), печенег, тюргеши, эзгиши, кипчаки, халаджи, огузы и булгары. Все они живут в стороне Мавераннахра и Великого Океана (Şeşen, 2017: 103).

Известно, что одним из древних обитателей Алтая, переселившихся свыше тысячи лет назад из Алтая в культурные оазисы Центральной и Средней Азии были карлуки. Эволюция карлуков всесторонне пересекалась с историческим развитием множества этнических групп и государственных образований Евразийского континента.

Карлук (пишется также карлуг, в более ранних арабских источниках – харлук, в персидских халлук, по-китайски гэлолу) – тюркская народность. Она упоминается в VIII веке н.э. в тюркских орхонских надписях и в китайской Тан-шу (Бартольд, 1968: 547–548).

Карлуки, как любые древнетюркские народы, не были однородными, а состояли из множества родовых групп и племен. Так, важнейшей особенностью этносоостава карлуков следует считать его сложность, пестроту и смешанность. Одной из этимологии этнонима карлук = *қору* (смешивай) + *лик* (аффикс), которые означают имеющий, принадлежащий: *қорлуқ* (карлуқ) = «смешанный»; 2) *қорлық* – из снежных мест, т.е. «снежный сугроб».

В древнетюркской топонимии Средней Азии много названий, образованных при помощи аффикса *luq* (*lig, lik, liy, luq, lug*), означающего обладающий, наделенность или принадлежность (ДТС: 656). К этой категории относятся этнонимы Йаруклуг, Йундлуг, Карлук и Чаруклуг, топонимы Атлук (Тараз), Атлалик, Беклиг, Йакалиг, Саблыг в Семиречье; названия городов – Хурлуг в области Исфиджаба, Барчанглигент, в нижнем течении Сырдарьи, между Джандом и Сыгнаком, Алмалыг, Итлыг (Атлах), Намудлыг и Некалык в области Чача, Арпалыг (Абарлыг) в области Илака; крепости Каргалыг и горы Бакырлыг-таг в Восточном Туркестане, местности Бакырлыг вблизи Баласагуна, селения Алмалык в верхней части Зарафшанской долины, города Хаблык в горах Памира, Бунчуклиг в Южном Тохаристане в стране тогуз-огузов (Камолиддин, 2006: 69–70).

Примеров идентичности и аналогий много: около Усть-Каменегорска в долине р. Хайрлуку, видимо, Кайрлыку находились кочевья (Потапов, 1953: 124). Здесь были пастбища карлуков. О принадлежности этих земель карлукам заставляет думать и этноним ябагы, которые, видимо, обитали в долине р. Ябоган, передавшие свое имя в названии этой реки. Карлуки, живя в Верховьях Иртыша, уходили летом, кочуя по рекам Кану, Ябогану и верховьях Чарыша близ Кеньгинского, Зайсанского, Сарыкольского озер.

Есть основание полагать, что ябоганы – ябаку-карлуки, вошедшие в состав карлуков. Из истории нам известно, что «где-то на северо-востоке от Семиречья обитала основная масса ябаку». В легендарном сообщении о ябаку в «Зайн ул-ахбар» Гардизи говорится, что бежавшего слугу Халлуха – карлука – С.Р.) в страну тогузгузов нашли в суровой степи, прикрытым двумя кусками войлока, дали ему имя Ябаку-Халлух (Бартольд, 1973: 42–43).

Известная река Ябаку, которая берет свое начало далеко в горах Кашгара, текущая через Узгенд и Фергану, тоже происходит от одноименного тюркского племени Ябаку-карлук. По уточненным данным, на окраине Узгенда протекали две реки, которые называли Йабагу (в тексте: Т.баг.р) и Барсхан (Minorsky, 1970: 116). Интересно, что в к. Тегирми Каратегины двухгодичных жеребят называют Япогу, а в соседнем Дарвазе – Джабагу.

Барсхан – место рождения Махмуда Кашгари. От этого города берет свое начало и название гидронимов – одноименных рек вблизи столичных гг. Узгенда и Хулбук. Хулбук средневековый город Хутталя и местопребывания царя (Minorsky, 1970: 116; Худуд ул-олам, 2008: 78).

По всей вероятности, р. Барсан, протекавшая около г. Хулбук, называлась также Ахшу, т. е. Аксу (белая вода). (Ибн Хордадбех: 296; ал-Истахри: 339; ибн Хаукал: 518; ал-Мукаддаси: 291) (Камолиддин, 2006: 58). Аксу – левый приток Кулябдарьи, сохранил и поныне свое название в виде Ахсу/Яхсу/Ехсу. Последний известен, как носящий антропоним «йохсучи». Яхсу имела в древности и другое название – Барсан, идентичное с Семиречья, эквивалентное гидрониму Барскаун – названию одного из притоков р. Нарын. Гидронимы и города Аксу есть в Восточном Туркестане (Синьцзян-Уйгурском АР КНР) и Семиречье (Казахстане и Кыргызстане). Бишкеку пригородный Беловодск т.е. был Аксу.

Идентичное Яксу находим как в Семиречье, так и в Хуталане (Хатлонской области Таджикистана). В долине Яхсу собственно тюрки жили преимущественно по левобережью, к северу от Куляба. Десять их кишлаков располагались на берегу Яхсу и в бассейне его левого притока, небольшой реки Обитебалай (Кармышева, 1976: 75-78). Река Йохсу, берущая свое начало в горах Ховалинга, протекает вниз по Кулябу. Средневековый этноним и гидроним Йохсу (Яхсу), веками спустя превратился в антропоним «йохсучи» (яхсуский).

Географические названия связаны с племенами и другими народностями, живущими в Кулябской регионе. Эти названия местности относятся к тюркским племенам и тюркскому языку. Некоторые из тюркских названий обозначены взамен прежним названиям и в ряде случаев считаются аутентичными и переведенными из основного языка (Шодиев, 2016: 72). Тожественны они на Алтае, в Семиречье и Тохаристане.

Итак, проведенные нами исследования показывают, что названные древнетюркские племена, были связаны своим этническим происхождением с тюркоязычным населением Алтая и с прилегающими к нему областями VI–VIII вв.; например, кыпчаки, составляя западную ветвь кимаков, выступают как жители долины Иртыша – местообитания древних карлуков. Они локализовались в горах Алтая вместе с карлуками. Письменные источники кратко освещают и о кимакском племени Яксу, кочевавшем на границе с Семиречьем, где говорится, что люди в нем более приятные, а условия жизни лучше (Minorsky, 1970: 186).

В средневековый Хуттал или Хуталан яксу, кыпчаки и бараки могли появиться только из Верхнего Иртыша и Западного Алтая, ибо «Семиречье после падения Тюркского каганата, находилось сначала в руках тюргешей, а затем со второй половины VIII в. – карлуков, которые считаются также выселенными из Алтая» (Потапов, 1953: 150).

Алтай служил гнездом тюркских народов. Здесь сохранился ойконим Карлук – название долины на северо-западе Алтая и гидроним Карлык – приток Чарыша р. Иртыш. Кроме того, две крупные административные единицы – муниципальные образования Карлук зафиксированы в Качугском и Иркутском районах Иркутской области России.

Одно озеро Чарыша до сих пор именуется Карлукским озером. Карлук – название долины на северо-западе Алтая и, Карлык – река, приток Чарыша (Аристов, 2001: 219).

Идентично также название р. Каллук – одного из притоков Сурхана с запада. Каллук-дарья, состоящая из двух горных потоков: большой и малый Каллук; оба они текут из Каллукского ущелья, ведущих в долину Сурхана из нагорной Байсунской равнины. При выходе из ущелья «на берегу р. Каллук-Дарья (рукав р. Халкаяр, являющейся правым притоком Сурхан-Дарьи) расположен кишлак Карлюк» (Кармышева, 1960: 1–2).

С именем карлук в Узбекистане связаны поселения в областях Ферганы, Намангана, а также крупные кишлаки с названиями Карлук, Каллык в Бухарском оазисе, Каллухона и Карлюк в Кашкадарьи и Сурхандарьи. На территории последней в недавнем прошлом был Карлукский район, переименованный в Алтынсай с центром г. Карлук в долине Сурхана.

Гарлык ил (Карлукский район) был основным компонентом до недавнего времени в предгорьях Койтентаг района Чоршанга. Там есть поселок городского типа Гарлык, упоминающий о карлуках Туркменистана. В Афганистане же карлуки обосновались с древних времен. Из городов, принадлежащих карлукам, называются Балх, Газни, Астах или Истох и Баркавон (Minorsky, 1970: 21). Однако, карлуки компактно проживают в северных провинциях (Бадахшан, Тахор, Талукан, Кундуз), сохранив ряд кишлаков с именем Карлук, считая их исконными своих предков. Даже на карте светится Кадах Калюх в низовьях р. Файзабада (Бурхан-уд-Дин Кушкеки, 1926: 200).

Файзабад (от араб. файз – «изобилие», «щедрость») отражается в виде гидронима и ойконима. Как гидроним является одним из притоков р. Кукча и отстоит от города Файзабад в провинции Бадахшан Афганистана. В Иране тоже есть Фейзабад; ойконом Файзабад зарегистрирован и в Таримской впадине (КНР). Подробности об этом термине можно узнать из книги С.И. Зинина «Языки и топонимы Алтая» (Барнаул, 1979).

В Таджикистане Файзабад локализуется в долине р. Элок на месте г. Вашгирд, как столица древнего Хуттала. Упоминание о тюрках, находящихся на территории Хуттала, относится к 675 г. В это время военачальником и правителем Вашгирда (Файзабада) был тюрк. Он же предлагал восстановить старинную границу между Ираном и Тураном, включив в последний Хутталь (Негматова, 1999: 350). Полагается, что эти тюрки были карлуки.

О локализации карлуков в нижнем Каратегине – Вашгирде (Файзабад) напоминают целый ряд распространенных здесь топонимов и этнонимов, среди которых встречаются родовые группы кашгарй и кашкарие (Кисляков, 1954: 37). Свидетельством тому, между рр. Каферниганом и Иляком зафиксирован кишлак Кашкарй, а переписью 1926 г. кишлак Кашкараха, населенный карлуками, был отмечен в Яванском районе (Кармышева, 1976: 166).

Нам представляется вполне вероятным переселение определенной небольшой группы карлуков из Кашгарии в Каратегин. Они жили в Кашгаре, Яркенде и в районе Хотана; и в Тохаристан, куда мигрировали еще в VI–VII вв. (Плоских, Джунушалиев, 1960: 126). Карлуки, проживавшие в Кашгаре, Яркенде, Хотоне нам знакомы еще по событиям в 648 г., когда те выступили против тюргешей, совершавшие нападения на Восточный Туркестан (Бернштам, 1998: 276).

Отсюда, карлуки в отличие от огузов выступают как самостоятельное этническое целое, «обитавшие в огромном регионе, начиная с Джунгарии, Семиречья и Кашгарии и, кончая присырдарьинскими районами, независимо от того были буквально рассыпаны компактными родоплеменными группами..., уже выступают

как народ с сильно развитым этническим самосознанием» (Чоротегин, 1995). Они после битвы Таласа 751 г. стали гегемонами.

Семиречье (Еттису, Джетысу), покоренное в середине VIII в. карлуками, расположено между оз. Балкаш на севере и Сасыкколь и Алаколь на северо-востоке, хр. Джунгарский Алатау на юго-востоке, хр. Сев. Тянь-Шаня на юге. Название Семиречье происходит от 7 главных рек: Или, Каратал, Биен, Аксу, Лепсы, Баскан, Сарканд, часто проецируемые.

С середины VIII в. до середины XIV в. карлуки сохраняли свои владения. По сути, они оставались кочевниками, часто переходя с одного места в другое. Переместившись с востока на запад, они понесли с собой топонимы в Фергану, Каратегин, Тохаристан и Хорасан. Приведем некоторые параллели – идентичные в ономастике огромного региона.

Алматы в Казахстане и поселения Алмату в Кашгарии является доказательством существования аналогий в Семиречье и Китайском Туркестане. Каракол, Нарынкол в Семиречье – Каракол, р. Нарын – в Таджикистане. Баянкол повторяется в Казахстане (басс. Текеса рядом с Нарынкол) и несколько раз в Туве, где текут Карлукол, Колдор и т.п.

Аналогичными есть Капали и Карашар. В макротопонимике Каратегина проецируется ойконим с подобными названиями Капали из Семиречья и Карашар из Кашгара, Кизилсу – река на Алае и Кизилсу – притоки рек Вахша и Пянджа, Биен – один из притоков р. Или Семиречье, а также Виен – название местности в Бальджуане Таджикистана.

Гидроним и ойконим Илак (араб. يلاق) можно встретить в разных странах и вариациях; как названия области, крепости и рек в Илийской долине Семиречья (Казахстан), Ферганы (Узбекистан), Каратегине (Таджикистан). Такая конверсация называется перенос топонимов, где племена и народы часто при перекочевке с собой несли прежние названия.

Заслуживает внимание то, что рядом с древней столицей Илака – городом Тункат размещается небольшой кишлак Сарджайлак, название которого состоит, по мнению Массона, из таджикского сар (голова) и тюркского джайлак (джайлау – летовка) (Массон, Ахангеран, 83). Раз так, оно интерпретируется как головной айлак, т.е. главная летовка.

Илак этимологизируется и как в качестве тюркского гидронима «ийлак» со значением «тихая, прозрачная река» (Бабаяров, Кубатин, 2003: 112). По области Илак протекала «река Илак» позже Ахангаран, бравшая начало в горах Чадгал / Чаткал (Чикил – С. Р.) и впадавшее в «реку Шаша» (Сырдарья). Илак граничил с Ферганой, Чачем и через Сырдарью с Уструшаной (Уратюбе, Истаравшан – С.Р.). Ядром области, собственно Илаком, была возделанная земледельческая и густонаселенная долина Ахангаран. Область включала илакские Карамазарские горы и Дальверзинскую степь (Негматов, 1977: 48).

Илак – аналогичные долины Ферганы и Каратегина. Название области Илак по мнению С. Караева (1987: 116) происходит от тюркского слова айлак или йайлак, означающего «летнее местопребывание», «летовка», «горное пастбище». В нижнем Каратегине помимо крепости Илак в долине одноименной и бассейне Иляк (Кармышева, 1976: 37), протекает р. Элок левый приток Кафернигана. Иляк был летним пастбищем карлуков.

Летовкой карлуков Яванкой долины, куда они перекочевывали вместе с семьями, было известное в этих местностях урочище Дашти Бедана (тадж. перепелиная степь). Она расположена на юго-запад от Обигарма и представляет собой обширную возвышенную степь, спускающуюся увалами в долину р. Иляк – водораздела между речками Обигарм и Иляк – тянется до Файзабада (Кармышева, 1976: 81), откуда карлуки угоняли отары овец на Памир.

К числу широко распространенных этнотопонимов и антропонимов можно также отнести тюркские титулы илак, тегин, тархан, ябгу, хатун. Так, «тегин» тигин или текин» тикин являлся самым популярным титулом царевичей династии Караханидов» (Қошғарий, 1960: 337, 391). Титул «тегин» указывает, что здесь находился один из сыновей карлукского владетеля (Бернштам, 1952: 191). Ими ассоциирован известный всем ойконим Каратегин.

Каратегин, может быть, связан как с собственным именем, так и с антропонимом. Династия каратегинов широко известна была в Исфиджабе. Каратегин был главным военачальников Саманидов. Согласно сведениям «Китаб ал ансаб» ас-Сама'ни «в (318 г. х. / 930–931) с именем его связан рабад, известный под названием рабад Каратегина...». Его сын полководец Мансур ибн Каратегин – начальник Хорасанских войск (погиб в 961 г.).

Антропоним Каратегин был известен Мавераннахре и Хорезме. Тюркский титул тегин присутствует в составе названия поселения Каратегин (Мирхолдоров, 1991: 11), который был в Исфиджабе (Сайрам, Чимкент, южный Казахстан), и названа горная область Каратегин (X–XX вв), расположенной в верховьях реки Вахш (Jakut: 1023) на востоке Таджикистана, а также название «Дех-и Каратегин в пределах Хорезма» (МИТТ, 1939: 216).

В конце VII в. в федерации Халлухов (карлуков – С. Р.), наряду с Чу-юе – Чигилиями, Чуми – Чумулами, Гу-су – Огузами и др., оказались также Гэ-ло-лу – Карлуки, жившие на западе от Алтая (Таншу, цз. 140 б, с. 8; Цзю Таншу, цз. 194, с. 7 б.; Цзычжи тунцзянь, цз. 199, с. 6256, цз. 200, с. 6298) (Бичурин, 1950: 289). Следы этой этнонимии сохранились в многих названиях гор, долин и рек, а также поселений. Отсюда, этимологию этнонима надо искать в топонимике территорий, где изначально обитали карлуки, переносившие в другие края.

У карлуков Семиречья, по свидетельству многих авторов VIII–XIII вв., было подразделение «чигиль» (от чик + иль-народ). В это же время в городах провинции Ганьсу проживало тюркское племя «чик», вероятно, также ветвь карлуков» (Зуев; 1960: 93–140). Отсюда, чигили были одним из карлукских племен (Кляшторный, Савинов, 1994: 39).

Махмуду ал-Кашгари были известны три группы тюрков-чигилей. Одна из них размещалась около Тараза, в г. Чигиль, две другие – в Куясе за Барсханом и в селении Чигиль в Кашгарии (Қошғарий, 1960: 330). Также начало XIV в. можно считать последними годами существования г. Чигилькента – Каджангар-баши (Бернштам, 1952: 116).

Как правило, названия ряда городов происходят также от имен тюркских племен: Карлук, Джикиль, Ягма, Сарыг, что свидетельствует об оседании крупных родственных групп тюрков (Плоских, Джунушалиев, 2007: 86). Город Ягма назван одноименным этнонимом (одним из трех племен: карлуки, чигиль, ягма) карлукской конфедерации племен. Этнотопоним Ягма часто встречался в Восточном Туркестане. «По мусульманской версии ягма являются результатом скрещивания карлуков и тохаристических хайталов – эфталитов» (Грум-Гржимайло, 1909).

Согласно китайским источникам три племени карлуков обитали к северо-западу от Бейтина (Бешбалыка) и к западу от Цзиньшани (Монгольского Алтая), к северо-восточной части Джунгарии. Их кочевья южнее Черного Иртыша и Урунгу (Болучу древнетюркских памятников) в течение ряда столетий (VI–VIII) были их коренными землями на Алтае.

Алтай состоит из хребтов, образующие водораздел Оби, Иртыша, Енисея и рек бессточной области Центральной Азии. «Здесь, на востоке от владений тюрков и внутри их владений, между Алтаем и верхним течением Иртыша жили карлуки, народ, безусловно, тюркского происхождения» (Бартольд, 1968: 580).

Гидроним Иртыш от тюркско-карлукского букв. означает «разорвать», «раздираание». Действительно, это место водораздел. Очень интересное его объяснения есть у Махмуда ал-Кашгари, где можно найти типичные примеры народной этимологии. Так, Иртыш от глагола эртишмак – «кто быстрее перейдет». Однако, этим не ограничивается Иртыш.

Часто встретим и Черный Иртыш, что переводится от карлукского Кара Иртыш. Слово «кара» в переносном значении в тюркском языке часто обозначает «великий», «грандиозный», «огромный», «большой». Так: Кара-хан, Каратегин, Карадениз, Караташ, Карасу, Каракол, Карабулак, Каратаг. Отсюда, и название р. Кара Иртыш (Черный Иртыш), в переносном значении передается как Великий Иртыш.

Скорее всего, термин заменен со словом Йукори – Верхний, и со временем «йукори» озвучен сокращенно как «қора», «қара». Поэтому выражение Верхний Иртыш вполне соответствует своему назначению. Начало реки Иртыш, т.е. с Монгольского Алтая до части ее прилива в озеро Зайсан называется Кара Иртыш (букв. Черный Иртыш).

Обратимся к источникам: ... «карлыки подались несколько на юг, значит за Черный Иртыш, в Тарбагатай, и к Тянь-Шаню... Войска их были сильными, склонны к войне (Бичурин, 1950: 437, 438; Аристов, 2001: 24); «... переправившись на плотках через Черный Иртыш, ударил на карлуков и разбил их у реки Болчу (Урунгу) (Еремеев, 1967: 376). Далее: «... переплыл на плотках Иртыш... у реки Болчу поразил три карлуков...» (Малов, 1951: 41).

В процитированном нами источнике сказано, что «Болчу и Болчу-огуз, по-видимому, одно и то же. Река эта упоминается в четырех рунических надписях: (Кюль-тегина, Тоньюкука, Бильге-хана и Моянчура) и в уйгурской Уланкомской надписи» (Щербак, 1961: 23–25). В эпоху Танской империи (618–907) по сведениям И. Бичурина, в горах Куэнь Луня проживали народ болу. Впрочем, о локализации р. Болучу подробности находим у Грумм-Гржимайло в книге «Западная Монголия и Урянхайский край» (Грум-Гржимайло, 1926: 313).

Есть основание полагать, что из части тюрков-карлуков, обитавшей на реке Болчу (Урунгу) (Гумилев, 1967: 376) в Верхнем Прииртышье и Джунгарии, мигрировавшие в Тохаристан, определенная группа локализовалась по обоим берегам верховьев Амударьи. Так, древние тюрки, обитавшие на р. Болучу верховьев Иртыша совместно с тюрк-карлуками перенесли гидроним в Балучистан и Хутталан, превратив его в этнопоним.

Отсюда, аналогичные названия Болчу, болучи, балджу мы видим в разных просторах. Известны балучинцы в Муминабаде Таджикистана и в правобережье р. Пянджа – северном Хорасане, т. е. на территории Афганистана. «Есть вероятность отождествлять болу+чи, обозначающий «выходец из бола» – болучинцы, именем,

которых названа область Балучистан и район Бальджуван, чьи жители меняли свой облик, традиции и язык.

Как видно из сообщения, древние тюрки яксу, болучу и карлуки являются коренными в Хуталане. А. Ю. Якубовский утверждает, что начало проникновения карлуков в Средней Азии, проживавших в Хутале относится к VI в. (Якубовский, 1953: 476–522). В середине VII в. карлуки активно проявляли себя в политической жизни Западно-тюркского каганата, где они кроме Джунгарии Алтайского региона контролировали Тохаристан (Кляшторный, Савинов, 2005: 114).

Правители семиреченских и тохаристанских (бадахшанских) карлуков именовались в VII-VIII вв. то ябгу, то джабгу (Кляшторный, 2003: 434). Во время войн арабов с туземными князьями, последними Сасанидами и тюрками за обладание Тохаристаном царем (мелик) Тохаристана назван джабгу (джабгуйа – Табари, II, 1206). Это был глава тюркского народа харлух (карлук) (Бартольд, 1963: 515). Их государь носил титул джабгу, несомненно, тождественный с части встречающимся в орхонских надписях титулом ябгу» (Бартольд, 1963: 36).

Ябгу или Джабгу – древнетюркский титул со значением «государь» и вообще титул верховного правителя у западных тюрков (ДТС: 222), также обозначавшие титулы карлуков, как топоним повсеместно фигурируют в Семиречье, Фергане, Илаке и Тохаристане. Мы видим их в сокращенном виде как Ябу или Джабу.

С местопребыванием джабгу связан знаменитый город Джабгукат. Название этого города тюркского происхождения. Джабгукат – древний город, существовавший и в средние века. Как описывается в «Худуд-ул-олам» – это красивый город, где некогда был военный лагерь (лашкаргах) Чачской (Шаш) области (Худуд ул-олам, 2008: 246). Он находился в 2-х фарсах (12-14 км) выше столицы области Чач г. Бинкета (Ташкента), т.е. на его северо-восточной стороне.

Среди названий населенных пунктов благодатного Бальджувана в Таджикистане встречаются этнонимы, как: Ябу или Джабы, Дашти Минг, Шари-Минг, Канглы, Митанъян и др. По-видимому, малочисленные осколки племен минг, кангли, ябу и митан растворились среди остального населения или покинули эти места (Кармышева, 1976: 110).

Тем не менее, в макротопонимике юга Таджикистана еще сохранились Метинтугай и Метиндара, напоминающие о Митаньяне. Топонимист С.К. Караев пишет, что «часть топонимов с этим компонентом, особенно без каких-либо суффиксов и префиксов, конечно, является отражением этнонима митан, а часть – согдийского термина митан, имеющего значение «селение», а также «укрепление», «крепость» (Караев, 1980: 143).

Тюрки-карлуки называли укрепление, расположенное за крепостными стенами, чакар. Есть и геноним чагыр. Учитывая, что там есть родник (булак), не выдерживает критики прочтение этнонимом Чакырбулак, как «источник чакыров», т.е. протекающий ключ (родник) из поместья чакыров, жившие вперемежку с карлуками на адырах Арпабулак.

Этноним чакыр (чагыр) встречается в письменных источниках. Чагыр-огуз – название горы в Приаралье, которое, по ал-Истахри, связано с этнонимом племени чагырак, или чаграт, упоминаемым у Бейхаки в качестве соседей Хорезма. Данные о чагираках, где обитали они в горах Алая, содержатся в трудах Мирза Бабура и Мухаммед Хайдара.

Чагыры, видимо, перекочевав, обитали по обоим берегам верховьев Амударьи. Так, о них напоминает гидроним Чагырбулак (Умари Шерхон, 2005: 710) на адырах джамоата Пушинг Дангаринского района Хатлонской области. Этнотопонимы Чакыр и Чакыр-кишлак (Бурхан-уд-Дин Кушкеки, 1926: 204–207) идентифицируются в бассейне Кукчи провинции Бадахшан Афганистана.

Популярны в Тохаристане также потомки одного из родственных карлукам племен – халаджи. Известно, что халаджи (халадж, халач, калач) – одно из древних тюркских племен, поселившихся (вместе с карлуками, м. б. и раньше) в странах к югу от Амударьи – в Тохаристане, Систане и соседних с ними областях примерно с VI в. В последующие века халаджи в значительной мере растворились среди местного населения этих стран. Они, в частности, сыграли определенную роль в формировании афганского племени гильзаяв, название которого, по мнению исследователей, идет от халаджей (Григорьев, 1867: 850– 851, 856).

Халаджи совместно с карлуками жили в долинах Семиречья. Большая их группа в эпоху Саманидов перебралась в Хорасан и Индию. В Пакистане известны как хильджи. В своем долгом пути от Алтая до северной Индии халаджи выбрали так много индоиранских элементов, что в этническом отношении (антропология, язык) неузнаваемо изменились.

Халаджи в прошлом жили и на территории Бухарского оазиса. Они давно слились с оседлым тюркоязычным населением; лишь небольшая группа их вплоть до начала XX в. помнила, что принадлежала к племени халадж. Группа халаджей (самоназвание – халач) жили также в пяти кишлаках в низовьях Кафирнигана (Таджикистана) (Кармышева, 1976: 83).

В Анатолии обнаружены населенные пункты, связанные с карлуками и халаджами. Есть несколько деревень с названием халадж в Турции: в XVI в. существовали в Анатолии кочевые племена халачлу и т.д. (Еремеев, 1971: 88). Ойконимы Карлук присутствуют в семи областях и районах Турции: Невшехир, Всак, Сухут, Тасоба, Валийа, Искилип, Даренде.

Продолжительные связи тюркских этносов, их исторические судьбы оставляют своеобразные следы в ономастике от Алтая до Хорасана. Многие из вышеназванных и других топонимов, образованных от древних этнонимов, как Аргун, Карлук, Халадж в долине Кашкадарьи, до сих пор сохранились в названиях кишлаков (Камолиддин, 2006: 49).

Были широко распространены также аргу, канглы, карлуки, турк, халаджи, уйгуры и др. входившие в конгломерат карлукских племен, прибывшие сюда из областей Семиречья. Поэтому другим объединением племен восточнотюркских тюрок являлись карлуки (Щербак, 1961: 16). Аргументом в пользу этих далеко идущих выводов является обилие исторических и лингвистических (топонимических) доводов. Кроме того, эти местности в раннесредневековые и до конца XIX – начала XX вв. населяли в основном племена карлуков.

Сегодня на территории Узбекистана и соседних с ним странах (Таджикистан, Афганистан и др.) встречаются топонимы, аналогичные названиям племен, упомянутых в списке. Например, можно встретить десятки названий населенных пунктов – таких как Карлук, Тюрк, Барлас, Найман, Сарай, Уйгур и т. п., являющихся свидетельством того, что в прошлом в них проживали племена, носившие эти названия (Бабаяров, Кубатин, 2014: 145).

В Таджикистане этноним карлук нашел широкое отражение в ономастике: джамоат Карлуғ, Қаллуғобод, Тутбулоғи Қаллуғо (Умари Шерхон, 2005: 718, 719), Қалуғдара, Каримбердии Қалуғо в Кангурте, Чормағзакони Қаллыго (Кармышева, 1976: 80) в Чорбоғе Варзобского района, Яврози Каллығо в Рамите г. Вахдат, Қаллуғ – на вершине соляных купол г. Яван, Дашти Каллуғо («просторы карлуков») – урочище в Сари Хосоре в Бальджуванском районе. Названные этнотопонимы говорят о значительном пласте карлугонаселенных мест.

В недавнем прошлом, карлуки Бальджуванского бекства назывались бальдживан каллуги. Они были расселены в бассейне верхнего течения Таирсу (на юго-восточном склоне невысокого хребта Себистантау, который замыкает с севера Дангаринскую долину, и в самой этой долине), а также на возвышенности между Таирсу и Кызылсу (Кармышева, 1976: 8).

Карлукский след явно прослеживается местах их обитания, где индоевропейские элементы четко проявляются в субстратной топонимике. Они и тюрки жили в бассейнах рек Яхсу и Кызылсу, между Ховалингом и Бальджуваном. Потомки последних считают себя таджиками, но старшее поколение помнит свое тюркское происхождение. Родовых названий тюрков бассейнов Яхсу и Кызылсу выяснить не удалось. Таджикоязычные тюрки жили в 16 кишлаках верховьях Таирсу, в районе Кангурта (Кармышева, 1976: 76).

Особенность южного Таджикистана в топонимии Гиссарской долины и Хатлонской области обусловлены широкими лингвокультурными и историческими контактами карлукской и персидской ономастики, обусловленные критериями культурного единства, которые в течение многих веков определялись «симбиотическими процессами» в регионе.

Особенно интересны кочующие и аналогичные топонимы в разных уголках региона. Среди «ранних племен», появившихся вместе с карлуками в Мавераннахре – в Тохаристане и его восточной части – Хутталане (Таджикистан), можно назвать древних тюрков, канглы, чагры, балучу, огузы, яксу, барак, митан и кипчак. Некоторые из них до сих пор сохранили свой этноним, язык, облик и традиционный уклад жизни. Окружающее индоиранское население рассматривали их как самостоятельные этнические единицы.

Следовательно, все вышеприведенные сведения позволяют нам с достаточным основанием утверждать, что тюркоязычные народы проживали на территории Средней Азии с глубокой древности, а в эпоху раннего средневековья они составляли значительный пласт местного населения и были расселены на всей территории Средней Азии от Семиречья до Хорасана (Камолиддин, 2006: 128) – нынешних стран Центральной Азии.

Таким образом, значительный пласт в системе географических названий и топонимии региона составляют тюркские по происхождению названия, усвоенные карлуками в местах древнего, средневекового и современного их проживания. Это позволяет судить о наличии в Центральной Азии субстратной топонимии, восходящей к древним карлукам.

Источники:

Аристов, Н. А. (2001). Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследование по его исторической географии. Бишкек: Илим: 219–315.

Бабаяров, Г., Кубатин, А. (2014). К вопросу о термине «92 узбекских племени» в контексте исторических связей тюркских народов. GLOBAL-Turk. №2: 137-147.

Бартольд, В.В. (1963). Общие работы по истории Средней Азии. История культурной жизни Туркестана. Сочинения. Москва: Восточная литература. Т. II/I. – 1020 с.; Бартольд, В.В. Тохаристан. Сочинения. Москва: Восточная литература. Т. III.

Бартольд, В.В. (1968). Карлуки. Сочинения. Москва: Наука.

Бартольд, В.В. (1973). Соч. Т.VIII. Извлеч. из Зайн ал-ахбар. Москва: Наука.

Бернштам, А.Н. (1952). Тюрки и Средняя Азия в описании Хой Чао (726). ВДИ. №1: 187–195.

Бернштам, А.Н. (1952). Материалы и исследования по археологии СССР. Изд. АН СССР. Москва–Ленинград; Избранные труды по археологии и истории киргизов и Кыргызстана. Бишкек, 1998. Т. II.

Бичурин, Н.Я. (1950). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Москва–Ленинград. Т. I.

Бурхан-уд-Дин Кушкеки (1926). Каттаган-и Бадахшан (Путеводитель Бадахшана). Пер. с перс. П.П. Введенского, Б.И. Долгополова. Ташкент.

Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье (1992). Этнос, языки, религии. Под ред. акад. АН Таджикской ССР Б.А. Литвинского. Москва: Наука.

Григорьев, В.В. (1867). Кабулистан и Кафиристан. Санкт-Петербург: 850, 851, 856.

Грумм-Гржимайло, Г.Е. (1909). Белокурая раса в Средней Азии. Сб. в честь 70-летия Г.Н. Потанина. Зап. ИРГО, отд. Этнографии. Сибирь, 1909. Т. XXXIV.

Грумм-Гржимайло, Г.Е. (1926). Западная Монголия и Урянхайский край. Ленинград, 1926. Т. 2.

Гумилев, Л.Н. (1967). Древние тюрки. Москва: Наука.

Еремеев, Д.Е. (1971). Этногенез турок. Москва: Наука.

Зуев Ю.А. (1960). Тамги лошадей из вассальных княжеств (Перевод из Китайского сочинения VIII–X вв. Танхуйао). Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана / ред. кол.: В. Шахматов (отв. ред.), С.К. Ибрагимов. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР.

История кыргызов и Кыргызстана (2007). Под ред. В.М. Плоских, Д.Д. Джунушалиев. Бишкек: Раритет-Инфо.

История таджикского народа (1999). Под ред. Н.Н. Негматова. Душанбе. Т. 2.

Камолиддин, Ш.С. (2006). Древнетюркская топонимия Средней Азии. Отв. ред. М. Исхоков. Ташкент: Шарк.

Караев, С.К. (1980). Древние топонимы Средней Азии в согдийских документах с горы Муг. Ономастика Средней Азии. Фрунзе: Илим.

Кармышева, Б.Х. (1960). Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков (историко-этнографические данные). Советская этнография. №1: 10–23.

Кармышева, Б.Х. (1976). Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. АН СССР. Москва: Наука.

Қошғарий, М. (1960-63). Девону луғотит турк. Таржимон ва нашрга тайерловчи филология фан. номзоди С.М. Муталибов. I–III томлар. Тошкент, I том.

Кляшторный, С.Г., Савинов, Д.Г. (2005). Степные империи Евразии. С.Г. Кляшторный. Санкт-Петербург: Фарн. переиздание СПбГУ.

Кляшторный, С. (2003). История Центральной Азии и памятники рунического письма. Санкт-Петербург.

Малов, С.Е. (1951). Памятники древнетюркской письменности. Москва–Ленинград.

Мажитов, С.Ф. (2024). Уникальный код тюркского мира. Материалы международного симпозиума «Актуальные проблемы изучения истории, языка и литературы тюркского мира»: Иссык-Куль, 1-3 августа, 2024 г. Ташкент.

Minorsky, V.P. (1970). Hudud al-Alam. Рукопись «Худуд ал-‘алам», л. 16а, л. 18 б, 21 б. Hudud al-Alam. Translated and explained by Minorsky. Ed. 2. London.

Мирхолдоров, М. (1991). Сайрам тарихи (История Сайрама). Чимкент: 11.

МИТТ (1939). Т.1. VII-XV вв. Арабско-персидские источники. Под ред. С. А. Волина, А. А. Ромаскевича, А. Ю. Якубовского. Москва–Ленинград: Изд. АН СССР.

Негматов, Н. Н. (1977). Государство Саманидов. Душанбе: «Дониш».

Овчинникова, Б. Б. (2000). Тюркоязычные народы на просторах евразийских степей в эпоху средневековья. Известия УрГУ. 16: 98–105.

Потапов, А. П. (1953). Очерки по истории Алтайцев. Москва–Ленинград.

Согдийские документы с горы Муг. (1962). Вып. III. Хозяйственные документы. Чтение, перевод и комментарии М.Н. Боголюбова и О.И. Смирновой. Москва.

Умари Шерхон (2005). «Дангара». Душанбе.

Худуд ул-олам (2008). Подг. Зариф Шариф. Душанбе: «Адиб».

Şeşen R. (2017). İslam coğrafyacılarına göre Türkler ve Türk ülkeleri. İstanbul: Bilge Kültür Sanat.

Чоротегин, Т. (1995). Этнические ситуации в тюркских регионах Центральной Азии домонгольского времени. Бишкек.

Шодиев, Р. (2016). Масоили лингвистии номвожаҳои таърихӣи Хатлон. Душанбе, «Мехроҷграф».

Щербак, А.М. (1961). Надпись на древнеуйгурском языке из Монголии. Эпиграфика Востока. Т. XIV. Москва.

Якубовский, А.Ю. (1953). Очерки истории СССР. IX–XIII вв. Москва.

**ОРТАЛЫҚ АЗИЯНЫҢ ҚАРЛҰҚ ТОПОНОМАСТИКАСЫНЫҢ БЕЛГІЛІГІ
(АЛТАЙ МЕН ЖЕТІСУДАН ТОХАРИСТАН МАВЕРАННАХР МЕН
ХОРАСАНҒА ДЕЙІН)**

Рахмоил САФАРОВ¹

¹Тәжік ұлттық университеті,

Ежелгі тарих, орта ғасырлар және археология кафедрасы

Душанбе, Тәжікстан

rahmoil.safarov@mail.ru

Аңдатпа. Мақалада қарлұқтекес топонимика Орталық Азияның тарихи географиясындағы тұлға және кеңістік ретінде қарастырылған. Қарлұқтар мен олардың құрамына кірген тайпаларының тарихи тағдырлары мен ұзақ мерзімді байланыстары аймақ елдерінің этнонимиясында және топонимиясында қайталанбас із қалдырған. Автор тарихи дереккөздерге сүйене отырып, кейбір кең танымал этнотопонимдердің, антропонимдер мен гидронимдердің этимологиясын келтіріп, Алтайдан Хорасанға дейінгі топонимика номенклатурасында, оның ішінде Жетісу, Тохаристан және Мәуераннахрда көрініс тапқан олардың таралу кезеңдері мен географиясын жан-жақты ашуға талпыныс жасаған. Тақырыптың өзектілігі аймақтың түркі және парсы тілдес халықтары мәдениеті элементтерінің араласу аймақтарындағы қарлұқ ономастикасы жүйесінде этнотопонимдердің аналогиясын анықтай отырып, арнайы зерттеулердің болмауымен айқындалады.

Түйін сөздер: Түрік, қарлұқ, халаж, топоним, этноним, Қаратегін, Жетісу, Мавераннахр, Тохаристан және Хорасан.

ЭТНИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ УЛУСА ДЖУЧИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Мурат ШОЛАХОВ (ORCID ID 0009-0003-6468-9812)

¹PhD докторант, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева

Астана, Казахстан

muri777@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу представлений европейской историографии о структуре и этнической географии Улуса Джучи – государства, возникшего на территории Евразийского степного пояса в XIII веке и сыгравшего важную роль в истории Восточной Европы и Центральной Азии. Основное внимание уделяется трактовке этнического состава Золотой Орды, ее демографических особенностей, а также взаимодействию между различными этноконфессиональными группами, представленными в европейских трудах с XIII по XIX века. Через призму европейских источников рассматривается, как западные путешественники, дипломаты и историки интерпретировали сосуществование и иерархию между монголами, кипчаками, аланами, русскими, армянами, греками, иудеями, мусульманами и другими народами на обширных просторах Улуса Джучи. В ряде работ прослеживается колониальный и ориенталистский подход, где тюркские и монгольские народы изображаются как варварские или недоразвитые по сравнению с оседлыми и христианскими народами Восточной Европы. Вместе с тем, некоторые источники демонстрируют более комплексное понимание степной политической культуры и подвижной этнической структуры Золотой Орды.

Исследование основывается на сравнительном анализе текстов, в том числе трудов европейских хронистов, миссионеров и ученых, а также на современных интерпретациях западной историографии. Работа ставит цель показать, как менялось восприятие этнической карты Улуса Джучи в Европе в зависимости от политического и научного контекста различных эпох.

Ключевые слова: Улус Джучи, этническая география, Европейская историография, историография.

ETHNIC GEOGRAPHY OF THE JOCHI ULUS IN EUROPEAN HISTORIOGRAPHY

Murat SHOLAKHOV¹

¹PhD candidate, L.N. Gumilyov Eurasian National University,

Astana, Kazakhstan

muri777@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of European historiographical interpretations of the structure and ethnic geography of the Ulus of Jochi, a state that emerged in the Eurasian Steppe Belt in the 13th century and played a significant role in the history of Eastern Europe and Central Asia. The focus is placed on the understanding of the ethnic composition of the Golden Horde, its demographic characteristics, and the interaction among various ethno-confessional groups as represented in European writings. Through the lens of European sources, the article examines how Western travelers, diplomats, and historians interpreted coexistence and hierarchy among Mongols, Kipchaks, Alans, Russians, Armenians, Greeks, Jews, Muslims, and other groups across the vast territories of the Ulus of Jochi. In a number of works, a colonial and orientalist perspective is evident, portraying Turkic and Mongol peoples as barbaric or underdeveloped in contrast to the sedentary and Christian populations of Eastern Europe. At the same time, certain sources from the 19th centuries demonstrate a more nuanced understanding of the steppe's political culture and the fluid ethnic structure of the Golden Horde.

The study is based on a comparative analysis of texts, including the works of European chroniclers, missionaries, and scholars, as well as on modern interpretations in Western historiography. The article aims to show how the perception of the ethnic map of the Ulus of Jochi evolved in Europe depending on the political and scholarly contexts of different historical periods.

Keywords: Ulus of Jochi, ethnic geography, European historiography, Golden Horde, historical perception.

Введение

Анализ этнической географии Улуса Джучи в европейской историографии показывает, что взгляды западных исследователей подвержены ряду интерпретационных ограничений. Многие европейские историки XIX–XX веков рассматривали Улус Джучи как преимущественно «монголоидное» или «тюрко-монгольское» государство, не всегда учитывая сложную и динамичную природу этнических процессов. При этом в современных исследованиях, основанных на археологических, антропологических и генетических данных, акцент делается на том, что этнический ландшафт Золотой Орды формировался в результате взаимодействия монгольских завоевателей с разнообразными автохтонными и тюркскими, финно-угорскими, ираноязычными и славянскими группами. Как отмечается в ряде научных трудов, этническая карта Улуса Джучи имела выраженную региональную специфику: к примеру, в степных районах Восточной Европы преобладали тюркские племена, такие как кипчаки, в то время как в городских центрах Волго-Уральского региона и Крыма сохранялись компактные поселения армян, греков, русинов, иудеев и мусульман из арабо-персидского мира. По мнению современных исследователей, европейская историография недостаточно отражает локальные особенности этих сообществ и их адаптацию к политическим и культурным реалиям Золотой Орды. Таким образом, академическое осмысление этнической географии Улуса Джучи требует критического пересмотра ряда западных концепций и более широкого использования междисциплинарных подходов, включая историческую демографию, лингвистику и культурную антропологию.

Результаты

И. Матюшко в статье «Роль Золотой Орды в формировании этнокультурной карты Южного Урала» указывает, что многочисленные средневековые захоронения на территории Южного Урала относятся к периоду господства Улуса Джучи. Анализ погребальных практик подтверждает сложный и многообразный этнокультурный состав населения этого региона в золотоордынское время (Матюшко, 2013: 234). Разнообразие погребальных обрядов обусловлено этническим и религиозным многообразием жителей Улуса Джучи.

Историки Ю. Зеленева и А. Мухамедиев, изучая этнокультурную ситуацию в Среднем Поволжье в период Золотой Орды, сосредоточились в первую очередь на финно-угорских народах, таких как мордва и марийцы. Они подчеркивают, что, несмотря на влияние золотоордынской власти, эти народы сумели сохранить свою национальную идентичность. Важный вклад в изучение истории марийского Поволжья внесла Т.Б. Никитина, которая выделяет интересующий нас период (XII–XV вв.) как третий этап развития марийского этноса. По ее данным, в XIV–XV вв. марийцы начинают осваивать территории на правом берегу Волги, продолжая сохранять традиционное расселение в таежной зоне Среднего Поволжья. С середины XIII века в регионе формируются города со специфической культурой, сочетающей домонгольские мусульманские традиции с сильным влиянием местных немусульманских элементов, как это видно на примерах Иске-Казани и Казани. В лесном Закамье, где преобладали болгарские домонгольские элементы, наблюдается уникальное развитие городской культуры, особенно в таких центрах, как Джукетау. Поволжско-финское население (мордва и марийцы), несмотря на определенные изменения в этнической географии, в целом сохраняло свою традиционную культуру, находясь под умеренным влиянием золотоордынских урбанизированных центров (Зеленева, Мухамедиев, 2015: 22).

Малышев в своих исследованиях уделял внимание армянскому населению и этнокультурным взаимодействиям на территории Улуса Джучи. Он отмечал, что армянские общины активно присутствовали в золотоордынских городах Поволжья,

таких как Сарай, Булгар и, возможно, Укек, а также в Средней Азии (Ургенч) и на Северном Кавказе (Маджар). Основной сферой их деятельности были торговля и ремесло. В таких центрах, как Булгар и Сарай, существовали армянские храмы, и, по некоторым данным, могла функционировать отдельная армянская епархия (Малышев, 2016: 258). Несмотря на широкую географию расселения, наиболее многочисленные и устойчивые армянские поселения формировались в Крыму, где общины достигали наибольшей концентрации. Это может быть связано с относительной автономией региона, его активными торговыми связями с Византией и государствами Черноморского бассейна, а также с толерантной политикой золотоордынской администрации по отношению к христианским меньшинствам. Армяне, как правило, стремились избегать прямых военных столкновений, предпочитая выстраивать дипломатические отношения с могущественными державами и выступать в роли посредников в региональных конфликтах. А. Малышев подробно изучал армянские поселения в Крыму, указывая на их широкую географию: армянские общины были представлены в таких центрах, как Кафа, Солхат, Судак, Херсонес, Чуфут-Кале, Мангуп, Эски-Юрт, Азак и Аккра, а также в прилегающих к ним районах (Малышев, 2016: 258).

Вопрос переселенческой политики монгольских ханов анализировал О. Бубенок. Он отмечал, что одной из стратегических задач монголо-татар было уплотнение и переустройство населения в ключевых регионах. Так, кочевникам-половцам было позволено добровольно вернуться из Венгрии на свои исконные земли, что укрепляло верность бывших союзников. Однако переселение других этнических групп, таких как аланы и зихи (предки черкесов), происходило принудительно – их намеренно переселяли с Северного Кавказа в степи Северного Причерноморья, чтобы ослабить прежние социальные связи и избежать потенциального сопротивления. Такая политика позволила Орде одновременно усилить свои западные границы и стимулировать хозяйственное освоение новых территорий (Бубенок, 2013: 58). Этот подход свидетельствует о прагматичной и гибкой демографической политике Золотой Орды, в рамках которой армяне, половцы и другие этносы становились частью многонациональной структуры Улуса Джучи.

Кыпчакская этническая география

Р.Г. Кузеев рассматривал особый кыпчакский этап в этнической истории Южного Урала и Приуралья как ключевой период, характеризующийся миграцией кыпчакских племен из районов современного Центрального Казахстана и Нижнего Поволжья в приуральские территории. По его мнению, наиболее интенсивно этот процесс происходил во второй половине XII – начале XIII в. В.А. Иванов, ссылаясь на Кузеева, предполагал, что из-за отсутствия археологических и этнографических данных домонгольского времени кыпчакская миграция в Башкирию в этот период была незначительной. Кыпчакское влияние на местное население проявлялось преимущественно опосредованно – через кыпчакизированные родоплеменные группы, находившиеся на путях миграции, поскольку сами кыпчаки были сосредоточены на борьбе в Причерноморье и на набегах на Русь, не стремясь продвигаться далеко на север (Иванов, 2009: 249). Северные территории представлялись как кыпчакам, так и монголам экономически невыгодными, стратегически малозначимыми и культурно неудобными для их кочевого образа жизни. Тем не менее, на северных окраинах Улуса Джучи могли обосноваться монголы и кыпчаки, утратившие власть или попавшие в зависимость от слабых в экономическом отношении местных государств. В целом, демографическая консолидация Улуса Джучи была сосредоточена преимущественно в Белой и Синей Орде.

Г. Гарустович подчеркивал высокую научную ценность башкирских шежере как исторических источников. В XIII веке, во время монгольского нашествия, башкирские

племена признали зависимость от империи Чингисидов – частично добровольно, частично под военным давлением. Первым вассальную присягу в 1236 г. принес вождь усерганов Муйтен-бий, назначенный верховным бием башкир. Так Башкортостан вошел в состав Еке Монгол Улуса, позднее став частью Золотой Орды. Позже регион был разделен: Предуралье стало Башкирским улусом, а зауральские земли вошли в улус Шибана. Власть Муйтен-бия ограничивалась западной частью, однако в шежере он представлен как правитель всех башкир. Его имя стало нарицательным, а племя усерганов также стали называть «муйтенами» (Гарустович, 2015: 203).

В. Иванов в одной из своих статей изучал этническую географию монголов в составе Улуса Джучи и пришел к выводу, что, на основе археологических данных, наибольшая плотность проживания монгольских групп отмечается в пределах Улуса Шибана, где они, вероятно, составляли этническое ядро кочевого населения. На территории Правого крыла Золотой Орды (Северный Кавказ, Левобережная Украина) их присутствие также зафиксировано, но оно было менее концентрированным. В этих регионах процессы этнической метисации протекали быстрее: местные половецко-кыпчакские племена постепенно преобладали над пришлыми монголами. В то же время в Левом крыле, особенно в Улусе Шибана, ассимиляционные процессы происходили значительно медленнее (Иванов, 2019: 647). Монголы, несмотря на меньшинство в численности, составляли правящую верхушку благодаря своей способности к лингвистической ассимиляции с тюрками и успешному внедрению собственной административной власти. Позднее монгольские племена в большей степени консолидировались в составе Казахского ханства, куда переходили недовольные группировки, признавшие власть потомков Урус-хана – Керей и Жанибека.

На территории Крымского региона Улуса Джучи преобладало население, представленное преимущественно христианскими народами – греками, армянами и генуэзцами. В. Егоров, исследуя географию Улуса Джучи и ссылаясь на свидетельства Ибн Баттуты, отмечает, что путешественник, посетивший этот регион в 1330-х годах, описывает крупный портовый город, в гавани которого находилось до двухсот военных и торговых судов различного размера. Из Крыма осуществлялся активный экспорт в Западную Европу: вывозились меха, кожи, шелка, драгоценные ткани, восточные пряности, красители и рабы. По свидетельству Ибн Баттуты, основную часть населения города составляли христиане (генуэзцы, греки, армяне), хотя присутствовали также мусульмане, имевшие мечети и собственного кадия.

Христианские народы, проживавшие на территории Улуса Джучи, как правило, селились в южных, более теплых регионах, таких как Крым. Возможно, климатические изменения, вызванные наступлением Малого ледникового периода в XIV веке, ограничивали их стремление переселяться в северные и менее благоприятные для земледелия и торговли районы. Холодный климат также снижал экономическую привлекательность этих территорий для центральной власти. Кроме того, христианские общины слабо интегрировались в монгольское общество, поскольку не соответствовали структурам родовой и военной иерархии, характерным для Чингизидов. В отличие от римской модели, где германцы активно включались в государственные и военные институты, в Орде доступ к власти и элите был ограничен и строго регулировался по родовому признаку, что затрудняло ассимиляцию инородцев. Как справедливо подмечал Рене Груссе, в степях Восточной Европы, являющихся продолжением центральноазиатских степей, происходила последовательная смена господствующих кочевых групп – от гуннов Атилы до чингизидов, включая болгар, аваров, венгров, хазар, печенегов и кыпчаков (Груссе, 2001: 22). Подобный процесс наблюдался и на мусульманском Востоке, где исламизация и иранизация тюркских и монгольских

завоевателей Ирана и Анатолии напоминали процессы китаизации, происходившие среди покорителей Поднебесной.

Активизация народов Улуса Джучи на Крымском направлении, вероятно, усилилась в период политической активности Ногай. Французская исследовательница Мари Фаваро указывает, что именно Ногай способствовал географическому сближению Джучидов с Византией, благодаря чему воины Орды могли наблюдать за Дарданеллами и Босфором и вмешиваться в любые события, угрожающие доступу к этим ключевым регионам и торговым маршрутам. Кроме того, он установил контроль над сухопутным путем через Болгарию, что частично компенсировало потерю южных путей через Кавказ и Сирию после усиления Хулагуидов (Favereau, 2021: 200).

Фаваро также рассматривает события на нижней Волге и в Башкирии. Примерно в то же время, когда Мункэ и Бечек вели борьбу против башманов, Субэдэй сосредоточился на завоевании болгар и других независимых групп в регионе. В его распоряжении были значительные военные силы, превосходившие те, с которыми он участвовал в западных кампаниях. Используя информацию, собранную в ходе предыдущих разведывательных миссий, он атаковал ключевые центры – Биляр, Сувар и Булгар. Жители не смогли организовать эффективное сопротивление и капитулировали; часть населения бежала в северные леса или русские земли, в то время как оставшиеся были принуждены к службе монголам. В 1236 году Субэдэй захватил Саксин и Саммеркент в районе дельты Волги, установив контроль над территорией башкир, также известной как «Великая Венгрия» (Favereau, 2021: 105–106).

М. Полубояринова указывала, что в крупных золотоордынских городах, таких как Сарай и Новый Сарай, русское население обнаружить сложнее: оно проживало, как правило, в обособленных кварталах, о чем упоминает и Ибн-Баттута, описывая Сарай. Археологические раскопки А.В. Терещенко в Новом Сарае, по всей видимости, затронули один из таких русских кварталов – среди находок преобладали предметы, относящиеся к русской культуре, в то время как в ходе более поздних исследований аналогичные артефакты практически не встречаются. В то же время русское присутствие гораздо более отчетливо прослеживается в материальной культуре малых золотоордынских городов, таких как поселение Березовка и Водянское городище (Бельджамен), где русские составляли значительную долю населения. Возможно, они были насильственно переселены в эти стратегически важные места с целью строительства новых городских центров (Полубояринова, 1978: 730).

Французский историк Рене Груссе отмечал, что около 1266 года правитель Золотой Орды предоставил генуэзцам право основать торговую факторию в Каффе, что стало отправной точкой для формирования крупной генуэзской колонии в Крыму. Итальянские купцы также активно действовали в Сарае – столице Орды и важном центре торговли мехами и рабами. Генуэзцы закупали молодых тюркских рабов и перепродавали их мамлюкам Египта, что вызвало недовольство хана Токтая. Опасаясь утраты боеспособного населения, он в 1307 году арестовал генуэзцев в Сарае и осадил Каффу. В ответ генуэзцы подожгли город и эвакуировались морем. Конфликт продолжался до смерти Токтая в 1312 году, отразив противоречия между интересами Орды и средиземноморской торговли (Груссе, 2001: 420). Мамлюкская армия зависела от постоянного притока тюркских рабов, что могло вызывать конкуренцию и политическую напряженность.

Генуэзцы были не единственными, кто воспользовался сетью Джучидов, которая также связывала немцев, славян и греков. Греки, в частности, имели большое присутствие в Килии. Между ними греческие и генуэзские торговцы скупали большую

часть урожая, выращенного в Буйакской степи, и отправили большое количество зерна в Константинополь (Favereau, 2021: 243).

А. Демидов, анализируя расселение мордовского населения, отмечал, что территория, на которой проживала служилая мордва – в частности, Алатырский и восточная часть Арзамасского уезда, – находилась в составе или в сфере влияния Казанского ханства. Хотя мордва формально не утратила своей политической самостоятельности, часть мордовской знати, особенно мурзы, оказалась под существенным воздействием татарских и исламских политико-культурных традиций. Восточные земли мордвы, сохраняя элементы традиционного общественного уклада и системы управления, стали объектом ранней формы прямой колонизации со стороны татарских мурз еще до появления на этих территориях русского населения (Демидов, 2016: 35).

Финно-угры проживали на севере Улуса Джучи (включая территории современных Поволжья, Прикамья и Предуралья) по нескольким историко-географическим причинам. Во-первых, финно-угорские народы, такие как марийцы, удмурты, мордва, коми, ханты и манси, населяли эти регионы задолго до появления тюркоязычных и монгольских кочевников, и их расселение соответствовало лесной и лесостепной зонам, где условия были благоприятны для традиционных форм хозяйства – охоты, рыболовства и подсечного земледелия. Во-вторых, географические и климатические особенности северных территорий Улуса Джучи ограничивали распространение кочевого скотоводства и тем самым делали эти земли менее привлекательными для активной миграции тюркских племен. В-третьих, процессы тюркизации и исламизации, характерные для степной зоны, практически не затрагивали север, что позволило финно-угорским народам сохранять свои языки, религиозные практики и культурную автономию. Кроме того, эти народы часто выступали в роли вассалов или данников Золотой Орды, не являясь ее политическим и этническим ядром, благодаря чему подвергались меньшему культурному давлению. Таким образом, их устойчивое присутствие в северных регионах Улуса Джучи объясняется сочетанием исторической преемственности, природных условий, хозяйственной специализацией и политического положения в системе ордынского государства.

Немецкий востоковед Бертольд Шпулер подчеркивал активную миграционную динамику русских в пределах Золотой Орды, отмечая, что они достаточно быстро начинали обживать территории, ранее заселенные тюрко-монгольским населением. В частности, он указывал на Укек (район современного Саратова) как один из городов, где русские поселенцы появлялись в значительном количестве. В столице Орды – Сарае – также сформировалась крупная русская колония, сосуществовавшая с другими этническими группами: черкесами, аланами, половцами и греками. Все эти общины, по словам Шпулера, проживали в отдельных кварталах, что указывает на наличие определенной формы самоуправления и сохранение этноконфессиональной идентичности в условиях многонационального города (Шпулер, 2016: 250).

Французский историк Жан-Поль Ру отмечал, что пшеница производилась в русских княжествах на юге, тогда как Северный Кавказ славился во всем мусульманском мире своими богатыми урожаями. К этим регионам также относилась и Камская Булгария – житница империи, снабжавшая два Сарая на Волге и обеспечивавшая значительный экспорт зерна (Жан-Поль Ру, 2006: 522).

Марат Гатин, подробно исследовавший немецкую историографию по истории Золотой Орды и Казанского ханства, отмечает, что немецкие историки единодушно характеризуют ханство как полиэтническое образование. Согласно их оценкам, политика Улуг-Мухаммада, обещавшего убежище и защиту всем беженцам, способствовала

быстрому заселению региона представителями самых разных этносов. В результате сформировалась этнически смешанная общность: татары, русские, болгары, мещера, мордва, черемисы и монголы вступали в контакт, взаимодействовали и со временем образовали новую идентичность – народ, получивший название «казанские татары». Несмотря на то, что современные потомки этих групп представляют собой лишь незначительную часть когда-то грозной силы, игравшей важную роль в истории региона, их этногенез восходит именно к этому полиэтничному взаимодействию. Наряду с татарами, обладавшими привилегированным статусом, в ханстве проживали и финно-угорские племена, на которых татарская культура оказала значительное влияние (Гатин, 2006: 144). Немецкая историография подчеркивает сложность этнической географии Улуса Джучи и его постчингизидских государств, акцентируя внимание на динамике ассимиляции, переселений и политико-культурного взаимодействия.

Известный исследователь Востока Армини Вамбери отмечал особенности этнической карты расселения народов на южных окраинах Улуса Джучи, в том числе в пределах Хивинского, Бухарского и Кокандского ханств. Он описывал туркмен как народ, обитающий преимущественно в пустынных районах, простирающихся к югу от Окса (Аму-Дарьи) – от Каспийского моря до Балха, и далее до Герата и Астрабада. Кроме узких полос орошаемых земель вдоль Окса, Мургаба, Теджена, Гургена и Этрека, где туркмены ограничено занимались земледелием, остальная часть этих территорий представляла собой суровую пустыню, через которую путешественник мог неделями не встретить ни одного источника пресной вод (Вамбери, 2001: 153–154). Земли, заселенные туркменами, не представляли интереса для власти Джучидов, что объясняется как их географической отдаленностью и экономической непривлекательностью, так и высокой степенью племенной автономии. В отличие от казахов, узбеков, ногайцев и башкир, туркмены не демонстрировали устойчивого подчинения чингизидской власти. Это связано, в том числе, с тем, что политическое и культурное наследие туркмен было теснее связано с огузской, а не монгольской традицией. Их территории были периферийными для Улуса Джучи, сложными для контроля, слабо заселенными и лишенными стратегической ценности, что обуславливало лишь номинальное присутствие власти монгольских ханов.

В той же работе Вамбери упоминает и этническое разнообразие Бухарского ханства, в том числе присутствие индусов. Хотя их численность была невелика (около 500 человек), они проживали в городах, преимущественно без семей, но играли значительную роль в финансовой жизни региона. По словам Вамбери, ни один базар не обходился без индусского ростовщика с мешком за плечами. Проявляя подчеркнутую покорность, схожую с поведением армян в Османской империи, он успешно эксплуатировал местное население. Более того, учитывая, что благочестивый кади часто имел дела с последователем Вишну, последний нередко оказывался в положении доминирующей стороны в этих взаимоотношениях (Вамбери, 2001: 227).

Вамбери в своих трудах уделял больше внимания этнографическим аспектам, нежели подробному анализу исторических процессов формирования узбекских государств, вследствие чего он представлял их как более пестрые в этническом отношении по сравнению с другими постордынскими образованиями. Наряду с узбекскими ханствами, значительным этнокультурным разнообразием отличался также Крымский полуостров. Шведский путешественник Тунман (Йон Эрик Тунман) отмечал, что после татар наиболее многочисленными народами в Крыму были армяне, за ними следовали греки, итальянцы и евреи (Тунман, 2023: 30).

Этническое разнообразие, преимущественное для Крымского и Узбекского ханств в составе наследия Улуса Джучи, обусловлено рядом взаимосвязанных факторов,

отражающих географические, экономические и историко-политические особенности этих регионов. В отличие от других ханств, таких как Казанское, Астраханское, Сибирское или Казахское, где преобладала кочевая или полuosедлая структура населения с ограниченной урбанизацией и сравнительно слабой вовлеченностью в международные торговые сети, Крымское и Узбекское ханства располагались на перекрестке цивилизаций, активно включенных в трансрегиональные обмены. Крым, как важнейший черноморский узел торговли, поддерживал тесные связи с Османской империей, Византией, Генуэзскими колониями и славянскими землями, что способствовало притоку многоэтнического населения, включая греков, армян, караимов, евреев, крымчаков, славян и других. Узбекское ханство, в свою очередь, было преемником древнейших оседлых культур Центральной Азии и контролировало важные участки Великого шелкового пути, что обусловило присутствие в городах иранских, тюркских, арабских, пуштунских, индийских и других этнических групп. Сохранение в Средней Азии персидской городской культуры, многоязычие, исламская правовая система и автономность местных элит также способствовали укоренению этнической мозаики. В обоих ханствах историческая преемственность многонациональных государств до монгольского периода (Хазарский каганат, Хорезм, Согдиана и др.), а также инкорпорация этих обществ в структуры Золотой Орды, где преобладал принцип гибкой этнополитической интеграции, сформировали предпосылки для устойчивого этнокультурного многообразия. Таким образом, именно комплексное взаимодействие географии, торговли, городской традиции и политической инклюзивности предопределило высокий уровень этнической разнородности в Крымском и Узбекском ханствах по сравнению с остальными постордынскими образованиями.

По наблюдению А. Вамбери, узбеки в течение нескольких столетий сохраняли доминирующее положение в Туркестане как народ, первым воспринявший ислам и связанные с ним формы городской цивилизации. С этнонимом «узбек» традиционно ассоциировались представления о культурности, образованности и социальном престиже. Именно поэтому представители других кочевых этносов – таких как киргизы (казахи), кипчаки и калмыки – после перехода к оседлому образу жизни в городах зачастую отказывались от своих первоначальных этнических самоидентификаций, называя себя узбеками. Скорее всего, узбеков следует считать смесью этих кочевых народов» (Вамбери, 2001: 236). Это свидетельствует не только о социальном давлении и культурном престиже узбекской идентичности, но и о глубокой этнической взаимопроницаемости в регионе. При этом калмыки, как часть западномонгольских народов ойратского происхождения, географически входили в состав территории Улуса Джучи, заселяя его юго-восточные степи в зоне нижней Волги и Предкавказья. Их присутствие в этих регионах подчеркивает полиэтничность постордынского пространства, где этнические границы были подвижными и подверженными влиянию как религиозных, так и социально-экономических факторов.

В своей работе «The Mongols and Siberia» (Монголы и Сибирь) исследователь Томас Олсен (Thomas T. Allsen) обращает внимание на сложную природу этнических взаимодействий между кочевыми степными народами и оседлыми или полукочевыми лесными этносами Сибири в постимперский период. Он отмечает, что этногенез тюркоязычных народов Южной Сибири носил многослойный и противоречивый характер. Этническая номенклатура тюрков включала как древние автохтонные самоназвания, так и более поздние экзонимы, сформированные либо географическими обстоятельствами, либо навязанные внешними, в том числе имперскими властями. Это говорит о сложной динамике этнической самоидентификации, связанной с многоступенчатым процессом формирования тюркоязычных этносов в регионе. Олсен подчеркивает, что в ходе этих процессов южносибирские тюрки постепенно

ассимилировали местные сибирские народы – кетов, самоедов и другие группы, при этом сами подвергались значительному влиянию как со стороны монгольской имперской культуры, так и со стороны пришлых кыпчакоязычных степняков (Allsen, 1997: 748). Это влияние отразилось не только в этнической структуре, но и в языках тюрков, в которых наблюдаются интенсивные заимствования из монгольского языка, а также структурные изменения, обусловленные длительным сосуществованием и смешением с иноязычными группами.

Этническая мозаика Южной Сибири формировалась под воздействием имперской политики и межэтнических контактов, но на фоне естественных ограничений, накладываемых географией и климатом. Именно эта комбинация факторов – политических, этнолингвистических и экологических – сформировала уникальный, но демографически малочисленный этнокультурный ландшафт региона в постмонгольскую эпоху.

Заключение

Европейская историография, начиная с XIX века и особенно активно развиваясь в XX–XXI веках, сформировала целостное и многоаспектное представление об этнической географии Улуса Джучи. Исследователи, такие как Б. Шпулер, Т. Олсен, М. Фаваро, А. Малышев и другие, продемонстрировали сложность этнической мозаики Золотой Орды, состоявшей из монгольских, тюркских, финно-угорских, славянских, кавказских и христианских (армянских, русских, греческих) общин. Особое внимание уделялось вопросам ассимиляции, миграций и взаимодействия между оседлым и кочевым населением, а также механизмам политической и культурной интеграции различных этносов в рамках ордынской системы.

Современная европейская историография стремится к децентрализованному и мультиэтническому подходу в изучении Золотой Орды, отходя от упрощенных схем «тюрко-монгольского» господства. Акцент смещается на региональные особенности, локальные этнические конфигурации (например, в Поволжье, Крыму, на Южном Урале и Северном Кавказе), а также на адаптационные стратегии местного населения в условиях имперского управления. Тем самым, европейская историческая наука делает вклад не только в реконструкцию этнокультурной карты Улуса Джучи, но и в более широкое понимание процессов ранней глобализации и межэтнического взаимодействия в Средние века.

Такие авторы, как Томас Олсен, анализируя Сибирь и тюркские этносы, указывали на влияние монгольского правления на языковую и этническую трансформацию местных народов. Мари Фаваро, в свою очередь, прослеживала дипломатические и демографические стратегии, реализуемые через переселения и контроль торговых маршрутов. Исследования А. Малышева и О. Бубенка подчеркнули важную роль христианских общин – армян, аланов, русских – и их интеграцию в социально-экономическую ткань Орды. Внимание к финно-угорским народам Поволжья (по работам Ю. Зеленева, А. Демидова, Т.Б. Никитиной) демонстрирует устойчивость местных культур при одновременном влиянии со стороны Ордынских институтов.

Европейская историография стремится к интердисциплинарному подходу, в котором археология, историческая география, этнология и источниковедение соединяются для реконструкции сложного этнического ландшафта Золотой Орды. Уделяется внимание как вертикали власти – политической структуре Улуса, улусным системам и элитам, – так и горизонтальному уровню – повседневной жизни полиэтнического населения. Это позволяет рассматривать Золотую Орду не только как военную империю, но и как пространство сложных этнокультурных связей, чьи последствия ощущались далеко за пределами евразийских степей.

Источники:

- Бубенок, О.Б. (2013). Политика монголов по переселению народов на юге Восточной Европы во времена Александра Невского. *Rossica Antiqua*. 2 (8): 41–63.
- Вамберри, А. (2006). Путешествие по Средней Азии. Павлодар.
- Гарустович, Г.Н. (2015). Башкирские земли в составе улуса Джучи. Проблемы истории, филологии, культуры. 4 (50): 195–205.
- Гатин М.С. (2006). Проблемы истории Улуса Джучи и постордынских тюрко-татарских государств Восточной Европы в немецкой историографии XIX–XX вв.: дис. канд. ист. наук: 07.00.09 Казань, 2006. 257 с.
- Груссе, Р. (2001). Империя степей. История Центральной Азии. Казань.
- Демидов, А.Н. (2016). Служилая мордва в XVII–XVIII веках. Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2(34): 31–40.
- Егоров, В.Л. (2009). Историческая география Золотой Орды в XII–XIV вв. Отв. ред. В.И. Буганов. Изд. 2-е. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
- Зеленева, Ю.А., Мухамдиев, А.Г. (2015). Этнокультурная ситуация в среднем Поволжье в золотоордынское время. Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 4(2): 118–122.
- Иванов, В.А. (2009). Новый взгляд на этнический состав кочевников Золотой Орды. Золотоордынская цивилизация. №2: 242–250.
- Иванов, В.А. (2019). Монголы в составе кочевников Улуса Джучи (Золотой Орды): по данным археологии. Золотоордынское обозрение. 7(4): 636–651.
- Малышев, А.Б. (2016). Армяне в этнокультурных взаимодействиях на территории Золотой Орды. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 16(3): 253–261. doi:10.18500/1819-4907-2016-16-3-253-261.
- Матюшко, И.В. (2013). Роль Золотой Орды в формировании этнокультурной карты Южного Урала. Известия Самарского научного центра РАН, 15(1): 232–234.
- Allsen, Thomas T. (1997). *Commodity and exchange in the Mongol Empire: a cultural history of Islamic textiles*. Cambridge University Press.
- Полубояринова, М.Д. (1978). Русские люди в Золотой Орде. Москва: Издательство «Наука».
- Ру, Ж.П. (2006). История империи монголов. Пер. с фр. З.З. Сажиновой; науч. ред. П.Б. Коновалов, С.Ш. Чагдуров. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета.
- Тунман, И.Э. (2023). Крымское ханство. Москва: Книга по Требованию.
- Favereau, Marie (2021). *The Horde: how the Mongols changed the world*. Belknap Press.
- Шпулер, Б. (2016). Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.

ЖОШЫ ҰЛЫСЫНЫҢ ЭТНИКАЛЫҚ ГЕОГРАФИЯСЫ ЕУРОПАНЫҢ ТАРИХНАМАСЫНДА

Мурат ШОЛАХОВ¹

¹PhD докторант, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті

Астана, Қазақстан

muri777@mail.ru

Аңдатпа. Мақала XIII ғасырда Еуразия далалық белдеуінің аумағында пайда болған және Шығыс Еуропа мен Орталық Азия тарихында маңызды рөл атқарған Жошы Ұлысының құрылымы мен этникалық географиясы туралы еуропалық тарихнаманың идеяларын талдауға арналған. Басты назар Алтын Орданың этникалық құрамын, оның демографиялық ерекшеліктерін, сондай-ақ XIII-XIX ғасырлардағы еуропалық еңбектерде берілген әртүрлі этноконфессиялық топтардың өзара әрекетін түсіндіруге аударылады.

Еуропалық дереккөздер призмасы арқылы Батыс саяхатшылары, дипломаттары мен тарихшылары Жошы Ұлысының ұлан-ғайыр кеңістігіндегі моңғолдар, қыпшақтар, аландар, орыстар, армяндар, гректер, еврейлер, мұсылмандар және басқа халықтардың қатар өмір сүруі мен иерархиясын қалай түсіндіргені қарастырылады. Бірқатар жұмыстар Шығыс Еуропаның отырықшы және христиан халықтарымен салыстырғанда түркі және моңғол халықтары жабайы немесе дамымаған ретінде бейнеленген отаршылдық және шығыстық көзқарасты көрсетеді. Сонымен қатар, кейбір деректерде Алтын Орданың далалық саяси мәдениеті мен сұйық этникалық құрылымының күрделі түсінігі көрсетілген.

Зерттеу мәтіндерді, оның ішінде еуропалық шежірешілер, миссионерлер мен ғалымдардың еңбектерін, сондай-ақ батыс тарихнамасының заманауи түсіндірмелерін салыстырмалы талдауға негізделген. Жұмыс Еуропадағы Жошы Ұлысының этникалық картасын қабылдау әр дәуірдегі саяси және ғылыми контекстке байланысты қалай өзгергенін көрсетуді көздейді.

Түйін сөздер: Жошы ұлысы, этникалық география, Еуропа тарихнамасы, тарихнама.

**VI. ОРТАЛЫҚ АЗИЯНЫҢ ТАРИХИ ГЕОГРАФИЯСЫНДАҒЫ
ЕСТЕ САҚТАУ, СӘЙКЕСТІЛІК ЖӘНЕ КЕҢІСТІК**

**VI. MEMORY, IDENTITY, AND SPACE IN CENTRAL ASIAN
HISTORICAL GEOGRAPHY**

AN EVALUATION ON THE RELIGIOUS, SOCIAL AND ECONOMIC LIFE OF ARTUÇ DURING THE KARAHANID PERIOD

Abdullah YAKŞI ¹ (ORCID ID: 0009-0005-0096-0794)

¹History Department Karabük University, Karabük, Turkey

ayaksi.kz@gmail.com

Abstract. The process of emergence of states and the formation processes of cities are closely interconnected and reflect the socio-political, economic, cultural and religious development of society. The development process of urban culture shows, on the one hand, general social and economic laws and, on the other hand, the concrete reality of political history. Artuç is a region connected to the Karakhanid capital Kashgar. The first Karakhanid rulers came from Artuç and the tombs of the dynasty representatives are also located here. It is of historical importance in that Islam was first conveyed to the Karakhanid ruler Satuk Buğra Khan by Abu Nasr Samani of the Samani dynasty. The process that began with Abu Nasr Samani's arrival and settlement in Artuç, Artuç became a religious and commercial center with the arrival of clergy, merchants and caravans from places such as Bukhara and Samarkand. This study will focus on the activities of Satuk Buğra Khan, the first Turk to accept Islam, in Artuç and the religious, social and economic life of Artuç during the Karakhanid period.

Keywords: Karakhanids, Artuç, Satuk Buğra Khan, Islam.

ҚАРАХАНИДТЕР ДӘУІРІНДЕГІ АРТУЧТЫҢ ДІНИ, ӘЛЕУМЕТТІК ЖӘНЕ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ӨМІРІНЕ БАҒАЛАУ

Абдуллах ЯКШИ¹

¹Қарабүк университетінің тарих бөлімі, Қарабүк, Түркия

ayaksi.kz@gmail.com

Аңдатпа. Мемлекеттердің пайда болу мен қалалардың қалыптасу процестері бір-бірімен тығыз байланысты және қоғамның әлеуметтік-саяси, экономикалық, мәдени және діни дамуын көрсетеді. Қала мәдениетінің даму процесі, бір жағынан, жалпы әлеуметтік және экономикалық заңдылықтарды, екінші жағынан, саяси тарихтың нақты шындығын көрсетеді.

Артуч – Қарахан мемлекетінің астанасы Қашғарға қосылған аймақ. Алғашқы қарахандық билеушілер Артучтан шыққан және әулет өкілдерінің бейіттері де осында орналасқан. Оның тарихи маңызы бар: исламды алғаш рет Қарахан әулетінің билеушісі Сатұқ Бұғра ханға Самани әулетінен шыққан Әбу Наср Самани жеткізген. Әбу Наср Саманидің Артуч қаласына келіп қоныстануымен басталған үдеріс Бұқара, Самарқанд сияқты жерлерден дін басылары, саудагерлер және керуендердің келуімен Артуч діни және сауда орталығына айналды.

Бұл зерттеу Исламды алғаш қабылдаған түрік Сатұқ Бұғра ханның Артучтағы қызметі мен Қараханидтер дәуіріндегі Артучтың діни, әлеуметтік және экономикалық өміріне тоқталады.

Түйін сөздер: Қараханидтер, Артуч, Сатұқ Бұғра хан, Ислам.

Introduction

The mass westward migrations caused by the collapse of the Turkic Khaganate (552–740) and the Uyghur Khaganate (744–840) brought Turkish peoples closer than ever to the borders of Islamic cities. For instance, during the first wave of migration in the mid-eighth century, the Karluks and other Turkic groups began settling in the Zhetysu region, which corresponds to present-day southeastern Kazakhstan. Later, the Karluks united with groups such as the Yagma and the Chigil to form a confederation, eventually expanding into the regions of Kashgar and Ferghana, culminating in the establishment of the Karakhanid Khanate (Duturueva, 2022: 10).

By the ninth century, these Turkic confederations became the closest neighbors of the Samanid Emirate (875–999) in Transoxiana and Khorasan, which, alongside the Khazar Khaganate (ca. 650–969), was one of the main suppliers of slaves to the Abbasid Caliphate. The role of the Samanids in spreading Islam into Turkic territories was significant, and the frontier of Central Asia became the most important arena for jihad. The emergence of a boundary between the Islamic world and the Eurasian steppes drew significant attention from central Islamic authorities toward the geography of Turkic lands (Duturueva, 2022: 11).

The region where the Karakhanids ruled has been one of the world's most prominent centers of trade, science, and culture since ancient times. With its geographic and strategic significance, it served as a bridge between eastern regions such as Korea, Manchuria, China, and India and western lands such as Iran, Greece, and Rome. Despite intense ethnic mobility, urban culture made significant progress. The driving forces behind this urban culture were trade and scientific activities (Yıldırım, 2013: 19).

Artuç in the Karakhanid Period

Regarding the name «Artuç», Kaşgarlı Mahmud's *Divanu Lügati't-Türk* mentions two villages in Kashgar called «أَرْطُج» (Artuç) (Kaşgarlı Mahmud, 2013: 95). Located in the lands of the Atuş township, affiliated with the city of Atuş, and referred to in sources as Alt Atuş (Altın Artuş: «Lower Artuç»; altın meaning «lower»), this place was situated at the foot of a mountain and near a village. It was relatively lower than Upper Artuç (Kaşgarlı Mahmud, 2013: 108–109). One was called Upper Artuç, and the other simply Artuç (today commonly known as Upper and Lower Artuç in local speech). The origin of this ancient place name is understood to derive from the «ardıç» (juniper) tree. In *Divanu Lügati't-Türk*, Mahmud of Kashgar notes: «The mountain was filled with Artuç trees, and the air was filled with the fragrance of Artuç trees» (Kaşgarlı Mahmud, 2013: 312). Due to the pleasant scent of the Artuç tree, it was used to make clothes cabinets and chests. Upon the death of rulers in countries such as India and China, merchants would purchase this wood to make coffins (Meşedi, 2005: 9). Kürşat Yıldırım cites Abdulkirim Rahman as describing the juniper tree as growing like hyacinth leaves along the Çakmak River in the mountains of Atuş, and that today it is called «Kara Arça». It is also suggested that the word «Artuç» is derived from «art» (meaning «height, elevation») and «uç», a type of tree used by Turks to make pens, as mentioned in *Divanu Lügati't-Türk* (Yıldırım, 2016: 200).

According to *Tarih-i Reşidi*, there was a one-month journey from Artuç (Atuş), located on the Kashgar border, to the Hotan frontier in Keriya and Çıra. From Artuç, one would pass through the Kalık Kıya (or Kaba) Valley and arrive at the village of Üçbarkan, located by the Yutunbaşı (or Tuyun) River. From the hills there, the city of Kashgar could be seen three fersah (approx. 18 km) away (Mirza Haydar Duğlat, 2006: 469).

Hudûd al-'âlem mentions a place called Artüj (written as B.rtüj), one of the populated settlements of the Yagma Turks. It states: «B.rtüj is a densely populated village of the Yagmas, but it became overrun with snakes, forcing the population to abandon it». Suntağ and Atuş settlements were actually Lower and Upper Atuş, respectively (Hudud Al-'Alam, 1970: 96).

This area was located 80 li west of Suntaş, right at the mountain's mouth, where the Tümen River originated. Proceeding southwest across the Muş River would lead to this place. To the southeast, the city of Kashgar was reached after 60 li (Yıldırım, 2016: 200). Upper Artuç is about 35 km northwest of Kashgar, and Lower Artuç is about 45 km northeast. Nearby these two villages are intriguing Buddhist ruins (Hudud Al-'Alam, 1970: 281).

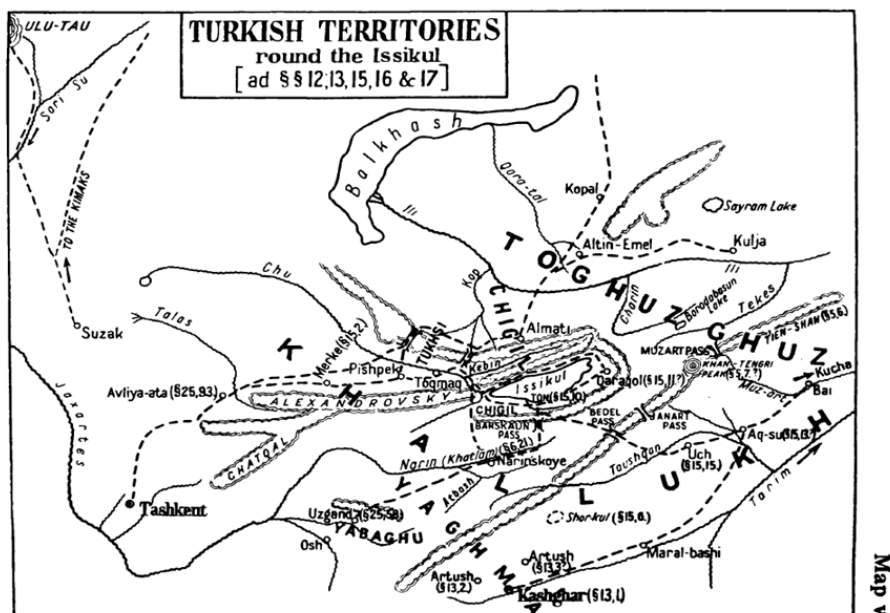

Figure 1. Artuch on the map (Hudud Al-'Alam, 1970: 279)

In his book «Historical Hemise-i Doğu», Meşedi mentions that Bilge Kül Kadir Khan had a city built on the northeast side of Kashgar, the capital of the Karakhanid State. He named it «Baglar Sağun». The term Sağun implies grandeur, beauty, and magnificence, and rulers would periodically reside there (Meşedi, 2005: 10). This area may have been chosen due to its mountainous, wooded, and protected nature.

Previously, Karluks, Yagmas, and the Dokuz Oghuz tribes had lived in Kashgar and Artuç (Genç, 2002: 3). During that time, the «Street of the Shahs» existed in the Meşhedi village of Artuç, where members of the ruling families resided. On «Treasure Street», officials who worked for the state treasury lived, and the state's coins were also minted there.

To the south of Meşhedi village, in the Kumbağ settlement, there was a Buddhist temple built by Satuk Buğra Khan's uncle (Meşedi, 2005: 14). After Satuk Buğra Khan declared Islam as the official religion of the Karakhanid state, this Buddhist temple was converted into the Azna Mosque. This suggests that the region was previously a Buddhist center before the Karakhanid state's adoption of Islam (Meşedi, 2005: 15). Even today, remnants of Buddhism still exist in Artuç.

Asena mentions that, farther into the Suntaş village of Artuç, there are remnants of large mounds thought to be associated with the former administrative center of the Buddhist Karakhanid state. Nearby are the ruins of ancient Buddhist temples (Asena, 2009: 403).

In the Töregöl district of Artuç, there existed a new royal palace named «Saray Boy». In Töregöl's main square – «Nur Elanurhan» – rulers, viziers, and key officials held meetings in every season. On the final day of these assemblies, the ruler would announce the decisions made during the session (Meşedi, 2005: 15).

The Yer Korgan region functioned as a «military headquarters», housing the most important units of the Karakhanid army. The royal cemetery of the Karakhanid rulers is located in Artuç. It is the burial site of Bilge Kadir Khan, Bazir Arslan Khan, Oğulcak Kadir Khan, Abdülkerim Satuk Buğra Khan, his son Musa Baytaş, and his daughter Bud Teke, as well as many other members of the ruling dynasty and viziers. Additionally, the tomb of Abu Nasr Samani—the religious teacher who introduced Abdülkerim Satuk Sultan Buğra Khan to Islam—is also located here (Meşedi, 2005: 23).

During the Karakhanid period, majestic buildings were constructed using baked bricks. The walls and domes of palaces, tombs, mosques, and madrasahs were decorated with tiles and flower-patterned bricks. Domes and minarets were adorned with gilded ornaments. The architectural styles that emerged in Kashgar are regarded as significant examples of Turkic-Islamic architecture. Indeed, historical sources describe the grandeur and beauty of the Karakhanid palace «Han Sarayı» in Artuç and the second palace built east of Kashgar in the early 10th century. The tomb of Satuk Buğra Khan in Meşedi village of Artuç was also constructed with great magnificence (Emin, 2024: 80).

Figure 2. Tomb of Karakhanid Ruler Satuk Buğra Khan (<https://turbelerimiz.blogspot.com/2016/04/satuk-bugra-han-turbesidogu-turkistan.html> 20 Haziran 2025)

During the Karakhanid era, Artuç held a place of great importance and became one of the key trade centers. Its location near government buildings, the treasury, military headquarters, and its position on the Silk Road provided it with significant advantages. Moreover, the settlement of the Samanid prince Abu Nasr Samani in Artuç, and the subsequent arrival of scholars and traders from Transoxiana aiming to propagate Islam, contributed to the city's development as a center of commerce and culture.

In this period, there was a market in Artuç known as «Oçar Bazaar» (located in present-day Lenger village). A caravanserai was located there, serving merchants who arrived from various places to trade. Famous vineyards called «Çar Bağ» and «Hisar Bağ» were also found in this area (Meşedi, 2005: 36).

A substantial number of coins minted by Karakhanid rulers have survived to the present day. From the perspective of this study, these coins are valuable for the titles of rulers they feature and for the mints which indicate government, regional, or provincial centers.

In 1980, the Archaeological Research Center of the Xinjiang Academy conducted excavations in Artuç and uncovered a collection of ancient coins weighing approximately 130 kg and totaling around 17,000 pieces. These coins were made entirely of copper, with small traces of other elements. It was determined that they were minted during the middle period of the Karakhanids. Among them were a few coins belonging to the Song Dynasty of China (Emin, 2024: 69).

Karahanid rulers typically minted coins in their own names. Abdülkerim Satuk Buğra Khan minted gold, silver, and copper coins. On one side of these coins appeared the inscription «Karahana Satuk Abdülkerim» (Uygur, 2017: 109), while the other side bore the Islamic declaration of faith: La ilaha illallah, Muhammadun Rasulullah (Meşedi, 2005: 16). Many of these coins were discovered in Artuç.

Silver and copper coins of Mesut Khan and Yusuf Arslan Khan were also found in Artuç. These round coins featured intricate calligraphy. Muhammed Arslan Khan, whose full name was Muhammed ibn Yusuf, was the second son of Yusuf Arslan Khan. Due to a dispute with his older brother Süleyman ibn Yusuf, he waged war against him in 1056 and seized the throne. To revive the economy weakened by the war, he minted coins in his name. These coins were so widely circulated that they became very common among the people (Cyang Çış Yang & Dung Çing Şüven, 1993: 26–28).

Figure 3. Coins from the Karakhanid Period Found in Artuç
(Cyang Çış Yang, Dung Çing Şüven, 1993: 27)

There is insufficient information regarding the real names of Satuk Buğra Khan's mother and wife. In Kaşgarlı Mahmud's *Divanu Lugâti't-Türk*, the mother of a Karakhanid ruler is referred to by the title «Terken Hatun», the ruler's primary wife as «Türken Hatun», his second wife as «Baş Hatun», and his third wife as «Künçü». Additionally, the title «Altın Tarım» was also used.

The names of Satuk Buğra Khan's children were given to various streets. For example, his eldest daughter gave her name to a street called «Nur Elanurhan», where during the spring season, government officials and the public would gather to prepare meals together. The meal offered to the public during this season was known as the «Buğra meal», made from meat, chickpeas, wheat, and vegetables.

In addition to Satuk Buğra Khan's tomb, there is a cemetery known as «Sartlar Cemetery» where individuals who cared for the horses of the rulers were buried. During the reign of Sultan Satuk Buğra Khan, many charitable foundations (waqfs) were established and endowed with land. These foundations would cover the expenses for the preparation of the springtime «Buğra meal» distributed in the ruler's name (Meşedi, 2005: 15).

Among the people of Artuç, a woman known for a thousand years as «Buvi Annem» (Mother Buvi) is spoken of, although her real name remains unknown. «Buvi Anne» was the wet nurse of Satuk Buğra Khan and was responsible for preparing meals. She was highly respected within the royal court. She was one of the first women to accept Islam and, after receiving Islamic education, played a crucial role in converting many other women to Islam (Meşedi, 2005: 58–59).

When examining the madrasas established in Artuç, most of the scholars teaching there were educated in Bukhara, Samarkand, and Baghdad during the Samanid period. These scholars authored numerous valuable works in Turkish, Arabic, and Persian and passed them on to future generations (Emin, 2024: 82).

According to a tazkira (biographical record) written in honor of Abu Nasr Samani, the man who invited Satuk Buğra Khan to Islam, he was the founder of the first madrasa in Artuç, a township of Kashgar. He was also instrumental in the conversion of seven thousand people to Islam. Furthermore, he trained and educated seventy individuals—mostly the sons of rulers and state officials—and produced more than fifty scholars. Abu Nasr Samani learned the Turkish language very well in order to effectively preach Islam and teach religious sciences among the Turks (Muti, 2002: 306).

The «Sacidiya» madrasa, founded by Satuk Buğra Khan, was established in the early period of the Karakhanid State. At the time, it was one of the most renowned madrasas, attracting students from cities such as Kashgar, Yarkent, Hotan, Turfan, Aksu, and Kumul. These students resided in dormitories affiliated with the madrasa. All of their needs were met through the endowment fund linked to Satuk Buğra Khan's tomb. The madrasa offered a curriculum that included the Qur'an, Hadith, literature, astronomy, mathematics, and medicine (Meşedi, 2005: 76–77).

The Karakhanids and Satuk Buğra Khan

The term «Karakhanids» was coined by European Orientalists due to the frequent use of the word *kara* («strong» or «powerful») in the rulers' titles. In contemporary Islamic sources, this dynasty is also referred to as *al-Haqaniyya*, *al-Haniyya*, and *Al-i Afrasyab* (Merçil, 2006: 18; Genç, 2002: 1–2).

The first known khan of the Karakhanids was Bilge Kül Kadir Khan, who had conflicts with the Samanids. After Bilge Kadir Khan's death, his two sons—Bazir Arslan Khan and Oğulcak Kadir Khan—shared the administration. Bazir Arslan Khan ruled in Balasagun as the senior khan, while Oğulcak Kadir Khan served as co-ruler in Taraz. During the reign of the Samanid ruler Ismail b. Ahmad (892–907), the city of Taraz was captured following a long siege (March–April 893). Consequently, Oğulcak Kadir Khan relocated the capital of the Karakhanid state to Kashgar and began launching raids into Samanid territory (Merçil, 2006: 19).

When Bazir Arslan Khan died in 906/7, his son Satuk Buğra was only six or seven years old. Due to his young age, his uncle Oğulcak Kadir Khan ascended the throne with ease. First, Oğulcak married his deceased brother's widow and then moved the state's center to Kashgar. Thus, he took complete control of the state and distanced Satuk from the center of power (Necf, 2005: 166).

Relations between the Samanids and the Karakhanids date back quite far. The seizure of the city of Isfijab from the Karakhanids by Nuh b. Asad in 225/840, and the military campaigns of Ismail b. Ahmad in 280/893 and 291/903, indicate the Samanid superiority during the early phases of their interaction. This dominance appears to have continued until the reign of Nuh II b. Mansur.

Meanwhile, taking advantage of this dominance, Muslim Sufi missionaries and traders were able to propagate Islam across the Turkic steppes, including Karakhanid lands. It is believed that the conversion of the Karakhanids to Islam was facilitated by Ebu Nasr, a Samanid prince who fled to Kashgar during the Samanid internal conflicts (Usta, 2013: 237; Tekinoğlu, 2017: 66).

The Conversion of Satuk Buğra Khan and His Struggle with Oğulcak Kadir Khan

According to Cemal al-Qarshi, Oğulcak Kadir Khan, who governed Turkic territories, welcomed the exiled Samanid prince Ebu Nasr Samani—brother of his rival Ismail bin Ahmad—and appointed him as governor of Artuq, located north of Kashgar. Settling in the Artuq region, Ebu Nasr Samani established strong commercial relations with the local population. Caravans from Bukhara and Samarkand began arriving, offering goods and textiles of unmatched quality. Pleased with this development, he sent gifts to Oğulcak Kadir Khan and built a close friendship with him.

Capitalizing on this friendship, Ebu Nasr requested a piece of land no larger than an ox hide to build a place of worship, and he was granted permission to build a mosque. Satuk Buğra Khan, tasked with collecting taxes from this small trade town that developed around the mosque, witnessed people performing Islamic prayers and began receiving religious instruction directly from Ebu Nasr Samani. A member of the Karakhanid ruling family, Satuk Buğra Khan possessed remarkable beauty, sharp intellect, strong memory, and insight even at the age of twelve. This encounter laid the foundation for his conversion to Islam.

Through the teachings of Ebu Nasr Samani on Islamic obligations and practices, Satuk Buğra Khan began learning about the religion and eventually became a Muslim. He adopted the name Abdülkerim upon his conversion. Initially, he kept his faith secret and began spreading it discreetly among his relatives. This did not escape the attention of his uncle, Oğulcak Kadir Khan.

At Ebu Nasr's request, Satuk kept his conversion hidden from his uncle. He secretly studied the Qur'an and learned about faith and religious law. He called a few close relatives to Islam, and five to ten of them accepted and obeyed him. Eventually, Oğulcak Kadir Khan grew suspicious and placed Satuk under surveillance. One day, it was discovered that Satuk was performing ablution and prayer. Oğulcak's wife sent a warning through a servant, advising Satuk to work hard during the repair of a temple scheduled for Saturday so that his conversion would not be suspected.

When the time came, each laborer carried one brick, while Satuk carried two, praying:

«O Allah! You have granted me victory over Your enemies and allowed me to embrace Your religion. I intend to consecrate this place as a mosque where people will gather to worship You. I will build a mihrab here for Your worship, establish a pulpit to glorify You, call the prayer, and lead it myself. I do all of this out of my longing for You and in pursuit of Your blessings». This location later became the mosque of Artuq.

Satuk Buğra Khan continued to study divine scriptures and Islamic law. By the age of twenty-five, he began spreading Islam independently of his uncle's authority. Pretending to go hunting, he gathered fifty men and rode toward the fortress of Yagadzh-Balik, where he lived for three months. Once informed, his uncle decided to confront him, gathering 300

cavalries from Kashgar and additional fighters from Ferghana—amounting to an army of 1,000. The first city conquered was At-Bashi, followed by an assault on Kashgar with 3,000 cavalries, successfully capturing the city in the name of Islam and deposing his uncle (Cemal al-Qarşi, 2006: 20–23). After ascending to the throne of the Karakhanid State, he adopted the title Buğra Khan (Hunkan, 2011: 102).

When Abdülkerim Satuk Buğra Khan ended the rule of his uncle Oğulcak Kadir Khan in 943/4 and took over the throne of the Karakhanids, a new era began in the history of the Karakhanids. Islam was declared the official religion of the state. This was the success of the struggle of Satuk Buğra Khan and his supporters that lasted more than thirty years. Satuk Buğra Khan's successes were a critical turning point on the way to the Karakhanid State becoming the first Muslim Turkish state. During his ten-year rule, he managed to successfully benefit from the Samanids and got along well with them. He spent his entire life facing the east and struggling with non-Muslim Turks and the Uyghurs living around Beşbalık. He was given the titles of «el-Mücahid» and «el-Gazi» for these struggles he demonstrated (Necf, 2005: 203).

Abdülkerim Satuk Buğra Kara-Khan h. He died in Artuch, north of Kashgar, in 344 (955/6 AD) (Jamal Al-Karshi, 2006: 24). His tomb is known as a place of pilgrimage.

Figure 4. Tomb of Karakhanid Ruler Satuk Buğra Khan

Source: (https://e-history.kz/media/upload/ckimages/satuq_bughraxan_kesenesi.jpg 20 Haziran 2025).

Conclusion

Although Artuç, a principality of Kashgar—the capital of the Karakhanid State and an important actor in Turkish-Islamic history—remains relatively unknown today, it is recognized as the burial site of Satuk Buğra Khan, one of the most significant rulers of the Karakhanids. The Karakhanid period was one of the most crucial phases in the political, religious, and social transformation of Central Asia. Following the arrival of Abu Nasr Samani in Artuç, the first mosque was built there with the permission of Oğulcak Kadir Khan, and religious instruction on Islam began in this mosque. The conversion of Satuk Buğra Khan to Islam elevated Artuç's status in both religious and commercial spheres. Under his leadership, the Karakhanid State gradually entered a phase of expansion and strengthening. The declaration of Islam as the official religion marked a turning point in the Islamization of the Turkic world and the Turkification of Transoxiana. Studying the arrival of Islam in Artuç and how this transformation affected the social and economic structure of the region sheds light on the internal dynamics of the Karakhanid period.

References:

- Asena, G.A. (2009). İpek Yolu-1 Çin-Doğu Türkistan. İstanbul, Pan Yayınları.
- Cyang Çış Yang, Dung Çing, Şüven (1993). Shinjiang Pulliri. Hong Kong, Hong Kong Kültür Maarif Neşriyat.
- Duturaeva, D. (2022). Qarakhanid Roads to China A History of Sino-Turkic Relations. Leiden, Brill NV.
- Emin, M. (2024). «Karahanlılar Döneminde Kâşgar (840–1212)». Yayımlanmamış Yüksek Lisans Tezi, Marmara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü.
- Genç, R. (2002). Karahanlı Devlet Teşkilatı. Ankara, TTK Yayınları.
- Hudud Al-'Alam 'The Regions of the World' A Persian Geography 372 A.H. – 982 A.D. (1970). [Translated and Explained by V. Minorsky]. London.
- Hunkan, Ö.S. (2011). Türk Hakanlığı (Karahanlılar). İstanbul, IQ Kültür Sanat Yayınları.
- Jamal Al-Karshi (2006). Мулхакат Ас – Сурах. [Мулхакат Ас – Сурах. Перевод С Арабского И Примечания, С. Абдукаххора]. Душанбе, Ирфон.
- Kâşgarlı Mahmud. (2013). Divanu Lugâti't-Türk. Divanu Lugâti't-Türk. C. I-III. Çeviren, B. Atalay. Ankara, TDK Yayınları.
- Merçil, E. (2006). Müslüman Türk Devletleri Tarihi. Ankara, TTK Yayınları.
- Meşedi, A.H. (2005). Atuş (1). Kaşgar, Kaşgar Uygur Neşriyatı.
- Mirza Haydar Duğlat. (2006). Tarih-i Reşidî. [Tarih-i Reşidî. İng. Çeviren, E. D. Ross, Türk. Çeviren, O. Karatay]. İstanbul, Selenge Yayınları.
- Muti, İ. (2002). Uygurların İslam'ı kabul ettikleri ilk dönemlerdeki İslam medreseleri. Divan. №1, 299–311.
- Necef, E.N. (2005). Karahanlılar. İstanbul, Selenge Yayınları.
- Tekinoğlu H. (2017). İlk Müslüman Türk Devleti Karahanlılar. İstanbul, Kamer Yayınları.
- Usta, A. (2013). Türklerin İslamlaşma Serüveni Samaniler. İstanbul, Yeditepe Yayınları.
- Uygur, M.E. (2017). 100 Meşhur Uygur. İstanbul, Satuk Buğra Han Neşriyat.
- Yıldırım, K. (2013). Çin Kaynaklarında Türkistan Şehirleri. İstanbul, Ötüken Neşriyat.
- Yıldırım, K. (2016). Doğu Türkistan Tarihi Coğrafyası. İstanbul, Ötüken Neşriyat.

ОЦЕНКА РЕЛИГИОЗНОЙ, СОЦИАЛЬНОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ АРТУЧА В ПЕРИОД КАРАХАНИДОВ

Абдуллах ЯКШИ¹

*¹Кафедра истории, Карабукский университет, Карабук, Турция
ayaksi.kz@gmail.com*

Аннотация. Процессы возникновения государств и формирования городов тесно взаимосвязаны и отражают социально-политическое, экономическое, культурное и религиозное развитие общества. Процесс развития городской культуры демонстрирует, с одной стороны, общие социальные и экономические закономерности, а с другой – конкретную реальность политической истории.

Артуч – это регион, связанный со столицей Караханидов Кашгаром. Первые правители Караханидов происходили из Артуча, и именно здесь находятся мавзолеи представителей династии. Историческое значение Артуча связано также с тем, что именно здесь ислам был впервые преподнесен караханидскому правителю Сатуку Бугра-хану Абу Насром Самани из династии Саманидов. С прибытия и поселения Абу Насра Самани в Артуче начинается процесс, в результате которого Артуч становится религиозным и торговым центром, благодаря приезду духовенства, купцов и караванов из таких мест, как Бухара и Самарканд.

В данном исследовании основное внимание уделяется деятельности Сатука Бугра-хана – первого тюрка, принявшего ислам, в Артуче, а также религиозной, социальной и экономической жизни Артуча в период правления Караханидов.

Ключевые слова: Караханиды, Артуч, Сатук Бугра-хан, Ислам.

САКРАЛЬНЫЕ ПРОСТРАНСТВА ТАДЖИКИСТАНА – ЭВОЛЮЦИЯ ДУХОВНЫХ КООРДИНАТ (ИЗ ДРЕВНОСТИ К ИСЛАМУ)

Галина КАРИМОВА ¹ (ORCID ID 0000-0002-3700-1475)

*¹Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии
Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша
Национальной академии наук Таджикистана
Душанбе, Таджикистан
karimovagalina2501@gmail.com*

Аннотация. Тема принципов и закономерностей формирования сакрально-культовых пространств освещена в научной литературе довольно разнопрофильно. В архитектуре она распадается по конфессиональным, региональным, статусным, социальным и ландшафтно-географическим признакам. Неоднократно в литературе поднимались и освещались проблемы видоизменяемости и причинам, вызвавшим данное действие. Однако до сих пор ряд содержательных аспектов формирования понятия сакральные пространства не освещались в полной мере и эти аспекты не рассматривались в материалах Таджикистан.

В данной статье предлагается рассмотрение мест расположения культовых сооружений древности, как эволюция духовных координат культовой архитектуры, петроглифов, камней-чашечников в значении сакральности места, используемого на протяжении различных эпох истории Таджикистана. Из числа первых типов понятия духовных координат нами предлагается рассмотрение эволюции отношения человека к местам отправления культово-обрядовой практики по археологическим материалам.

Самыми первыми такими местами на ранних этапах истории человечества выделялись многочисленные наскальные изображения. Затем привлечены в исследование известные камни-чашечники. И как завершающий момент организованного сакрального пространства рассматривается культово-ритуальные сооружения-архитектура. На петроглифических памятниках Таджикистана определены следующие группы изображений: священные животные, маркированные солярными символами; кресты; круги (зеркала, бубны, колёса); антропоморфные фигуры отправителей культовых служб (шаманы); зооморфизмы. Все они отражают верования и религию самых древних периодов истории.

Камни-чашечники встречаются повсеместно в горных ущельях, на берегах рек, где выявлены следы древних поселений, захоронений или в местах поклонений. Предложено разделять четыре формы культовых камней чашечниц или чашечников: а) круглые плоские; б) круглые глубокие; в) овальные; г) точечные. Формы непосредственно указывают на назначение чашечников в ритуальной практике. В самую распространенную категорию сакральных пространств попадают культово-религиозные сооружения, которые имеют точную хронологическую привязку. Это места проведения культовых практик на ранних этапах и религиозная мусульманская архитектура.

Ключевые слова: сакральное пространство, петроглифы, камни-чашечники, культовая архитектура.

SACRED SPACES OF TAJIKISTAN – EVOLUTION OF SPIRITUAL COORDINATES (FROM ANTIQUITY TO ISLAM)

Galina KARIMOVA¹

*¹Candidate of Historical Sciences, Department of Archeology, A. Donish Institute of History
Archeology and Ethnography, National Academy of Sciences of Tajikistan
Dushanbe, Tajikistan
karimovagalina2501@gmail.com*

Abstract. The topic of principles and patterns of formation of sacred and cult spaces is covered in scientific literature in quite different profiles. In architecture, it is divided into confessional, regional, status, social and simply landscape-geographical features. The problems of modification and the reasons that caused this action have been repeatedly raised and covered in the literature. However, until now, a number of substantive aspects of the formation of the concept of sacred spaces have not been fully covered and these aspects have not been considered in the materials of Tajikistan.

This article proposes to consider the locations of ancient cult buildings, as the evolution of the spiritual coordinates of cult architecture, petroglyphs, cup stones in the meaning of the sacredness of the place used throughout various eras of the history of Tajikistan. From among the first types of the concept of spiritual coordinates, we propose to consider the evolution of a person's attitude to the places of worship of cult and ritual practice based on archaeological materials.

The very first such places in the early stages of human history were numerous rock paintings. Then the famous cup stones are involved in the study. And as the final moment of the organized sacred space, cult and ritual structures-architecture are considered. The following groups of images have been identified on the petroglyphic monuments of Tajikistan: sacred animals marked with solar symbols; crosses; circles (mirrors, drums, wheels); anthropomorphic figures of performers of religious services (shamans); zoomorphisms.

All of them reflect the beliefs and religion of the most ancient periods of history. Cup-stones are found everywhere in mountain gorges, on the banks of rivers, where traces of ancient settlements, burials or places of worship have been found. It is proposed to distinguish four forms of cult stones - cup-stones or cup-stones: a) round flat; b) round deep; c) oval; d) point. The forms directly indicate the purpose of the cup-stones in ritual practice. The most common category of sacred spaces includes cult and religious structures that have an exact chronological reference. These are places of early religious practices and religious Muslim architecture.

Keywords: sacred space, petroglyphs, cup stones, religious architecture.

Введение

Расположение петроглифов вдоль древних троп и у высокогорных перевалов через заснеженные хребты Зарафшана, Туркестана, Гиссара, Памиро-Алая, Тянь-Шаня является основной причиной мало изученности этих информативно уникальных памятников древности. По ландшафтно-географическому положению в Таджикистане выделяются четыре зоны концентрации памятников наскального искусства: Восточный и Западный (Бадахшан) Памир; Гиссаро-Алай; Туркестанский хребет и Западная Фергана (горы Курама и Моголтау) (Бубнова, 2016). Позднее, в ходе археологических и географических исследований определились основные ареалы исследований петроглифов. Это территория северного Таджикистана в бассейне рек Зарафшана и Сырдарьи. Другой ареал, расположен в Припамирье.

Наиболее активной зоной или пространством, привязанным к культовым отправлениями служб практически на всех этапах жизнедеятельности человека, являются строительные сооружения. Тема принципов и закономерностей формирования культовой архитектуры освещена в научной литературе довольно широко. Она распадается по конфессиональным, региональным, статусным, социальным и просто ландшафтно-географическим признакам. Такое расположение предлагалось рассматривать как понятие духовных координат сакральных пространств.

Из числа первых типов понятия духовных координат нами предлагается рассмотрение эволюции отношения человека к местам отправления культово-обрядовой практики по археологическим материалам. Самыми первыми такими местами на ранних этапах истории человечества выделялись многочисленные наскальные изображения.

Маркеры сакральных пространств

1) Петроглифы

Согласно проведенного исследование установлено, что наскальные изображения, отражают верования и религию народов, населявших Таджикистан в древности (Каримова, 2019а: 98–120; Аболонкова, Зоткина, Сайфулов, Каримова, 2021: 5–10). К числу наиболее встречаемых древнейших магических знаков на петроглифических памятниках Таджикистана определены следующие группы изображений: священные животные, маркированные солярными символами; кресты; круги (зеркала, бубны, колеса); антропоморфные фигуры отправителей культовых служб (шаманы); зооморфизмы. Все они отражают верования и религию самых древних периодов истории.

Генезис, существование и функционирование петроглифов тесно связаны с религиозными верованиями и практиками, прежде всего, с анимизмом, зоолатрией, астролатрией, культом предков, почитанием мужского и женского начал и другими ранними формами религии. Важное значение имеет связь петроглифов Таджикистана с шаманизмом (Каримова, 2019а: 117).

Наскальные изображения в виде крестов, точек, окружностей, прямоугольников и других геометрических фигур в своем большинстве так же содержат религиозную семантику и выступали в качестве священных символов солнца, звезд, неба, особых локусов земного пространства, с которыми были сопряжены культовые практики, составлявшие архаическую картину мира на ранних этапах истории. Наскальные изображения также отражают религии последующих эпох (буддизм, христианство, ислам), которые напрямую связаны с транс региональными миграциями Великого Шелкового пути в древности (Каримова, 2019а: 119).

Возможно, к числу астральных знаков также относятся чашеобразные углубления на скальной поверхности, которые широко представлены как в долине Зарафшана (Дашти Мулло Тохириён, Водиф, Шохроғх) (Каримова, 2019б: 133–152), в Сангтуде, так и на Памире (Выбистдара) (Ранов, 2016).

Очевидно, конфигурации лунковых или чашевидных углублений созданы как часть древнего религиозного культа, существовавшего в период матриархата. Они символизируют женское начало и связаны с женским культом, репродуктивной магией. Также они символизируют небесные светила и выступают выражением их культа – астролатрии, интегрированы в древнюю астрологию, а в некоторых случаях маркировали границы расселения этнических групп (Ван Цзяньлинь, 2015: 50–168).

Сложно определить общую закономерность расположения углублений на поверхности плиты. Условно можно выделить три группы (композиции) лунок. Их расположение по отношению друг к другу, скорее всего, обусловлено природными особенностями скальной поверхности. По-видимому, никогда не существовало единой системы создания общей конфигурации лунок. Поверхность камня покрывалась углублениями постепенно в результате отчасти произвольного добавления нового углубления или нескольких новых углублений к уже существующим. Однако создатели углублений, по всей видимости, руководствовались некоторыми правилами. Отчетливо фиксируются три типичные конфигурации лунок: одиночные, парные конфигурации лунок; круговая в виде соприкасающихся лунок с одной лункой в центре – «ромашка»; последовательно друг за другом расположенные в ряд углубления. Почти все центральные лунки имеют больший диаметр и глубину, чем окружающие их углубления (Филимонова, Ахметзянов, 2008: 79). Чашечным углублениям посвящено большое количество публикаций, однако до сих пор многие проблемы семантики, функций этих знаков, а также их фиксации остаются дискуссионными. Однако рассматривать их как маркеры сакрального пространства вполне правомерно.

2) Камни-чашечники

Другая категория, связанная с углублениями на камнях это камни различных форм с круглыми глубокими лунками, хорошо известны по всему миру и называются чашечными или камнями с лунками. Памятники с чашевидными знаками давно привлекают внимание археологов. Неоднократно поднимаются вопросы датировки и назначения чашевидных углублений, тем не менее, ответы на поставленные проблемы еще далеки от решения. Временной диапазон их датировок колеблется от эпохи палеолита до средневековья. Что касается назначения камней с чашевидными углублениями и семантики самих углублений, то в настоящее время имеется десятка два гипотез, высказанных разными авторами. Естественно, что решению вопросов, связанных с подобными памятниками истории, будет способствовать выявление новых фактов и еще неизвестных комплексов, в состав которых входят камни-чашечники.

В Республике Таджикистан камни с такими углублениями встречаются повсеместно в горных ущельях, на берегах рек, где выявлены следы древних поселений, захоронений или в местах поклонений. Информацию о местонахождении чашечных камней в регионе приводил В.А. Ранов еще при исследовании петроглифов Памира (Ранов, 2016: 361). Серия камней с чашевидными углублениями была выявлена Т.Г. Филимоновой совместно с М.Р. Ахметзяновым в Дангаринском и Бальджуанском районах (Филимонова, Ахметзянов, 2008: 77–106; 2009: 13–34; 2016а: 219–254; 2016б: 256–278), Ю.Я. Якубовым в окрестностях Карона в Дарвазском районе (Якубов, 2012: 21), Хамза Камолом в Айнинском районе (личное сообщение), Ш.Ф. Курбановым и Н.Н. Сайфуллоевым в Аштском районе (личное сообщение). Недостаточность исследований

по данному направлению в Таджикистане объясняет то, что существование подобных артефактов не получило должной оценки.

В последнее время в мировой науке исследования, связанные с изучением чашечных камней, перешли на стадию обобщения и анализа материала по отдельным регионам, а для Таджикистана подобное исследование не было даже заявлено. Сложилась понятийная ситуация об отсутствии подобных памятников на данной территории.

Попытаемся по возможности устранить возникший пробел. Согласно выявленных памятников определяются несколько типов или категорий чашечных камней: 1) единичные чашевидные углубления; 2) тройные углубления; 3) многолунковые; 4) петроглифические. Эти типы в свою очередь распадаются на следующие формы: а) круглые плоские; б) круглые глубокие; в) овальные; г) точечные. (Каримова, 2020: 62–78). Соответственно расположение и использование таких камней относит их к атрибутам культово-религиозных практик и маркирует сакральные зоны распространения на территории их расположения.

3) Архитектурные строения

Места расположения культовых сооружений древности также могут рассматриваться как маркеры духовных координат культовой архитектуры, отражающие значения сакральности места, как эволюция используемых практик на протяжении различных эпох по археологическим материалам Таджикистана. (Каримова. 2021: 21–129).

Из числа первых типов понятия духовных координат нами предлагается рассмотрение эволюции отношения человека к местам отправления культово-обрядовой практики древнейшей религии Востока – зороастризму. Известно, что первые зороастрийские практики проводились под открытым небом и не имели ни храмов, ни алтарных сооружений. Однако попав в среду с населением, практикующим культово-ритуальные службы в святилищах и храмах и, приняв символику духовных координат, например, известную в Саразме, памятнике энеолита – бронзового века в Таджикистане, как поклонение огню, возведение специальных алтарей (круглых и квадратных по форме), сооружение святилищ, храмов и дворцово-храмовых комплексов принимают духовные координаты в качестве канонических признаков: 1) применение алтарей священного огня, 2) возведения храмов с системой обводных коридоров вокруг культового помещения с алтарем и ряд других требований, которые так же могут рассматриваться как система духовных координат для зороастрийской религии (Каримова, 2009: 262–282).

Таким образом, в Саразме на самом раннем периоде жизни населения в данном регионе определяются самые ранние проявления признаков сложения первобытной храмовой религии и сакральности культовых мест. Следующий горизонт отражает динамику культово-ритуальных действий с включением новых атрибутов (круглый – дисковидный очаг-алтарь), разделением культовых служб (поклонение огню, солнцу, земле или ее благам), сооружением специальных храмов (храм Земли, храм с пилястрами, храм Солнца, дворцово-храмовый комплекс). Следующий этап жизнедеятельности саразмийцев отразил пантеон адептов древних верований и проторелигиозных воззрений, которые подчинены существующему укладу общества, социальному статусу (вождество – патриархат), классам (правители, ремесленники, жрецы, земледельцы) и управлению. К духовным координатам нами причисляются новый тип квадратных алтарей, сформировавшиеся божественные образы покровителей, сложение нового типа центра ритуальных служений (Святилище семи божеств), найденное культовое

помещение с налетом головы быка, при преобладающем значении поклонения огню (Каримова, 2020б: 189–204; 2022: 160–171).

На последующем историческом этапе в архитектурных сооружениях получили разнообразное развитие и применение в виде духовных координат такие архитектурные композиции, как четырехколонный зал в обводе коридоров и колонный айван, представленные в храме Окса – VI–II вв. до н.э. (Каримова, 2023: 36–49). Здесь, согласно проведенному исследованию, удалось выявить смену культово-религиозных практик в стенах храма в Тахти-Сангине на разных этапах его истории. Установлено, что самый ранний сакральный комплекс неолитического периода, открытый под храмовым сооружением, отражает поклонение огню с жертвоприношением животных. Второй этап – это храм, состоящий из основного ядра и двух крыльев-ризалитов, выступающих за линии фасада и боковых стен, где в помещениях 7 и 5 размещены алтари огня иранского типа. В нем также проводились ритуалы поклонения огню и проводились принесения в жертву животных. Данное сооружение определено как Храм Ашвинов. На месте существовавшего ранее места поклонения Ашвинам с двумя алтарями отмечена замена и одновременно совмещение с греческим культом Диоскуров. На этом третьем этапе появляется храм Диоскуров с двумя статуями, а имеющиеся алтари в греческом стиле облицовываются камнем. Отмечаются символы и предметы, относящиеся к культу Диоскуров согласно выявленным находкам (оружие, монеты, скульптура, бутероль ихтиокентаврессы и др.). Следующий этап относится к кушанскому периоду, в котором отмечено значительное разрушение и перестройка внутри храмовых сооружений, алтарей со сливом и углублением для возлияний с использованием строительных деталей из ранних конструкций. Все три алтарных сооружения отражают тяготение к ритуалу с практикой возлияний. Храм Окса наглядно показывает использование места культово-ритуальных действий, проводимых на одном и том же сакральном пространстве в разные исторические эпохи.

Композиционность и вариабельность архитектурных сооружений хорошо представлены и в последующих эпохах, в раннесредневековых храмах Пенджикента и Шахристана в Таджикистане.

В древнем Пенджикенте два храма, находившихся рядом, но разделенных стеной за свою более чем 300-летнюю историю претерпели множество перестроек, в ходе которых эволюционировал их облик. Каждое изменение в зданиях выдает знакомство зодчих с определенными архитектурными образцами, которые они использовали для решения своих задач. Поэтому, несмотря на относительно позднюю датировку пенджикентских храмов, они позволяют понять, как в Согде развивались древние иранские и восточноэллинистические традиции архитектуры культовых зданий. В материалах первого периода отражен дозораострийский пантеон и связанные ритуалом духовные координаты. В материалах второго периода отмечено присутствие основного ритуала, совершаемого перед изображениями божеств, но к нему добавляются обряды, связанные с вечным огнем зороастрийцев и привлечением параметров координат, используемых в ортодоксальном зороастризме. Культовое сооружение не разрушается, не переносится, а преобразовывается в зороастрийский храм огня при дополнительном возведении рядом храма Воды (Шкода, 2009: 123–124). Пенджикентские храмы отражают духовные координаты синкретизма религиозного мировоззрения и веротерпимости.

Раннесредневековый зороастрийский храм Кахха I в Истаравшане перекрывает сооружение, определенное как ранняя мечеть. После арабского завоевания храм был превращен в мечеть. Для этого он был частично перестроен: приподнят

пол, сооружены новые колонны, устроена михрабная ниша в западной стене и т.п. (Негматов, Авзалов, Мамаджанова, 1987: 181–214). Тем самым подчеркивая значение сакральности пространства расположения храма в системе координат переходного периода от зороастризма к исламу.

Исследователи подчеркивают, что храмовое сооружение является центральным ядром многих городов древности. Особенно этот принцип проявился в средневековых городах, в которых не существовало регламентированных градостроительных законов. Города строились множеством зодчих, т.е. разных поколений, сменяющих друг друга. Месторасположение храма становится очевидным и не случайным. С помощью нового храма, возведенного на месте старых культовых сооружений люди ретрансформируют свои религиозно-духовные координаты.

Исламизация Средней Азии отражает картину маркерования сакрального пространства исламского периода строительством мечетей, минаретов, медресе, мавзолеев-усыпальниц, ханака и т.д. Примечательно, что из поколения в поколение культово-религиозные сооружения возводились не на пустых не значимых местах, установлено, что существовала практика использования ранее действующих мест поклонения, либо храмов (Каримова, 2021: 121–129).

К категории наиболее многочисленных определяются погребальные сооружения. Исследование мемориального зодчества в Мавераннахре архитектором М. Каримовым, на территории Таджикистана IX – начала XIII вв. показало, что в раннеисламский период здесь сформировалось несколько типов погребальных сооружений:

- центрический открытый типа «чортак» – мавзолей Саманидов в Бухаре, погребальное сооружение Тилло Халоджи на юге Таджикистана, мавзолей Ак-Астана-баба в средневековом Чаганиане и др.; Истоки мазаров-мавзолеев, как показывают исследования ученых, восходят к сасанидским купольным чортакам – храмам огня с куполом на четырех арках (Прибыткова, 1973: 60).

- центрический замкнутый с единственным входом – мавзолей Ходжа Булхак (XI–XII вв.) и центрическое однокупольное беспортальное погребальное сооружение Ходжа Рушнои близ селения Калача-Мазар Исфаринского района, мавзолей Ходжа Сарбоз (XI в.) на юге Таджикистана и др;

- однокамерный порталный – мавзолей Араб-Ата и Мирсаида Бахрома в долине Зарафшана; группу из двух усыпальниц Ходжа Нахшрон (XI–XII вв.) в Турсунзатиевском районе; Ходжа Дурбад на юге Таджикистана; Куммазор (XI–XII вв.) в Кобадиянском районе;

- комплексный («конгломерат»), где гурхона представляет организующий элемент в составе групп помещений, часто разновременных – мавзолей-мечеть Ходжи Мухаммада Бошаро (XI–XIV вв.) в селении Мазори Шариф Пенджикентского района, культовый комплекс Махдumi Азам в Гиссаре (X–XI вв.), скелы архитектурного комплекса Шохи Хомуш в селении Лангар близ Куляба (XI–XII вв.) в Вахдатском районе и ряд др. (Каримов, 2009: 17–18).

В данном списке отсутствует уникальный Мавзолей в Чорку (деревянное строение IX–X вв..) – образец архитектурного резного дерева верхнего Зарафшана (Хмельницкий, 1992: 307–324). Но в мавзолее наблюдается и более древний до арабского прототипа – архаические трапечиевидные базы колон, восьмигранный импост – «венец» угловой колонны, мотивы резной орнаментики (Хмельницкий, 1992: 320), который также свидетельствуют о продолжении использования

сакрального пространства на протяжении нескольких исторических эпох. Мавзолей в Чорку выступает связующим звеном между древней античной и средневековой архитектурой, помогающей понять происхождение и путь развития многих архитектурных форм средневековья.

Резьба мазара в Чорку стилистически близка к найденным в верховьях долины Зарафшана резных архитектурных деталей X–XI вв., являющихся маркерами сакрального пространства мусульманской архитектуры: Искодарский михраб, колонны мечетей из селений Фатмев, Обурдон, Курут, Сангистон (Айнинский район) и Сокан (Ягноб).

Серию духовных координат представляют сырцовые сооружения мавзолеев X–XVI вв. Это Мавзолей ходжа Рушнои (X–XI вв.), возведенный над могилой Ходжа Рушнои (к северу от г. Исфара), Мавзолей Ходжа Машад (IX–XI вв.), расположен в 6 км от райцентра Шаартуз, в селении Сайод (Мамадназаров, 2015: 242), мавзолея Ходжа Булхак (X–XII вв.) находятся на старом кладбище в селении Чорку (Хмельницкий, 1997: 12–15), два порталных мавзолеев Ходжа Нахшрон (XI–XII вв.) в Гиссарской долине, Мавзолей Махдumi Азам (XVI в.) в Турсунзадевском районе, мавзолеи Амир Саида Хамадони в Кулябе (XV в.), Мавзолей Ходжи Мухаммада Башоро в селении Мазори Шариф (XII–XIV вв.) в Зарафшанской долине, группа архитектурных памятников: большая мечеть, минарет и мавзолей Шейха Муслихитдина в Худжанде (XIV–XVII вв.) в Ходженте,

Согласно приведенной классификации религиозных построек, М. Каримов мавзолей и склепы архитектурного комплекса Шохи Хомуш в селении Лангар близ Куляба, отнес к четвертой типологической разновидности, которая характеризует такие сложные сооружения XI–XIII вв., как мавзолей-мечеть Мухаммада Бошаро в селении Мозори Шариф Пенджикентского района, культовый комплекс Махдumi Азам в Гиссаре, датируемый исследователями X–XI вв. и ряд других построек (Каримов, 2009), отражая видоизменяемость сакрального пространства по назначению.

Следующим типом религиозно-культовых построек определяются минареты. Минарет – это «символ мусульманского присутствия на завоеванных мусульманами территориях» (Традиционное искусство Востока, 1997: 220).

В пределах Центральной Азии в целом сформировались устойчивые типологические признаки сооружения минаретов в виде формы ствола (цилиндрическая, коническая с энтазисом), ярусности (однозвенные, двухзвенные) и формы завершения фонаря. Для Мавераннахра и Ферганы характерными стали однозвенные минареты с нависающим фонарем. К ним можно отнести сырцовые минареты X–XI вв. в Раззе, Фатмеве и Айни в Айнинском районе Таджикистана (Каримов, 2009: 20).

Минарет Варзи Минор находится в центре районного центра Айни. (высота 13, 30 м., верх разрушен) построен из сырцового кирпича. Минарет в Айни является одним из первых памятников исламской архитектуры в данном регионе (Воронина, 1960: 55–61; Мамадназаров, 1989: 151).

Минарет в селении Разз (IX–XI вв.) (11,5 м. высотой) построен на квадратном каменном цоколе (со стороной 3,8 м.). Минарет сложен из сырцового кирпича (размеры 34–37х15х7 см), использованные кирпичи разного формата (33–40х15–17х7 см). На сужающемся кверху стволе два декоративных пояса из вертикально (торцом) поставленных кирпичей и зубцами. Поперечник немногим более 10 м лестница разрушена. Судя по пропорциям, минарет в Раззе имел высоту не менее 20 м (Воронина, 1960: 56–57).

Минарет в селении Фатмев (IX-X вв.), построен из сырца-кирпича равного формату Варзи Минор (42х22х8 см.). На его сохранившейся высоте (6 м.) один орнаментальный пояс. Нижний орнаментальный пояс находится в данном случае прямо над землей. Этот пояс выложен затейливо из кирпичей поставленных, попеременно на ребро и плашмя. Второй более высокий орнаментальный пояс едва различим (Исаков, Якубов, Каримова, 2020: 306–307).

Минарет древнего общественно-культового ансамбля Шейха Муслихиддина (XI–XII вв.) построен из жженого кирпича (26х26х2,6 см) без декоративной облицовки в средневековый период и заново отстроен в конце XVIII – начале XIX вв. (его высота 21 м). Купол фонаря покрыт голубыми изразцовыми плитками (Мирбабаев, 1999: 480, 891). Минарет Ходжентской мечети, стоит в северной части ее двора и представляет собой «плавно сужающуюся кверху башню с крупным световым фонарем. Ствол башни под выступом фонаря украшает полоса геометрического орнамента, выполненная из цветного ганча. Около дверцы, ведущей на узкую винтовую лестницу, в стену вставлены два фрагмента майоликовой облицовки, по стилю и технике сделанные в XIV–XV вв. и, значит принадлежали раннему мавзолею или древней мечети.

Минарет в центре Канибадама начала XX в., от несохранившейся городской мечети (Древнейшие государства..., 1985: 320), представляет собой кирпичную башню высотой 15 м.; ее круглый, сужающийся кверху ствол, достигает в основании толщины 4,2 м. Сохранившиеся от первоначальной высоты 3-4 м., минарет достраивался при старожилах города. Его убранство выполнено в стиле и техники среднеазиатского зодчества XI–XIV вв.

Ствол выложен из шлифованных кирпичей «широкими поясами разнообразных геометрических узоров, разделенных поясами вертикально поставленных кирпичиков».

Среди поздних построек, повторяющих декоративные особенности древнего зодчества, Канибадамский минарет стоит особняком. Он сохранил своеобразно трактованный прием кирпичного убранства и принцип композиции домонгольских минаретов с эффектом пластичности при глубоких швах орнаментальной кладки.

Минарет завершается еще одним не доведенным до конца вариантом елочной кладки, указывая на то, что верхний ярус имел характерный для северо-таджикистанской школы фонарь, аналогичным навершиям минаретов в мечети-медресе в Навгилеме и в худжандском комплексе Шейха Муслихитдина.

Ханака-хонакох. Н.Б. Немцевой выделено три этапа сложении ханака (Немцева, 2003).

Первый этап в VIII–X вв. генетические корни ранних ханако, связываются с особенностями первого периода в сложении суфизма. С изменением социально-политической ситуации в пограничных районах Арабского халифата под ханака стали использовать рабаты, которые к X в., утратив свою исконную функцию, превращались в религиозные центры, приюты для суфиев или использовались под караван-сарай, медресе и госпитали. (Бартольд, 1963: 203; Тримингэм, 1989: 140, 238–239; Стародуб, 2006: 271).

Второй этап в развитии ханака (XI–XIII вв.) связаны с классическим периодом в мистическом течении, когда по всему мусульманскому Востоку, в том числе в Средней Азии, в массовом порядке строятся ханака. Это была пора появления большого числа суфийских объединений (тарика, братство) и разветвленной сети местных общин

суфиев. К этому времени относится ханака Ходжа Машад – XII в. на юге Таджикистана (Немцева, 2003: 62–63).

Третий этап в развитии ханака (XIV–XV вв.) наиболее выразительно представлен в Средней Азии. Социальные перемены в обществе привели к изменению функции ханака и, как следствие, – к трансформации архитектурного типа здания. В пору высокого подъема роли и значения суфизма, в XIV–XV вв. и позже, появилось большое число нового типа ханака, это монументальные портално-купольные структуры (с вариациями в плане) с небольшим числом необходимых служебно-хозяйственных помещений по сторонам центрального зала. Ханака на этом этапе служили главным образом для проведения культовой практики (зикр, сама‘а), собраний, приемов, но уже не местом постоянного проживания дервишей. На данном периоде отмечается сосуществование дворовых и портално-купольных хонакох (Немцева, 2003: 64–65).

На позднем историческом этапе (XVIII–XX вв.) тип ханака претерпел очередные изменения и практически прекратил существование. Функция хонако была неоднозначной на разных хронологических этапах и для разных конфессий (Немцева, 2003: 46).

В Средней Азии в домонгольскую пору и позже обитатели дервишей различных суфийских братств были широко распространены, особенно в местностях, прилегающих к степи, в Бухаре и ее округе, в Туркестане, а также в Термезе, Чаганиане, Хутталяне (Немцева, 2003: 47). Среди них наибольший интерес представляет крупное ханако Ходжа Машад (Таджикистан).

Заключение

Таким образом, места расположения культовых сооружений древности, признанные как эволюция духовных координат культовой архитектуры, петроглифов, камней-чашечников в значении сакральности места, используемого на протяжении различных эпох истории Таджикистана, являются основными маркерами сакральных пространств. Из числа первых типов понятия духовных координат нами предлагается рассмотрение эволюции отношения человека к местам отправления культово-обрядовой практики по археологическим материалам. Самыми первыми такими местами на ранних этапах истории человечества выделялись многочисленные наскальные изображения. Затем привлечены в исследование известные камни-чашечники. И как завершающий момент организованного сакрального пространства рассматриваются культово-ритуальные сооружения-архитектура.

В самую распространенную категорию сакральных пространств попадают культово-религиозные сооружения, которые имеют точную хронологическую привязку. Это места проведения культовых практик на ранних этапах и религиозная мусульманская архитектура. Наиболее активно определяемыми являются строения, маркирующие сакральное пространство исламского периода. Это дошедшие до сегодняшнего дня строения мечетей, минаретов, медресе, мавзолеев-усыпальниц, ханака и т.д. Примечательно, что из поколения в поколение культово-религиозные сооружения возводились не на пустых не значимых местах, установлено, что существовала практика использования ранее действующих мест поклонения, либо храмов

К категории наиболее многочисленных определяются погребальные сооружения. В IX–начале XIII вв. в раннеисламский период сформировалось несколько типов погребальных сооружений: открытый типа «чортак», однокамерные порталные мавзолеи, комплексный («конгломерат»), где гурхона представляет организующий элемент в составе групп помещений, часто разновременных преобразований таких

как – мавзолей-мечеть, уникальный Мавзолей в Чорку (деревянное строение IX–X вв.) – образец архитектурного резного дерева. Серию духовных координат представляют сырцовые сооружения мавзолеев X–XVI вв., религиозно-культовые постройки, представленные минаретами и ханака- хонаках, претерпевшие три этапа сложения. В категорию уникальных маркеров исламской архитектуры определяются минареты. Они сооружались в местах, где была распространена исламская религия. Имели свою технику сооружения, используемую сугубо в строительстве минаретов. И это могло быть принято, как особый код религиозной принадлежности населения.

Благодарность. Работа выполнена в рамках проекта фундаментальных исследований НАНТ «История таджикского народа» – Археология Таджикистана от каменного века до позднего средневековья (ГРН 0121 TJ 1212).

Источники:

Аболонкова, И.В., Зоткина Л.В., Сайфулоев Н.Н., Каримова Г.Р. (2021). История изучения наскального искусства восточного Памира. Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». Вып. 14: 5–10.

Бартольд, В.В. (1963). История культурной жизни Туркестана. Собр. соч.: В 9 т. (1). Москва. Т. II

Бубнова, М.А. (2008). Горно-Бадахшанская Автономная Область. Западный Памир (памятники каменного века – XX в.). (Археологическая карта Таджикистана). Душанбе.

Ван Цзяньлинь (2015). Выражение религиозных верований и практик в наскальных изображениях (на материалах религиозных традиций Северо-Восточного Китая). Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Благовещенск.

Воронина, В.Л. (1960). Сырцовые минареты верховьев Зеравшана. Памяти М.С. Андреева. Сталинабад. (Труды АН Тадж. ССР. Ин-т истории, археологии и этнографии. Т. 120).

Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии (1985). Москва: Наука.

Исаков, А.И., Якубов Ю.Я., Каримова Г.Р. (2020). Археологическая карта Таджикистана. Верховья долины Зарафшана (Горно-Матчинский, Айнинский и Пенджикентский районы). Душанбе: Дониш. Ч. I–III.

Каримов, М. (2009). Строительная культура Мавераннахра IX – начала XIII вв.: на примере монументальных сооружений Таджикистана. Автореф... кандидата архитектуры. Москва.

Каримова, Г.Р. (2009). Культовые сооружения Саразма (по материалам раскопок А.И. Исакова в 1978–1986, 1989, 2000 гг.). Археологические работы в Таджикистане. Вып. 33: 262–282.

Каримова, Г.Р. (2019а). Религия в петроглифах Таджикистана. Муаррих. 1(17): 98–120.

Каримова, Г.Р. (2019б). Аштский комплекс петроглифов (Аштский район). Номинация Всемирного Наследия. Фергана-Сырдарьинский коридор Шелкового пути. Составители: Г.Р. Каримова, Т.Г. Филимонова, Н.Т. Рахимов. Душанбе: Офсет-Империя.

Каримова, Г.Р. (2020а). Чашеобразные углубления на камнях (К вопросу изучения культовых камней на территории Таджикистана). История и археология Турана. Сборник, посвященный 80-летию юбилея Сулейманова Рустама Хамидовича. Самарканд, №5: 62–78.

Каримова, Г.Р. (2020б). Дозороастрийские верования древнего Саразма. Саразми 5500 сола – сарогози таърихи тоҷикон. Худжанд: 189–204.

Каримова, Г.Р. (2021). Эволюция духовных координат культовой архитектуры Таджикистана (из древности к исламу). Муаррих. 1(25): 121–129.

Каримова, Г.Р. (2022). Дозороастрийский пантеон Саразма (семь божеств и семь творений). Саразм – начало земледельческой, ремесленной и градостроительной цивилизации таджиков. Материалы международного симпозиума, посвященного 5500-летию древнего города Саразм, прошедшего 11–12 сентября 2020 г., в г. Пенджикенте. Душанбе: МН «Дониш»: 160–171.

Каримова, Г. Р. (2023). Кому поклонялись в храме Окса на городище Тахти-Сангин. Вестник МИЦАИ. Вып. 36: 36–49.

Немцева, Н.Б. (2003). Ханака Сайф Ад-Дина Бахарзи в Бухаре (К истории архитектурного комплекса, Ташкент: ООО «ARNAPRINT».

Мамадназаров, М. (1989). Манораи Варз. Шарҳи мухтасар. Энциклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик. Душанбе.

Мамадназаров, М. (2015). Памятники зодчества Таджикистана. Москва: Прогресс-Традиция.

Мирбабаев, А.К. (1999). Шейх Муслихиддин, мадраса. Худжанд. Энциклопедия. Душанбе.

Негматов, Н.Н., Авзалов Р.З., Мамаджанова С.М. (1987). Храм и мечеть Бунджиката на Калаи Каххаха 1. Материальная культура Таджикистана. Вып. 4: 181–214.

Прибыткова, А.М. (1973). Строительная культура Средней Азии в IX–XII вв. Москва: Стройиздат.

Ранов, В.А. (2016). Бегущие по скалам: наскальные рисунки Памира. Душанбе: Дониш.

Стародуб, Т.Х. (2006). Эволюция типов средневековой исламской архитектуры. Москва, ДДИН.

Традиционное искусство Востока (1997). Терминологический словарь. Н.А. Виноградова, Т.П. Каптерева, Т.Х. Стародуб; НИИ теории и истории изобразительного искусства Российской Академии художеств. Москва: Эллис Лак.

Тримингэм, Дж. С. (1989). Суфийские ордены в исламе (перевод с англ., под ред. и с предисловием О.Ф. Акимушкина). Москва.

Филимонова, Т.Г., Ахметзянов М.Р. (2008). Отчет Сангтудинского археологического отряда. Археологические работы в Таджикистане. Вып. 32: 77–106.

Филимонова, Т.Г., Ахметзянов М.Р. (2009). Археологические исследования в Бальджуанском районе в 2007 году. Археологические работы в Таджикистане. Вып. 33: 13–34.

Филимонова, Т. Г., Ахметзянов М.Р. (2016а). Результаты археологических работ в Дангаринском районе в 2012 г. Археологические работы в Таджикистане. Вып. 38: 219–254.

Филимонова, Т. Г., Ахметзянов М.Р. (2016б). Отчет об археологических работах в Бальджуанском районе (2012 г.). Археологические работы в Таджикистане. Вып. 38: 256–278.

Хмельницкий, С.Г. (1992). Между арабами и тюрками. Берлин-Рига.

Хмельницкий, С.Г. (1997). Чорку. Берлин-Рига: Изд-во «GAMAJUN».

Шкода, В.Г. (2009). Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V–VIII вв.). СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа.

Якубов, Ю. (2012). Кашфи шахри Каррон. Душанбе.

ТӘЖІКСТАННЫҢ КИЕЛІ КЕҢІСТІКТЕРІ – РУХАНИ КОРДИНАТТАРДЫҢ ЭВОЛЮЦИЯСЫ (ЕЖЕРДЕН ИСЛАМ ДЕЙІН)

Галина КАРИМОВА¹

*¹Тарих ғылымдарының кандидаты, Тәжікстан Ұлттық Ғылым академиясы
А. Дониш атындағы Тарих, археология және этнография институтының
археология бөлімі,
Душанбе, Тәжікстан
karimovagalina2501@gmail.com*

Аңдатпа. Қасиетті және культтік кеңістіктердің қалыптасу принциптері мен заңдылықтары тақырыбы ғылыми әдебиеттерде мүлдем басқа профильде қарастырылған. Сәулет өнерінде конфессиялық, аймақтық, статустық, әлеуметтік және жай ландшафтық-географиялық белгілерге бөлінеді. Модификация мәселелері және бұл әрекетке себеп болған себептер әдебиетте бірнеше рет көтеріліп, қамтылғанымен, осы уақытқа дейін киелі кеңістіктер ұғымы қалыптасуының бірқатар мазмұндық аспектілері толық ашылмаған және бұл аспектілер Тәжікстан материалдарының негізінде қарастырылмаған.

Мақалада Тәжікстан тарихының түрлі дәуірлерінде қолданылған жердің қасиеттілігі мағынасында культ сәулетінің рухани координаттарының эволюциясы, петроглифтер, тостаған тастары ретінде ежелгі наным-сенім ғимараттардың орналасуын қарастыру ұсынылады. Рухани координаттар тұжырымдамасының алғашқы түрлерінің ішінен біз археологиялық материалдар негізінде адамның ғибадат ету орындарына және ғұрыптық тәжірибеге қатынасының эволюциясын қарастыруды ұсынамыз. Адамзат тарихының ерте кезеңдеріндегі ең алғашқы мұндай орындардағы жартастарда көптеген суреттер сақталынып қалды. Содан кейін зерттеуге әйгілі кесе тастар тартылады. Ал ұйымдасқан киелі кеңістіктің соңғы сәті ретінде культтік және ғұрыптық құрылымдар – сәулет қарастырылады.

Тәжікстанның петроглифтік ескерткіштерінде бейнелердің келесі топтары анықталды: күн таңбаларымен белгіленген киелі жануарлар; кресттер; шеңберлер (айналар, барабандар, дөңгелектер); діни қызметтерді орындаушылардың (шамандардың) антропоморфтық тұлғалары; зооморфизмдер. Олардың барлығы тарихтың ең көне кезеңдерінің наным-сенімі мен дінін көрсетеді. Тостаған тастар тау шатқалдарында, өзен жағаларында көне қоныстардың, қорымдар немесе ғибадат орындарының іздері табылған барлық жерде кездеседі.

Табынатын тастардың төрт түрін – тостағанды немесе тостағанды ажырату ұсынылады: а) дөңгелек жалпақ; ә) дөңгелек терең; б) сопақ; в) нүкте. Пішіндер кесе-тастардың салттық тәжірибедегі мақсатын тікелей көрсетеді. Қасиетті кеңістіктердің ең көп тараған санатына дәл хронологиялық анықтамасы бар культтік және діни құрылымдар жатады. Бұл ертедегі діни рәсімдер мен діни мұсылман сәулет өнерінің орындары.

Түйін сөздер: киелі кеңістік, петроглифтер, тостаған тастар, діни сәулет өнері.

ON THE ISSUE OF PLACING RELIGIOUS TEMPLES, CITIES AND SETTLEMENTS ON THE MAPS OF RENAT'S A AND B

Boroldoi Chuluunbat MYNKHBAYAR (ORCID ID 0000-0003-0398-1927)

¹Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Mongolian State University Branch, Western Region, Khovd, Mongolia

munk9998@gmail.com

Abstract. In 1733, Galdantseren Khan (1725–1745) gave two maps to the Swedish artilleryman Renat, who had been in their captivity for 16 years, and let him go back to his homeland, asking him to make a modern-day map with grids. Our main goal at this conference is to discuss the study by adding some information about monasteries and other settlements. In doing so, we are presenting you with a comparison of the maps made by Renat in 1738 and 1740, after he went to his homeland to fulfill Galdan Tseren's request.

The novelty of our paper lies in the fact that it compares the research on urbanity and monasteries in the work «Map of the Dzungarian State of 1738 by I.G. Renata as a historical and geographical source» published in 2018 by a researcher V.I. Volobuev.

The publication of this report will serve as an important source of information for reconstructing the information about the monasteries, cities, and settlements on the Renat's A and B maps, which served as a spatial reference during the Dzungar Khanate and served as a key indicator of the routes for Europeans to the East, and in particular, for determining the locations of the monasteries that were among them, and for confirming the archaeological research that has been conducted and will be conducted in the future on the sites of those monasteries.

Keywords: Renat's A, B maps, Central Asia, Kazakhstan, monasteries and temples, towns and city ruins.

РЕНАТТЫҢ А ЖӘНЕ В КАРТАЛАРЫНА ДІНИ ҒИБАДАТХАНАЛАР, ҚАЛАЛАР МЕН ЕЛДІ МЕКЕНДЕРДІ БЕЛГІЛЕУ МӘСЕЛЕСІ ЖӨНІНДЕ

Боролдой Чулуунбат МУНХБАЯР¹

*¹Тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор
Моңғолия мемлекеттік университетінің Батыс аймақтық филиалы*

Ховд, Моңғолия

munk9998@gmail.com

Аңдатпа. 1733 жылы жоңғар ханы Галданцэрэн (1725–1745) тұтқында 16 жыл болған швед артиллеристі Ренатқа екі карта беріп, оны отанына қайтарғанда координаттық торы бар заманауи карта құрастыруын өтінді. Мақаланың негізгі мақсаты – монастырлар мен өзге де елді мекендер туралы мәліметтерді жинап, талқыға салу. Ренат Галданцэрэн ханның тапсырмасын орындау үшін отанына оралған кезде жасаған картасының бірнеше нұсқасын, атап айтқанда 1738 және 1740 жылдары жасалған сызбалармен салыстыра отырып талдау жасалды.

Мақаланың жаңалығы – 2018 жылы зерттеуші В.И. Волобуев шығарған «1738 жылғы И.Г. Ренаттың Жоңғар мемлекетінің картасы тарихи-географиялық дереккөз ретінде» атты еңбекте келтірілген қалалық монастырларды зерттеумен жүргізілген салыстырмада жатыр.

Аталған мақаланы жариялау Ренаттың А және Б карталарындағы монастырлар, қалалар мен елді мекендер туралы деректерді қайта жаңғыртуда маңызды ақпарат көзі болмақ. Бұл карталар шығыс аймағында кеңістіктік бағдар ретінде қызмет атқарып, еуропалықтардың Шығысқа қарай қозғалыс жолдарын көрсеткен негізгі бағыттаушы рөлін атқарды. Сондай-ақ бұл деректер монастырлардың нақты орналасуын анықтауға және олардың орнында өткенде немесе болашақта жүргізілетін археологиялық зерттеулерді растауға көмектеседі.

Түйін сөздер: Ренаттың А және Б карталары, Орталық Азия, Қазақстан, ғибадатханалар, қалалар-қалашықтар.

Two maps of the Dzungar Khanate (Monkhbayar, Borodaev and Kontev, 2011), which were created in preparation for refining the old Mongolian maps into European maps by royal decree in 1733 or during the reign of Galdantseren Khan (1727–1745) and which are now important as spatial references for studying the history of late medieval Mongolia and the history of the Manchu period, have now taken their rightful place in Mongolian historiography.

In 1716, Galdantseren Khan (1727–1745) gave a map with 238 names of places written in Clear script to the Swedish artilleryman Renat, who had been captured by him, and returned him to his homeland (Monkhbayar, Borodaev and Kontev, 2011).

Let us recall how the great author told us about the purpose of making the map, when he left us the original map, «In the accompanying letter dated April 25, 1743, Renat himself described the map: « If I could by way of gratitude be of service to you in any knowledge I may possess in these matters it would give me my great pleasure. As to that book, or *Tabula Sinum* [sic], it was printed in China and captured in a battle between the Kalmuks and the Chinese. The one writing is Tangutan of which the characters are almost like the Hebrew. But it is written from left to right. The other writing is Manchu, and is written almost as Mongolian, but they can neither well read nor understand one another, nevertheless it is written in the people who took possession of China, their king is of the Manchu race, yet in their own Language all Kalmuk writing is called by themselves Mongul Kellendu or Mongol writing.

To the Kalmuks belong the following peoples, who once dwelt together, but afterwards owing to discord separated and then called themselves Dürben örret [Durben Oirat], viz. Causchauter [Khoshotes], Torguter [Torguts], Mongaler [Mongols], Bargo Brat [Bargo-Buriats], Barabu Tellenguter [Barabinsk Tlengets], Chirgis [Kirghiz], Songar [Sungars], Chüt [Chut-Telengeuts]; but are now some of them under the Chinese – whom the Kalmuks call Sürçshit – and are one part Cosauterna [the Khoshotes] who dwell partly in Tibet, together with the Tanguts [Tibetans], partly with the Songars, and partly with the Torguts who likewise are all Mongols under the Chinese.

In my time, however, 10000 households of them went over from their own people to the Torguts who dwell near Astrakhan, the Bargo Bratzi in Siberia, over against Selenghinsk, the Barabintsi between Siberia and the Sungars, who pay tribute to Russia as well as to the Sungars. Together with, or under, the Sungars are Chüt – Telenguts, and Kirghiz, and kind of people who came from those and are called Oranchaier [Urianhai].

I have been [a prisoner] under these Sungars and obtained then Largest map [i.e. Renat 2] from the Chinese when they attacked the Kalmuks at Barcöll [Barkul] or Turphan [Turfan] which town is marked on some maps and lies on their boundary. I have copied this half of it [the map] with Roman letters and thought to translate the other half in the same manner; but the minute writing, together with my dim eyes have hindered me. I believe, however, that it has probably been copied in Russia, for, five years ago, I lent it to Professor de Liell [Referring to Joseph Nicolas Delilah (1688–1768)] at the Academy of St. Peterburg, who sent it back to me with the promise that I should also receive a Print, but up to now it has not arrived.

It is copied by at my departure Chinese original and the later [map] was given [to me] at my request at my departure by the Sungar ruler as well as the later one which he also himself made of his country⁸ and although I could put in many names of mountains and rivers therein marked I have found on other maps names both of places both of places and rivers which in mya seventeen years residence there I never saw or heard of.

You must forgive me, Sir, that I have delayed my information so long for I almost believe that it was probably already known to you; still if there is anything else that I could inform you upon I shall always be willing, yet asking you to forgive my bad writing; meantime I recommend my step-son Isaac Fritz to your good graces, and with an earnest greeting from my wife, I remain much respected Sir, your most obedient servant, Johan Gustafw [sic] Renat. «Stockholm, 25th April, 1743» (Hedin Sven, 1917: 258–259; Baddeley John F, 1919: CLXXVIII; Monkhubayar, Borodaev and Kontev, 2011: 107–122)».

Renat's two maps A and B, or the Dzungar Khanate, are mentioned in the literature of foreign researchers who traveled to Mongolia and in the research works of our historians. By the way, there were a few pessimistic researchers who believed that the information on the map was unreadable (Poppe, 1956: 157–159), and now the electronic version is open to anyone to read (Göran Bäärnhielm, 2017; 2017a; 2017b). Although the number of 236 mentioned in Baddel's previous study was revised to 338 according to his revision, it is still recorded as 236 in the electronic study. In 2009, we brought the original map of Galdantseren Khan to Mongolia and introduced it into the study (Monkhubayar, 2010). In addition, on our initiative, on December 28, 2011, Galdantseren Khan's map was returned to Mongolia and a ceremony to present a copy of the map in Mongolia was organized at the National Library in cooperation with the Mongolian Consulate in Sweden.

J. Baddeley published a work about the map in 1919. The History of the People's Republic of Mongolia (BNMAU, 1984: 77) in 1984 used the version of the work reprinted in the USA in 1963. In Kazakhstan, a paper with a version of the map by Renat, which added more than 30 names of place names to Galdantseren Khan's map, was published in the 1990s by V.I. Volubuyev. In Mongolia, in 2003, a researcher G.Menes used the second edition of J. Baddeley's work (Baddeley John F, 1963) when exploring the name 'Khar Dal Khuji' in the Secret History of the Mongols. Baddeley, who studied the map, interpreted some of the place names incorrectly. For example, he incorrectly called 'Khoton Khurgan Lake' as 'Uvs Lake'.

Since we have previously described in detail how Western Mongolists have widely used this map in their works (Monkhubayar, Borodaev and Kontev, 2011), we thought it is unnecessary to repeat it. However, what is not mentioned in other works is that Haslund published and used the map in his own work. Among our researchers, G. Menes first used this map in his scientific article (Menes, 2003: 47–51), and the researchers who reported this map to us (Monkhubayar, 2010, January 15; Borodaev, Kontev, 2010) published a map showing how the Irtysh and Ob river basins were marked, specifically comparing the names of current place names with numerical symbols (Kontev, Borodaev, 2011: 5–11). The names of some of the tributaries mentioned in the article are said to be spelled differently than they are today, but researchers have not noticed that some of them are simply named by mispronouncing one or two letters in Russian or Kazakh pronunciation, and there is no difference between them. Perhaps the researchers only studied the form without studying the roots of the word and their lack of knowledge of the Mongolian language led them to believe that some of the above-mentioned water names have changed. For instance, the current names of the place called 187 Kemuzeg and the river called 186 Khurtu are Kurty and Chemurcheke. We can assume that it was mistaken by Renat when we assigned the names of the places. This is because the names of the river Khyring (No. 185), Borchji (No. 188), Alaktai (No. 191), and Khaba (No. 192) have been preserved as Kran, Burchun, Kikbay, and Kaba, and only the name Alaktai has been changed to Kikbay.

In addition, Japanese researcher Umino Kazutaka mentioned (Futaki Hiroshi, Kamimura, 2005: 17) in his work «History of Oriental Maps» that the Kalmyk map made by I.G. Renat in 1734 was made using the traditional Chinese map-making method (Umino

Kazutaka, 2004: 134). Some of the symbols used in Renat's B map are similar to those used in later Mongolian (the Manchus used Chinese map-making technology to study Mongolian territory and natural resources) maps (Futaki Hiroshi, Kamimura, 2005: 25. Fig. 1)¹. Regarding the same map, researchers do not deny the participation of Chinese map experts in the creation of the map, and the compiler himself said that the B map was captured when the Chinese attacked. However, Renat's A map is a purely Oirat-made map, with towns and villages depicted in circles and small circles drawn on all four sides within a circle.

In 1993, V.I. Volobuev published an article on the map created by J.G. Renat in 1738 (Volobuev, 1993), and in 2018, his daughter published the work «Map of the Dzungarian State of 1738 by I.G. Renata as a historical and geographical source. Moscow: Probel-2000, 2018» together with researchers from the Russian Institute of Oriental Studies (Volobuev, 2018). Unfortunately, in this work, there are many cases of incorrect recording of place names, because they did not see J. Baddeley's study, did not know the Clear Mongolian script, and were not able to verify the previous names. For instance, the letter Ch written in German was not read like a letter-X as Kx, which led to the incorrect reading of the beginning of all words from 52–95. This should have been read with the letter X, like the name of the river Cholagaś / Khulagash, which was first recorded by the Finnish researcher Granö [Johannes Gabriel Granö (1882-1956)] who is mentioned in our study (Kovalev et al., 2020).

Until the publication of Renata's R photo, compared to Galdantseren's photo (Monkhbayar, 2018) in 2018, information on the towns and settlements in the two maps (Monkhbayar, 2012), the methodology used (Monkhbayar, 2013: 160–170), about the name Buyant (Monkhbayar, 2014), the place names in the Tuva Republic of Russia (Mynkhbayar, 2014), the names of places by Uriankhai people of Altai (Monkhbayar, 2015), the comparison of place names in the upper and lower script of the Dzungar Khanate (Monkhbayar, Batjargal, 2015), and about the name Bodonchi River (Monkhbayar, 2018a) were published.

The two maps of the Dzungar Khanate taken home by the Swedish artilleryman Johan Gustaf Renat (1682–1744) show a total of 772 names of places and settlements (Monkhbayar, Borodaev, Kontev, 2011, p. 114), of which the following are the names of towns and settlements. It is important to distinguish between the places which are recorded as towns and settlements. It should not be assumed that all of them were towns, but that there were settlements such as monasteries, summer camps, temporary inns, and winter quarters. Renat A marked 21 towns and monasteries on the map: Yerken /Zinrhen/ (7), Khashagar (8), Sharkhul (10), Badakshan (11), Baltu (12), Anchjiyan (19), Khojimtu (20), Samarkhan (22), Sairam (25), Yasu (27), Tsui (65), Zambal (66), Osh Turfan (79), Aksu (80), Khainag (101), Khonokhoi (102), Gulza (149) (Fig. 1), Khucha (157), Khamil (181), Turman (163), Durvuljin (164), Bulugan (181).

But in Renat's B map, a total of 74 towns, including 49 towns are marked: Tsagaan Chuulugu (31), Khan Shahu (64), Lobchin (99), Ainghi (100), Khar Khot[ts]u (101), Totsug (102), Modulug (103), Sumchin (104), Shiveeti (105), Lemjin (106), Khandu (107), Bizen (108), Hunin (109), Chigtat (110), Khar Tuuba (134), Labchu (135), Togoo Chi (136), Asdag (137), Sumun negen khil (138), Bar khul (143), Ami (147), Hami (177), Shara Gol (192), Daritu (193), Yamagun (215), Shigim (222), Mu Lai Tson (228), Su Jou (229), Lin Su (230),

¹ The map is a cut-out of a fragment of the "Regulations on the map and size of the province determined by decree" stored in the National Central Archives of Mongolia. Fund M31-2-3864-22, or the hard copy of the Setsen Khan Aimag Assembly. The city is depicted in the image with a double square symbol, similar to the symbol in Renata's B map.

Inun Bu (231), Hanzu (233), Yang hu (234), Yun tsang (235), Su tsung (236), Lan zu (237), Ching wi (239), Gikta Si (240), Uhu amaba ion (241), Ui gun ning (243), Sun ching (245), Khiremto il (246), Baidir (314), Durvuljin (385), Buyant (440), Abi tura (460), Tes (493 with a square enclosure), Boro khutsa (508), Aldar tologoi (510), Ordoni zuu /Erdene zuu/ (518), Eibun (523) (Fig. 2)². In addition, if we add towns and villages such as Durvuljin (57), Tes Balgasuni (61), Ikh durvuljin (80), and Ulaan gom (481), a total of 53 towns and villages are recorded.

J. Baddeley noted in his work (Baddeley John F, 1919, p. ccxiv) that the place in Buyant (440) (fig. 3) is located in Khovd. The next maps mentioned about Khovd city are the map of the Uizen Gun khoshuu of Uuld (fig. 4) (Monkhbayar, Nyamsüren, 2023) and the map made by the Russian tourist V.V. Sapozhnikov (fig. 5) (Sapozhnikova, 1911).

The assessment of the famous Swedish traveler-scientist and artist Sven Hedin as the discoverer of Central Asia is a matter of great controversy in modern times, and the map made by I.G. Renata, who was in the war captivity of the Dzungar Khanate 132 years earlier, truly opened Central Asia to the European world.

Since the letter written with Renat's map and Chinese work (Galdantsereg(iin) gazryn zurag, 1981) emphasizes that the map is a map of Galdantseren Khan, it is appropriate to use it as Galdantseren Khan's Map rather than Renat's Map A.

Finally, it is necessary to further study and catalog the 74 cities, monasteries, and settlements in the 772 place names on Renat's two maps in their current state, comparing them with other historical maps and sources.

Acknowledgment. The article is written in accordance with the plan of the project «Religious landscapes of Russian-Mongolian borders: institutional and network mechanisms of construction of religious and ethnic identities and security in post-secular reality (Project No. 24-48-03002)», funded by Mongolia – MES.

2 In brackets () is the Arabic numeral number of J.G. Renata (1682–1744).

Figure 1. On the map of Renata A or Galdantseren Khan, the Khainag is marked at 101 and the Gulza Mosque at 149. (Мунхбаяр, Санатбек, 2022. p. 332, fig. 1).

Figure 2. Map B, taken by Renat to Europe in 1733, shows the towns of Shiveet (65), Hotu (Khochu is depicted in the main part of the image with a double square symbol in brown, numbered 66, and 191, 192, and 193 are depicted with square symbols and their names are marked).

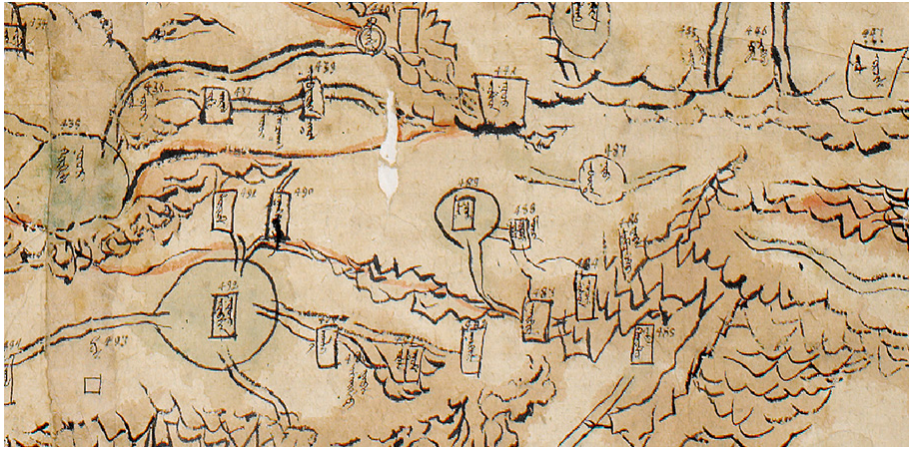

Figure 3. Renat B's map shows some towns and villages in the western region of Mongolia

(in figure 440, Buyant is marked with a double circle, which is the current city of Khovd, and in figure 481, the city of Ulaangom).

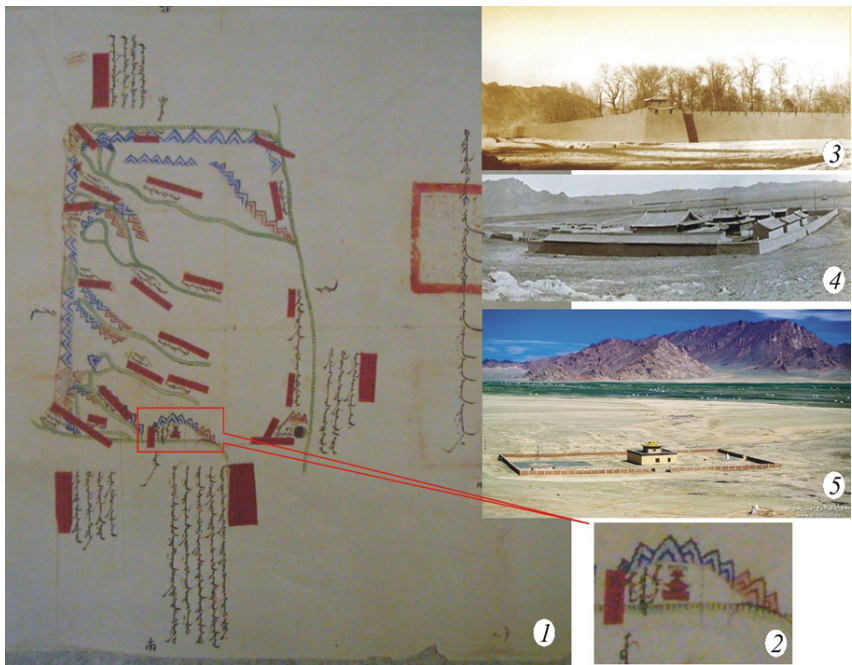

Figure 4. The map of Uuld Khoshuu (1903) showing the Tugeemel Ajarjuulagch Monastery.

1, 2 – The map of Uuld Khoshu showing the Tugeemel Ajarjuulagch Monastery or the Yellow Temple; 3 – Sangin City (1911); 4 – Tugeemel Ajarjuulagch Monastery or the Yellow Temple; 5 – Tugeemel Ajarjuulagch Monastery (1997).

Figure 5. The ruins of the Old Khovd city are marked on the map made by V.V. Sapozhnikov in 1911 /The ruins of the old Khovd city are shown in the attached photo./ (Sapozhnikov, 1911).

Figure 6. The Tugeemel Amrjuulagch Monastery or Gandanpuntsaglonchoilin Monastery (2020) (Khovd city, Mongolia) (Өрнөхдэлгэр, Monkhubayar, Наранхүү, 2020: 177).

References:

Baddeley, J.F. (1919). Russia, Mongolia, China being some record of the relations between them from the beginning of the XVII century to the death of the Tsar Alexei Mikhailovich, A.D. 1602–1676. Vol. 1. London.

Baddeley, J.F. (1963). Russia, Mongolia, China. Vol. I. New-York: Burt Franklin.

Futaki, H.K. (2005). Landscaps Reflected in Old Mongolia Maps. Tokio.

Hedin Sven (1917). Southern Tibet: Discoveries in Former Times compared with my own researches in 1906–1908. Vol. 1. Stockholm.

Göran, B. (2017). Johan Gustaf Renats kalmuckiska kartor. Mongolian «Kalmuck» maps brought to Sweden in 1734 by Johan Gustaf Renat UpToDate. November 15, 2017, Retrieved from http://goran.baarnhielm.net/Kartor/Rysslandskartor/Renat_A_1000px.jpg

Göran, B. (2017a). Johan Gustaf Renats kalmuckiska kartor. Mongolian «Kalmuck» maps brought to Sweden in 1734 by Johan Gustaf Renat UpToDate. November 15, 2017. Retrieved from http://goran.baarnhielm.net/Kartor/Rysslandskartor/Renat_B_1000px.jpg

Göran, B. (2017b). Johan Gustaf Renats kalmuckiska kartor. Mongolian «Kalmuck» maps brought to Sweden in 1734 by Johan Gustaf Renat UpToDate. Retrieved from November 15, 2017, from http://goran.baarnhielm.net/Kartor/Rysslandskartor/Renat_R_1000px.jpg

Poppe, N. (1956). Renat's Kalmuck maps. *Imago Mundi: The International Journal for the History of Cartography*. Stockholm; Leiden. Vol. 12 (1955):157–159.

Umino, Kazutaka (2004). History of Geography in the East. Continental Asian Societies. Seibundo. Osaka.

BNMAU (1984). BNMAU-yn түүх (Negen bot'). UB.

Borodaev B.Б., Kontev A.B (2010). Шведский артиллерист И.Г. Ренат и его Ойратские карты. Түүхийн товчоон. УБ. Т. V, F. 32, 34–43.

Volobuev, V.I (1993). Некоторые итоги реконструкции карты Джунгарии И. Рената. Известия Национальной академии наук РК. Серия обществ. наук. №6(192): 11–16.

Volobuev, V.I (2018). Карта Джунгарского государства 1738 г. И.Г. Рената как историко-географический источник. Москва: Пробел-2000. 224 p.

Galdantserereg(iin) gazryn zurag (1981). Галданцэрэнгийн газрын зураг. Орос, Монгол, Дундад улс. 14-р хавсралт зураг. Шан у ном хэвлэх газар. Бээжин.

Kovalev, A.A., Solodovnikov, K.N., Munkhbayar, Ch., Erdene, M., Nechvaloda A.I., Zubova, A.V. (2020). Палеоантропологическое изучение черепа, погребенного в захоронении на чемурчекском святилище Хулагаш (Баян-Ульгийский аймак Монголии). Вестник археологии, антропологии и этнографии. Новосибирск, №1(48): 78–95.

Kontev, A.B., Borodaev, V.B (2011). Верхнее Обь-Иртышье на ойратской карте Джунгарии первой трети XVIII века. Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX вв. Сборник матреалов научной конференции. Новосибирск: 5–11.

Monkhbayar, Ch. (2010). Зүүн гарын хаант улсын хоёр газрын зураг олдлоо. Ховдын мэдээ. №2(273).

Monkhbayar, Ch. (2012). Галдан Цэрэн хаан ба түүний бүтээсэн зүүн гарын хаант улсын газрын зураг дахь хот суурингийн мэдээлэл. «Ойрад судлал: Ойрад монголын

түүх, соелын зүтгэлтнүүд» сэдэвт олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурал. УБ. 218–228.

Monkhbayar, Ch. (2013). Галданцэрэн хааны газрын зургийн хийсэн арга барилын асуудалд. Г.Жамъян Тод бичиг судлал. Хэл бичгийн эрдэмтэн Галжаан Жамъян (1932–1997) мэндэлсний 80 жилийн ойд зориулсан эрдэм шинжилгээний бага хурал (Увс. 2012.10.26) эхмхэтгэл. Увс. BIBLIOTECA OIRATICA XXX. 160–170.

Monkhbayar, Ch. (2014). Буянт нэрийн үүсэлд холбогдох нэгэн эх сурвалж. «Хэл, соел, соел хоорондын харилцаа» Олон улсын эрдэм шинжилгээний IV бага хурал (Ховд хот. 2014.09.19–20) эмхэтгэл. УБ. 177–182.

Monkhbayar, Ch. (2015). Галданцэрэн хааны газрын зураг дахь Алтайн урианхайн газар нутгийн нэрийн тухай. «Алтай урианхайн түүх соелын судалгаа» сэдэвт олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын эмхэтгэл. УБ. 188–192.

Monkhbayar, Ch. (2018). Ренатын 1/а (r) газрын зураг дахь газар усны нэрсийн харьцуулсан судалгаа. Тод үсэг – 370 сэдэвт олон улсын эрдэм шинжилгээний VI хурал (Ховд хот. 2018 оны 9 сарын 13–15). Ховд. 28–58.

Monkhbayar, Ch. (2018a). Түүх соелын үл хөдлөх дурсгалаар нэрлэгдсэн газар усны нэрс тэдгээрийн учир холбогдол. Хэл соел, соел хоорондын харилцаа сэдэвт олон улсын эрдэм шинжилгээний VI бага хурал (Ховд хот. 2018 оны 9 сарын 16–18) илтгэлийн эмхтгэл. УБ. 123–129.

Monkhbayar, Ch., Batjargal, B. (2015). Зүүн гарын хаант улсын үеийн их, бага цацалын бичиг түүний дээрх газар усны нэрийн харьцуулсан судалгаа. Монголоведение в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию Б. Х. Тодаевой (г. Элиста, 23–26 апреля 2015 г.). Элиста: КИГИ РАН. Часть II^ 123–135.

Monkhbayar, Ch., Borodaev B.B., Kontev A.B (2011). Шведийн их бууч Ренат түүний Ойрад газрын зураг. Ойрад судлал – Өнөө ба ирээдүй (2010. 09. 17–19. Ховд хот.) хурлын илтгэлүүдийн эмхэтгэл. УБ. 107–122.

Мунхбаяр В.Сh (2014). О некоторых названиях местностей Тувы на карте Галданцэрэн хана. МАТЕРИАЛЫ международной научной конференции, посвященной 100-летию единения России и Тувы. 3–4 июля 2014 г. Кызыл. I часть. Абакан. Хакасское книжное издательство, 97–100.

Menes, G (2003). «Хар дал хужаур» хэмээх газрыг хайж олсон нь. *Studia Historica*. Tom. XXXIV, Fasc. 6: 47–51.

Monkhbayar Ch., Nyamsüren L. (2023). Өөлд хошууны газрын зураг. Түүхийн товчоон (МУИС-ийн Ховд аймаг салбар сургуулийн Түүх, нийгмийн ухааны тэнхимийн эрдэм шинжилгээний сэтгүүл). Tom. XI. Fasc. 2. УБ. 189–200.

Мунхбаяр, С.В., Sanatbek, H.S (2022). О названии одной тамги на стеле тюркского поминальника (Монгольский Алтай). Евразийская степная цивилизация: Человек и историко-культурная среда. V Международного конгресса археологии евразийских степей. г. Туркестан, 12–14 октября 2022 г. В 5-ти т. Алматы – Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана. Т. 2: 332–340.

Ornokhdelger D., Monkhbayar Ch., Narankhuu E. (2020). Ховд хотын бага тайлбар толь. Ред. С. Гантөмөр, Б. Нямдорж, Г. Амарзаяа. Улан-Батор. 312 р.

Сапожников, В.В. (1911). Монгольский Алтай в истоках Иртыша и Кобдо = L'Altai Mongolien aux sources de l'Irtych et du Kobdo: путешествия 1905–1909 гг. Томск.

К ВОПРОСУ О НАНЕСЕНИИ РЕЛИГИОЗНЫХ ХРАМОВ, ГОРОДОВ И ПОСЕЛЕНИЙ НА КАРТАХ РЕНАТА А И Б*

Боролдой Чулуунбат МУНХБАЯР¹

*¹Кандидат исторических наук, ассоциированный профессор,
Монгольский государственный университет филиал Западного региона,
Ховд, Монголия
munk9998@gmail.com*

Аннотация. В 1733 г. хан Джунгарского ханства Галдан-цэрэн (1725–1745) передал шведскому артиллеристу Иоганну Густаву Ренату, находившемуся в плену 16 лет, две карты и отпустил его на родину с поручением подготовить «современную» карту с координатной сеткой.

Цель статьи – ввести в научный оборот и обсудить сведения о монастырях и иных поселениях, зафиксированных на картах Рената, а также представить их локализацию. Исследование опирается на сопоставление нескольких версий карты, выполненных Ренатом по возвращении на родину, с чертежами 1738 и 1740 гг.; применяется источниковедческий и картографо-географический анализ.

Научная новизна состоит в том, что данные по монастырским и городским центрам сопоставляются с материалами работы «Карта Джунгарского государства 1738 г. И.Г. Рената как историко-географический источник» В.И. Волобуева, что позволяет уточнить взаимосоответствия между версиями карты и предложить обновленные гипотезы локализации ряда объектов.

Публикация направлена служить источниковой базой для реконструкции сети монастырей, городов и поселений на вариантах карт Рената, которые выступали пространственными ориентирами на путях европейцев к Востоку; кроме того, предлагаемые картосхемы и комментарии могут использоваться для проверки и планирования археологических исследований в предполагаемых местах расположения указанных монастырей.

Ключевые слова: карты Рената А и Б, Центральная Азия, Казахстан, храмы, города-городища.

**VII. ЖАҢА ТЕХНОЛОГИЯЛАР: ДЕРЕККӨЗДЕРІ, ӘДІСТЕРІ
ЖӘНЕ GIS ҚОЛДАНБАЛАРЫ**

**VIII. EMERGING TECHNOLOGIES: SOURCES, METHODS
AND GIS APPLICATIONS**

AN INTERACTIVE MAP DEPICTING THE HISTORICAL GEOGRAPHY OF CENTRAL ASIA

Bekir KAPUKAYA ¹ (ORCID ID: 0000-0001-9716-9205)
Nebiye MUSAOĞLU ² (ORCID ID: 0000-0002-8022-8755)

^{1, 2} *Istanbul Technical University, Istanbul, Türkiye*

¹bekir@cscrs.itu.edu.tr

²musaoglune@itu.edu.tr

Abstract. The aim of the article is to present an interactive map of the historical geography of Central Asia by means of web maps on a digital platform being developed within the framework of a scientific program of the same name. Designed as a web-based application, this platform has been developed using open-source technologies and features a platform-independent architecture. This free and accessible infrastructure allows users to easily access the platform from various devices and systems. As part of the project, historical maps have been scanned and transferred into digital format. The visualization of historical events, significant historical sites, and routes on interactive maps enables a clearer and more accessible examination of past data.

These digitized maps contribute not only to the preservation and transmission of historical documents to future generations but also facilitate easier access to these materials. Users can view data from different historical periods in layered formats, navigate freely across the maps, and conduct detailed analyses of historical changes. Presenting all of this information through a unified and holistic interface offers researchers the opportunity to perform more in-depth investigations. By visualizing historical events and geographical elements on interactive maps, users can compare key aspects of the past with today's geographical structure, thereby raising broader awareness about the importance of preserving cultural heritage. In this way, the project will play a significant role in making cultural heritage more accessible to a wider audience and in fostering a deeper understanding of that heritage.

Keywords: Geographic Information Systems, Interactive Map, Central Asia, Historical Geography.

ОРТАЛЫҚ АЗИЯНЫҢ ТАРИХИ ГЕОГРАФИЯСЫН БЕЙНЕЛЕЙТІН ИНТЕРАКТИВТІ КАРТА

Бекир ҚАПҰҚАЯ¹, Небие МУСАОҒЛЫ²

^{1, 2} *Ыстанбұл Техникалық Университеті, Ыстанбұл, Түркия*

¹bekir@cscrs.itu.edu.tr

²musaoglune@itu.edu.tr

Аңдатпа. Бұл мақалада Орталық Азияның тарихи географиясын сандық платформада веб-карталар арқылы интерактивті түрде ұсынуды мақсат еткен ғылыми жоба аясында атқарылған жұмыс баяндалады. Веб-негізіндегі қосымша ретінде әзірленген бұл платформа ашық бастапқы кодты технологияларға негізделген және платформадан тәуелсіз архитектураға ие. Бұл тегін әрі қолжетімді инфрақұрылым пайдаланушыларға әртүрлі құрылғылар мен операциялық жүйелерден платформаға оңай қол жеткізуге мүмкіндік береді. Жоба аясында тарихи карталардың электронды нұсқалары сандық форматқа ауыстырылды. Тарихи оқиғаларды, маңызды тарихи

Аңдатпа. Бұл мақалада Орталық Азияның тарихи географиясын сандық платформада веб-карталар арқылы интерактивті түрде ұсынуды мақсат еткен ғылыми жоба аясында атқарылған жұмыс баяндалады. Веб-негізіндегі қосымша ретінде әзірленген бұл платформа ашық бастапқы кодты технологияларға негізделген және платформадан тәуелсіз архитектураға ие. Бұл тегін әрі қолжетімді инфрақұрылым пайдаланушыларға әртүрлі құрылғылар мен операциялық жүйелерден платформаға оңай қол жеткізуге мүмкіндік береді. Жоба аясында тарихи карталардың электронды нұсқалары сандық форматқа ауыстырылды. Тарихи оқиғаларды, маңызды тарихи орындарды және сауда немесе көші-қон бағыттарын интерактивті карталарда көрсету өткен кезеңдегі мәліметтерді анық әрі қолжетімді түрде зерттеуге жағдай жасайды.

Бұл сандық карталар тарихи құжаттарды сақтап, болашақ ұрпаққа жеткізумен қатар, бұл материалдарға еркін қол жеткізуді де жеңілдетеді. Пайдаланушылар әртүрлі тарихи кезеңдердегі мәліметтерді қабаттар түрінде қарап, карталарда еркін қозғалып, тарихи өзгерістерге терең талдау жүргізе алады. Мұндай ақпараттың бірыңғай және кешенді интерфейсі арқылы ұсынылуы зерттеушілерге терең әрі жан-жақты зерттеулер жүргізуге мүмкіндік береді. Тарихи оқиғалар мен географиялық элементтерді интерактивті карталар арқылы визуализациялау пайдаланушыларға өткен кезеңнің негізгі аспектілерін бүгінгі географиялық құрылыммен салыстыруға жол ашып, мәдени мұраны сақтау маңыздылығы туралы кеңінен түсінік қалыптастырады. Осылайша, бұл жоба мәдени мұраны кең аудитория үшін қолжетімді етіп, оны терең түсінуге ықпал етеді.

Түйінді сөздер: Географиялық ақпараттық жүйелер, Интерактивті карта, Орталық Азия, Тарихи география.

Introduction

Understanding the spatial dynamics of the past is of great importance for accurately interpreting historical processes and preserving cultural heritage. In this context, historical geography emerges as an interdisciplinary field that seeks to understand past geographical structures and spatial relationships. By bringing together disciplines such as history, geography, archaeology, and cultural heritage studies, it enables the interpretation of historical spatial dynamics in relation to present-day conditions. Historical documents, and particularly maps, serve as indispensable sources of information for these disciplines. Maps are not only representations of geographical knowledge but also unique documents that reflect the political, economic, and cultural relationships of their time.

The use of digital technologies in historical geography represents a transformative shift, not only in the preservation of maps but also in enabling spatial analysis, visualization, and data sharing. Through Geographic Information Systems (GIS), historical maps can be georeferenced within spatial reference systems, making it possible to analyze the geographical structures of the past in contemporary digital environments. Such platforms provide researchers with opportunities to examine border changes across periods, trade routes, settlement dynamics, and elements of cultural heritage from a spatial perspective.

A foundational study in the fields of historical geography and cartography is the comprehensive work by Harley and Woodward (1987). Their research emphasized that maps are not merely technical documents conveying geographic information but also social texts that represent the political, economic, and cultural power structures of their time. This study highlighted the necessity of critically interpreting historical maps.

The integration of digital transformation with cartography accelerated particularly with the pioneering work of Rumsey and Williams (2002). Their research demonstrated that the digitization of historical maps serves not only the purpose of preservation but also offers significant potential for analysis, accessibility, and reuse of information in digital environments.

In the same year, Knowles (2002) presented another significant study that provided practical examples of how historical data could be integrated with GIS. This work explained in concrete terms how spatial information from the past can be made meaningful through modern technological tools.

Subsequently, Gregory and Ell (2007) conducted an in-depth study examining the methodological and technological dimensions of historical GIS applications. Their research focused particularly on the challenges encountered in digitizing historical data and the solutions developed to address these issues.

During this period, theoretical discussions also continued regarding how GIS could be integrated into historical research. Goodchild (2009) explored how GIS can be employed in historical analysis and discussed both the methodological opportunities and limitations this integration presents. His study underlined that GIS technologies are powerful tools not only for contemporary geographic analysis but also for examining historical processes within their spatial contexts.

Expanding on the integration of GIS with the humanities, Bodenhamer, Corrigan, and Harris (2010) discussed the transformative impact of spatial thinking in disciplines such as history, cultural heritage, and literature. This study made a significant contribution by laying the foundations for the field of spatial humanities.

Among applied projects, the study conducted by Southall (2011) stands out. This research provides a detailed account of how historical GIS datasets for Great Britain were

developed and how a process that initially began at a local scale was scaled up to a national level. The study serves as an important example of how large-scale historical GIS projects can be made sustainable from both technical and organizational perspectives.

In subsequent studies, the work of Gregory and Geddes (2014) further advanced the interaction between GIS and the humanities. Their research particularly highlighted how the temporal dimension can be effectively incorporated into the spatial analysis of historical processes.

A more recent approach is presented in the work of Harris and Bergeron (2018), which focuses on the concept of deep mapping. This approach extends spatial data beyond purely geographic information by integrating layers such as narratives, cultural context, and collective memory into the mapping process. As a result, digital cartography and GIS projects gain a more comprehensive and multidimensional structure.

Most recently, the study conducted by Sobotkova et al. (2023) focuses on the production of large-scale, high-quality spatial datasets from historical maps. This research demonstrates how crowdsourcing methods, involving volunteer participants, can be effectively and efficiently utilized in digital history projects.

This body of literature provides a comprehensive overview of both the theoretical and technical dimensions of the digital transformation of historical geography. However, it is evident that existing studies are predominantly focused on projects based in Western Europe and North America. There is a notable scarcity of digital map archives and GIS-based platforms dedicated to regions with rich and multilayered historical geographies such as Central Asia. Historically, Central Asia has been at the heart of global trade networks like the Silk Road and has served as a crossroads for numerous empires and cultural entities. Documenting and sharing the rich historical geography of this region in digital environments would offer significant contributions to both regional and international scholarly research.

The project developed within the scope of this study aims to present the historical geography of Central Asia through an interactive digital mapping platform. In this project, historical maps have been digitized at high resolution, georeferenced, and integrated with modern web-based geographic information systems. This enables users to analyze border changes, trade routes, and cultural heritage elements across different time periods within both temporal and spatial contexts.

Data Preparation Process

The foundation of the web-based Geographic Information System (GIS) application developed in this project lies in the digitization and processing of historical maps and spatial data to make them analyzable. This process was carried out through a meticulously executed, multi-stage workflow. Both traditional archival methods and modern GIS technologies were employed to ensure that the data were transferred into digital formats in a reliable, accurate, and sustainable manner.

Data Collection Process. The first step of the project involved the acquisition of analog maps and documents representing the historical geography of Central Asia. In this context, collaborations were established with national archives, academic institutions, museums, and libraries, particularly in Kazakhstan and other Central Asian countries. In addition, international map collections and digital databases accessible online were thoroughly reviewed.

The collected documents and maps vary in terms of time periods, political structures, and scales. This diversity has been crucial for accurately understanding and digitizing the multilayered historical geography of the region.

Digitization and Scanning Process. Physical maps were digitized using high-resolution scanners. Each map was scanned at high resolution to ensure the preservation of detail without any loss of information. During this process, a comprehensive metadata set was created for each raster map. This metadata includes information such as the map title, year of production, author or producing institution, language, scale, and source references.

Georeferencing. To enable the use of raster maps in spatial analyses, georeferencing was performed. This process was carried out using ArcGIS Pro software. Known reference points in modern geography – such as city centers, rivers, and mountains – were identified on the maps and used to align the historical maps with the contemporary coordinate system.

During the georeferencing process, historical maps that could be accurately aligned with modern maps without distortion were transformed into the EPSG:3857 (Web Mercator) projection system. For historical maps that could not be geographically referenced, cities depicted on the maps were digitized as vector points and linked to their corresponding modern place names.

Raster Data Optimization and Structuring. Following georeferencing, all raster maps were processed using the GDAL library within the Python programming environment. The raster datasets were converted into the Cloud Optimized GeoTIFF (COG) format to comply with modern web mapping services. This transformation enables fast loading, efficient serving, and seamless zooming capabilities even for large image files.

Additionally, to facilitate raster data management and ensure data integrity, each raster map was assigned a Universally Unique Identifier (UUID). These unique identifiers allow for rapid and reliable querying of raster datasets within the archive module.

Furthermore, the spatial coverage of each raster map was delineated, and detailed Area of Interest (AOI) polygons were created. These polygons enable users to visually identify the extent of each map and apply spatial filtering within the system.

Vector Data Production. Following the completion of the georeferencing and optimization processes for raster maps, the production of spatial vector data was initiated. This process was primarily carried out using QGIS software. Vector data production was categorized into three main groups:

- **Political Boundaries:** The borders of empires, khanates, and states from different historical periods were digitized based on period-specific reference maps.
- **Trade Routes and Spatial Networks:** Historical trade routes, migration paths, and strategic connection lines were generated in line (polyline) format.
- **Points of Interest (POI):** Historical cities, monuments, cultural heritage sites, and other significant settlement points were digitized in point format as POIs.

Each vector dataset was enriched with comprehensive attribute information that reflects its historical context. These attributes include the associated time period, detailed descriptions, references to historical sources, and other parameters necessary for spatial analysis.

Database Design and Structure. Data management was implemented using a robust and scalable PostgreSQL database enhanced with the PostGIS extension for spatial data

handling. The database architecture was organized into two main categories based on data types and usage scenarios:

- Spatial Data:
 - o Vector datasets (e.g., political boundaries, trade routes, cultural heritage points)
 - o Raster metadata and linkage records
 - o Area of Interest (AOI) polygons
- User and Interaction Data:
 - o User account information
 - o Authentication and authorization data (managed on MongoDB)
 - o User query and analysis logs

Raster data were integrated with the PostgreSQL database via metadata and spatial indexing. Visualization and map serving were managed through GeoServer, which facilitated the distribution of both raster and vector data via Web Map Service (WMS) and Web Feature Service (WFS) protocols. This infrastructure enabled users to access the data quickly and dynamically.

Academic Validation and Expert Review. Every stage of the data preparation process was conducted under the guidance and supervision of subject-matter experts from relevant academic disciplines. In particular, the following aspects were meticulously verified:

- The accuracy of historical place names,
- The reliability of political boundary changes across different time periods,
- The historical validity of trade routes,
- The spatial and historical accuracy of cultural heritage sites.

This rigorous review process, led by experts in history and geography, ensured that the datasets achieved not only technical accuracy but also historical integrity and academic reliability. Consequently, the data produced meet high standards both in terms of spatial quality and scholarly credibility.

Project Development Process and Software Architecture

The development process of the project was carried out with a multi-layered and modular architecture approach based on the integration of Geographic Information Systems (GIS) and modern web technologies. The primary objective of the development process was to create a technically sustainable and flexible platform that is also accessible and interactive from the user's perspective. This process followed a systematic methodology encompassing needs analysis, data modeling, software architecture design, development, and testing phases.

The software architecture of the project was designed as a microservices-based and modular structure, fully aligned with contemporary software development principles. This architecture provides the system with scalability, sustainability, and extensibility. The architecture consists of three main layers:

- **Presentation Layer (Frontend):** This is the layer where users interact with the system. Functionalities such as map visualization, timeline navigation, data querying, and analysis modules operate within this layer. It was developed using the Next.js framework based on React. The utilization of Next.js features such as Server-Side Rendering (SSR) and Static Site Generation (SSG) ensures high performance and SEO-friendly delivery.

- **Business Logic Layer (Backend):** This layer handles data processing, API management, authentication, and the implementation of business rules within the system. It is built using the NestJS framework, whose modular and scalable structure enables secure API services and the efficient management of complex data flows.

- **Data Layer:** This is the layer where all spatial and textual data are stored and managed. It consists of the following components:

- o PostgreSQL with PostGIS for spatial data management and spatial queries,
- o MongoDB for managing user information and interaction data,
- o GeoServer for serving both raster and vector data via web services.

The seamless integration of these three layers ensures uninterrupted data flow within the system and allows users to interact dynamically and efficiently with the maps. The overall software architecture of the project is illustrated in Figure 1.

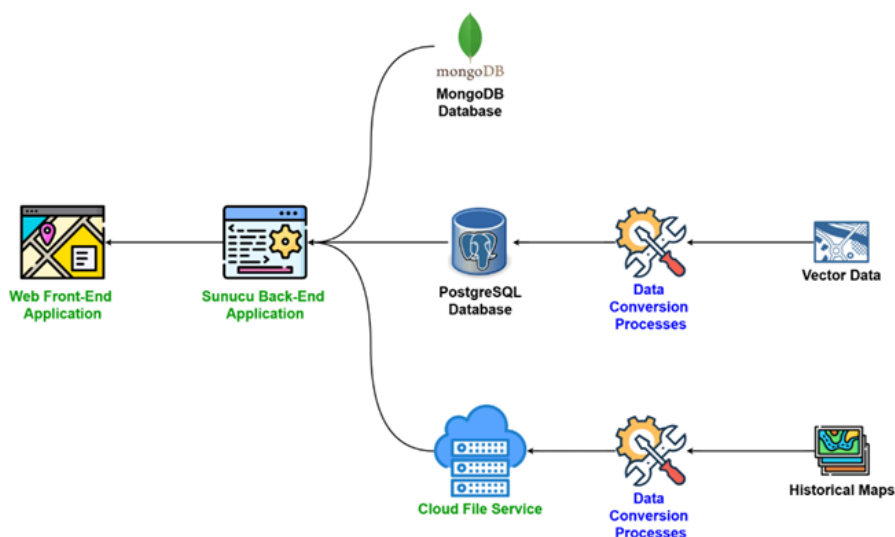

Figure 1. Software architecture of the Project.

The initial phase of the development process – **needs analysis and data modeling** – was carried out in close collaboration with academic consultants. During this stage, user requirements were meticulously identified, and the data structures the system would operate on, as well as the core functionalities it would provide, were clearly defined. Feedback from scholars, particularly those working in the fields of historical geography and cultural heritage, formed the foundation for the data modeling process and the design of system modules.

Following the data modeling phase, the **data preparation** stage was implemented. This included the creation of raster and vector datasets, georeferencing processes, data

optimization, and database configuration. Once the data infrastructure was established, the focus shifted to backend development. During this stage:

- **API structures and data processing services were developed,**
- **User authentication and authorization systems were implemented,**
- **Integration with map services was established.**

Upon completing the backend functionality, the **frontend development phase** commenced. In this phase, an interactive user interface was designed, enabling users to engage with the maps. Key frontend components include the **timeline interface, data query tools, and layer management features.**

After the frontend and backend development phases were completed, the system underwent a comprehensive **testing and validation process**, ensuring both technical robustness and academic accuracy. The technical testing focused on system performance, API security, data integrity, and scalability. The academic validation was conducted by experts in history and geography. During this process, critical aspects were rigorously evaluated, including:

- The accuracy of **historical place names and spatial locations,**
- The **correct temporal representation of political boundaries,**
- The precise spatial placement of **trade routes and cultural heritage sites.**

Following the successful completion of the testing and validation phases, the system was deployed on a **cloud-based server** and made accessible to end users. Thanks to its **modular and scalable architecture**, the developed platform allows for the seamless integration of new datasets and functionalities in future updates.

Project Features and Functional Modules

The web-based Geographic Information System (GIS) application developed in this project is designed to enable the interactive analysis of the historical geography of Central Asia in a digital environment. The project not only provides spatial data but also incorporates a temporal dimension, allowing users to perform comparative analyses between the past and the present. The system combines an extensive database with a user-friendly interface, making it accessible to a wide range of user profiles—from academic researchers to the general public.

The technical infrastructure provided by the project architecture is organized around three core functional modules: the Time Machine Module, the Archive Module, and the Cultural Heritage Module. Each module addresses different user needs and collectively contributes to the overall functionality of the system.

Time Machine Module. The Time Machine Module is one of the most innovative and prominent components of the project. This module enables users to visualize political boundaries and spatial changes in Central Asia throughout different historical periods. Through an interactive timeline interface, users can select a specific time period and display the corresponding vector-based political boundaries on the map.

In addition to vector boundaries, this module also supports the visualization of raster maps corresponding to specific years. These raster maps can be analyzed in comparison with each other or with modern satellite imagery and thematic basemaps. This capability

allows for an in-depth examination of the spatial evolution of historical geography within a multi-layered analytical framework.

The Time Machine Module also dynamically displays current settlements, city names, and Points of Interest (POI). This feature facilitates connections between historical maps and contemporary geography, enhancing contextual understanding and providing added value for spatial analysis. The architecture and functionality of the Time Machine Module are illustrated in Figure 2.

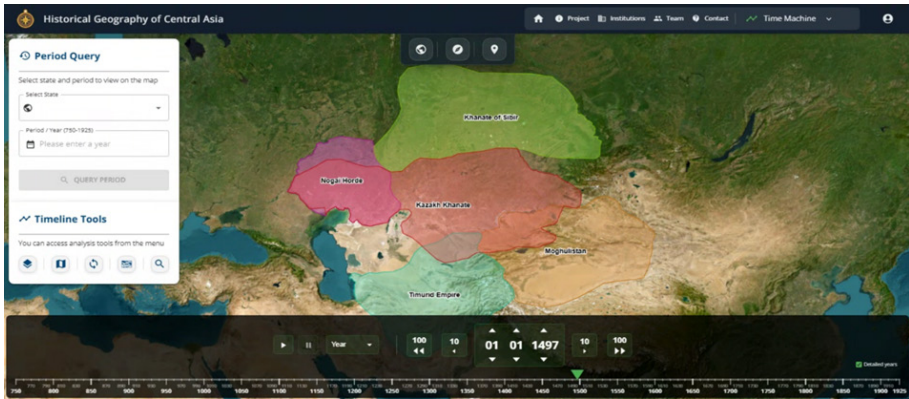

Figure 2. Time machine module

This module enables users to examine historical boundary changes, the geographical distribution of state structures, and spatial transformations within a temporal context in a highly detailed manner.

Archive Module. The Archive Module is a key component that provides comprehensive access to all historical raster maps within the system and allows users to perform detailed queries. This module enables users to interactively work with map-based archives.

Users can quickly access desired historical maps by applying spatial (point or area) and temporal filters directly on the map interface. Each map is categorized according to its respective time period and geographical coverage. Furthermore, the spatial extent of each raster map is defined within the system using Area of Interest (AOI) polygons, which visually assist users in understanding the geographic coverage of each map.

The Archive Module also provides detailed metadata for each map. This metadata includes information such as the year of production, map scale, authoring institution or individual, language, original source, and other descriptive details. Additionally, each map is assigned a Universally Unique Identifier (UUID), which ensures that raster data is managed in a precise and reliable manner within the system.

The structure and functionality of the Archive Module are illustrated in Figure 3.

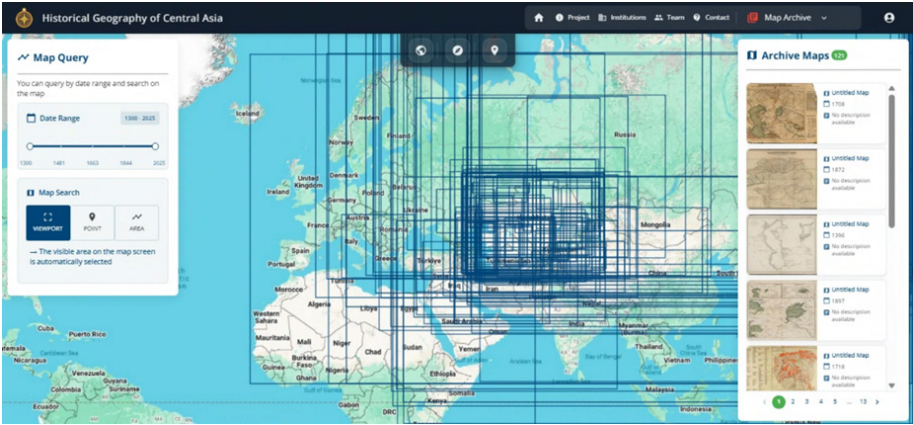

Figure 3. Archive module

Maps are delivered in high resolution dynamically through the GeoServer infrastructure, allowing users to perform seamless zooming, panning, and detailed examination. This capability offers significant advantages, particularly in the analysis of large-scale and highly detailed historical maps.

Cultural Heritage Module. The Cultural Heritage Module is a key component that displays historically and culturally significant sites in Central Asia on an interactive map, accompanied by detailed information. This module enables users to explore historical monuments, architectural structures, landmarks, and other significant cultural assets directly through the map interface.

All cultural heritage assets are recorded in the system as point-based spatial data (POI). Each POI is enriched with comprehensive information, including location coordinates, detailed descriptions, historical background, construction year, architectural features, and visual materials such as photographs or illustrations.

The structure and functionality of the Cultural Heritage Module are illustrated in Figure 4.

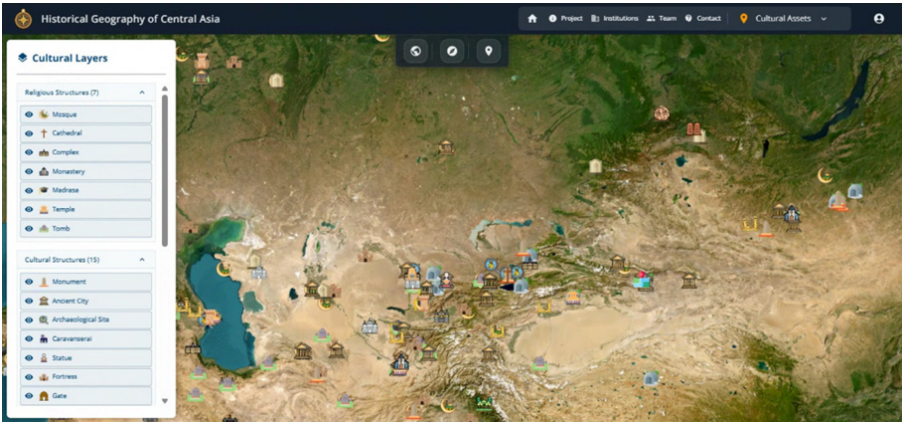

Figure 4. Cultural assets module

Through this module, users can understand both the historical and geographical context of a specific cultural heritage asset and analyze its spatial relationships with other sites on the map. This capability provides an invaluable digital pre-analysis environment, particularly for researchers and academics conducting studies in history and cultural heritage, prior to engaging in fieldwork.

Moreover, the Cultural Heritage Module allows users to analyze the distribution and spatial changes of cultural assets across different time periods by utilizing time filters and geographic filtering tools.

System-Wide Features and Modular Structure. All these modules collectively form a comprehensive functional framework that enhances the overall usability of the system. The key technical and functional features of the project can be summarized as follows:

- Temporal and spatial analysis capability: Users can perform comparative analyses of political boundaries, cultural heritage sites, and spatial structures within selected historical timeframes.
- Layered data structure: Raster maps, vector datasets, and point-based POI data can be dynamically activated or deactivated according to user needs.
- High-performance map services: Thanks to the GeoServer infrastructure, large-scale datasets are delivered quickly and seamlessly.
- Rich metadata structure: Each dataset is enhanced with comprehensive historical and technical metadata.
- User-friendly and interactive interface: The Next.js-based interface provides an intuitive user experience suitable for both academic researchers and general users.

These features transform the project from a simple map visualization tool into a powerful digital laboratory for historical geography and cultural heritage research.

Contributions of the Project

This study provides multidimensional and sustainable contributions to both the academic community and cultural heritage preservation by digitally representing the historical geography of Central Asia. The use of open-source technologies, flexible data structures, and an innovative software architecture has enabled not only the archival of historical data but also its active analysis and visualization.

The primary contribution lies in the accurate digital preservation of historical maps. Risks associated with the deterioration, damage, or loss of physical maps have been effectively eliminated through this digitization process. By converting raster maps into Cloud Optimized GeoTIFF (COG) format and applying georeferencing techniques, the project ensures the long-term and secure preservation of these valuable datasets. Moreover, the assignment of Universally Unique Identifiers (UUID) and the integration of Area of Interest (AOI) polygons have enhanced the reliability and efficiency of data management and querying processes.

Additionally, the project's ability to perform temporal-spatial analyses allows researchers to evaluate historical processes from a more comprehensive perspective. Through the Time Machine Module, users can interactively analyze political boundaries, trade routes, and geographical transformations across different historical periods. This functionality significantly accelerates and enhances research, particularly in the fields of history, geography, and cultural studies. The system enables the comparison of historical dynamics

with contemporary geography, providing insights into how past spatial configurations have influenced present-day structures.

Beyond academia, the project contributes to the preservation of cultural heritage and public accessibility. The Archive Module offers online access to historical maps, reducing dependence on physical archives. This not only lowers research costs but also significantly shortens data acquisition times. Users can access historical maps and spatial datasets remotely via the internet, greatly expanding the geographical and temporal reach of research efforts.

The Cultural Heritage Module has contributed to the documentation and preservation of historical monuments, architectural structures, and other cultural assets in the region. Through the integration of detailed descriptions and visual materials into the spatial database, users gain a deeper understanding and appreciation of these cultural heritage sites. This module provides researchers with a digital pre-survey and planning tool, resulting in significant time and resource savings for fieldwork.

The project's technical infrastructure and software architecture offer significant advantages in terms of sustainability. Built on open-source technologies, the system allows for the seamless integration of new datasets, additional historical periods, or different geographical regions. This ensures that the platform is not limited to Central Asia but can be extended to other regions using similar methodologies.

Furthermore, the project makes an indirect contribution to environmental sustainability. The digitization of physical documents reduces paper consumption and the need for physical reproduction and handling within archives. Additionally, the ability for researchers to work with data remotely helps reduce the carbon footprint associated with travel and physical archive usage.

Conclusion and Evaluation

This study not only presents an innovative approach to digitally preserving the historical geography of Central Asia, but also establishes the foundation for a robust digital infrastructure that can be further expanded and enriched in the future. The system has been designed with an open and flexible architecture, ensuring that it is not limited to the current datasets and functionalities. This structure allows the platform to evolve and become more comprehensive over time.

One of the most critical aspects of the system's future development is the expansion of its data coverage. Adding maps and datasets from additional historical periods will enable users to conduct analyses across a much broader temporal scope. Similarly, expanding the geographic coverage to include regions beyond Central Asia will make it possible to examine historical interactions and spatial relationships among diverse cultural and political entities from a wider perspective.

Another key area for development is the system's potential for education and public awareness. The platform can serve as a valuable digital educational tool, particularly for high schools and universities. Components such as the Time Machine and Archive Modules offer students an interactive and visual means of understanding how historical processes evolved within a spatial context. Developing a simplified, education-focused version of the platform could significantly contribute to raising awareness among younger generations about historical geography and cultural heritage.

Additionally, this project functions as a powerful digital archival infrastructure. Historical documents and maps, which are often difficult to preserve in physical form,

are now stored securely and sustainably in a digital environment. The Archive Module not only allows for the visualization of historical materials but also ensures their long-term preservation through detailed metadata structures and classification systems. This elevates the platform from being merely an active research tool to serving as a long-term historical knowledge and document preservation center. Consequently, it plays a vital role in supporting the conservation of physical archives while facilitating global access to these materials for researchers.

The contributions of this project can be summarized under the following headings:

- **Preservation of Historical and Cultural Heritage:** Physical documents and cultural assets have been digitized to ensure long-term preservation. By transforming them into spatial data structures, they have been made accessible and sustainable.
- **Support for Academic Research and Digital Accessibility:** The capability for time-based spatial analysis has added depth to research, while the web-based system offers fast and unrestricted access to historical data and maps.
- **Sustainable and Scalable Architecture:** The open-source and modular architecture facilitates the growth of the system. Moreover, the digitization process contributes to environmental sustainability by reducing paper consumption and reliance on physical archives.

In conclusion, this project offers multidimensional contributions from technical, social, cultural, and environmental perspectives and establishes a sustainable model. The digital preservation and analysis of Central Asia's rich historical geography not only support academic knowledge production but also significantly contribute to making cultural heritage accessible to broader audiences. The scalable infrastructure and flexible methodology of the project make it an applicable model not only for Central Asia but also for different geographies and historical periods around the world. In this context, the impact of digital transformation on historical geography and cultural heritage studies has been clearly demonstrated, highlighting the critical role of such digital platforms in preserving, sharing, and transmitting historical knowledge across generations. With future expansions and enhancements, the platform is expected to become an even more powerful and effective tool for both academic research and the preservation of cultural heritage.

References:

Bodenhamer, D.J., Corrigan, J., & Harris, T.M. (Eds.). (2010). *The spatial humanities: GIS and the future of humanities scholarship*. Indiana University Press. ISBN: 978-0-253-22217-6.

Goodchild, M.F. (2009). Geographic information systems and science: Today and tomorrow. *Procedia Earth and Planetary Science*. 1(1): 1037–1043. <https://doi.org/10.1016/j.proeps.2009.09.160>.

Gregory, I.N., & Ell, P.S. (2007). *Historical GIS: technologies, methodologies, and scholarship* (Vol. 39). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511493645>.

Gregory, I.N., & Geddes, A. (Eds.). (2014). *Toward spatial humanities: Historical GIS and spatial history*. Indiana University Press. ISBN: 978-0-253-01186-2

Harley, J.B., Woodward, D., Edney, M.H., Pedley, M.S., & Monmonier, M.S. (Eds.). (1987). *The history of cartography* (Vol. 1). University of Chicago Press. ISBN: 978-0-226-31633-8.

Harris, T.M., & Bergeron, S. (2018). Deep mapping and the spatial humanities: A mapping framework for community engagement. *International Journal of Humanities and Arts Computing*. 12(1): 58–76. <https://doi.org/10.3366/ijhac.2018.0206>

Knowles, A.K. (Ed.). (2002). *Past time, past place: GIS for history*. Redlands, CA: ESRI Press. ISBN: 978-1-58948-032-2.

Rumsey, D., & Williams, M. (2002). Historical maps in GIS. In A.K. Knowles (Ed.), *Past time, past place: GIS for history* (pp. 1–17). ESRI Press. ISBN 978-1-58948-032-2.

Sobotkova, A., Ross, S.A., Nassif-Haynes, C., & Ballsun-Stanton, B. (2023). Creating large, high-quality geospatial datasets from historical maps using novice volunteers. *Applied Geography*, 155, 102967. <https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2023.102967>

Southall, H. (2011). Rebuilding the Great Britain Historical GIS, Part 1: Building an indefinitely scalable statistical database. *Historical Methods: A Journal of Quantitative and Interdisciplinary History*. 44(3): 149-159. <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01615440.2011.589774>.

ИНТЕРАКТИВНАЯ КАРТА, ОТОБРАЖАЮЩАЯ ИСТОРИЧЕСКУЮ ГЕОГРАФИЮ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Бекир КАПУКАЯ¹, Небие МУСАОГЛУ²

^{1,2} *Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция*

¹bekir@cscrs.itu.edu.tr

²musaoglune@itu.edu.tr

Аннотация. Целью статьи является представление интерактивной карты исторической географии Центральной Азии посредством веб-карт на цифровой платформе, разрабатываемой в рамках одноименной научной программы. Платформа, разработанная в виде веб-приложения с использованием технологий с открытым исходным кодом и обладающая платформенно-независимой архитектурой. Эта бесплатная и доступная инфраструктура позволяет пользователям легко получать доступ к платформе с различных устройств и систем. В рамках проекта исторические карты были отсканированы и переведены в цифровой формат. Визуализация исторических событий, значимых исторических мест и маршрутов на интерактивных картах обеспечивает более наглядное и доступное изучение данных прошлого.

Эти оцифрованные карты способствуют не только сохранению и передаче исторических документов будущим поколениям, но и облегчают доступ к этим материалам. Пользователи могут просматривать данные за различные исторические периоды в многоуровневых форматах, свободно перемещаться по картам и проводить подробный анализ исторических изменений. Представление всей этой информации через единый и целостный интерфейс дает исследователям возможность проводить более глубокие исследования. Визуализируя исторические события и географические объекты на интерактивных картах, пользователи могут сравнивать ключевые аспекты прошлого с современной географической структурой, тем самым повышая осведомленность широкой общественности о важности сохранения культурного наследия. Таким образом, проект сыграет важную роль в повышении доступности культурного наследия для более широкой аудитории и содействии более глубокому пониманию этого наследия.

Ключевые слова: Геоинформационные системы, интерактивная карта, Центральная Азия, историческая география.

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ИСТОЧНИКИ, МЕТОДЫ И ПРИЛОЖЕНИЯ ГИС НА ПРИМЕРЕ «ЯШИЛ МАКОН» (УЗБЕКИСТАН «ЗЕЛЕНОЕ ПРОСТРАНСТВО»)

Гузал ШАРИПОВА ¹ (ORCID ID 0000-0003-1482-6092)

¹PhD, Кафедра История и источниковедение ислама – IRCICA,
Международной академии исламоведения Узбекистана, Ташкент, Узбекистан
g.sharipova@iiu.uz

Аннотация. Геоинформационные системы (далее ГИС) являются ключевым инструментом в современном анализе пространственных данных, находя применение в различных сферах, от урбанистики до образования. Настоящая статья посвящена анализу новых технологий в области ГИС, включая источники данных (дистанционное зондирование, IoT, открытые геопорталы), методы обработки (ИИ, облачные вычисления, пространственный анализ) и их приложения (сельское хозяйство, городское планирование, образование).

Особое внимание уделено внедрению ГИС в образовательный процесс, включая зарубежный опыт (на примере России) использования Единой коллекции цифровых образовательных ресурсов (ЦОР) и школьной ГИС «Живая география». На основе анализа литературы и практических кейсов выявлены проблемы внедрения ГИС-технологий и предложены рекомендации по их преодолению. Статья подчеркивает необходимость системного подхода к интеграции ГИС в образование и другие отрасли для повышения их эффективности.

Ключевые слова: геоинформационные системы, цифровые образовательные ресурсы, пространственный анализ, новые технологии, образование.

NEW TECHNOLOGIES: SOURCES, METHODS AND APPLICATIONS OF GIS ON THE EXAMPLE OF «YASHIL MAKON» (UZBEKISTAN «GREEN SPACE»)

Guzal SHARIPOVA¹

¹PhD, Department of History and Source Studies of Islam – IRCICA,
International Academy of Islamic Studies of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan
g.sharipova@iiu.uz

Андатпа. Geographic information systems (hereinafter GIS) are a key tool in modern spatial data analysis, finding application in various fields, from urban studies to education. This article analyzes new technologies in the field of GIS, including data sources (remote sensing, IoT, open geoportals), processing methods (AI, cloud computing, spatial analysis) and their applications (agriculture, urban planning, education).

Particular attention is paid to the implementation of GIS in the educational process, including foreign experience (using Russia as an example) of using the Unified Collection of Digital Educational Resources (DER) and the school GIS «Living Geography». Based on the analysis of literature and practical cases, problems in the implementation of GIS technologies are identified and recommendations for overcoming them are proposed. The article emphasizes the need for a systematic approach to integrating GIS into education and other industries to improve their efficiency.

Keywords: geographic information systems, digital educational resources, spatial analysis, new technologies, education.

Введение

Геоинформационные системы представляют собой интегрированные программно-аппаратные комплексы для сбора, хранения, анализа и визуализации пространственных данных (Шокин, Потапов, 2015). С развитием технологий, таких как дистанционное зондирование Земли (Сутырина, 2013). (Д33), искусственный интеллект (ИИ) и облачные вычисления, ГИС превратились в мощный инструмент для решения задач в различных отраслях, включая городское планирование, сельское хозяйство, экологию и образование (Dangermond, Goodchild, (2020). В условиях цифровизации и глобализации доступ к пространственным данным стал более открытым, что стимулирует разработку новых источников, методов и приложений ГИС.

Образование является одной из перспективных сфер применения ГИС, где они используются для обучения пространственному мышлению, анализа данных и моделирования. Постепенно во многих странах Центральной Азии и в том числе России внедрение ГИС в образовательный процесс поддерживается инициативами, такими как проект «Информатизация системы образования» (Россия, ИСО) и Единая коллекция цифровых образовательных ресурсов (Россия, ЦОР) и «Яшил макон» (Узбекистан «Зеленое пространство») (Gazeta.uz, 2022). Так, например, при рассмотрении положительного влияния геоинформационных систем (ГИС) в Республике Узбекистан, следует с того, что ГИС представляют собой мощный инструмент для сбора, хранения, анализа и визуализации пространственных данных, который находит широкое применение в различных сферах, включая управление природными ресурсами, городское планирование, сельское хозяйство и охрану окружающей среды. В Республике Узбекистан ГИС-технологии активно внедряются в государственные и научные инициативы, способствуя устойчивому развитию, повышению эффективности управления и решению экологических проблем. Одним из значимых шагов в этом направлении стало открытие Центра мониторинга геоинформационных систем и экологии, созданного при поддержке Государственного комитета по экологии и охране окружающей среды (Госкомэкологии).

В частности, 5 декабря 2024 года в Узбекистане состоялась церемония открытия «Центра мониторинга геоинформационных систем и экологии», созданного в структуре Научно-исследовательского института окружающей среды и природоохранных технологий при поддержке Субрегионального офиса ООН для Центральной Азии (UNEP) и Института географии Российской академии наук (Eco.gov.uz, 2025). Этот центр стал важным шагом в укреплении научно-практической базы для решения экологических проблем и мониторинга природных ресурсов. В число основных функций центра входят нижеследующие задачи: проведение научно-практических исследований в области экологии и охраны окружающей среды, что позволяет разрабатывать обоснованные решения на основе актуальных данных; мониторинг зеленого покрова в рамках национального проекта «Яшил макон» («Зеленое пространство»), направленного на озеленение территории Узбекистана. С использованием ГИС-технологий центр отслеживает состояние высаженных саженцев и уровень озеленения, что способствует эффективной реализации экологических инициатив; анализ данных для разработки новых проектов, которые служат основой для принятия управленческих решений и реализации инновационных экологических программ.

Следует подчеркнуть, что применение ГИС в работе центра позволяет собирать и анализировать пространственные данные, такие как спутниковые снимки и карты растительного покрова, что повышает точность мониторинга и обеспечивает

прозрачность в управлении экологическими проектами. Например, возможность отслеживать изменения в зеленом покрове в реальном времени помогает выявлять районы, требующие дополнительных мер по озеленению, и оценивать эффективность посадок в рамках «Яшил макон».

В современный период следует отметить положительную динамику, которая сопровождается экологическим мониторингом в регионе. Так, например следует выделить ключевые аспекты позитивного влияния ГИС.

Во-первых, технологии-ГИС играют ключевую роль в управлении природными ресурсами и мониторинге окружающей среды. Центр мониторинга ГИС и экологии, созданный при Госкомэкологии, использует пространственные данные для анализа состояния экосистем, что способствует реализации целей устойчивого развития, включая борьбу с изменением климата и сохранение биоразнообразия. Например, ГИС позволяет выявлять зоны деградации земель, отслеживать изменения в водных ресурсах и разрабатывать меры по их восстановлению, что особенно актуально для аридных регионов Узбекистана (Krutikov, et.al., 2004).

Во-вторых, управление природными ресурсами ГИС активно применяются в Узбекистане для управления земельными и водными ресурсами. ГИС-технологии используются государственными организациями для картирования почв, планирования землепользования, рекультивации земель и управления водными ресурсами. В частности, в условиях значительных площадей орошаемых земель (около 1 млн га) ГИС помогают контролировать процессы засоления и заболачивания, оптимизируя дренажные системы и повышая эффективность сельскохозяйственного производства (Курбанов, 2020).

В-третьих, создание Национальной геоинформационной системы. В 2013 году Президент Узбекистана Ислам Каримов подписал постановление о создании Национальной геоинформационной системы (НГИС), что стало частью проекта электронного правительства (Lex.uz, 2025). Проект, поддержанный кредитом в размере 15 млн долларов от Экспортно-импортного банка Кореи, был направлен на разработку единой системы государственного кадастра и оценки природно-экономического потенциала страны. НГИС обеспечивает доступ государственных органов, юридических лиц и граждан к кадастровой информации, что улучшает качество государственных услуг, включая электронные, и повышает прозрачность управления (Насрулин, Шаазизов, 2015). Это также открывает возможности для частных компаний, которые могут использовать геопропространственные данные для создания новых сервисов, таких как мобильные приложения для навигации.

В-четвертых, улучшение управления в чрезвычайных ситуациях ГИС-технологии активно применяются в Узбекистане для управления чрезвычайными ситуациями. В 2022 году Министерство по чрезвычайным ситуациям (МЧС) Узбекистана совместно с британской организацией MapAction провело тренинг для 23 сотрудников центрального аппарата и территориальных подразделений по использованию ГИС и картографирования в чрезвычайных ситуациях. Участники освоили программное обеспечение QGIS, что повысило их способность оперативно анализировать пространственные данные для оценки зон бедствия и планирования спасательных операций (Reliefweb, 2025). С 2019 года подобные тренинги обучили более 220 специалистов из Узбекистана, Казахстана и Кыргызстана, что свидетельствует о региональном значении таких инициатив.

В-пятых, переход к международным геодезическим системам координат можно отнести принятый в 2017 году Кабинетом Министров Узбекистана постановление № 1022 «О применении и открытом использовании международных геодезических

систем координат на территории Республики Узбекистан», что позволило отказаться от устаревшей системы координат (Lex.uz, 2025b). Этот переход, инициированный Государственным комитетом по земельным ресурсам, геодезии, картографии и государственному кадастру, способствовал созданию Национальной геоинформационной системы и единой системы кадастрового учета. Открытые геопространственные данные улучшили качество государственных услуг, упростили регистрацию недвижимости и создали условия для разработки конкурентоспособных картографических сервисов, аналогичных Google Maps (Gisresources, 2025).

В-шестых, следует отметить академическое обоснование и перспективы данной отрасли. Например, применение ГИС в Узбекистане демонстрирует их многогранный вклад в устойчивое развитие и модернизацию государственного управления. Согласно исследованиям, ГИС позволяют интегрировать разнородные данные (например, спутниковые снимки, демографические данные, климатические показатели), обеспечивая комплексный анализ и визуализацию, что особенно важно для принятия обоснованных решений в условиях ограниченных ресурсов (ADB, 2025). В Узбекистане, где экологические проблемы, такие как деградация земель и дефицит водных ресурсов, остаются актуальными, ГИС становятся незаменимым инструментом для мониторинга и управления. Примеры международного опыта подтверждают потенциал ГИС. Например, в США ГИС используются для управления чрезвычайными ситуациями, позволяя в реальном времени определять зоны бедствия и планировать эвакуацию (National Geographic, 2025). В Узбекистане аналогичный подход, реализованный через тренинги МЧС и работу Центра мониторинга ГИС, укрепляет готовность к природным и техногенным катастрофам.

В заключение следует отметить, что геоинформационные системы вносят значительный вклад в развитие Узбекистана, обеспечивая эффективное управление природными ресурсами, экологический мониторинг и повышение качества государственных услуг. Создание Центра мониторинга ГИС и экологии, реализация Национальной геоинформационной системы и обучение специалистов МЧС демонстрируют приверженность страны к цифровизации и устойчивому развитию. Эти инициативы, подкрепленные международным сотрудничеством и научными исследованиями, создают прочную основу для дальнейшего внедрения ГИС в различные сферы. Продолжение инвестиций в ГИС-технологии и подготовку кадров позволит Узбекистану эффективно решать экологические и социально-экономические вызовы, укрепляя позиции в регионе и мире.

Источники:

Dangermond, J., Goodchild, M.F. (2020). Building geospatial infrastructure. *Geo-Spatial Information Science*. 23(1): 1–9.

Krutikov, A.D., Saidov, R.R., & Yakubov, S.K. (2004). Using RS and GIS in Uzbekistan: Natural resources management applications. *GIM International*. 18(8): 60–63.

ADB (2025). <https://blogs.adb.org/blog/how-growing-use-geographic-information-systems-can-benefit-society> (30.04.2025 дата обращения)

Eco.gov.jz (2025). <https://eco.gov.uz/ru/site/news?id=1861> (дата обращения 30.04.2025)

National Geographic (2025). <https://education.nationalgeographic.org/resource/geographic-information-system-gis/> (30.04.2025 дата обращения)

Gisresources (2025). <https://gisresources.com/uzbekistan-will-apply-international-geodetic-coordinate-systems-territory/> (дата обращения 30.04.2025)

Lex.uz (2025a). <https://lex.uz/docs/2242710> (дата обращения 30.04.2025)

Lex.uz (2025b). <https://lex.uz/docs/3481466> (дата обращения 30.04.2025)

Reliefweb (2025). <https://reliefweb.int/report/uzbekistan/officers-ministry-emergency-situations-uzbekistan-improved-their-capacity-use-gis> (дата обращения 30.04.2025)

Gazeta.uz (2022). <https://www.gazeta.uz/ru/2022/12/05/gis/#!> (дата обращения 30.04.2025)

Курбанов, Б.Т. (2020). Решение технологических принципов комплексного анализа окружающей среды на основе ГИС-технологий и методов математического моделирования. *InterCarto. InterGIS. GI support of sustainable development of territories: Proceedings of the International conference*. Moscow: Moscow University Press. Т. 26, Ч. 1: 242–256. DOI: 10.35595/2414-9179-2020-1-26-242-256

Насрулин, А.Б., Шаазизов, Ф.Ш. (2015). Опыт разработки критериев системы гидроэкологического мониторинга на базе гис-технологий для изучения природных и техногенных процессов, влияющих на безопасную эксплуатацию гидротехнических сооружений Узбекистана. Анализ, прогноз и управление природными рисками в современном мире, ГЕОРИСК-2015, 500-506).

Сутырина, Е.Н. (2013). Дистанционное зондирование земли. Иркутск: Изд-во ИГУ.

Шокин, Ю.И., Потапов, В.П. (2015). ГИС сегодня: состояние, перспективы, решения. *Вычислительные технологии*. 20(5): 175–213.

ЖАҢА ТЕХНОЛОГИЯЛАР: «ЯШИЛ МАКОН» (ӨЗБЕКСТАН «GREEN SPACE») МЫСАЛЫНДАҒЫ ГАЖ КӨЗДЕРІ, ӘДІСТЕРІ ЖӘНЕ ҚОЛДАНЫЛУЫ

Гузал ШАРИПОВА¹

¹*PhD, IRCICA - Ислам тарихы және деректану бөлімі,
Өзбекстанның халықаралық исламтану академиясы, Ташкент, Өзбекстан
g.sharipova@iiu.uz*

Аңдатпа. Географиялық ақпараттық жүйелер (бұдан әрі – ГАЖ) қалатанудан бастап білімге дейінгі әртүрлі салаларда қолдануды табатын заманауи кеңістіктік деректерді талдаудың негізгі құралы болып табылады. Бұл мақалада ГАЖ саласындағы жаңа технологиялар, соның ішінде деректер көздері (қашықтықтан зондтау, IoT, ашық геопорталдар), өңдеу әдістері (AI, бұлттық есептеулер, кеңістіктік талдау) және олардың қолданулары (ауыл шаруашылығы, қала құрылысы, білім беру) талданады. Білім беру процесіне ГАЖ енгізуге, соның ішінде цифрлық білім беру ресурстарының бірыңғай жинағын (РБЖ) және «Тірі география» мектебінің ГАЖ пайдаланудың шетелдік тәжірибесін (мысал ретінде Ресейді пайдалана отырып) енгізуге ерекше назар аударылады. Әдебиеттер мен тәжірибелік жағдайларды талдау негізінде ГАЖ технологияларын енгізудегі проблемалар анықталып, оларды жою бойынша ұсыныстар ұсынылады. Мақалада олардың тиімділігін арттыру үшін ГАЖ-ны білім беру және басқа да салаларға енгізуге жүйелі көзқарас қажет екендігі атап өтілген.

Түйін сөздер: географиялық ақпараттық жүйелер, цифрлық білім беру ресурстары, кеңістіктік талдау, жаңа технологиялар, білім.

АЛАКӨЛ АЛАБЫНЫҢ ЛАНДШАФТТЫҚ ӘРТҮРЛІЛІГІН ГЕОАҚПАРАТТЫҚ КОМПОНЕНТТІК ТАЛДАУ ЖӘНЕ ARCGIS АРҚЫЛЫ КАРТОГРАФИЯЛАУ НӘТИЖЕЛЕРІ

Жанар ӨЗГЕЛДИНОВА ¹ (ORCID ID 0000-0001-6004-9066)

Жандос МҰҚАЕВ ² (ORCID ID 0000-0003-0538-2645)

¹Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

²Шәкәрім университеті, Семей, Қазақстан

alakol@semgu.kz

Аңдатпа. Қазіргі таңда табиғи ресурстарды тиімді пайдалану және қоршаған ортаны қорғау мәселесі география ғылымының маңызды зерттеу нысанына айналып отыр. Осы тұрғыда Алакөл алабының ландшафттық әртүрлілігін зерттеу аймақтың болашақтағы даму бағытын анықтауда маңыз зор.

Мақалада авторлар Алакөл алабы аумағындағы ландшафттық құрылымдардың кеңістіктік ұйымдасуы мен компоненттік ерекшеліктері қарастырады. Зерттеу барысында ArcGIS геоақпараттық жүйесінің мүмкіндіктері пайдаланыла отырып, кеңістіктік деректер негізінде ландшафттық карта әзірленді. Ландшафттарды жүйелі-иерархиялық жіктеу арқылы 44 жеке ландшафт бірлігі айқындалып, олардың геологиялық-геоморфологиялық, топырақтық және биологиялық сипаттамалары кешенді түрде талданды.

Зерттеу нысанына алынған аймақтың ландшафттық әртүрлілігін бағалау классификациялық категориялар басты және қосымша тақырыптар ретінде бөлінген: кластар (жазықтық және таулы ландшафттар), жазықтық ландшафттардың типтері (далалық, шөлейттік және шөлдік ландшафттар), таулы ландшафттардың типтері (нивальдық, таулы шалғындық, ормандық, орманды далалық, далалық, шөлейттік, шөлдік ландшафттар), түрлер (солтүстік дала, оңтүстік дала, солтүстік шөл ландшафттар арқылы жүзеге асырылды. Аталған зерттеу нәтижелері аймақтық ландшафттану мен табиғи ресурстарды тиімді пайдалану стратегияларын әзірлеуде ғылыми-тәжірибелік мәнге ие.

Түйін сөздер: Алакөл алабы, ландшафттану, ландшафттық карта, ландшафттық әртүрлілік, ArcGIS геоақпараттық жүйе, табиғи-территориялық кешен.

GEOINFORMATIONAL COMPONENT ANALYSIS AND CARTOGRAPHIC RESULTS OF LANDSCAPE DIVERSITY IN THE ALAKOL BASIN USING ARCGIS

**Zhanar OZGELDINOVA¹,
Zhandos MUKAYEV²**

¹L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

*²Shakarim University, Semey, Kazakhstan,
alakol@semgu.kz*

Abstract. Currently, the efficient use of natural resources and environmental protection have become key research areas in the field of geography. In this context, the study of landscape diversity in the Alakol basin is of great importance for determining the future development direction of the region.

This article explores the spatial organization and component features of landscape structures within the Alakol basin. Using the capabilities of the ArcGIS geographic information system, a landscape map was developed based on spatial data. Through a systematic-hierarchical classification of landscapes, 44 distinct landscape units were identified, and their geological-geomorphological, soil, and biological characteristics were comprehensively analyzed.

The assessment of landscape diversity in the study area was carried out by distinguishing classification categories into main and additional topics: classes (plain and mountain landscapes), types of plain landscapes (steppe, semi-desert, and desert), types of mountain landscapes (nival, mountain meadow, forest, forest-steppe, steppe, semi-desert, and desert), and subtypes (northern steppe, southern steppe, northern desert landscapes). The results of this study have scientific and practical significance for regional landscape science and the development of strategies for the efficient use of natural resources.

Keywords: Alakol basin, landscape studies, landscape map, landscape diversity, ArcGIS geographic information system, natural-territorial complex.

Кіріспе

Қазіргі таңда табиғи ресурстарды ұтымды пайдалану мен қоршаған ортаны қорғау мәселесі география ғылымының өзекті бағытына айналды (Қалмырзаев, 2012).

Ландшафттық әртүрлілікті зерттеу – қазіргі география ғылымының өзекті бағыттарының бірі. Табиғи-территориялық кешендердің құрылымын, кеңістіктік таралуын және ішкі компоненттік байланысын анықтау экологиялық тепе-теңдікті сақтау, ресурстарды ұтымды пайдалану және аумақтық жоспарлау мақсатында маңызды. Қазақстан аумағындағы ерекше экожүйелердің бірі – Алакөл алабы. Оның табиғи-географиялық жағдайларының күрделілігі, сондай-ақ шегаралық мәртебесі, бұл аумақты ландшафттық зерттеудің өзектілігін арттыра түседі.

Орографиялық тұрғыдан Алакөл көлі алабының аумағы солтүстіктен Тарбағатай жотасымен, оңтүстікте Жетісу Алатауы, шығысы мен оңтүстік-шығысында Барлық жотасымен шектеледі. Барлық жотасы мен Жетісу Алатауының арасында Жоңғар қақпасы деп аталатын тар тау өткелі орналасқан. Батыс бөлігінде Алкөл көлі ойпаты шегарасы шартты, себебі мұнда айқын табиғи шегаралар байқалмайды.

Зерттеудің мақсаты – ArcGIS геоақпараттық жүйесі негізінде Алакөл алабының ландшафттық әртүрлілігін бағалап, ландшафттық картасын әзірлеу.

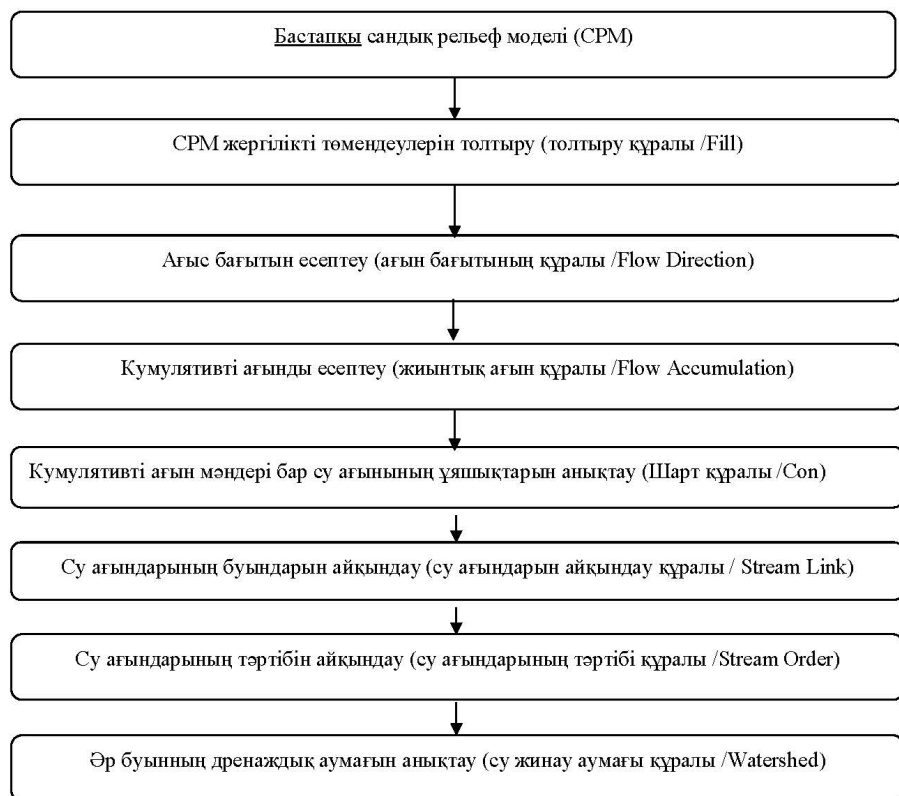
Осы мақсатқа жету үшін Алакөл алабының физика-географиялық жағдайын сипаттау, ландшафттық классификация жүйесін анықтау, ArcGIS арқылы карта жасау әдістемесін қолдану, ландшафттық әртүрлілікті бағалау міндеттері қойылды.

Зерттеу нысаны – Алакөл алабы, оның ішінде көл маңы және оған жапсарлас жатқан табиғи кешендер.

Зерттеу әдістері: геоақпараттық талдау (ArcGIS платформасында), ландшафттық картографиялау әдісі, ландшафттық классификациялау (типологиялық және генетикалық тұрғыдан), еңістіктік талдау және визуализация.

Мақала «Алакөлдің табиғи, тарихи-мәдени ландшафттық әлеуетін кешенді талдау және рекреациялық туризмді дамытудың тиімді тетіктерін әзірлеу» бағдарламасы аясында 2024 жылғы кеңістіктік деректер негізінде жүзеге асырылды (BR24992981). Ландшафттық бірліктерді жіктеу барысында жүйелі-иерархиялық тәсіл қолданылды, оған сәйкес ландшафттар кластар, типтер және түрлер деңгейінде сарапталды.

Алакөл алабы SRTM (30 м) деректері негізінде жасалған цифрлық рельеф моделін пайдалана отырып (URL:<http://srtm.csi.cgiar.org>), ArcGIS 10.8 стандартты бағдарламасы көмегімен (1-сурет) анықталып, құрастырылды (URL: <https://pro.arcgis.com>).

1-сурет. Алакөл көлі алабының ArcGIS 10.8 стандартты құралдарымен анықтау кезеңдері.

Алакөл алабының аумағын компоненттік зерттеу нәтижесінде карталарда 44 ландшафт анықталды, олар типологиялық топтастыру және кейіннен құрылымдық-генетикалық классификация нәтижесінде иерархиялық тізбекке орналастырылды. Алакөл алабының ландшафттарын картографиялауға компоненттік зерттеулердің (геология, геоморфология, топырақ және өсімдіктер), Landsat 9 спутниктік суреттерінің (URL: <https://www.usgs.gov/landsat-missions>), GPS байланысымен экспедициялық зерттеулердің нәтижелері, 1:500 000 масштабтағы топографиялық карталар және басқа да деректер пайдаланылды (2-сурет).

2-сурет. Ландшафттарды геоақпараттық картографиялау блок-схемасы.

Алакөл алабының ландшафтық картасын жалпылау үшін Қазақстанның ландшафтық картасы қолданылды, ол Л.К. Веселова мен Г.В. Гельдиеваның құрастырған картасы негізінде жасалған (Веселова, Гельдиева, 2008). Құрастырылған Алакөл алабының ландшафтық картасы бөлінген жеке ландшафттардың генетикалық шығу тегін толық көрсетеді.

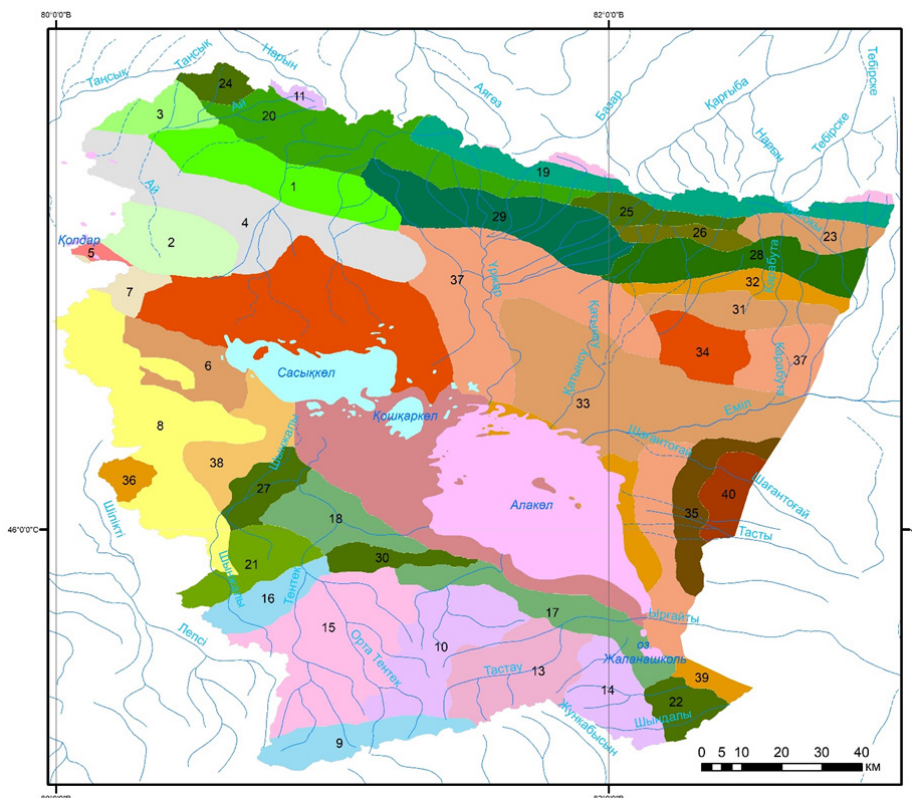
Ландшафттарды классификациялау мен ландшафтық картаның легендасын құрастыру негізіне жүйелі-иерархиялық тәсіл алынған. Легендада келесі классификациялық категориялар басты және қосымша тақырыптар ретінде

бөлінген: кластар (жазықтық және таулы ландшафттар), жазықтық ландшафттардың типтері (далалық, шөлейттік және шөлдік ландшафттар), таулы ландшафттардың типтері (нивальдық, таулы шалғындық, ормандық, орманды далалық, далалық, шөлейттік, шөлдік ландшафттар), түрлер (солтүстік дала, оңтүстік дала, солтүстік шөл ландшафттар) (3-сурет).

Жазық ландшафттар далалық, шөлейт және шөлді зоналардан тұрады, алаптың жалпы аумағының 7566 км² немесе 18,95%-ын құрайды (Байтілеуова, 2020).

Алакөл алабының дала ландшафттары Орталық Азияның дала аймақтарына тән табиғи жағдайлардың алуантүрлілігімен сипатталады. Алакөл алабының дала ландшафттары, негізінен, далаға тән денудациялық жазықтармен ұсынылған, олар кішігірім көтерілімдер мен төбелермен алмасып отырады.

Бұл аймақтың климаты шұғыл континентальды: жазда өте ыстық, ал қыста суық. Жазғы температура +30°C-қа дейін жетуі мүмкін, ал қыста –30°C-қа дейін төмендейді. Мұндай экстремалды температуралық ауытқулар топырақ-өсімдік жамылғысының қалыптасуына әсер етеді. Аймақта жусан, астық тұқымдас шөптер және әртүрлі бұталар сияқты осы өңірге тән өсімдіктердің бай алуан түрлерімен сипатталатын дала өсімдіктері басым.

3-сурет. Алакөл көлі алабының ландшафттық картасы.

№	Ландшафт түрлерінің топтары/топшалар (картадағы №, 1-сурет)
I	ЖАЗЫҚТЫҚ ЛАНДШАФТТАР
1	Далалық
1а	Оңтүстік далалық <i>Денудациялық</i> 1. Дамымаған қоңыр топырақта бұталы-лессті жусанды өсімдік өскен жоңды-толқынды жазық. 2. Қара қоңыр дамымаған топырақта ерменжусанды-астық тұқымдас өсімдік өскен жалды-толқынды жазықтық. 3. Қоңыр дамымаған сор топырақпен үйлескен лессті жусанды-бозды өсімдік өскен жеке күмбезді шыңды толқынды жазық.
2	Шөлейтті <i>Денудациялық</i> 4. Кәдімгі қоңыр және ашық қоңыр дамымаған ашық қоңыр сортаңды топырақта жусанды өсімдік өскен толқынды-шоқылы жазық.
3	Шөлді
3а	Солтүстік <i>Аккумулятивті</i> 5. Тақырлы, қоңыр сортаңды, сондай-ақ кәдімгі қоңыр және құмды топырақта сұр жусанды және эфемерлі-сұр жусанды өсімдік өскен көлді-аллювийлі жазықтық. 6. Тақырлы, қоңыр сортаңды, сондай-ақ кәдімгі қоңыр және құмды топырақта сұр жусанды және боялышты-сұр жусанды өсімдік өскен көлдік-аллювийлік жазық. 7. Кәдімгі қоңыр және құмды топырақта терескенді-сұр жусанды өсімдікте эолды жазық. 8. Құмды және кәдімгі қоңыр топырақ аралас еркек жусан, сұр жусан өсімдік өскен эолды жазық.
II	ТАУЛЫ ЛАНДШАФТТАР
1	Нивалды <i>Тектоникалық-денудациялық таулар</i>
2	9. Қазіргі мұздану тән альпілік рельеф формалы, сирек гүлді өсімдік өскен, қыналар мен мүктер кездесетін биік тау. Таулы-шалғынды <i>Тектоникалық-денудациялық таулар</i>
3	10. Таулы-шалғынды және биік таулы шалғынды-дала топырақта ежелгі мұздық рельеф формалы субальпілік және альпілік шалғындықтар, дала-шалғындары және батпақты шалғындықтар таралған биік тау. 11. Таулы-шалғынды, сазды шалғында шалғынды-сазды топырақта субальпілік және альпілік шалғынды тегістелген беткейлі орташа тау. 12. Таулы-шалғынды, сазды шалғында шалғынды-сазды топырақта альпілі шалғынды тегістелген беткейлі орташа тау. Орманды <i>Тектоникалық-денудациялық таулар</i>
4	13. Таулы қара топырақта және таулы-орманды сұр топырақта таулы балқарағай орманды мен бұталы орташа тау. 14. Таулы-орманды және таулы-шалғынды топырақта шыршалы орманды, көп бұталы, шалғынды төбелі-қырқалы орташа тау. 15. Таулы-орманды және таулы-шалғынды топырақта майқарағай орманды, шалғындық учаскелермен қырқалы-жалды орташа тау. Орманды далалы <i>Тектоникалық-денудациялық таулар</i>
5	16. Таулы қара, таулы сарғылт және таулы шалғынды-дала топырақта алма орманды, шалғынды және шалғынды далалы аласа тау.

	Далалы Тектоникалық-денудациялық таулар 17. Таулы қара топырақта және таулы қызғылт топырақта бұталы, әртүрлі шөпті шалғынды бетегелі және селеулі-бетегелі таулы өсімдік өскен қатпарлы орташа тау. 18. Таулы қара және таулы қызғылт топырақта әртүрлі шөпті шалғындар кездесетін бетегелі және селеулі-бетегелі таулы өсімдік өскен қатпарлы- жонды орташа тау. 19. Таулы қара және таулы қызғылт топырақта бетегелі және селеулі-бетегелі таулы өсімдік өскен қатпарлы орташа тау. 20. Таулы қара және таулы қызғылт топырақта сұлыбас-қызылселеулі және бұталы-бетегелі-қызылселеулі өсімдік өскен жонды аласа тау. 21. Таулы қызғылт топырақта бұталар мен әртүрлі шөпті шалғындар кездесетін бетегелі және селеулі-бетегелі таулы өсімдік өскен жонды-жоталы аласа тау. 22. Таулы қызғылт топырақта әртүрлі шөпті шалғындар кездесетін селеулі-бетегелі таулы өсімдік өскен жонды-жоталы аласа тау. 23. Таулы қара және таулы қызғылт топырақта бұталы-сұлубасты-қызылселеулі және бетегелі - қызылселеулі өсімдік өскен дөңді аласа тау. 24. Таулы қара және таулы қызғылт топырақта бұталы-сұлубасты-қызылселеулі және бұталы-бетегелі-қызылселеулі өсімдік өскен дөңді- жоталы аласа тау. 25. Таулы қара және таулы қызғылт топырақта бұталы-бетегелі-қызылселеулі өсімдік өскен дөңді-жоталы аласа тау. 26. Таулы қара және таулы қызғылт топырақта бұталы-сұлубасты-қызылселеулі және бұталы-бетегелі-қызылселеулі өсімдік өскен дөңді- жоталы аласа тау. 27. Кәдімгі қара топырақта бетегелі-қызылселеулі өсімдік өскен жонды тау бөктері. 28. Кәдімгі қара топырақта бұталы-бетегелі-қызылселеулі өсімдік өскен жонды тау бөктері. 29. Кәдімгі қара топырақта бұталы-бетегелі-қызылселеулі өсімдік өскен дөңді-жонды тау бөктері. 30. Таулы-қара және таулы қызғылт топырақта селеулі-бетегелі таулы өсімдік өскен және бұталар кездесетін тауішілік делювиалды-пролювиалды жазық.
6	
7	Шөлейтті 31. Таулы қызғылт толық дамымаған топырақта бұталы-бетегелі өсімдік өскен аласа тау. 32. Қызғылт және таулы топырақта бұталы-жусанды-қылқанселеулі өсімдік өскен тау етегіндегі аллювиалды-пролювиалды жазықты. 33. Құмдар мен сұр-қоңыр топырақта әртүрлі шөпті, жусанды-еректі өсімдік өскен тау аралық эолды жазық. Шөлді 34. Солтүстік қалыпты сұр топырақта сұр жусанды, эфемерлі-сұр жусанды, күйреуік-сұр жусанды өсімдік өскен дөңді-жонды тау бөктері. 35. Сұр және шалғынды-сұр сортаңды-сор топырақта дөңді-сұр жусанды, чие тәрізді ажырлы шалғынды өсімдік өскен тау етегіндегі аллювиалды-пролювиалды жазықты. 36. Сұр және сұр – сортаңды топырақта дөңді-сұржусанды өсімдік өскен тау етегіндегі аллювиалды-пролювиалды жазықты. 37. Қалыпты сұр-қоңыр және шалғынды-қоңыр топырақта сұр жусанды, эфемерлі-сұр жусанды, боялды-сұр жусанды, күйреуік-сұр жусанды өсімдік өскен тау етегіндегі аллювиалды-пролювиалды жазық. 38. Шалғынды-қоңыр және шалғынды топырақта көкпек, қара жусан-көкпек, швед-көкпек, бұйырғын-көкпек өсімдіктері өскен тау етегіндегі аллювиалды-пролювиалды жазық. 39. Сұр-қоңыр топырақта тасбұйырғынды, бұйырғынды-тасбұйырғынды, сексеуіл-тасбұйырғынды өсімдік өскен тауішілік делювиалды-пролювиалды жазық. 40. Қалыпты сұр-қоңыр, шалғынды-қоңыр және шалғынды-күкіртті топырақта шалғынды сортаңдағы сарсазан, қарабарак, обион өсімдік өскен тау аралық көлді-аллювиалды жазық 41. Шалғынды, сор, шалғынды-батпақты топырақта түйнекшөпті шалғынды өсімдік

	өскен таулы көл-аллювиалды жазық 42. Шалғынды-батпақты топырақта қамыс және түйнекшөпті-шалғынды өсімдік өскен тау аралық көлді-аллювиалды жазық. 43. Сұр-қоңыр және шалғынды-қоңыр топырақта сұр жусан, эфемерлі-сұр жусан, боялды-сұр жусан өсімдік өскен тау аралық көлді-аллювиалды жазық. 44. Сортанды сұр-қоңыр және шалғынды-қоңыр топырақта эфемерлі-сұр жусанды, боялды-сұр жусанды, күйреуікті-сұр жусанды өсімдік өскен тау аралық көлді-аллювиалды жазық.
--	---

Алакөл алабының шөлейт аумағы белгілі бір табиғи жағдайлар мен геожүйелермен сипатталатын аумақтың едәуір бөлігін алып жатыр. Шөлейт зонасы жазық ландшафттардың 25,9% құрайды. Бұл дала мен нағыз шөлдер арасындағы аралық аймақ. Алаптың шөлейт аймағының рельефі құмды, эффузивті және туф шөгінділері бар денудациялық сәл толқынды жазықтармен сипатталады. Жеке төбелері мен төбелері бар салыстырмалы түрде тегіс жерлер басым. Алакөл бассейнінің шөлейт аймағындағы климаты шұғыл континенталды, температураның айқын маусымдық ауытқулары бар. Жазы ыстық, температурасы 30-35°C-қа жетеді, кейбір жылдары ауа температурасы 40°C-тан асуы мүмкін. Қысы суық, температурасы -25°C-қа дейін, ал кейбір жылдары -30°C-қа дейін төмендейді. Олар жартылай шөлді шөпті және бұталы өсімдіктермен, сондай-ақ тұзды топырақтармен (тұзды батпақтармен) жабылған.

Шөлді зонаға Арғанаты тауының солтүстік-шығыс бөлігі, Қарақұм және Сарықұм құмдары жатады. Бұл жер бедері сазды, саздақ және құмды эолды-бұдырлы мен көлдік-аллювийлік жазықтармен ерекшеленеді. Көбінесе бұл көл ойпаттары болып табылады. Олар құба, шөлейтті құба және сор топырақ қабаттарынан түзілген. Алакөл көлі алабының шөл аймағының климаты шұғыл континентальды, қысы суық, жазы ыстық. Жазда температура +40°C дейін жетуі мүмкін, ал қыста бұл аймақта -30°C дейін аяз болады. Шөлді аумақта жауын-шашын өте аз, бұл құрғақшылықтың қалыптасуына ықпал етеді. Бұл аймақтың рельефі негізінен жазық, кішкентай төбелер мен құмды дюналармен ерекшеленеді. Шөл аймағының өсімдік жамылғысы дамымаған және жусан, солерос, ксерофитті шөптер мен бұталар (мысалы, сексеуіл) сияқты құрғақшылыққа төзімді өсімдіктер өседі. Бұл өсімдіктер температураның қатты ауытқуына және ылғалдың жетіспеушілігіне бейімделген.

Алакөл алабының (Қазақстан мен Қытай шеғарасында орналасқан) таулы ландшафттары геологиялық және климаттық факторларға байланысты табиғи ерекшеліктерінің алуан түрлілігімен сипатталады. Алакөл көлі алабының көп бөлігін таулы ландшафттар алып жатыр (32360,3 км², 81,05%). Ландшафттардың таулы класы алаптың негізін, Алакөл және Сасықкөл көлдерінің жүйесін құрайды. Алаптың солтүстік бөлігінде Тарбағатай жотасы орналасқан, онда Емел, Қатынсу және Үржар негізгі өзен артериялары, Қытай Халық Республикасының аумағындағы Бірліктау жотасының батысында және алаптың оңтүстік бөлігінде Күнгей, Тастау және Жетісу (Жоңғар) Алатауы жоталары орналасқан. Сондай-ақ, мұнда негізгі төрт өзен артериясының бірі Тентек өзені бастау алады. Тау ландшафттары шегінде 36 жеке ландшафт бөлінген.

Алакөл көлі алабының таулы ландшафттарының орманды аймағы негізгі қылқанды ағаш түрлерінен тұрады, олар: шырша, майқарақұм, қарағай, балқарағай. Бұл ағаштар жергілікті биіктіктер мен климаттық жағдайларға байланысты орманды аймақтарды құрайды. Көлге құятын өзендердің алаптарында шырша басым, ал биіктіктердің жоғарылауымен балқарағай ормандары кеңейеді. Оңтүстік пен оңтүстік-шығыста ылғалдылықтың төмендеуімен қарақылқанды ағаштар ашық қылқанды ағаштармен ауысады, сонымен қатар бұталар мен шалғынды-далалы, альпілік

шөптер басым болады. Аймақтың тау-шалғынды ландшафттары – субальпілік және альпілік шалғындар. Субальпілік шалғындар орманды шалғындарға ұқсас келеді. Ылғалдылықтың жоғары болуына байланысты өсімдіктердің биіктігі 1,5 метрге дейін жетеді. Мұнда марал тамыры (*Rhapónticum carthamoídes*), көкпішендер, ірі жапырақты майшабақ, кеңжапырақты соссюроя (*Sossure latifolia*), түрліжапырақты бодяк (*Cirsium heterophýllum*) өседі. Биіктікке көтерілген сайын субальпілік шалғындар альпілік шалғындармен ауысады. Альпілік шалғындар орташа шөп биіктігімен, түрлердің көптүрлілігімен және жарқын түстерімен ерекшеленеді. Мұнда Алтай бақбақтары, жылтыр таужыныс, жыланқұйрық гүлдері, Алтай қияқтары және көптеген шөптер: шалғындық, хош иісті қоқиық, альпілік тимофеевка және басқа да өсімдіктер өседі.

Алакөл көлі алабының аумағын компоненттік зерттеу нәтижесінде карталарда 44 ландшафт анықталды, олар типологиялық топтастыру және кейіннен құрылымдық-генетикалық классификация нәтижесінде иерархиялық тізбекке орналастырылды. Құрастырылған Алакөл алабының ландшафттық картасы бөлінген жеке ландшафттардың генетикалық шығу тегін толық көрсетеді.

Осылайша, табиғи факторлар мен жағдайларының өзара әсері ландшафттардың аумақтық дифференциациясын және Алакөл аумағының ерекшеліктері: орналасуы, жер бедері мен климаттың әртүрлілігі, топырақтарының негізінен кешенді таралуы және өсімдік жамылғысының, түрлік және популяциялық құрамының алуан түрлілігін анықтайды

Алакөл алабының ландшафттық құрылымын компоненттік тұрғыдан зерттеу нәтижесінде аумақтың кеңістіктік ұйымдасуы мен табиғи ерекшеліктері кешенді түрде анықталды. ArcGIS негізінде дайындалған ландшафттық карта өңірлік жоспарлау мен экологиялық мониторингте пайдалануға болатын маңызды ғылыми құрал.

Зерттеу нәтижелері өңірді экологиялық жоспарлау, табиғатты пайдалану және мониторинг жүргізу салаларында қолдануға мүмкіндік береді. Ұсынылған карта табиғи-территориялық кешендердің динамикасын болжауға ғылыми негіз болады.

Зерттеу нәтижелері болашақта табиғи-ресурстық әлеуетті бағалау мен ландшафттық тұрақтылықты болжау мақсатында кеңінен қолданылуы мүмкін.

Деректер:

Қалмырзаев, Қ.Қ. (2012). Геоэкология негіздері. Алматы: Қазақ университет, 280 б.

SRTM жобасының сайты. URL: <http://srtm.csi.cgiar.org>

ESRI. ArcGIS Pro Documentation. URL: <https://pro.arcgis.com>

Landsat Missions. URL: <https://www.usgs.gov/landsat-missions>

Қазақстан Республикасының Ұлттық атласы. (2010). Табиғи жағдайлары мен ресурстары. Алматы. 150 б.

Веселова, Л.К., Гельдиева, Г.В. (2008) Қазақстан Республикасының ландшафтық картасы (1:1 500 000). Алматы: География институты. 176 б.

Байтілеуова, Н.Т. (2020). Геоақпараттық технологиялар және олардың табиғи ресурстарды басқарудағы рөлі. География және табиғат ресурстары. №4: 45–52.

АНАЛИЗ ГЕОИНФОРМАЦИОННЫХ КОМПОНЕНТОВ И КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЛАНДШАФТНОГО РАЗНООБРАЗИЯ АЛАКОЛЬСКОГО БАСЕЙНА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ARCGIS

Жанар ОЗГЕЛЬДИНОВА¹, Жандос МУКАЕВ²

¹*PhD, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан*

²*Университет имени Шакарима, Семей, Казахстан*
alakol@semgu.kz

Аннотация. В настоящее время эффективное использование природных ресурсов и охрана окружающей среды стали ключевыми направлениями географических исследований. В этом контексте изучение ландшафтного разнообразия Алакольского бассейна имеет важное значение для определения перспектив развития региона.

В статье рассматриваются пространственная организация и компонентные особенности ландшафтных структур Алакольского бассейна. С использованием возможностей географической информационной системы ArcGIS была создана ландшафтная карта на основе пространственных данных. В результате системно-иерархической классификации ландшафтов было выделено 44 различных ландшафтных единицы, которые были всесторонне проанализированы по геолого-геоморфологическим, почвенным и биологическим характеристикам.

Оценка ландшафтного разнообразия исследуемой территории проводилась путем разграничения классификационных категорий на основные и дополнительные: классы (равнинные и горные ландшафты), типы равнинных ландшафтов (степные, полупустынные и пустынные), типы горных ландшафтов (нивальные, горно-луговые, лесные, лесостепные, степные, полупустынные и пустынные), а также подтипы (северостепные, южностепные, северопустынные ландшафты). Результаты данного исследования имеют научную и практическую значимость для регионального ландшафтоведения и разработки стратегий рационального использования природных ресурсов.

Ключевые слова: Алакольский бассейн, ландшафтоведение, ландшафтная карта, ландшафтное разнообразие, географическая информационная система ArcGIS, природно-территориальный комплекс.

**«ОРТАЛЫҚ АЗИЯНЫҢ ТАРИХИ ГЕОГРАФИЯСЫ:
УАҚЫТ, КЕҢІСТІК, ЖАДЫ»**

**II Халықаралық конференция
материалдарының жинағы**

Алматы, 3 маусым 2025

**«HISTORICAL GEOGRAPHY OF CENTRAL ASIA:
TIME, SPACE, AND MEMORY »**

**II International Conference
Proceedings book**

Almaty, 3 June 2025

Редакторлар:

Суат Бейлур, Алмас Жүнісбаев,
Альбина Муратбекова, Өмірбек Қанай,

Компьютерде өңдеген және дизайнер:

Марат Мусабеков

Басуға 25.09.2024 жылы қол қойылды.

Пішімі 162x245. Шартты б.т. - 22.

Офсеттік қағаз. Шрифт «Segoe UI».

Таралымы: 250 дана

Қ.А. Ясауи атындағы ХҚТУ, Еуразия ғылыми-зерттеу институты
050004, Алматы қ., М. Мәметова көшесі, 48.

Телефон: +7 (727) 308 06 05

info@eurasian-research.org

